



ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11-12/96 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. В. Ефременко** — Агрономический аспект столыпинской земельной реформы 3
- А. Я. Шевеленко** — Апокалипсис и его сюжеты в истории культуры 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В. Т. Юнгблюд** — Гарри Гопкинс 54

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

- В. С. Дякин** — Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) 39

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Казачья семья Хрипуновых. Воспоминания Е. В. Калабиной. Вступительная статья **В. Л. Гениса**. Публикация подготовлена **В. Л. Генисом** и **О. Ф. Жемайтисом** 73

СООБЩЕНИЯ

- Г. В. Костырченко** — Советская цензура в 1941—1952 годах 87
- В. Н. Савченко** — Восточная Галиция в 1914—1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) 95
- А. В. Сушко** — Духовные семинарии в России (до 1917 г.) 107

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. Н. Кирпичников** — Александр Невский: между Западом и Востоком 115
- Е. А. Паламарчук** — «Первая леди» третьего рейха 119
- О. К. Игнатъев** — В Лиссабоне XVI—XVII веков 124
- Ю. П. Зарецкий** — Эней Сильвий Пикколомини 129

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Л. И. Ивонина** — Тридцатилетняя война и Восточная Европа 134
- С. Н. Погодин** — Вокруг спора двух историков 141
- Э. Э. Шкляр** — Е. С. Сенявская. 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование 146
- В. В. Фарсобин** — В. Б. Конасов. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы 147
- И. В. Павлова** — Сталинское Политбюро в 1930-е годы 149
- А. С. Гроссман** — А. Г. Латышев. Рассекреченный Ленин 151
- Я. Е. Водарский** — К. Н. Тарновский. Мелкая промышленность дореволюционной России 155
- В. С. Коновалов, Ю. И. Кирьянов** — Р. Е. Зелник. Законность и беспорядки на реке Нарве: Кренгольмская забастовка 1872 года 157
- Д. М. Володихин** — М. М. Кром. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI века 160
- Ф. А. Молок** — Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 161

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. В. Малиновский** — Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? 164
- П. М. Золин** — Флот России имеет более древнюю историю 166
- Г. И. Анохин** — Тайные маршруты русов 168
- Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1996 году 171

Агрономический аспект столыпинской земельной реформы

А. В. Ефременко

Столыпинская земельная реформа привлекает внимание историков как опыт решения крестьянского вопроса по воле «верхов». Давая те или иные оценки итогам реформы, авторы основное внимание сосредоточивают обычно на численности и земельной обеспеченности хуторян и отрубников, землеустройстве в целом или на проявлениях социально-политической напряженности в деревне, усиленной столыпинским законодательством¹. Совершенно незаслуженно оставался в тени такой критерий результативности реформы, как агрономическая помощь не только землеустроенным, но и общинным крестьянам. И это несмотря на то, что необходимость изучения столыпинских земельных преобразований с точки зрения их агрономического обеспечения с самого начала признавалась настоящей². Намеченное тогда направление историко-аграрного исследования вплоть до настоящего времени не получило должного развития.

Причина, видимо, в том, что в столыпинское время для этого еще не устоялся характер деятельности земств в данной, сравнительно новой для них области; требовалось и время для ее изучения. Не случайно Б. Б. Веселовский довел свое исследование о земских учреждениях только до конца 900-х годов, когда, как известно, в кооперативно-агрономической деятельности земств наступил качественно новый этап, нуждавшийся в теоретическом осмыслении. Книга А. В. Чаянова «Основные идеи и методы работы общественной агрономии» увидела свет лишь в 1918 году. Единственным значительным изданием того времени по истории земской агрономии мог быть труд В. В. Морачевского «Агрономическая помощь в России» (1914), если б не его преимущественно справочно-статистический характер (автор служил в Департаменте земледелия). В многочисленных статьях и брошюрах агрономов и экономистов-аграрников рассматривался первый опыт организации земской агрономической деятельности. В совокупности с разнообразными документальными источниками эта литература позволяет изучать столыпинскую реформу в качественно ином измерении.

Как свидетельствует исторический опыт, одно лишь право частной земельной собственности без соответствующей финансовой и агрономической помощи со стороны государства и органов самоуправления недостаточно для высокодоходного хозяйствования. Существующее же у некоторых современных авторов мнение, что столыпинские хуторяне смогли еще до

Ефременко Анатолий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Ярославской сельскохозяйственной академии.

войны внести определяющий вклад в сельскохозяйственное производство, не отвечает реальной действительности. Отвлекаясь от идеологических мотивов такого представления о быстром экономическом подъеме хозяйства хуторян, можно сказать, что причиной заблуждения является недооценка роли агрономии при изучении как столыпинской реформы, так и аграрного развития России в целом, поскольку господствующим было и остается представление о главенствующей в них роли поземельных отношений.

Парадоксальным выглядит то, что агрономическое обеспечение уже второй крестьянской реформы совершенно не было предусмотрено ни указом 9 ноября 1906 г., ни законом 14 июня 1910 г., ни даже законом 29 мая 1911 г. «О землеустройстве», принятым уже после вынужденного решения правительства прибегнуть к агрономической помощи земств. И лишь в указе, утвержденном 4 марта 1906 г., помимо цели содействовать «сельским обществам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования», в довольно общей форме выдвигалась и задача установить «более совершенные способы ведения хозяйства на наделных землях»³. Указ был подготовлен при ближайшем участии А. В. Кривошеина (после отставки Н. Н. Кутлера), назначенного временно исполняющим обязанности главноуправляющего землеустройством и земледелием и уже тогда проявлявшего некоторую склонность к сотрудничеству с земствами. В начале реформы, игнорируя земскую агрономическую деятельность, правительство поступало так преднамеренно, рассчитывая, как и после 1861 г., обойтись без пугавшего его контингента агрономов, уже по долгу своей службы состоявших в более тесных отношениях с крестьянской массой, чем другие профессиональные группы земской интеллигенции. К тому же и само земство шло ему в этом навстречу. В 1907—1909 гг., в условиях общей политической реакции, наметилось редкое для органов местного самоуправления и правительственной бюрократии сближение интересов на почве совместной борьбы с демократическими течениями как в земской среде, так и в обществе в целом.

Другая причина состояла в общем волюнтаристском подходе властей к преобразованиям, для которого были характерны кампанейщина, погоня за темпами и хуторомания, вытекавшие из политических целей реформы. Такой подход ярко проявился в первые ее годы, до перехода инициативы из ведомства внутренних дел к Главному управлению землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), с мая 1908 г. вновь возглавленного Кривошеиным⁴.

Результатом столь недаленовидного мышления явилось то, что вопросы внутриобщинного межевания полей были исключены из планов землеустройства, хутора и отруба часто насаждались без учета природных условий, а формы их разбивки не соответствовали элементарным требованиям агрономии⁵. Например, в Ярославской губ. при выделении земли отдельным домохозяевам границы участков определялись в совершенно неприемлемых с точки зрения агрономической организации формах. Подчас воссоздавалась чересполосность между отдельными единоличными владениями и общинными землями. После размещения хозяйств не спрямлялись существовавшие ранее дороги, удлинненные излишними поворотами. При нанесении же на план всей местности землемеры мало считались с возможностями будущего переселения на хутора. Как утверждалось, происходило это лишь из-за отсутствия у населения и правительственных служащих должного взаимопонимания⁶. Не указывалось при этом на такое немаловажное обстоятельство, как несоответствие состава уездных землеустроительных комиссий своему предназначению, о чем вместо ярославцев вынужден был в 1909 г. ставить вопрос сам глава центрального землеустроительного ведомства в докладе П. А. Столыпину. В приложенной к нему аттестации в этой связи говорилось, что неприменный член губернского землеустроительного органа Каротыгин — человек «добросовестный, рыхлый, склонен сомневаться. Глух. Инициативы не имеет». Кобылин, представлявший Мологский уезд, «заболел психически и подал в отставку. Судя по делам, и ранее был болен». Соковнин из Мышкинского уезда «служебной оценке не поддается. Служить не может» и т. д. При таком составе, сожалел

министр, «все усилия ведомства землеустройства приобщить Ярославскую губ. к остальным местностям, где наблюдаются некоторые успехи в деле улучшения условий крестьянского землепользования, разбиваются: среди населения... существует недоверие к работам землеустроительных учреждений». Выход из положения Кривошеин видел исключительно в усилении авторитета власти. Правда, при этом он также утверждал, что принятые меры по землеустройству могли быть проведены в жизнь «лишь при полном напряжении местных сил, причастных к этой работе»⁷. Но агрономы оказывались в составе комиссий лишь в редких случаях по причине все той же антиземской политики, проводившейся правительством с 1864 г. и усиленной послереволюционной реакцией. Именно с нею прежде всего следует связывать «непонимание» соотношения землеустройства и агрономии, существовавшее среди чиновников. Не случайно один из них, А. А. Кофод, писал, что «землеустроитель закладывает фундамент здания крестьянского хозяйства будущего и уступает место агроному».

В то же время он вынужден был признать, что крестьяне больше доверяли тем данным комиссии об уравнивании качественной разноценности земельных участков, которые были подготовлены при участии агрономов. Но это имело место только в тех редких случаях, когда по крайней мере часть общинников заранее могла рассчитывать на отвод им отрубов в определенном месте перекраиваемой площади. Обычно же ко времени производства землеустроительных работ никому из участников еще не было известно место их будущих участков, а земельная расценка делалась посредством жеребьевки, под руководством землемеров, особыми уполномоченными, избранными для этой цели из наиболее опытных крестьян. Но чаще это делалось огульно, по добровольному соглашению сторон при групповом землеустройстве или с использованием денежного или земельного эквивалентов при единоличном межевании.

Вследствие отсутствия общих обязательных правил для уравнивания качества участков, которые могли быть правильно выработаны лишь при наличии агрономов и специалистов-таксаторов, разверстка земли проводилась по-разному. Иногда это делалось исходя из абсолютных величин продажной или арендной ее стоимости, урожайности, а иногда произвольно, когда цена лучшего участка принималась за сто, а остальные оценивались соответственно ниже⁸, в меру самого элементарного житейского опыта землеустроителей. Многие стороны организации дела действительно не были им известны в силу того, что экономисты-аграрники еще не успели к тому времени разработать методические рекомендации по проведению рационального землеустройства, а точнее, они оказывались в этом мало заинтересованными, отдавая предпочтение критике насильственных способов проведения реформы. Недостаточность сведений позволяла без особой оглядки на общественное мнение заниматься землеустройством ради землеустройства по общему трафарету для всех сельскохозяйственных регионов, опираясь исключительно на «здравый смысл», не подкрепленный даже консультацией агрономов.

Политические условия мешали не только экономистам высказываться по существу землеустроительного дела, но и агрономам увязывать свою деятельность с происходившим в деревне перераспределением земли. Объективно перед ними открывались благоприятные возможности реализации уже разработанных основных принципов, форм и методов общественной агрономии, прежде всего в наиболее подготовленных для землеустройства районах. Но и в агрономической среде существовало весьма характерное безразличие к вопросу о землеустройстве. Достаточно сказать, что ни на одном из представительных сельскохозяйственных съездов того времени он вообще не значился в повестках дня общих или секционных заседаний. Отчасти это можно было объяснить новизной, недостаточной еще тогда разработанностью проблемы взаимоотношения обоих компонентов реформы — землеустройства и агрономии, но в основном являлось естественной реакцией на ее направленность.

Так, на Киевском съезде в 1913 г. едва ли не единственным сообщением,

относившимся к земельному делу, был доклад Б. Ф. Малаховского «Организация крестьянского хозяйства при общинном и отрубном землевладении и задачи землеустройства». Главное внимание в нем обращалось, собственно, не на размежевание земель, а на совершенно частный вопрос о запрещении законодательным путем пасти скот на пожнях, что, конечно, поразительно для редкого собиравшегося всероссийского форума агрономов. Тем не менее секция общественной агрономии даже приняла в связи с этим соответствующее постановление, воздержавшись в то же время от каких-либо решений по другим аспектам доклада, выразив лишь пожелание последующего их рассмотрения⁹.

Однако совсем устранившись от обсуждения вопросов участкового земельного устройства присутствовавшим на съезде все же не удалось. Так или иначе они попутно оказывались затронуты во всех основных выступлениях, и особенно в прениях по ним, четко разделивших многолюдную аудиторию по отношению к самой землеустроительной проблеме на две полемизировавшие стороны, представленные северными и южными агрономами. Если первые в своих речах проявляли непримиримость к землеустроительной политике правительства, не учитывавшей экономические и социально-бытовые условия Нечерноземья и в большинстве нарушавшей интересы общинного крестьянства в угоду избранному меньшинству, то вторые, напротив, акцентировали внимание на возможных положительных последствиях реформы для значительного числа крестьянских хозяйств, переходивших к интенсивному земледелию.

Но при обращении к анализу практики землеустройства расхождения между ними тотчас исчезали. В оценке ее все агрономы оказывались единодушны, выражая свое отрицательное отношение к многочисленным фактам принуждения при проведении землеустроительных работ. Особенно нетерпимые случаи отмечались на юге, где и без того ощущалась массовая потребность в переходе к единоличному хозяйствованию. Отсюда крайне категоричная резолюция съезда по докладу Ю. С. Еремеевой «Об условиях агрономической работы в деревне». В ней говорилось, что «направление землеустройства в том виде, в каком оно ведется теперь, съезд признает не отвечающим нуждам широких слоев сельского населения, самую технику землеустройства — в высшей степени несовершенной и на основании этого высказывается за необходимость полного преобразования всей землеустроительной организации»¹⁰. Наряду с этим, уже в самой этой решительности проявилась слабость и неконструктивность работы секции, ограничивавшейся лишь голой критикой реформ, без указания того, в чем именно должно было состоять позитивное содержание программы землеустройства, если бы, как того пожелала часть делегатов, оно перешло в ведение земств. Большинство съезда высказалось вообще против какого-либо участия земств в землеустроительных работах, мотивируя свой отказ тем, что органам местного самоуправления не следовало брать на себя моральную ответственность перед населением за допущенные злоупотребления и что общественным учреждениям нельзя втягиваться в политическую борьбу, вызываемую нацеленностью столыпинской реформы на борьбу не с малоземельем, а малоземельными. Несостоятельность аргументов в защиту «чистоты» земских принципов была очевидной. Самоустраиваясь даже от участия в комиссиях для составления планов разверстания общинных земель, агрономы попадали в самоизоляцию и тем окончательно лишались возможности профессионально влиять на ход реформы. Со своей стороны, ведомство землеустройства не воспользовалось возможностью сделать разъяснения с трибуны сельскохозяйственного съезда.

Но все же правительству пришлось прибегнуть к услугам агрономов после появления первых результатов насаждения единоличных крестьянских хозяйств — для оказания им помощи, чтобы исключить возможность воспроизводства старых способов землепользования. Еще не имея общего плана такой помощи, в главном управлении сочли возможным пока сосредоточить внимание на выдаче ссуд и безвозвратных пособий, разъяснив при этом в циркуляре от 25 апреля 1908 г., что наиболее желательной

формой реализации средств могло быть устройство показательных дворов, дающих наглядный пример ведения хозяйства по-новому. Учитывая также, что предметом внимания будущих землеустроительных агрономов в основном стали бы крестьяне среднего достатка, рекомендовалось устройство показательных хуторов простого организационного плана, главным предназначением которых являлось бы улучшение системы полеводства, обеспечивавшей приемлемую урожайность зерновых и достаточный корм скоту. В документе, подписанном главноуправляющим, тогда еще Б. А. Васильчиковым, особенно подчеркивалось, что «не следует задаваться целью перейти к высоко интенсивным формам хозяйства» и что агрономические мероприятия, следовательно, должны проводиться на участках обычного для данной местности размера с тем, чтобы они имели показательное значение для среднесостоятельных крестьян¹¹.

Для общего руководства этой работой при губернских землеустроительных комиссиях были образованы особые агрономические совещания, в состав которых входили члены самих комиссий, земских управ, инспектора сельского хозяйства и местный агрономический персонал. Последующее расширение районов землеустройства вскоре вызвало ходатайства с мест о создании наряду с губернскими и уездных совещаний, у правительственных же органов не было достаточной уверенности в целесообразности этого, и в развитие неоднократно подчеркивавшегося положения о важности согласования агрономических мероприятий с местными сельскохозяйственными условиями ГУЗиЗ 9 июля 1908 г. разослало циркуляр «О мерах к улучшению полеводства в крестьянских хозяйствах единоличного владения». Действие его охватывало 26 губерний, где хуторские и отрубные хозяйства получили наибольшее распространение. ГУЗиЗ обращало внимание на то, что ввиду многообразия естественно-исторических условий выполнение каких-либо общих программ улучшения крестьянских хозяйств будет невозможно без предварительного сбора конкретного материала.

Получив все собранные под таким углом зрения сведения, губернатор должен был предлагать особым агрономическим совещаниям определить уже окончательные размеры агрономической помощи тем единоличным хозяйствам, экономическое положение которых оказывалось наиболее устойчивым. Учитывая же, что административное деление не совпадало с сельскохозяйственными районами, ведомство признавало необходимым путем сопоставления полученных данных выявить однотипные в земледельческом отношении зоны, чтобы иметь затем основания для проведения агрикультурных мероприятий. Предполагая объединить деятельность губернских агрономических совещаний в масштабах целых сельскохозяйственных областей, главноуправляющий и министр внутренних дел обратились 9 ноября 1908 г. в Совет министров с предложением учредить региональные совещания на постоянной основе.

25 ноября правительство одобрило созыв таких совещаний под председательством лиц, утверждаемых царем по представлениям Совета министров¹². В качестве членов в них должны были входить губернаторы, предводители дворянства, председатели губернских земских управ, по одному представителю от министерств внутренних дел и финансов, по три выборных члена от каждого губернского земства, по два члена от агрономических совещаний при землеустроительных комиссиях, управляющие местными отделениями Крестьянского банка, непременные члены губернских землеустроительных комиссий, правительственные инспектора сельского хозяйства и другие лица, которые, по мнению председательствующих в совещаниях, могли быть им полезны¹³.

Уже сам громоздкий состав совещаний грозил надолго отодвинуть исполнение неплохой идеи¹⁴, а тем временем наметилось явное отставание ведомственной агрономической деятельности от темпов землеустройства. Поэтому, не дожидаясь развертывания правительственной агрономии, Столыпин 19 сентября 1909 г. обратился к губернским предводителям дворянства с телеграфным циркуляром, в котором содержалось указание предложить земствам особо обсудить формы их возможного содействия становле-

нию хозяйств единоличников. При этом внимание гласных обращалось на необходимость увеличить число агрономов, снабжение хуторян улучшенными семенами и племенными производителями, организовывать показательные мероприятия и наладить сбыт продукции, выдавать премии образцовым хозяйствам¹⁵.

Этим слишком запоздалым, через посредников переданным предложением, повторенным в 1910 г., Столыпин был не в состоянии добиться безоговорочного выделения земствами единоличных хозяев в особую группу населения, заслуживавшую предпочтительного внимания агрономов. Достигнутое соглашение носило компромиссный, но отнюдь не добровольный характер. Поступившие в 1913 г. в ГУЗиЗ сведения о ходе оказания земствами агрономической помощи крестьянским хозяйствам единоличного владения свидетельствовали, что только в 14 губерниях она сосредоточивалась в ведении земств. Значительное участие в обслуживании таких хозяйств принимали на себя земства еще в 11 губерниях, где деятельность правительственных агрономических организаций распространялась на районы землеустройства, еще не охваченные земскими планами¹⁶.

Отношение земств к столыпинской реформе отражало в каждом отдельном случае ту или иную степень жизнеспособности общин или, напротив, готовность их к введению частновладельческого хозяйствования. Однако это не означало, что замена старого землевладения на новое должна была происходить в какие-то заранее определенные сроки, указанные «сверху», и к тому же с применением насильственных мер. Даже самые принципиальные противники общин высказывались обычно за оказание агрономической помощи одинаково как хуторянам, так и остальному сельскому населению. Гласный ярославского губернского земского собрания М. А. Ошанин не зря напоминал собравшимся земцам, что «управа никогда не ставила так вопрос, что деятельность приглашаемых агрономов должна ограничиваться лишь хуторянами». Согласно с ним И. Н. Ельчанинов пояснял, что «для земства не должно быть «ни эллина, ни иудея», для него должны быть совершенно одинаковы интересы как хуторянина, так и общинника».

В то же время некоторые земцы склонны были поддержать Столыпина, исходя из ожидаемых финансовых выгод, связанных с оказанием агрономической помощи хуторским хозяйствам. Председатель угличской земской управы Н. А. Карпов, выступая на том же собрании, откровенно заявил, что ему «понравилась одна мысль в речи неумолимого члена землеустроительной комиссии, что организация земством агрономической помощи при участии в расходах правительства будет дешевле. Ввиду этого соображения, я, пожалуй, готов помириться и просить от правительства пособие на пополнение... земских агрономов с тем, однако, условием, чтобы агрономы были поселены в районах наибольшего развития хуторских и отрубных хозяйств и оказывали... помощь как хуторянам, так и остальному населению».

Подводя итоги дискуссии 1909 г. губернное земское собрание, в целом «относясь сочувственно к улучшению крестьянского хозяйства единоличного владения», тем не менее полагало, что «население, остающееся в деревне, в равной мере нуждается в агрономической помощи, и земство должно продолжать в этом направлении свою культурную деятельность»¹⁷. Из этого видно, что Ярославское земство, как и многие другие, принимавшие аналогичные по смыслу постановления, несмотря на свою внешнюю лояльность к правительственной земельной реформе, все же пребывало в некоей внутренней оппозиции по отношению к ней, придерживаясь традиционного принципа оказания помощи всем плательщикам земских сборов. Тем самым земства на вполне законном основании хоть как-то противостояли насильственным методам форсированно проводившейся реформы и тем препятствовали, с одной стороны, преждевременному разрыву общинных связей крестьян и росту избыточности сельского населения, а с другой — чрезмерному увеличению численности экономически слабых хуторских хозяйств, не всегда даже способных должным образом воспользоваться земско-правительственной агрономической помощью.

Правительство и земства объективно решали одну и ту же задачу преобразования отжившей свой век общины, но при этом тактика земств отличалась гибкостью и предусмотрительностью. Расширяя социальную направленность агрономической помощи, земства оставляли без нее лишь бедную часть крестьян, но уже не по своей воле. Но в то время, как они с помощью агрономии создавали дополнительные предпосылки аграрной реформы для продолжения ее на следующих этапах, правительственные органы не могли в полной мере использовать даже существовавший экономический потенциал деревни. Не случайно, многие из выделенцев, и вовсе не из бедных, так и не стали подлинными хуторянами и не в состоянии были стать ими без достаточной для этого финансовой поддержки государства.

Переход к хуторскому землевладению, при всей его экономической выгоде и высокой агрономической целесообразности, не мог не ухудшить материальное положение новых собственников, так как все денежные средства их в начальный период шли главным образом на самые неотложные расходы, связанные с возделыванием залежей или переносом построек. Тем не менее с 1907 по 1913 г. денежное вспомоществование получили лишь 307 365 таких домохозяев, или 27,6% всех перешедших к единоличному землевладению. Общая же сумма выданных им за семь лет пособий и ссуд составила 26,8 млн. руб., или в среднем 87,2 руб. на один двор¹⁸. По признанию Кофода, такими деньгами никого на хутор заманить было нельзя, тем более что почти 95% общей суммы материального содействия при землеустройстве выдавалась в виде ссуд, а безвозвратные пособия составляли только 5%¹⁹. Примечательно, что за данный период ходатайства о финансовой поддержке поступили только от 567 310 единолично землеустроенных хозяев²⁰. Очевидно, это было именно то количество, которое отражало действительные размеры хуторского движения, а остальная масса крестьян, за вычетом пролетаризированного слоя, отдавала предпочтение другим формам землеустройства. Начиная с 1909 г. число ходатайств о собственном землеустройстве опережало количество заявлений об укреплении наделов в форме хуторов и отрубов в 1910 г. в 1,9 раза, в 1911 г. — в 2,8, 1912 г. — в 8, 1913 г. — в 6,9 раза²¹. Общее же число домохозяев, подавших прошения об улучшении землепользования, достигло к 1 января 1915 г. почти 5,8 миллиона²².

Тем не менее правительство, с общим мнением которого вынуждено было считаться ведомство Кривошеина, упорно придерживалось политики, направленной, по сути дела, на раскол потенциально вполне реформируемого крестьянства, требуя от земств расходования средств на агрономическую помощь в районах хуторского землевладения. А чтобы еще сузить возможности кредитования общественной агрономии через земства, создавало свои (землеустроительные) агрономические организации, что вовсе не способствовало успеху реформы, а наоборот, сокращало ее социальную и материальную базу. Противоречивость действий правительства объяснялась стремлением продолжать реформы в ранее заданном направлении и одновременно по возможности нейтрализовать земскую кооперативно-агрономическую альтернативу развития крестьянских хозяйств. Кооперация, агрономия, да и сама хуторизация рассматривались правящими кругами в значительной мере как способ стабилизировать послереволюционную обстановку в деревне.

Деятельность землеустроительных агрономических организаций стала приобретать рекомендованные правительством формы примерно к середине 1909 года. Подбор их агрономического персонала, как и следовало ожидать, зависел от губернаторов, а составление планов агрономической деятельности хотя и поручалось особым совещаниям при губернских землеустроительных комиссиях, но основные ее направления определялись в петербургских канцеляриях. Начальники губерний так усердно выполняли распоряжения министра внутренних дел, что создавали организации даже в тех случаях, когда земства все же постановляли оказывать агрономическую помощь хозяйствам единоличного владения в меньшей степени, чем общинным. Как правило, подобное дублирование объяснялось ссылкой на

то, что земская агрономическая служба еще не настолько развита, чтобы самостоятельно решить такую специальную задачу, какой являлась помощь отрубникам и хуторянам.

К концу 1909 г. агрономические организации при землеустроительных комиссиях возникли в 27 губерниях, а в следующем — в 44. Дополнительных агрономических организаций, как их тогда еще называли, не было лишь в Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской губерниях, где выдел на хутора и отруба шел слабо из-за существования на севере вполне еще дееспособной общины. Что касается Петербургской и Ярославской губерний, то агрономические организации не появились там только потому (попытки создания предпринимались), что земства предусмотрительно поспешили взять на себя их функции. В Ярославской губернии и без того быстро росло влияние правительственной организации отраслевых специалистов и инструкторов, поэтому земские гласные опасались возникновения еще одной конкурирующей организации, грозившей уже окончательно устранить самостоятельность общественной агрономии в губернии. В то же время в Курской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Таврической и Тамбовской губерниях преобладало влияние землеустроительных агрономических организаций над земскими²³.

По общему признанию, они оказались неспособными не только заменить собой земских агрономов, но и справиться с выдвинутыми перед ними ведомственными задачами. «Цель, поставленная Главным управлением землеустройства и земледелия, приближение агрономической помощи к районам землеустройства, — признавал Департамент земледелия, — не везде достигнута в одинаковой степени, главным образом в силу недостаточного развития... агрономической организации»²⁴.

Смысл этого полупризнания виден в свете дополнительных данных. В 1913 г. на правительственной службе в районах землеустройства состояло 375 специалистов с высшим и средним образованием, или меньше шестой части общего их числа в России, а с учетом младшего технического персонала отставание землеустроительной агрономии от общероссийского уровня увеличивалось в 8,2 раза²⁵. Следовательно, в количественном отношении служащие Департамента земледелия в районах землеустройства не в состоянии были заменить земских агрономов. К тому же количество специалистов с высшим образованием среди правительственных агрономов уменьшалось (с 20,7% в 1909 г. до 11,2% в 1911 г.). На службу чаще всего поступали малоподготовленные специалисты, а иногда в штат попадали люди, вообще не имевшие отношения к агрономии и лишь исполнявшие обязанности своего рода чиновников по особым поручениям. Несмотря на малочисленность и сравнительно низкий образовательный уровень служащих, в 1912 г. на их содержание было отпущено 2,4 млн рублей — в 30 раз больше, чем в 1908 г., что составляло 48% всех правительственных ассигнований на оказание агрономической помощи хозяйствам единоличного владения.

В то же время правительственные субсидии земскому персоналу, работавшему в районах землеустройства, в два раза более многочисленному и более высоко подготовленному, составляли 2,6 млн рублей (из запрошенных 3,1 млн)²⁶. Основным критерием при определении размера ассигнований тому или иному земству служило число созданных в течение года хозяйств единоличного владения. Поэтому, обнаружив некоторое несоответствие между испрашиваемыми субсидиями и количеством вновь образованных хуторов и отрубков, Главное управление сократило ассигнования Владимирскому земству на 3,2%, Вольнскому — на 6,3, Полтавскому — на 8,7, Вятскому — на 17,6, Бессарабскому — на 32,7, Псковскому — на 36,1% и так далее²⁷.

Дальнейшее существование землеустроительной агрономии становилось неэффективным и расточительным еще и потому, что разверстание и укрепление земель проводились в соответствии с мирскими приговорами сельского населения, проживавшего отнюдь не всегда компактно. Вследствие этого очаги землеустроительных работ появлялись в разных, часто

довольно удаленных друг от друга местах, а планомерно районированного обслуживания местности из-за недостатка агрономического персонала чаще всего не получалось.

В сравнении с тем, что деятельность земских агрономических организаций все чаще основывалась на рекомендациях ученых, съездов специалистов, статистическом изучении сельскохозяйственной местности и счетоводном анализе экономики крестьянских хозяйств, землеустроительное ведомство в своих наставлениях отставало. Заведующим агрономической помощью указывалось, что ближайшая задача — содействие выработке лишь простейшей системы полеводства, рассчитанной не на перспективу, а на ближайший этап развития, с единственной целью поддержать хозяйства в наиболее трудное для них время перехода к частному землевладению. В этом проявлялась старая традиция попечительства, усвоенная еще Министерством государственных имуществ по отношению к казенным крестьянам, но одновременно — и неспособность землеустроительных органов удовлетворить агрономические запросы подопечного им населения, возраставшие по мере постепенной хозяйственной адаптации его к изменявшимся поземельным условиям.

С момента появления на одном и том же поприще двойной агрономии в земских кругах возник вопрос о необходимости всю агрономическую помощь хуторянам передать в ведение органов самоуправления. Становилось ясно, что землеустроительные агрономы больше выполняли роль своеобразных агентов ГУЗиЗ, в частности, давая заключения по ходатайствам земств о предоставлении им финансовой помощи. «В самом деле, — говорилось в докладе губернского агронома Московского земства В. А. Владимирского, сделанном им в Обществе русских агрономов в 1910 г., — почему помощь земству должна оказываться... командированием людей, а не отпуском денежных средств?.. Если земство в чем нуждается, то в известном материальном содействии. Распоряжение этими средствами, их использование должны быть предоставлены всецело самому земству»²⁸.

Занятая Владимирским, имевшим большой авторитет в агрономических кругах, принципиальная позиция во многом способствовала распространению пропагандируемого им тезиса о введении земской агрономической помощи, единой для всех категорий крестьянских хозяйств. В Смоленской губернии на проходившем в конце 1910 г. съезде специалистов было принято постановление, что «при... организации агрономической помощи будут одинаково обслуживаться как общины, так и хозяйства единоличного владения. Поэтому необходимо сосредоточить все агрономические мероприятия в руках земства с материальной помощью по крайней мере в половинном размере со стороны правительства». Примечательно, что из среды присутствовавших на съезде агрономов, состоявших на землеустроительной службе, никаких по этому поводу протестов, выступлений с доказательством необходимости специальных хуторских агрономов — не последовало, губернское земское собрание вскоре постановило выработать план организации единой земской агрономической помощи²⁹.

Подобные решения принимались весьма часто. Расширявшееся год от года движение, направленное против существовавшей, наряду с земской, правительственной агрономической организации, заявило о себе в докладе В. А. Онуфриева на сельскохозяйственном съезде 1913 г., с весьма характерным названием «Условия, тормозящие нормальное развитие агрономической работы». Заключение по его докладу, принятое съездом, оказалось не менее категоричным, чем по вопросу об отношении к землеустройству в целом. «Съезд, — говорилось в нем, — отмечает всю бесцельность и вредность существования двух параллельных агрономических организаций — земской и землеустроительной, и находит, что вся агрономическая помощь на местах должна быть сосредоточена в руках земств, а там, где их нет, в руках местных общественных организаций»³⁰.

В деятельности ГУЗиЗ, связанной с организацией агрономической помощи, можно выделить по крайней мере три этапа, характеризовавшие проводимую реформу в целом и свидетельствовавшие о некоторых мало-

значительных попытках учитывать настроения в земствах. Первый из них начался с упомянутого уже циркуляра председателя Совета министров губернским властям о необходимости поскорее вводить на образовавшихся хуторах и отрубях улучшенные приемы ведения хозяйства, а точнее, наверное, с того момента, когда закончилась декабрьская сессия очередных земских собраний и стали известны их решения об отношении к хозяйствам единоличного владения.

Уже 18 декабря 1909 г. Кривошеин разослал губернаторам циркуляр, в котором излагались главные на тот момент довольно жесткие условия получения земствами денежных пособий. В основе их лежал обычный бюрократический принцип: не слишком считаться с местными особенностями, но зато предоставлять чиновникам достаточно способов по-своему решать вопрос о выдаче или невыдаче пособий земствам. Указав, что главной своей задачей ведомство считает «попечение о сельском хозяйстве в широком смысле», он, однако, разъяснял, что имеет в виду кредитование земств исключительно «для улучшения полеводства на участках единоличного владения». Чтобы полностью исключить финансовые траты на нужды общинников и тем самым принудить их быстрее примкнуть к хуторскому движению, выставлялись следующие требования к земствам: агрономические мероприятия должны вести к непосредственным практическим результатам, а постоянным местопребыванием агрономов должны быть центры расселения крестьян на хутора и отруба; помогать следовало лишь там, где число хозяйств единоличного владения достигнет значительной цифры; земские ассигнования должны были составлять не менее половины той суммы, которая потребуется для данной местности, при этом главным критерием распределения средств считалось «число крестьянских хозяйств, устроенных на единоличных участках»³¹.

Все же понимая вредность одновременного существования двух агрономических организаций, Главное управление в 1910 г. внесло ряд коррективов в отношения с земскими учреждениями по вопросу использования в их агрономической деятельности правительственных кредитов. На этот раз отпуск средств не ставился в зависимость от обязательных ассигнований равных сумм с их стороны. Признавалось лишь необходимым, чтобы земства выделяли приблизительно одинаковые с Департаментом земледелия ассигнования на организацию агрономической помощи в районах хуторского расселения. И только в тех случаях, когда ими не обеспечивалось бы приближение агрономической помощи к сельскому населению вообще или к районам землеустройства, она должна была организовываться правительственными служащими.

Казалось бы, наконец-то начиналось равноправное сотрудничество центрального органа с земствами. В 1910 г. размеры пособий земствам составили уже 44% к общей сумме ассигнований на агрономическую помощь в районах землеустройства (в 1909 г. — 22%), а в 1911 г. — 50%, в 1912 г. — 52%. На самом же деле и землеустроительное ведомство и земские учреждения довольно неохотно шли навстречу друг другу и трудно было рассчитывать на согласованность и единство их действий в вопросах агрономической помощи сельскому населению.

Наметившемуся сближению по-прежнему препятствовал ряд разъединявших факторов. Общее направление оказания помощи хозяйствам единоличного владения возлагалось на агрономические совещания при землеустроительных комиссиях — якобы только для достижения «желательной планомерности и согласованности мероприятий с требованиями землеустройства». Но, зная их состав, можно было заранее предположить, кому на самом деле будет принадлежать решающее слово при рассмотрении тех или иных агрономических вопросов. По условиям, выдвинутым ведомством, чтобы отпуск средств на развитие земской агрономии считался оправданным, земства обязаны были включать в экономические советы — наряду с инспекторами сельского хозяйства и представителей землеустроительных организаций, с которыми обсуждались бы намечаемые агрономические мероприятия. Дополнительно земства должны были принять на

себя обязательство своевременно представлять финансовые отчеты по тем видам агрономических работ, которые проводились в районах землеустройства. Все это якобы служило залогом «успешного сотрудничества правительственных и земских учреждений в работе по улучшению крестьянского землепользования»³², а по существу, помогало сужать агрономическую деятельность до пределов столыпинской хуторизации, с чем, естественно, земства примириться не могли. Отсюда заминки в кредитовании ряда земств в ответ на их стремление оказывать помощь оставшимся в общинах крестьянам³³.

Противоречия и несогласованность между центральным органом и ведомствами отражали противоречивость самих преобразований, которую в свою очередь олицетворял глава ведомства Кривошеин. Сменив в мае 1908 г. князя Васильчикова, деятеля консервативных убеждений, он довольно успешно проделал эволюцию от умеренного консерватора до либерала центристского направления, стремясь опираться на людей, веривших, что «только в тесном единении с общественностью и слиянии с ней государственность может вести Россию по правильному пути». Это его постепенно формировавшееся кредо, воплотившееся в частности в выдвижении на должность директора Департамента земледелия земца графа П. Н. Игнатьева, под конец его служебной карьеры вылилось в лаконичную формулу «мы и они».

Под этими словами имелась в виду проблема взаимоотношений правящих верхов и земской общественности. Но насколько идиллически преувеличенно министр представлял свою роль в ее решении, видно из слов, произнесенных им в июле 1913 г. в Киеве при открытии сельскохозяйственной выставки. «Шесть лет тому назад, — говорил он, — вступая в управление ведомством, я изложил... свою точку зрения на руководство им. В таком огромном государстве, как Россия, нельзя всем управлять из одного центра, необходимо призвать на помощь местные общественные органы и силы, в распоряжение которых нужно предоставить материальные средства. Эта точка зрения... сделалась руководящим лозунгом всей моей деятельности. Я всегда старался привлечь к работе возможно больше общественных местных сил. В земстве мои стремления нашли живой отклик, и я радуюсь, что земства всегда шли со своими нуждами в мое ведомство. Я уверен, что недалек тот час, когда настанет тесное сближение земства и моего ведомства.

Сделанное Кривошеиным заявление не понравилось ни тем, кого он обозначил «мы», ни тем, кто были «они». Да и сам он, взбудоражив всех своим выступлением, вероятно, не до конца верил в произнесенное. Игнатьев, хорошо знавший своего шефа, говорил, что «Кривошеин был бюрократом по крови и воспринимал общественность не по нутру, а по умственному убеждению»; сын же Кривошеина в книге о нем добавлял, что «было бы ошибочно изображать его либеральным сановником... Придавая капитальное значение согласию правительства с общественным мнением... он был связан определенными взглядами носителя верховной власти на тех, кто был для него «они»³⁴.

Отсюда понятна нерешительность и половинчатость попыток руководимого Кривошеиным ведомства шире развернуть реформаторскую деятельность с опорой на агрономические силы, имевшиеся в распоряжении земств. Говоря о стремлении «привлечь к работе возможно больше общественных сил», он одновременно должен был помнить о том, что условия передачи земствам функций агрономической помощи в районах землеустройства в 1913 г. не позволяли сделать это в полной мере.

Стремясь на словах передать свою агрономическую организацию в ведение земств, ГУЗиЗ вместе с тем выдвигало заведомо неприемлемые условия, имевшие дискриминационный характер и трудновыполнимые. О стремлении правительства и дальше опекать становившуюся на ноги земскую агрономию свидетельствовало требование представлять планы работ на ближайший ряд лет с указанием образовательного ценза, практической подготовки персонала и всех издержек по выполнению плана.

Получив такие сведения, каждый руководящий чиновник мог теперь примерить то или иное из намеченных земских агрономических мероприятий к своему представлению об условиях ценза и попросту отказать в дотациях.

Однако на земства эта угроза практически мало подействовала. Число их, полностью взявших в свои руки дело агрономической помощи землеустроенным хозяйствам, не росло, и поэтому ГУЗиЗ вынуждено было заполнять учрежденные должности агрономов своими специалистами. В 1914 г. их численность, по сравнению с предыдущим годом, увеличилась на 33,8% и составила уже 427 человек, или более четверти находившихся на земской службе. Количество же последних за этот год возросло на 15,2%. Таким образом, условия передачи агрономической помощи от правительственной организации земским специалистам способствовали лишь своего рода оправданию сохранения этой неэффективной организации, хотя к 1912 г. под воздействием общественного мнения наметилось некоторое уменьшение контингента правительственных агрономов. Теперь же, наоборот, на фоне относительного снижения темпов роста числа земских агрономов расширение казенных агрономических организаций происходило главным образом в тех губерниях, где они и без того существовали в довольно крупных размерах, — Ковенской, Самарской, Тульской, Харьковской. Заметное увеличение землеустроительного агрономического персонала в это время происходило и в Вологодской, Вятской, Пермской губерниях³⁵. Строго централизованная правительственная агрономическая организация обнаруживала свою неспособность обслуживать реформу, главным образом по причине бюрократического стиля деятельности ведомства, для которого так называемые государственные интересы оказались важнее крестьянских. С начала 90-х и до середины 900-х годов, когда земская агрономия находилась в стадии организационного становления, правительственная сельскохозяйственная служба играла положительную роль, возбуждая общественный интерес к агрономической деятельности и подталкивая земства к более активной работе в этой области. Но после того, как земские агрономические организации приобрели вполне законченные формы и приступили к выполнению намеченных программ, надобность в сохранении за правительственными учреждениями функций непосредственной агрономической помощи населению миновала.

Даже несмотря на свой сословный характер, земское самоуправление было более приспособленным к выполнению этих функций, так как земские люди знали хозяйственные нужды крестьян глубже, чем столичные чиновники, обладая к этому времени богатым статистическим материалом, полученным на основе подворных переписей, изучения крестьянских бюджетов и составления ежегодных сельскохозяйственных обзоров и сводок. А главное, уже появились кадры, способные при благоприятных условиях проводить в жизнь научно обоснованную программу помощи крестьянским хозяйствам.

Примечания

1. КОФОД А. Русское землеустройство. СПб. 1914; ВАСИЛЬЕВСКИЙ Е. Г. Идеиная борьба вокруг столыпинской аграрной реформы. М. 1960; ДУБРОВСКИЙ С. М. Столыпинская земельная реформа. М. 1963; Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л. 1984; ГЕРАСИМЕНКО Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов. 1985; АВРЕХ А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М. 1991; ЗЫРЯНОВ П. Н. Столыпин без легенд. М. 1991; его же. Крестьянская община Европейской России в 1907—1914 гг. М. 1992; КРИВОШЕИН К. А. Александр Васильевич Кривошеин. М. 1993.
2. МАЦЕЕВИЧ К. А. Наиболее важные черты общественной агрономии. — Агрономический журнал, 1913, № 1, с. 116—117.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26. Ст. 24478.
4. Известия Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), 1908, № 22, с. 426.
5. ПЕРШИН П. Н. Землеустройство и агрономия. В кн.: Земельное дело. М. 1923, с. 96.
6. Землеустройство 1913 года. Ярославская губерния. Ярославль. 1914, с. 9.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1291, оп. 120, д. 34, л. 1—3об.
8. См. КОФОД А. Ук. соч., с. 76—78, 172.
9. Труды 1-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1—10 сентября 1913 г. Вып. 1. Киев. 1913. Постановления съезда, с. 7.
10. Там же. С. 5.
11. Известия ГУЗиЗ, 1908, № 19, с. 373.
12. Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1907—1908 гг. СПб. 1909, с. 59—67.
13. Известия ГУЗиЗ, 1911, № 43, с. 1017—1019; № 44, с. 1038—1041.
14. Единственные в своем роде областные совещания были созваны лишь в сентябре 1911 г. в Харькове и Саратове. Но влияние их на организацию агрономической помощи хозяйствам единоличного владения оказалось скорее негативным, так как камнем преткновения послужил вопрос о финансировании агрономических мероприятий, и было ясно, что правительство отнюдь не собиралось воздерживаться от попыток и дальше оказывать давление на земства.
15. Известия ГУЗиЗ, 1909, № 44, с. 979—980; Землеустройство (1907—1910). СПб. 1913, с. 59.
16. Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1912 г. СПб. 1913, с. 59.
17. Журналы Ярославского губернского земского собрания и доклады очередной сессии 1909 г. Ярославль. 1910, с. 171, 172, 176, 178.
18. Вестник финансов, промышленности и торговли, 1915, № 4, с. 156.
19. КОФОД А. Ук. соч., с. 156.
20. Известия ГУЗиЗ, 1908, № 51, с. 954.
21. КРИВОШЕИН К. А. Ук. соч., с. 96.
22. Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г. Пг. 1915. Приложения, с. 11.
23. Вестник сельского хозяйства, 1911, № 1, с. 5; Агрономический журнал, 1913, № 4, с. 70, 72.
24. Агрономическая помощь в районах землеустройства. СПб. 1911, с. 71.
25. Там же, с. 21.
26. Агрономический журнал, 1913, № 4, с. 72.
27. Агрономическая помощь в районах землеустройства, с. 12, 16—17.
28. ВЛАДИМИРСКИЙ В. А. О взаимоотношениях земской и правительственной агрономии. Вестник сельского хозяйства, 1911, № 4, с. 4, 5; № 5, с. 6.
29. Вестник сельского хозяйства, 1911, № 17, с. 7—8.
30. Труды 1-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1—10 сентября 1913 г. Вып. 1. Постановления съезда, с. 5.
31. Земское дело, 1910, № 2, с. 90—97.
32. Землеустройство (1907—1910). СПб. 1911, с. 66—68; Агрономическая помощь в районах землеустройства, с. 3—5.
33. Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1914 г., с. 1, 38.
34. КРИВОШЕИН К. А. Ук. соч., с. 138—141.
35. См. Вестник сельского хозяйства, 1915, № 1, с. 15.

Апокалипсис и его сюжеты в истории культуры

А. Я. Шевеленко

Примерно 1900 лет тому назад было написано на древнегреческом языке «Откровение св. апостола Иоанна Богослова», обычно именуемое вкратце Апокалипсисом («Откровение» по-греч.). Вокруг него на протяжении всех истекших с той поры столетий не утихали страсти, вспыхивали споры, его текст комментировали, фрагменты из него использовали в узкоспециальных и в популярных сочинениях, с его помощью обличали еретиков, на него ссылались в проповедях и молитвах, вокруг него воздвигались и рушились многочисленные научные гипотезы. Попытаемся показать в данной связи, какое место занял Апокалипсис в истории культуры и какое оказал воздействие на ее развитие.

Этот удивительный памятник человеческой мысли в первую очередь повлиял на поступательное движение духовной и общественной жизни христианского мира. Он представляет собой сочетание не поддающихся моментальному истолкованию образных видений, предсказаний — одновременно ужасающих и вселяющих в «истинно верующих» надежду на спасение, а также содержит некоторые исторические сведения. Но данное откровение — не единственное в истории. Иудаизм и раннее христианство знали много апокалипсисов. Их происхождение связано с трагическими поворотами в судьбе сначала древних евреев, а затем их соседей на Ближнем Востоке и всех первых христиан, когда обрушившиеся на них несчастья вызывали настроения общего упадка и глубокой подавленности либо, наоборот, порождали стремление к борьбе за существование, за обновление жизни и мечты о лучшем будущем. В такие времена неординарные личности с экзальтированной натурой и фанатики обращались к толпе и пророчествовали о грядущем или же брались за перо, чтобы донести до умеющих читать то, что подсказывали им душевные страдания, воспаленный ум и неистовое религиозное рвение.

Напомним содержание «Откровения Иоанна» (чтобы яснее было дальнейшее изложение). Бог дал откровение Христу, чтобы показать людям близкое грядущее. Христос послал ангела передать откровение Иоанну, который находился на о-ве Патмос (в Эгейском море, у берегов Малой Азии), попав туда за слово Божие, и услышал трубный глас: запиши увиденное и сообщи церквям в Эфесе, Смирне, Пергаме, Тиатире, Сардах, Филадельфии и Лаодикее. Последовали видения: Сын Человеческий на небе с 7 звездами в руке; небесный престол и вокруг лев, телец, человек и орел;

Шевеленко Анатолий Яковлевич кандидат исторических наук.

у Сидящего на престоле книга с 7 печатями. Агнец снимает 4 печати и появляются всадники победы, раздоров, меры и смерти; за снятием 5-й печати воззвали убиенные за веру, после 6-й началось землетрясение, «пришел день гнева Его». Ангелы удерживают дуновение вредоносных ветров, пока не будут запечатлены по 12 тыс. праведников от каждого из 12 колен Израилевых (гл. I--VII).

За снятием 7-й печати происходят затмение на небе и всяческие несчастья на Земле, появляется зверь из бездны. Небесные голоса возвещают, что мир стал «царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков», наступило время судить мертвых. На небе видна беременная; 10-рогий и 7-главый дракон хочет съест новорожденного, который должен «пасти все народы»; архистратиг Михаил низвергает дракона. Из моря выходит 10-рогий и 7-главый зверь, из земли — 2-рогий зверь, заставляющий людей признать власть 10-рогого, число которого 666 (гл. VIII—XIII).

Агнец и 144 тыс. запечатленных внимают небесному пению на горе Сион, ангелы возвещают волю Божию, грешники истекают кровью. Песнь Моисея и песнь Агнца: «Чудны дела твои, Господи», ангелы изливают чаши гнева Божьего. Бесы собирают силы воевать с Богом в местности Армагеддон, происходит страшное землетрясение. Видна блудница-Вавилон верхом на 10-рогом и 7-главом звере, который «был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель». Ангел поясняет: 7 голов это 7 царей, из них «5 пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть», а зверь это восьмой царь, он погибнет, блудница же есть великий город, царствующий над всеми (гл. XIV—XVII).

Звучат небесные голоса, виден небесный всадник по имени «Слово Божие». Войско зверя побеждено, дракон закован в цепь на 1 тыс. лет, низвергнут в бездну и опечатан, а не поклонившиеся ему воскресли из мертвых на 1 тыс. лет. Затем временно освобожденный Сатана призовет Гога и Магога и опять двинется на битву, вновь будет побежден и обречен на вечные мученья. Бог судит мертвых по Книге жизни, грешники вторично умирают, появляются новые небо, Земля, а также невеста Агнца — чудесно изукрашенный небесный Иерусалим; праведники, записанные в Книгу жизни, будут вечно под Богом. Прошлое ушло навсегда, начинается общее блаженство. Ангел приказывает Иоанну не запечатывать написанное, ибо время близко. «Я Иисус ...есмы корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» (гл. XVIII—XXII).

Человеку, знакомому с Ветхим Заветом, при чтении «Откровения» бросается в глаза сходство с предыдущими апокалипсисами: автор, опираясь на уже состоявшиеся события прошлого, преобразует их в фантастические видения настоящего и пророчества о будущем, проникнутые уверенностью в торжестве Мессии. Ближе других к «Откровению Иоанна», текстуально и по сути описываемых событий, находится пророчество в ветхозаветной Книге пророка Даниила (гл. X—XII), написанной в 60-е годы II в. до н. э., когда сирийский царь Антиох IV Епифан своей политикой вызвал в Иудее восстание Маккавеев. Но Даниил получил указание: «сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени» (XII, 4). В «Откровении Иоанна» же дано противоположное: «не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко» (XXII, 10). То есть развязка наступает; вплотную подходит то, о чем предупреждали прежние пророки, а о завершении предсказанного сообщит людям именно этот Иоанн. Призывая, как любой пророк, к перестройке на божественной основе существующего дурного мира, он в качестве апокалиптики верит, что дурное будет уничтожено и воцарится безгрешный мир. Пессимист до наступления Судного дня, он становится оптимистом «после того». Людям открывается надежда. Перед читателем лежит книга, полная драматизма, художественно-поэтическая и мистико-символическая.

Историк заметит, что в «Откровении Иоанна» провозглашаются некоторые такие идеи, которые потом неоднократно разделялись людьми при разных обстоятельствах и в различные эпохи, оказав на духовный мир

христиан огромное воздействие: спасение грешников искупительной жертвой Агнца; выступление Антихриста в образе зверя, дракона, дьявола, Сатаны, змия, бесовских сил; конец существующего света, установление Тысячелетнего царства, второе пришествие Мессии, Страшный суд над людьми, вечное блаженство праведных. Поскольку об этом гласит само Священное писание, почти все христиане, в зависимости от степени веры и обычаев конкретной церкви и секты, всегда рассматривали свою земную жизнь как приуготовление к предопределенному им. Было бы наивно забывать об этом, изучая поведение людей в ходе исторического процесса.

Из других откровений (а их не менее 15), как предшествовавших «Откровению Иоанна», так и подражавших ему, наиболее интересны апокалипсис Петра и апокалипсис Варуха. Автором первого считается апостол, рыбак Симон из Капернаума, которого Христос прозвал Петром («камень») за твердость в вере. В этом откровении описываются Ад и 14 категорий грешников. Автором второго условно считается ученик и сотрудник ветхозаветного пророка Иеремии Варух (рубеж VII—VI вв. до н. э.), предсказывавший накануне вавилонского пленения евреев падение Иудеи. В иудейском варианте откровения Варух остается на горе Сион после разрушения вавилонянами Иерусалима для получения откровения Божьего. В христианском варианте текста он, странствуя по 7 небесам, постигает различные тайны. Наконец, близкие по смыслу откровения вошли в каждое из трех первых евангелий, именуемых за сходство синоптическими (то есть общезглядными): от Матфея (гл. XXIV), от Марка (гл. XIII) и от Луки (гл. XXI). Существует также еще одно «Откровение Иоанна», неканоническое, совпадающее по названию с рассматриваемым, но с другим текстом, нами тут не характеризваемым¹.

Одной из отличительных черт «Откровения Иоанна» является мистика чисел, вообще присущая многим древним цивилизациям. Это относится особенно к числам 7 и 12 (послание Иоанна к 7 церквям, 7 печатей на пророческой книге, 7 звезд в Его руке, 7 горящих светильников вокруг Христа, 7 чаш гнева Божьего, 7 ангельских труб, 12 звезд над небесной женой, дважды по 12 старцев, 12x12 тыс. запечатленных праведников, и т. д.). В истории математики принято связывать эти числа по происхождению с 12-ричной цифровой системой, принятой у шумеров, и с учением пифагорейцев о самодовлеющем значении чисел, среди которых, в частности, 7 отражает мировую гармонию (7 чувствующих отверстий на голове — 2 уха, 2 глаза, 2 ноздри и рот; 7 небесных тел над Землей — Солнце, Меркурий, Венера, Луна, Марс, Юпитер, Сатурн; 7 основных музыкальных нот у европейцев и пр.). «Божественное значение» семерки сохранилось и в фольклоре ряда народов².

«Откровение Иоанна» — христианский памятник. Естественно было бы ожидать от него проповеди идеи непротивления злу, столь явно присущей разным раннехристианским текстам. Ничего похожего! Оно преисполнено неопишуемого гнева против несущих зло и буквально дышит жаждой отмщения, призывает не к смиренной покорности, а к яростной борьбе и пронизано тем духом ненависти к поработителям, который двигал участниками освободительного восстания во время Иудейской войны 60-х годов I в. н. э. против римлян. Это естественно, поскольку речь шла о насилии Римской империи не только над материальной стороной жизни покоренных, но и над их верованиями. Ведь Рим упорно настаивал на обожествлении своих императоров, каждый из которых последовательно становился Богом на Земле. Римляне неоднократно пытались воздвигнуть статуи императоров в иерусалимском храме иудеев и вообще требовали поклоняться изображениям императоров.

У аборигенов же древней Палестины Бог пребывал на небе и повсюду, но никак не мог являться конкретным правителем ненавистного государства, угнетавшего их. Для них и речи не могло идти о каком-либо добровольном сотрудничестве с имперскими властями. Допускалась только суровая необходимость повиновения в сочетании с презрением к угнетателям и постоянным сопротивлением им, тем более что и римские власти не щадили

ни иудеев, ни первых христиан и бесконечное число раз травили их. Согласие признать законной императорскую власть и сотрудничать с ней пришло туда не ранее середины II в., когда в Иудее уже миновали неудачные антиримские восстания 66—73 гг. (при Нероне, Веспасиане и Тите), 116 г. (при Траяне) и 132—135 гг. (при Адриане). Столица Иудеи была полностью разрушена, возросла еврейская диаспора, интернациональными стали ряды христиан, а в умах верующих в единого Бога место земного Иерусалима занял небесный. Теперь христианский идеал грядущего стал универсальным³.

В I в. н. э. такого поворота в умах еще не произошло. Христианство только еще высвобождалось из иудейского кокона и лишь постепенно приобретало черты самостоятельной религии со своей церковью. Вот почему в «Откровении Иоанна» уже наличествуют и Христос как Сын Божий, и спасение верующих жертвой Христовой, но пока отсутствуют причащение, купельное крещение, упоминание о первородном грехе и Троица. Напротив, вместо одного Духа Святого фигурируют целых 7 (III, 1; IV, 5). Себя Иоанн именует настоящим иудеем и шлет проклятия отступникам от иудейства (II, 2, 9, 14, 20; III, 9). 29 раз в «Откровении» встречается Агнец, но не всюду он тождествен Иисусу, налицо некая двойственность. Кроме того, Агнец как бы равен Моисею и к тому же занимает второе за ним место (XV, 3). Среди святых перед престолом Божьим первыми являются иудеи (VII, 4). Иисус есть творение Бога, но не сам Бог. Бог посылает верующим свое Слово через Иисуса, а тот лишь свидетельствует его и передает дальше (I, 1, 2). Агнец пасет верующих, но утешает их Бог (VII, 17).

Этот начальный этап формирования христианской идеологии и церковные библеисты, и светские специалисты, и апологеты атеизма называют иудеохристианством, а «Откровение Иоанна» — первым, самым ранним из дошедших до нас и вошедших в Новый Завет письменных памятников христианства⁴. Так что формально именно с «Откровения» должна была бы начинаться вторая часть Библии. «Откровение» же занимает среди 27 книг Нового Завета, наоборот, последнее место. Почему, скажем ниже.

Иудейско-эллинистический философ Филон Александрийский (20 г. до н. э. — 54 г. н. э.), считающийся идейным отцом христианства и признававший Логос (слово, учение) высшим творением Божьим, нашел в Иоанне одного из прямых последователей, поскольку в «Откровении» Господь получает имя «Слово Божие» (XIX, 13). Кроме того, Филон раньше других сказал, что одной жертвы Христа как посредника между людьми и Богом вполне достаточно для искупления грехов и незачем приносить жертвы без конца, как это принято у иудеев, греков и римлян. По-видимому, Ф. Энгельс ошибался, полагая, что в «Откровении Иоанна» нет никаких следов взглядов Филона⁵.

Вокруг «Откровения» доньше не утихают научные и околонучные споры. Существует свыше 80 его толкований. А наибольшие дискуссии велись и ведутся по двум пунктам: кем был его автор; какова датировка книги. Этот диспут открыли апологеты — христианские писатели II — начала IV вв., защищавшие свою религию и ее устои в эпоху, когда это было еще небезопасно, хотя новая религия уже порвала с иудаизмом и обрела многочисленных адептов в Европе, Азии и Африке.

Виднейшие из апологетов сыграли роль основоположников христианской теологии и догматики. Они активно участвовали в выработке Символа веры, боролись с первыми еретиками, сами впадали в ересь и оживленно обсуждали органичность разных раннехристианских текстов, их пригодность для церковного канона. Апологеты способствовали изменению позиции церкви в ее контактах с Римской империей. Отказавшись от римоборчества и отбросив ненависть к давящему государству, они призывали верующих стать верноподданными. И, в обратном направлении, уверяли правителей, что христиане — хорошие граждане, пригодные и для труда, и для воинской службы, и для уплаты податей. Во многом благодаря апологетам совершился поворот в отношении империи к христианам, открылась дорога к узаконению христианской церкви.

Понятно, что «Откровение Иоанна», исполненное отвращения к Риму, иносказательно названному в нем вавилонской блудницей, уже не привлекало их симпатий. К тому же со времен I в. христианское вероучение продвинулось намного дальше тех азов, которые фигурируют в «Откровении». Вот почему наиболее ранняя христианская книга была канонизирована довольно поздно и заняла в своде Нового Завета лишь последнее место. Да и впоследствии церковь неоднократно колебалась насчет того, нужно ли сохранять в евангельском ряду грозный, мятежный и противоречивый Апокалипсис. Особенно сильные колебания тянулись до конца IV века. Они прослеживаются по фактам канонизации и деканонизации «Откровения Иоанна».

Уже в конце II в. (согласно рукописи VIII в., обнаруженной в XVIII в.) деятели церкви ориентировались на признанный частью их руководящих кругов канон. Он включал 23 книги, среди которых «Откровение» отсутствовало. В следующие полстолетия особенно громко звучали голоса трех крупнейших апологетов — Иринея, Тертуллиана, Оригена. Иринея (130—202, со 177 г. епископ Лугдунский, то есть Лионский), малоазийский грек, пифагореец и платоник, заслугой которого является разработка ряда основоположений христианской догматики, интенсивно истолковывал «Откровение» как важнейший текст, не считая, однако, целесообразным ставить его в один ряд с евангелиями. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (160—220, христианин с 185 г.), латиноязычный карфагенский оратор и писатель, противопоставлявший покоящийся на природном эмпиризме разум и не опирающуюся на доказательства религиозную веру, внес крупный вклад в развитие богословской дидактики. Он весьма интересовался картиной конца света, описанной в «Откровении Иоанна». Ее пропагандировала секта монтанистов, и Тертуллиан вместе с ними выступал против самовластия епископов и за самостоятельность местных церковных общин. Он еще не перешел на сторону империи и оставался ее врагом. Вот почему патмосский пророк и ненавистник Рима был ему близок. И Тертуллиану место «Откровения» в ряду канонических книг казалось абсолютно правомерным.

Один из главных учителей церкви в плеяде представителей ранней патристики, грекоязычный сторонник использования античной учености на пользу христианству, лидер Александрийской богословской школы с 217 г. и Кесарийской богословской школы с 231 г., основоположник библеистики, теоретик катехизаторства Ориген (185—254) усматривал в каждом священном тексте три смысла: телесный, доступный любому; душевный, понятный тонко чувствующим; духовный, постигаемый только мыслителями. Причем внешним сигналом того, что тут заключен высший смысл, должна служить какая-нибудь таинственность, неясность или явная несуразность, заставляющая читателя остановиться и задуматься. Поскольку «Откровение Иоанна» наполнено подобными препонами для беглого понимания, оно очень интересовало Оригена, и он видел в «Откровении» книгу, заслуженно сопоставимую по количеству фантастических картин с другими книгами Библии. Стало быть, ей место именно в Новом Завете. Последний термин, вошедший в употребление около 192 г., уже использовался Оригеном⁶.

Дальнейшие апологеты, большие и малые отцы церкви, продолжали расходиться во мнении относительно значения «Откровения Иоанна». Это отразилось и на ходе официальной канонизации церковных книг, облегченной упрочением положения самой церкви. Но Миланский эдикт 313 г. о свободе исповедования христианства еще никак не касался церковного канона, который был внутренним делом христиан. Затем I Вселенский церковный собор 325 г. в Никее утвердил единосущие Сына с Отцом и предал анафеме арианство с его идеей их равносущия, опубликовал первые семь членов Символа веры и утвердил празднование Пасхи, однако канона его решения не касались. Да и вообще вселенские соборы той поры данной стороной дела не занимались.

Впервые этой проблемой занялся Лаодикейский поместный собор 363 года. Он составил новозаветный ряд из 26 книг, без «Откровения Иоанна». В 367 г. Афанасий епископ Александрийский в своем пасхальном

послании добавил «Откровение» к священному списку, запретив пользоваться прочими началообразующими текстами как вредными. Это было подтверждено Гиппонским поместным собором 393 г., Карфагенскими поместными 397 и 419 гг., а кроме того папой Иннокентием I (402—417 гг.). Так «Откровение Иоанна», пребывая вплоть до Реформации в составе почетного списка у всей тогдашней церкви, оказалось в рамках Нового Завета единственным настоящим пророчеством параллельно с 5-ю «законополагающими» и «историческими» книгами (4 евангелия и Деяния апостолов) и 21-й «учительной» (7 соборных посланий и 14 посланий апостола Павла) ⁷.

Таким образом, Патмос стал географическим местом новозаветной принадлежности, после чего его значение в глазах верующих постоянно росло. В 1088 г. греческий монах Христодул основал здесь Иоаннов монастырь, вскоре превратившийся в почти столь же почитаемую святыню, как гора Афон. В ранне-средневековье остров входил в состав епископства Эфесского (Византия), затем им овладела Венеция. В 1522 г. остров захватили османы, в 1912 г. — Италия, с 1946 г. он принадлежит Греции. В 1964 г. Афинагор патриарх Константинопольский и римский папа Павел VI провозгласили Патмос священным. Все это в свою очередь способствовало упрочению влияния Апокалипсиса на умы верующих.

Кем же был его автор? Апостолом, пресвитером или еще кем-то? Уже самых первых, то есть образованных и знающих читателей, каковых вначале было немного, в какой-то степени настораживал тот факт, что греческий язык его автора стилистически нечист, а лексически богат гебраизмами — заимствованиями из древнееврейского. Поскольку эти заимствования однотипны, их нельзя объяснить ошибками копиистов (оригинал «Откровения» не сохранился, и использовались папирусные копии, которые с III в. переписывались в разных географических пунктах на пергамент). Давно сложилось основанное на особенностях языка «Откровения» мнение о палестинском происхождении данного Иоанна, потом развернувшего свою деятельность в Малой Азии. Если сопоставить его греческий с языком апостола Иоанна, с именем которого связывают четвертое евангелие, то сведущим людям бросается в глаза, что у апостола, тоже писавшего по-гречески, не заметно лингвистических погрешностей подобного рода, хотя и он был евреем (из всех новозаветных авторов лишь Лука — иного происхождения, но все они писали свои труды по-гречески).

Вызывает также недоумение то обстоятельство, что в «Откровении» нет даже намек на апостольство его автора. Согласно традиции, апостол Иоанн, сын рыбака Зеведея из Капернаума и Саломии, родной сестры Пресвятой Девы, являлся таким образом племянником Богоматери и кузеном Христа. «Откровение Иоанна» молчит об этом. Апостол Иоанн был свидетелем прижизненных деяний Христа. «Откровение» молчит об этом. На фундаменте «нового Иерусалима» Иоанн увидел имена всех 12 апостолов Агнца (XXI, 14). Но он пишет об этом, как наблюдатель со стороны, никак не отмечая, что является одним из них. Апостолы приглашаются к ликованию по поводу неудачи «вавилонской блудницы» (XVIII, 20), а очевидец знамения повествует об этом, как некое стороннее лицо, к которому сие событие напрямую не относится. Идеология автора «Откровения» — заклятого врага Римского государства, готового ниспровергнуть его, и идеология смиренного автора четвертого евангелия явно принадлежат разным людям. Наконец, автор «Откровения» сам именуется себя (устахми ангела) вовсе не апостолом, а пророком (X, 11).

Многим, обращавшимся к «Откровению Иоанна» еще во II—III вв., все это было очевидно. Неизбежно вставал вопрос: какой же тут фигурирует Иоанн? Данное имя в древности было распространено не менее, чем сейчас такие имена, как Иван, Иоганн, Жан, Хуан и Джон. Требовалась конкретизация с привязкой к определенному месту, времени и образу действия. Веские контраргументы против апостольского авторства, как раз изложенные выше, приводил один из лучших учеников Оригена, отец церкви Дионисий Великий, прозванный потом «учителем Вселенной». Будучи в 247 ...

264 г. епископом Александрийским, он около 250 г. открыто заявил, что автор «Откровения Иоанна» никак не мог быть апостолом; это — одноименный и тогда же живший пресвитер из Эфеса, где он написал по окончании патмосской ссылки свое сочинение и где находится его могила. Между прочим, могилу Иоанна, как и пещеру на Патмосе, в которой он обитал, по сей час демонстрируют туристам.

В дальнейшем точку зрения Дионисия упорно отстаивали автор 24 поучений об истории христианства Кирилл епископ Иерусалимский (315—386), проповедовавший христианство в Южном Средиземноморье Юнилий Африканский (VI в.), менее известный деятель Амфилохий Иконийский и иные церковные писатели. Некоторые из них полагали, что этим Иоанном являлся Иоанн-Марк, спутник апостола Павла (Деяния апостолов, XIII, 13; XV, 37, 38). Резко возражали против апостольского авторства члены эллинской секты алогов (II в.), не приемлевших самой идеи о Логосе, которой открывается Евангелие от Иоанна (I, 1: «В начале было Слово»). Их поддержал полустолетием позже римский пресвитер Кай, как и они, называвший автором «Откровения Иоанна» гностика Керинфа, жившего в I веке.

Гностицизм — влиятельное философское направление, сложившееся в первые десятилетия существования Римской империи. Его адепты вошли в историю как мыслители, пытавшиеся сочетать воедино тезисы иудаизма, раннего христианства, греко-римских мудрецов и различных последователей ближневосточного язычества. Они преклонялись перед гнозисом, то есть познанием, но видели путь к познанию не через жизненный опыт, а через откровение свыше. Отрицая святость Ветхого Завета и трактуя Иисуса Христа как богочеловека двойственной природы, они учили, что цель прихода Мессии на Землю заключается в открытии людям истины об Отце небесном; когда все, удостоенные того, станут разумными гностиками (то есть познавшими), наступит конец света.

Соответственно Керинф, активно распространявший данное учение, утверждал, что Иисус и Христос — это разные существа. Первый был человеком. Когда он крестился, сошедший с небес Христос слился с ним. Так возник богочеловек. Именно силою Христа Иисус творил чудеса. Потом распяли Иисуса, а вознесся на небо отделившийся от него Христос... Поскольку в «Откровении Иоанна» описан гностический конец света и поскольку к Иоанну пришло гностическое откровение, значит именно Керинф, полагали алоги и Кай, написал это «Откровение», назвавшись популярным именем Иоанна⁸.

Справедливость требует отметить, что сторонников авторства пресвитера, Иоанна-Марка или Керинфа в целом гораздо меньше, чем авторства апостола. Такому раскладу мнений способствовали разноплановые по конкретным взглядам церковные деятели: автор 7 посланий об истории церкви Игнатий Богоносец епископ Антиохийский (ум. в 107 г.), автор двух апологий Иустин Мученик (ум. в 165 г.), Мелитон Сардский, Теофил Антиохийский, александрийский грамматик Аполлоний Дискол, Левкий (все — II в.), Климент Александрийский (впрочем, он колебался), вышеупомянутый Ориген, Мефодий, мученик библиотекарь Памфил, поэт епископ Коммодиан (все — III в.), «христианский Цицерон» Лактанций Фирмиан (ум. в 330 г.), исследователь поэтической метрики римский ритор Гай Марий Викторин (IV в.), Елифаний Кипрский епископ Саламинский (367—403), впервые упорядочивший совокупность христианских верований знаменитый богослов Аврелий Августин Блаженный епископ Гиппонский (353—430), автор ценного «Толкования на Апокалипсис» Андрей Каппадокийский епископ Кесарийский (ум. в 566 г.), автор «Точного изложения православной веры» — самого раннего систематического опыта научного богословия, как будто бы первым заявивший, что логика есть инструмент богословия, а философия — его служанка, чиновник дамасского халифа и монах Иоанн Дамаскин (675—753) и другие. С IX в. сомнения в авторстве апостола практически исчезают, а возобновляются уже в Новое время⁹.

Кажется, что с позиции логики ближе к истине мнение сомневавшихся, хотя у них нет ни окончательных доказательств, ни убедительного

кандидата в авторы. В XVIII в. И. Ньютон, который был не только великим физиком, но также историком-библеистом, привел интересный довод в пользу апостола: изучая и сопоставляя книгу пророка Даниила и «Откровение Иоанна», он ознакомился с сирийским переводом последнего, относящимся к античной эпохе и имевшим такое название: «Откровение, данное евангелисту Иоанну Богослову на острове Патмос, куда он был сослан при кесаре Нероне». Впрочем, сторонников апостола никогда не смущали некоторые фактические несообразности их версии, ибо они изначально считали, что в вопросе о генезисе любой священной книги «церковное предание о ее происхождении важнее того, что вытекает из ее содержания». И когда, например, православная церковь ежегодно отмечает 8 (21) мая и 26 сентября (9 октября) праздник св. апостола и евангелиста Иоанна, в проповедях, как правило, упоминается и Апокалипсис¹⁰.

Обратившись к специальной литературе, увидевшей свет за последнее столетие, можно найти в ней, если отвлечься от мелких разночтений, три оценки. Одна представлена подавляющей массой работ православной направленности, в которых апостольство автора «Откровения» подается как очевидное или почти очевидное¹¹. Отличительная черта второй оценки — критицизм, присущий почти всем работам советских авторов, писавших о первых веках христианства. В таких произведениях 1920-х годов встречаем идеологический налет, порожденный движением воинствующих безбожников. Потом их сменили более серьезные труды знатоков той эпохи. Но и лучшие из них, относящиеся к середине и 3-й четверти XX в., отмечены печатью скептицизма, связанного с научным атеизмом, хотя необходимо подчеркнуть присущую им большую объективность в изложении фактов¹². Третья группа охватывает современных зарубежных библеистов. Остановившись лишь на сочинениях достаточно известных специалистов, принадлежащих к лагерям и католиков, и протестантов (лютеран, кальвинистов, англикан «широкой ветви»), и деистов, не обнаружим в них единой позиции. Все зависит от точки зрения и научных склонностей конкретного автора¹³.

Так что личность написавшего «Откровение Иоанна» остается для человека, жаждущего решительного итога, как бы не уточненной. Полагаем, что немало зависит здесь от возможности обнаружения новых документов той эпохи, что вовсе не исключено.

В историографии проблемы датировки «Откровения» также нет единой точки зрения. Одна из них покоится на убеждении, что когда при императоре Домициане (81—96 гг.) резко усилились гонения на христиан и около 92 г. Иоанн (кем бы его ни считать) был сослан на Патмос, то затем он, освобожденный либо перед смертью Домициана, либо при восхождении на трон следующего императора, Нервы (96—98 гг.), вернулся в Эфес и там написал «Откровение», которое можно даже отнести к началу правления Траяна (98—117 гг.)¹⁴. Это означает, что он стал автором «Откровения» незадолго до своей кончины, каковая в случае с апостолом приходится на время между 100 и 106 годами.

Другие датируют «Откровение Иоанна» концом 60-х годов I века. Они полагают, что Ириней Лугдунский, авторитетно отнесший упомянутые в нем события к правлению Домициана, имел в виду иное лицо. Дело в том, что текст у Иринея читается неясно: возможно, там говорится не о Домициане, а о Домиции. А это в корне меняет ситуацию, поскольку так звали другого императора: Клавдий Цезарь Нерон Домиций, который правил в 54—68 гг., и при нем также имели место зверские преследования христиан. Такая датировка подтверждается и сопоставлением всех исторических свидетельств, встречающихся в «Откровении» и прочих источниках I—II веков. Достаточно напомнить хотя бы, что в «Откровении» (XI, 1—2) говорится об иерусалимском храме как о существующем. А ведь он был разрушен римлянами в 70 году.

Существуют и иные доводы. Они связаны с толкованием звериного числа 666 («Откровение», XIII, 18). У древних евреев и древних греков (потом это отчасти заимствовали римляне) числа изображались буквами

алфавита. Трудность заключается в том, что почти любое большое число можно было составить из разных букв. Отсюда — множественность толкований числа 666. Уже со II в. едва ли не каждый, писавший об «Откровении Иоанна», искал свою комбинацию.

Ириной считал, что тут назван некий Еуанфас (Е=5, У=400, А=1, Н=50, Ф=9, А=1, С=200). Другие (к ним принадлежал и Ньютон) выявляли «имя зверя, или число имени его» (Откровение, XIII, 17) в виде слова «латинский», то есть римский правитель (lateinos: Л=30, А=1, Т=300, Е=5, И=10, Н=50, О=70, С=200). Третьи читали: Теитан (Т=300, Е=5, И=10, Т=300, А=1, Н=50), то есть Титан. Как известно, Титан восстал в античном мифе против главного Бога. Иоанн тут символизировал императора, поднявшегося против христианского Бога. Четвертые вычитывали: Арноуме (А=1, Р=100, Н=50, О=70, У=400, М=40, Е=5). Это латинская форма древнегреческого Арноумай (одна из глагольных форм слова «отрицаю»). Подразумевалось отрицание Римом христианства.

Главное толкование, принятое большинством, — Нерон (с характерным для древнего правописания отсутствием некоторых гласных — НРОН КСР: Нерон кесарь; Н=50, Р=200, О=6, Н=50, К=100, С=60, Р=200 в древнееврейских буквах). Любопытно, что в самых старых списках «Откровения Иоанна» вместо 666 приведено число 616. Но и оно подходит, так как в древнееврейском конечное Н в имени отпадало, как, например, и в именительном падеже латинского Неро. Одним из ярких пропагандистов этой точки зрения являлся Энгельс¹⁵, опиравшийся на работы ряда немецких библиистов XIX века. Поскольку в СССР мнение основоположников марксизма считалось истиной в последней инстанции, советские историки на протяжении десятков лет безоговорочно повторяли это мнение.

Специалисты, согласившиеся на Нерона, помимо этого так дополнительно аргументировали свой взгляд. В «Откровении» (VI, 2, 4, 5, 8) упомянуты четыре апокалиптических всадника: с луком на белом коне, с мечом на рыжем коне, с весовой мерой на черном коне и смерть на бледном коне. Лучник символизировал знаменитых в то время лучших стрелков из лука — парфян, наводивших ужас на римлян. В 62 г. скакавшее исключительно на белых лошадях парфянское войско, разбив римские легионы, заставило Нерона согласиться с воцарением в Армении парфянского ставленника Тиридата I. Иоанн радовался появлению всадника Победы над ненавистными римлянами.

Обладатель меча — всадник Раздора, обозначавший вспыхнувшее в начале 60-х годов восстание бриттов во главе с Боудиккой, в результате которого, как потом писал Тацит, пало 70 тыс. римлян. Этот разлад в империи лил елей на сердце Иоанна. Всадник с весами символизировал нехватку хлеба и голод при Нероне, когда плебс был возмущен привозом из Александрии на кораблях песка для цирковых арен вместо египетского зерна. А смерть обозначала гибель невинных христиан от зверя Нерона. Кроме того, когда Нерон взошел на трон, официальное написание его имени было таким: Nero Claudius Caesar Augustus Germanicus. Оно состоит из 36 букв. Если каждой придавать последовательно числовое значение, нарастающее от 1 к 36 на единицу, то $1 + 2 + 3 + \dots + 36 = 666$.

Время написания «Откровения Иоанна» уточнялось следующим образом. Иоанн (XVII, 3, 8—11) видит семиглавого зверя, а ангел говорит ему: «Зверь был и нет его, и явится... Семь голов суть ...семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель». Излагаем ход рассуждений в четком толковании Энгельса: под царями имелись в виду первые императоры — Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба. Пятеро уже отцарствовали. Шестой, Гальба, правил с июня 68 г. до января 69 г. и погиб в результате заговора, а императором был провозглашен Отон, седьмой по счету, правивший до 15 апреля 69 года. Слова ангела Иоанн относил к правлению Гальбы, и ангел предсказывал то, что Иоанн уже знал потом, когда в Эфесе написал свое «Откровение»: «пять пали, один есть, а другой еще не пришел».

Зверем же, восьмым, был Лженерон, существовавший ранее в качестве Нерона и появившийся в 69 г. на эгейском о-ве Китнос, неподалеку от Патмоса, а затем погибший («зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель»). Таким образом, «Откровение Иоанна» можно датировать 69 годом.

«Воскресший Нерон», которого испуганные современники видели в Лженероне, — по-латыни будет *Nero redivivus*, что в числовой комбинации тоже равно 666. Понимание в качестве «зверя из бездны» именно Нерона, а в качестве восьмого — Лженерона, присущее на протяжении XIX в. всей немецкой науке, а также ее иноземным сторонникам, подытожил тогда всемирно известный античник Т. Моммзен¹⁶. Эта точка зрения господствовала и в советской исторической литературе. Она (или близкая к ней) сохранилась и в советских справочных изданиях.

Тем не менее, порой встречались отклонения. Их прозелиты исходили из понимания неоднородности «Откровения Иоанна». Анализ текста Апокалипсиса привел их к мнению, что эта книга состоит из двух главных частей. Герой первой — Агнец, старинный иудейский символ судьбы богоизбранного народа; герой второй части, возникшей несколько позже, когда раннее христианство сделало очередной шаг, отдаляющий его от иудаизма, — Иисус Христос. Еще в середине XVII в. Гроций (голландский юрист и историк Г. де Гроот), ратуя за светскую науку, свободную от влияния богословия, предположил, что «Откровение Иоанна» написано не одним автором и не единовременно. А обстоятельно исследовавший «Откровение» на рубеже XIX—XX вв. протестантский теолог Ф. Шпитта наметил даже три этапа его создания.

Из отечественных специалистов наиболее убедительно близкую версию разработал Р. Ю. Виппер, который пришел к выводу о механическом соединении в «Откровении» двух сочинений. Одно было написано как политический памфлет в дни Иудейской войны. Оно-то и относится к 69 году. Другое явилось «попыткой христологического приспособления этого революционного манифеста» и должно датироваться рубежом I—II веков. Кроме того Виппер, осуществив ряд тонких наблюдений над содержанием «Откровения», высказал и довольно убедительно обосновал точку зрения, что автор «Откровения», близкий по происхождению или по профессии к городским ювелирам, вращался в торгово-ремесленных кругах Восточного Средиземноморья, тесно связанных экономическими и культурными контактами с Западным Средиземноморьем. Сегодня двойную датировку приняли и наиболее сведущие отечественные ученые¹⁷.

Особую позицию в вопросах авторства и датировки «Откровения Иоанна» занимал видный народоволец, а впоследствии известный ученый Н. А. Морозов, проведший почти четверть века в одиночке Шлиссельбургской крепости и досконально изучивший там «Откровение». Он подошел к этому тексту как астроном, знавший детально также, где и когда происходили в древности природные катаклизмы, и установил тщательными исчислениями, что речь идет о землетрясении, сопровождавшемся грозами и состоявшемся в районе Патмоса 30 сентября 395 г. юлианского календаря. Наблюдавший его Иоанн, «астрологически образованный» человек, передал увиденное образно. «7 духов ... пред престолом Его» (I, 4) — это 7 звезд Большой Медведицы, расположенные перед созвездием Престол, как называлась в IV в. Кассиопея. «Глава Его ... и очи Его, как пламень огненный» (I, 14) — Солнце и его лучи. «Радуга вокруг престола» (IV, 3) — Млечный Путь при свете извержения. «Вокруг престола четыре животных» (IV, 6) — знаки Зодиака; «первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу» (IV, 7) — созвездия Льва и Тельца.

«24 старца пали пред Агнцем» (V, 8) — прошедшие с начала землетрясения суточные часы, а Агнец, иначе Овен — созвездие Овна, показавшееся затем на небе. «Конь белый, и на нем всадник, имеющий лук» (VI, 2) — блестящая планета Юпитер под созвездием Стрельца. «Венец из 12 звезд» (XII, 1) — созвездие Волосы Вереники. «Громкий голос, говорящий на небе» (XII, 10) — грозовой гром. Небесная жена «родила младенца мужского

пола» (XII, 13) — за созвездием Девы показалось на небе созвездие Геркулеса. Великая блудница (XVII, 1) — государственная церковь, ушедшая от первоначальных истин христианства.

«Зверь, которого ты видел, был, и нет его» (XVII, 8) — разделение Римской империи на Западную и Восточную в январе 395 года. «7 царей, из которых 5 пали, один есть, а другой еще не пришел» (XVII, 10) — уже отцарствовавшие императоры IV в., при которых христианство стало господствующей религией: Константин I (324—337), Констанций I (337—361), Юлиан (361—363), Валент (364—378), Феодосий I (379—395) и заступивший на трон Восточной Римской империи 17 января 395 г. Аркадий, а седьмой был Иоанну пока еще не известен. Двурогий зверь — две фракции тогдашней церкви, ариане и николаиты, обе травившие оригенита Иоанна¹⁸. И т. д., по всему тексту «Откровения».

Вскоре астрономические вычисления Морозова были проверены и подтверждены научными сотрудниками Пулковской обсерватории М. М. Каменским и Н. М. Ляпиным, касавшимися только датировки былых катаклизмов. Но кем же являлся в таком случае автор «Откровения»? Морозов легко нашел того, кого тогда преследовали и ариане, и их противники, кто попал в 395 г. на Патмос за несогласие с официальной линией церкви и стал очевидцем действительно имевшего место природного явления. Им оказался Иоанн Златоуст Антиохийский (346—407), в 398—404 гг. временно возглавивший Константинопольскую церковь. Сочинение Морозова написано, на первый взгляд, столь искусно, что в свете его версии не осталось необъясненным вроде бы ни одно место в «Откровения Иоанна».

Возник, однако, естественный вопрос: каким же образом апологеты II—IV вв., читавшие и цитировавшие «Откровение», могли ссылаться на то, чего тогда еще не существовало? Морозов поступил очень просто: в приложении III к своей книге он попытался доказать, что все соответствующие труды, якобы относящиеся к предыдущему времени, сочинили средневековые монахи ради удревления церковной истории. Но историческим материалом высокообразованный естественник владел недостаточно, что и было вскоре продемонстрировано¹⁹. И версия Морозова осталась в историографии талантливо сочиненным курьезом.

Следующий вопрос, неизбежно встающий перед историком: какова судьба тех христианских книг, которые появились вскоре после «Откровения Иоанна», но, в отличие от него, не попали в канон, хотя касались тоже Тысячелетнего царства и второго пришествия? Прежде всего имеются в виду апокрифы (по-греч. «тайные»), так называемая вторичная (деветероканоническая), «околосвященная» литература — «отреченные» сочинения, как их называли на Руси. Они были изъяты из церковного употребления, преимущественно в IV в., официально же «закрыты» декретом папы римского Геласия (492—496 гг.) и в лучшем случае рекомендуются для душевного чтения. Тридентский собор в 1546 г. частично узаконил их в данном качестве, но некоторые протестанты до сих пор полностью отвергают. Те из апокрифов, которые касаются тематики Нового Завета, обычно повествуют о разных чудесах: «Хождение Богородицы по мукам» (заступничество Девы Марии за мучающихся грешников), «Сказание Афродитиана о чуде в Персидской земле» (поклонение волхвов новорожденному Христу) и пр.

С раннего средневековья они были любимым чтением для простолюдья, особенно латиноязычные «*Passiones apostolorum*» («Страсти апостольские») в Западной Европе. Снисходительно относилась католическая церковь к «*Antilegomena*» — спорным апостольским посланиям. Некоторые из них имели хождение и среди православных. Переработки или подражания апокрифам всегда были популярны у различных сектантов, например богомилов. Изустными носителями таких повествований являлись «калики переходные» — паломники по святым местам, исполнявшие духовные песни и просившие подаяния. На Руси апокрифы официально стали известны с 1073 г. в перечне книг истинных и ложных по «Изборнику Святослава». Народные массы активно участвовали в пополнении апокрифических творе-

ний. Так появились на свет опирающиеся на духовный фольклор «Голубиная книга», «Сносудец», «Травник», «Громник»²⁰.

До нас дошли не все апокрифы. Многие погибли в ходе церковных междоусобиц и борьбы с еретиками. Апокрифичны и некоторые евангелия: Первоевангелие Иакова (жизнь Марии Богородицы и вифлеемское избиеие младенцев), Никодимово евангелие (сошествие Христа на тот свет и воскресение его из мертвых). В 1945–1946 гг. в египетском селении Наг-Хаммади (древний Хенобоскион) были обнаружены коптские тексты античного времени и новозаветного содержания. Среди них — «Евангелие от Фомы» с рассказом гностической направленности об учении Иисуса и «Евангелие от Филиппа», стимулирующее личные усилия верующего на пути к самоусовершенствованию. Гностический характер присущ и «Евангелию Истины», относящемуся к третьей четверти II века²¹.

С концом античности жизнь «Откровения Иоанна» не угасла ни на Западе, ни в Византии, ни потом на Руси. Средневековых людей волновали разные стороны Апокалипсиса. Грамотеи держали в руках копии (списки) этого текста или пользовались отрывками, помещенными в различных сборниках. Ознакомление с «Откровением Иоанна» облегчилось после того, как его начали переводить с греческого на другие языки. Старославянский перевод Нового Завета был осуществлен усилиями славянских просветителей Кирилла и Мефодия в IX веке. Крещеная Русь получила его после 988 года. Позже перевод «Откровения» подвергался в России уточнениям и исправлениям. Особую роль сыграл в подготовке улучшенного текста Геннадий митрополит Новгородский в 1499 году. А первое отдельное печатное издание (в Вильно) старославянского текста относится к 1623 году. При императрице Елизавете в 1751 г. вышло очередное исправленное печатное издание Священного Писания. Полный перевод на русский язык состоялся только в начале XIX в. и был опубликован в 1822 г., а в 1860 г. — в заново исправленном виде.

Длительное время, однако, православные на Руси поневоле обходились без печатного текста и пользовались списками «Откровения Иоанна» именно на церковнославянском (старославянском) языке. Древнейшими остаются списки, относящиеся к XIII веку. Обычно они содержат не просто Апокалипсис, а Толковый текст его, то есть с прибавлением толкования, разъясняющего темные места. Чаще всего использовалось толкование, составленное Андреем Кесарийским, но встречаются списки сразу с двумя или даже тремя толкованиями разных церковных авторов. Кроме того, в подкрепление мысли, что «Откровение» принадлежит перу апостола, иногда добавлялось Житие Иоанна Богослова, написанное последователем Андрея диаконом Прохором. В рамках Нового Завета печатное «Откровение Иоанна» было опубликовано на глаголице в 1562 г. и на кириллице в 1563 г. (оба издания в Тюбингене) и в несколько измененном виде — первопечатником Иваном Федоровым в 1580 г. (острожское издание).

В Византии существенное значение для успешного использования духовенством идей «Откровения Иоанна» имели «Пояснения к Апокалипсису» Аретаса (806—940), архиепископа Цезареи Каппадокийской. Но на Западе с ними более основательно познакомились только после напечатания их в XVI веке²². А до того едва ли не в каждой епархии находились образованные священники, по-своему толковавшие «книгу за семью печатями», что немало способствовало появлению местных христианских сект, которые в дальнейшем объявлялись еретическими, и распространению тех пророчеств Иоанна, которые особенно сильно воздействовали на народные массы. Очень силен был страх перед концом света, и люди загодя готовились к нему в ожидании Страшного суда. Обычно такое событие заранее приурочивалось к какой-нибудь «круглой» дате. Например, к концу I тысячелетия, и перед 1000 г. по ряду местностей Западной Европы прокатилась паника. Потом, когда крестоносцы отвоевали в 1099 г. у арабов Иерусалим, ожидался спуск с небес «нового Иерусалима», описанного в «Откровении Иоанна», к 1100 году. Боязнь гнева Божьего нередко вынуждала государственных деятелей принимать решения, имевшие большое значение для даль-

нейшей судьбы их народов²³. Так, перед крещением Руси византийские священники пугали Страшным судом Владимира Киевского, выбиравшего новую веру взамен языческой.

Встречались не раз яркие личности, исполненные фанатизма и пытавшиеся непосредственно участвовать в установлении на Земле Тысячелетнего царства Божия. Одним из таких людей был основатель монастыря во Фьоре Калабрийской (Южная Италия), а потом собственного монашеского ордена Иоахим Флорский (1130—1202), который едва ли не первым из деятелей Средневековья придал образным абстракциям «Откровения Иоанна» конкретное земное содержание. Он учил, что история в ветхозаветный период развивалась согласно откровению Бога-Отца, история в новозаветный период — согласно откровению Бога-Сына, а будущее предусмотрено Богом-Духом. Именно это, дескать, имел в виду автор «Откровения» и именно это разъяснял Иоахим в своем «Комментарии в Апокалипсису», наметивший начало такого будущего на 1260 год. Иоахимиты повлияли затем на различные социальные движения и общеретической, и сугубо крестьянской, и преимущественно плебейской направленности²⁴. Главное, что привлекало угнетенных: призывы к борьбе, к неподчинению угнетателям, возможность еще при жизни добиться решения социальных проблем силою и своею собственной рукой. Тем более, что к этому призывал их сам Господь. Ведь «если Бог с нами, то кто — против нас?».

Этим путем с вариантами, обусловленными конкретно ходом национальной истории и особенностями каждого данного общества, шли и германские анабаптисты, и чешские табориты, и английские «истинные» левеллеры, и бесчисленные представители иных больших и малых сект и социально-церковных движений. Нередко голоса их лидеров звучали очень громко. Напомним о вестфальском пророке Иоанне Лейденском, не убоившемся насильственных действий и провозглашенном в 1534 г. «царем Нового Сиона» в Мюнстере, и о русском расколоучителе, не уstraшенном заревом костров протопопе Аввакуме Петровиче (1620—1681), призывами которого вдохновлялись старообрядцы.

Своеобразную комбинацию античной секты, сословной средневековой организации и обусловленной новациями Ренессанса узкой группировки, буквально воспринявшей идеи «Откровения Иоанна», являло собой Общество апокалиптических рыцарей, возникшее в Риме в 1693 году. Его главою был дворянин Августин Габрино из Брешии, фанатик с мистическим складом ума и наклонностями авантюриста. Несколько десятков членов его общества поставили себе целью беззаветно служить католической церкви с учетом предсказаний «Откровения» и защищать христианский мир от Антихриста. Их лидеру они присвоили титул «монарха св. Троицы». Впрочем, это общество распалось после ранней смерти Габрино в заточении, вызванном его смутившими церковь заявлениями.

Невозможно перечислить всех тех, кто в средние века трактовал в разных формах и ради различных целей апокалиптические призывы. Бесконечное число раз фигурировали идеи Тысячелетнего царства, Страшного суда, борьбы с Антихристом, второго пришествия. Приведем достаточно типичную иллюстрацию. В 1552 г. М. Сервет, испанец по происхождению и француз по местопребыванию, медик и теолог, один из вождей антитринитариев (тех, кто отвергал Троицу как пережиток язычества), условно считающийся первооткрывателем малого круга кровообращения, написал сочинение «Восстановление христианства». В нем он утверждал, что Антихрист уже воцарился на Земле, и описывал 60 его знаков²⁵.

Мысль о грядущем конце света тревожила и побуждала к действию ряд крупных мыслителей. Ее после 1541 г. оригинально развивал в рамках своего вероучения женеvский реформатор Ж. Кальвин. Шведский геолог, математик и астроном Э. Сведенборг, отошедший под конец жизни от прямой науки в сторону теософии и духовидения, в своем восьмитомном сочинении «Небесные тайны», завершeнном в 1756 г., дал собственное толкование Библии, включая «Откровение Иоанна». Он заявил в вышедшей в 1758 г. книге «О Последнем суде и разрушенном Вавилоне», что в 1757 г. уже наступил конец света²⁶.

Под его влиянием во второй половине XVIII в. появилась секта сведенборгиан, считавшая, что именно их вероучитель был послан Богом на Землю, чтобы духовно подготовить людей ко второму пришествию Мессии, и что важнейшим источником такого вероучения служит «Откровение Иоанна». В 1846 г. на Урале штабс-капитаном Н. С. Ильиным было дано начало Десному братству, распространившемуся в виде христианской секты по ряду российских губерний. Глава секты положил Апокалипсис в основу своих сочинений «Сионская весть» и «Общечеловеческая истина», в которых, в частности, подробно рассказывал, когда и как спустится с небес «новый Иерусалим»²⁷.

Частым явлением был перенос какой-либо фигуры из «Откровения» на конкретное историческое лицо с развернутой пропагандой против него. В этих целях многократно применялась апокалиптическая фигура Антихриста, чей образ прилепляли к политическим противникам. Папа римский Григорий IX после 1226 г. объявил Антихристом своего злейшего врага, императора Фридриха II Гогенштауфена. Лидер немецкой Реформации М. Лютер именовал антихристами всех римских пап. Английские протестанты называли так короля Карла I Стюарта. Как Антихрист проходил у российских старообрядцев организатор церковной реформы патриарх Никон, а впоследствии — царь Петр I. В 1812 г. широкие массы русских людей внимали проповедям об Антихристе-Наполеоне.

Популярными «героями» в том же плане были Гога и Магога. В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя помещик Собакевич так честит губернатора и вице-губернатора. Опубликованный в 1849—1851 гг. двухтомник «Откровение Иоанна» ортодоксальный лютеранский теолог, оппонент рационалистов XVIII в. Э. В. Хенгштенберг писал, что от правления Карла Великого и примерно до середины XIX в. в Западной Европе существовало предсказанное в «Откровении» Тысячелетнее царство, а революции 1848—1849 гг. привели туда Гогу и Магогу. Ненавистники католического Рима любили публично именовать его вавилонской блудницей, как некогда поступил Иоанн по отношению к императорскому Риму.

Эпоху в научном исследовании Нового Завета составили с конца XVIII в. работы преподавателей Тюбингенского университета (Германия). Лидером этой школы библеистов в XIX в. являлся проф. Ф. Х. Баур (1792—1860), автор фундаментального труда «Христианство и христианская церковь первых трех столетий» (нов. изд. — 1863 г.). К этому же направлению примыкали немецкие теологи А. Ф. Гфрёрер (1803—1861), Г. Х. Ф. Люкке (1791—1855) и ориенталист Ф. Ф. Бенари (1805—1880), библеист Г. Г. Эвальд (1803—1875), йенский проф. А. Гильгенфельд (1823—1907), берлинский проф. О. Пфлейдерер (1839—1908), историк А. Шwegлер (1819—1857). Значительную роль в изучении социальных корней Нового Завета сыграл философ Б. Бауэр (1809—1882). Отображение в евангельской истории древних мифов ярко охарактеризовал немецкий публицист Д. Ф. Штраус (1808—1874), чья книга «Жизнь Иисуса, критически обработанная» (1835 г.) имела массу иностранных переводов. Достоянием широких кругов читателей сделал результаты научной деятельности библеистов автор восьмитомной «Истории происхождения христианства», французский филолог, историк, археолог и философ-скептик Ж.-Э. Ренан (1823—1892), специально останавливавшийся и на судьбе «Откровения Иоанна» (ренанов «Апокалипсис», гл. XV—XVII).

Если рационалисты XVIII в. подвергали старую теологическую догматику осмеянию с позиций здравого смысла, то тюбингенцы и иже с ними попытались подвергнуть достоверность религиозных преданий строгой научной проверке, чтобы отделить заслуживающие внимания факты от фантастических наслоений. Этот анализ позволил пересмотреть почти весь багаж богословия. В итоге к началу XX в. западноевропейская догматическая теология, касавшаяся проблемы Апокалипсиса, оказалась почти в руинах.

Ее возрождение в дальнейшем было связано с последствиями двух мировых войн, термоядерных испытаний и бесконтрольного технического

прогресса, губящего природу, что вызвало смятение в умах и чувствах миллионов людей. Вместе с тем вовсе не уменьшилось общее воздействие «Откровения Иоанна» на умы, которое издревле породило и потом пополнило пласт многовекового развития культуры, впитавший в себя, среди прочего, и апокалиптические образы. Попытаемся проследить это воздействие на некоторые сферы культуры за почти два истекших тысячелетия.

Волнующие и причудливые образы «Откровения Иоанна», как и весь Новый Завет, из века в век производили сильнейшее впечатление на читателей Библии и слушателей церковных проповедей. Это воздействие находило отражение не только в повседневном поведении верующих, но и в произведениях литературы и искусства различных жанров. Художественные изображения на апокалиптические темы имеют давнюю историю. Еще до признания христианства официальной религией появляются на стенах катакомб схематические рисунки, в которых гонимые властями последователи Христа символически выражали свои надежды на Божье наказание грешникам и справедливое воздаяние верующим. Эти рисунки порой трудно различимы и могут истолковываться неоднозначно. Более четки прориси Агнца — символа жертвенной кончины Христа, якоря — символа надежды на спасение безгрешных и виноградной лозы — символа Божьей наказующей жатвы, о которой говорится в «Откровении Иоанна» (XIV, 15, 19, 20). Эти потаенные рисунки после огосударствления церкви плавно сменяются настенными фресками и мозаикой в храмах ряда городов Западной Европы раннего средневековья. Типичной считается мозаика романского стиля в храмах Равенны и в римской церкви Санто-Козимо и Санто-Дамиано (VI в.). Близкие сюжетно рисунки встречаются также на священных сосудах — от Испании до Византии и надгробиях²⁸.

В дальнейшем мастера искусства всех жанров столь обильно откликнулись на евангельские тексты, что обо всем даже упомянуть просто невозможно. Скажем поэтому лишь о некоторых наиболее заметных вехах. Соответствующие иллюстрации проникают в книги. Занимает там свое место и отображение трагических событий, зафиксированных в «Откровении Иоанна». По-видимому, самые ранние иллюстрации такого рода встречаются в Трирской рукописи (ок. 500 г.). Классическими для периода раннего средневековья являются многоцветные миниатюры ряда испанских мастеров, а также в личной Библии западнофранкского короля Карла II Лысого (IX в.), в Евангелиях, хранящихся в суассонской церкви Сен-Медар (X в.), и в книге Священного Писания, принадлежащей бенедиктинскому аббатству Сен-Север в нынешнем французском департаменте Ланды (автор С. Г. Пласид, 1028 г.). Свообразно предвосхитил некоторые художественные идеи будущего Возрождения безымянный рейхснауский мастер, трудившийся над оформлением бамбергского «Откровения Иоанна» в отдельном томе (ок. 1000 г.)²⁹.

Особое место принадлежит ковровому ансамблю в замке герцога Людовика I Анжуйского (Анжер). Сначала в 1376 г. Ж. де Брюг набросал на картонах свои апокалиптические рисунки. Затем по ним были выполнены миниатюры для двух манускриптов, тоже сохранившихся. Наконец, в 1377–1384 гг. парижский ткач Н. Батай изготовил семь гигантских ковровых панно общей площадью 100 на 4,3 м с изображениями фигур из «Откровения».

Апокалиптические страсти воплотились и в романской скульптуре, украшающей многие аббатства, воздвигнутые в начальный период развитого феодализма. Неподдельный драматизм отличает статуи и бюсты, встречающиеся молящихся во французских церквях Больё-сюр-Дордонь (1125 г.) и Сент-Этьенн в Кагоре (1135 г.). Но они все же достаточно примитивны. Более изощрена готическая скульптурная апокалиптика XIII и последующих столетий, которой можно любоваться в храмах Лана, Шартра, Буржа, Парижа, Реймса и Амьена. Вызывают восхищение тематические витражи в окнах Буржского собора (1215–1255 гг.), Йоркского собора (1405 г.) и парижской церкви Сент-Шапель (XV в.).

В отличие от объемных и рельефных изделий иллюстрации

в манускриптах, касающихся «Откровения Иоанна», порой нарочито условны, ибо тогдашнее искусство в ряде случаев исходило из теологической идеи, что божественные святые не воплотимы в зримых образах. Рисунки же должны помочь верующему лучше представить себе то, о чем повествует Новый Завет; но фактически они иносказательны, так как содержание Св. Писания можно постичь лишь духовно: откровенное здесь прикровенно, подражают неподражаемому, а уподобленное неподобно. Потому-то апокалиптические изображения и были достаточно схематичны, как, например, в иллюстрированных англо-норманнских апокалипсисах (1250—1450 гг.).

Более реалистичной стала картинная живопись в эпоху развитого феодализма и роста городов, когда возобладал трезвый ум бюргеров. В те века Библию рядовые верующие больше запоминали на слух во время церковной службы. Католическая церковь не поощряла чтение Священного Писания мирянами. Тем не менее, на «Откровение Иоанна» выразительно откликались в своих произведениях такие мастера искусства католического мира, как Чимабуэ (Ч. ди Пено), Джотто ди Бондоне, Рафаэль Санцио, Корреджо (А. Аллегри) и Эль Греко (Д. Теотокопули). Подлинные перемены пришли с Реформацией. У протестантов распространяется личное и семейное, домашнее и общинное чтение Библии. Напротив, церковное предание не ставится ни во что. Теперь каждый грамотей хотел увидеть святую изображенной на пергаменте, бумаге или полотне. Это стимулировало новые художественные свершения. Они пришлись в основном на позднее средневековье.

Как раз позднему средневековью принадлежат составляющие гордость Восточной (православной) церкви расписные фрески со сценами из «Откровения Иоанна» в греческом Афонском монастыре (окончены в XVI в.), а также фрески в итальянском Орвьетском соборе (1447—1504 гг.). В Орвьето трудились три оригинальных мастера: один из немногих консерваторов среди новаторов Высокого Ренессанса доминиканский монах Фра Анжелико, облачивший древних в пышные одеяния средневековых дворян и бюргеров Б. Гоццолли (ди Лезе) и искусник вырисовывания деталей человеческого тела, что особенно заметно в его «Падении Антихриста», Л. Синьорелли. Около 1400 г. вестфальский мастер Бертрам украсил апокалиптическими изображениями алтарь Гамбургской церкви. А около 1473 г. нидерландец Х. Мемлинг изобразил монументальные фигуры участников Страшного суда на алтаре гданьского костела Девы Марии, который позже сильно поразил царя Петра I. И, пожалуй, не имеет ничего, равного себе, по присущему ей драматизму сцена Страшного суда, изображенная Микеланджело Буонарроти (1536—1541 гг.) на алтарной стене римской Сикстинской капеллы.

На смену фрескам все шире шли полотна. В галерее венской Академии художеств красуется картина Босха (И. ван Акен, 1450—1516) «Страшный суд». Ее автор, почитатель сочинений неопифагорейцев, неоплатоников, адептов и мистиков, «почетный магистр кошмаров», до предела насытил картину монстрами и химерами, какие не мерещились, вероятно, даже буйному воображению патмосского ссыльного. Гораздо реалистичнее и, соответственно, приземленнее полотна другого великого нидерландца, открывшего новые возможности в технике живописи маслом, Я. ван Эйка (1390—1441). Жуткие видения Апокалипсиса в его изображении, тем не менее, спокойно-созерцательны. Их венчает скромный девиз живописца «Как умею»³⁰.

С началом европейского книгопечатания сложились необходимые условия для создания и распространения репродукций. Уже в гутенберговском Новом Завете (второй том 42-строчной Библии майнцского издания 1456 г.) была осуществлена эта возможность. Стали доходить до читателей книжно-альбомные репродуцированные иллюстрации к «Откровению». Сначала то были копии ксилографических картинок (лубочного типа, продававшихся на ярмарках), как в кельнской Библии, выпущенной Г. Квентелем около 1478 года. Потом за дело взялись крупные мастера живописи

и графики. Одним из первых направил на это свой гений немец А. Дюрер. В 1498 г. он подготовил ксилографическую сюиту (его собственный термин) из последовательных самостоятельных частей — 15 впечатляющих гравюр «Апокалипсис в фигурах». Наиболее восторженно была встречена в Германии та из них, на которой архистратиг Михаил низвергает в Геенну драконообразного Сатану: будущие протестанты нашли в ней наглядное отображение борьбы с гнетом папства и католической церкви.

Мощный толчок уму и руке иллюстраторов дало осуществленное в Швейцарии великим гуманистом Эразмом Роттердамским критически пересмотренное издание Нового Завета на греческом и латинском языках (1516 г.). Далее линию Дюрера продолжили Л. Кранах (Мюллер-старший, 1522 г.) и Х. Гольбейн-младший (1523 г.), взявшиеся, каждый по-своему, за иллюстрирование Библии, переведенной М. Лютером на немецкий язык. Но если у Кранаха сцены из «Откровения Иоанна» дышат спокойствием и даже некоторой поэтической наивностью, то у более темпераментного Гольбейна заметно соединение грубоватого национального реализма с одухотворенностью итальянского Возрождения. Вскоре в Швейцарии эта гравюрная серия была пополнена работами И. Франка той же направленности (1538 г.).

Специальные альбомы рисунков к «Откровению Иоанна» получили широкое распространение, когда упрочилось искусство гравирования по меди. В конце XVI — начале XVII вв. соответствующим печатным центром были Нидерланды, экспортировавшие новую продукцию во все страны Западной Европы. Прославилось издательство семьи Висхеров. К. Я. Висхер-младший (Н. И. Пискатор, 1586—1660) прославился изготовлением и распространением таких репродукций, в том числе на апокалиптические темы. В дальнейшем колея публикаций таких изображений как бы раздвигается: несколько обособляются друг от друга более вольная в содержании рисунков графическая струя, адресованная мирянам и рассчитанная, в частности, на удовлетворение заказов богатого бюргерства, и более сдержанная, находящаяся ближе к традиционному истолкованию «Откровения» церковниками и предназначенная для духовенства³¹. Их слияние осуществилось в XIX веке.

Это было обусловлено прогрессом библеистики. Теперь к новозаветным текстам научные круги, не связанные напрямую с церковной службой, подходили как к историческому документу, подлежащему оценочным сопоставлениям и анализу, что открывало и перед художниками дополнительные творческие возможности. Буквально потрясли зрителей картоны немецкого иллюстратора философского склада П. фон Корнелиуса, обогатившего берлинскую Национальную галерею эпическими образами четырех апокалиптических коней со всадниками — белого, рыжего, вороного и бледного (1843 г.). Потом произвел фурор французский скульптор и художник Г. Доре. Когда он за год до своей кончины завершил иллюстрирование, вслед за Ветхим, Нового Завета (т. 2 «Святой Библии», турецкое издание 1882 г.; первый альбом увидел свет в 1864 г.), его труд настолько поразил воображение читателей, что многочисленные переиздания Священного Писания с его рисунками так и вошли в историю под названием «Библия Доре».

Применив последние достижения литографии, французский гравёр и художник, предшественник сюрреалистов О. Редон выпускает «Апокалипсис св. Иоанна» — альбом выразительных и общедоступных эстампов (1889 г.). Однотематические иллюстрации, увидевшие свет в XX в., нам представляются ординарными либо эпигонскими или же сильно модернизированными (вроде книжных рисунков швейцарца Я. Хэне, 1976 г.). Исключением считаем картины Н. С. Гончаровой «Жатва» и «Апокалипсис» (1911 г.), исполненные в манере лубочного примитива с трафаретом для раскрашивания³². Среди русских фресок и икон, посвященных Апокалипсису, отметим принадлежащую Феофану Греку дивную роспись храма Благовещения в московском Кремле (1405 г., обновлена в 1551 г.), роспись владимирского Успенского собора (Андрей Рублев и Даниил Черный, 1408 г.), икону «Апокалип-

сис» в московском Успенском соборе (1492 г.) и рисунки в московской церкви Троицы в Никитниках (1652 г.).

Отдельно следует сказать о русской художественной традиции в книгах. Первые лицевые, то есть сопровождаемые пояснительными рисунками, списки текста «Откровения» на церковнославянском языке, ходившие в России, относятся к XV веку. Они содержат в среднем несколько десятков иллюстраций, восходящих к византийским прототипам, либо местного происхождения. А первые печатные иллюстрации к Апокалипсису появились на Руси в середине XVII века. В следующем столетии их уже часто переиздавали сравнительно солидными тиражами как дешевую лубочно-книжную продукцию, и они расходились сотнями экземпляров у стен церквей, монастырей и на ярмарках. В какой-то степени все они походят на фрески в храмах средневековой Руси. Переходя с незначительными изменениями из одной публикации в другую, они представляют собой тип иллюстраций, именуемый устойчивым иконографическим изводом. А преобладают среди них картины Страшного суда³³.

В художественной литературе примерам обращения к Апокалипсису несть числа. Среди ранних писателей, открывающих длинный ряд таких авторов, выделяется Данте (1265—1321) с его величественной поэмой «Божественная комедия». Затем периодически появлялись произведения, в которых сугубо личностное восприятие «Откровения Иоанна» преломлялось через общественные отношения конкретной исторической эпохи. Типичны в этом смысле «Торжествующий Христос, апокалиптическая комедия» англичанина Дж. Фокса (1516—1567) и «Апокалиптический комментарий к Песне песней» немца К. Хойниша (1620—1690). Ближе к современному концу этого ряда находится В. Ропшин (Б. В. Савинков, 1879—1925) с его хроникальными повестями о революционном подполье и контрреволюционных мероприятиях «Конь бледный» и «Конь вороной». Во многих произведениях освещается отражение евангелической тематики в целом или апокалиптической, в частности; это характерно для творчества ряда писателей, например, Ф. М. Достоевского³⁴.

В Северной Америке и Западной Европе, особенно у протестантов различных направлений и сект, издана масса научной и научно-популярной литературы не только об «Откровении Иоанна» вообще, но и по отдельным его сюжетам. Встречаются также околонучные, псевдонаучные и даже рекламные произведения по этой тематике. Она рассматривается в школьных учебниках, пособиях для учащихся и преподавателей, в специализированных книгах и брошюрах для религиозных колледжей, нередко с привлечением элементов исследования и умеренной критики, в примерных подборках лекций и проповедей для религиозных общин. Большими тиражами расходятся видеокассеты с пропагандистскими или контрпропагандистскими текстами. К концу XX в. участился выпуск видеопленок о Тысячелетнем царстве Божиим, а также других хилиастических (иначе миллениаристских, затрагивающих Тысячелетнее царство) и эсхатологических (о близком конце света) произведений. В этой современной миллениаристике перемешаны серьезные научные труды об эволюции того мистически понятого идеала справедливости в Апокалипсисе, который был осужден церковью еще в 256 г. и который задержал канонизацию «Откровения Иоанна», с дешевыми перепевами посулов жаждущим возмездия верующим. Эсхатологические печатные выступления варьируют от затрагивающих отдельную человеческую душу до рассуждающих о всемирной судьбе, мятущейся между первым пришествием Мессии, уже состоявшимся по воле Бога-Отца в лице Бога-Сына, и ожидаемым вторым пришествием³⁵.

Ряд изданий освещает методы использования апокалиптической тематики для реализации различных житейских целей, от совершенно будничных до социальных и политических в ходе войн и революций. Из числа последних выделим интересный коллективный труд о том, как Апокалипсис служил, в частности, освободительной борьбе за независимость североамериканских колоний Англии. Любопытны работы, касающиеся того, как радикалы различных направлений применяли для агитации среди верующих термин «Антихрист» ради очернения политических противников³⁶.

Кинематограф тоже не обошел стороной сюжеты Апокалипсиса. Среди множества фильмов с апокалиптическими по идеям сценами наиболее выразительной и вместе с тем вполне художественной принято считать кинокартину датского постановщика К. Т. Дрейера «День гнева» (1943 г.). В ней жизнелюбивая и откровенная героиня противопоставлена протестантским мракобесам XVII в., охотящимся на ведьм. Из более поздних фильмов назовем получившую Золотую пальмовую ветвь Каннского фестиваля и премию «Оскар» картину американского режиссера Ф. Ф. Коппола «Апокалипсис сегодня» (1979 г.) о войне во Вьетнаме. В ней вертолеты США, атакующие с воздуха вьетнамские селения под раскаты вагнеровской музыки, выглядят боевыми ангелами уже начавшегося апокалиптического действия³⁷.

Сильнейшее влияние оказал Апокалипсис и на представителей мира музыки. Сохранились данные, что еще до падения Западной Римской империи верующие при богослужении часто облекали молитвы или чтение евангельских текстов в определенные музыкальные формы. Активнее других популяризировали исполнение церковных мелодий представители черного духовенства. Именно в питаемой народными корнями монашеской среде и возникла к концу XII в. мелодия, которую напевали, когда проговаривали строчки апокалиптического характера, приписываемые в церковных кругах Софонии (Кн. пр. Соф., I, 2, 15; III, 2, 15), хотя напрямую к «Откровению» они не относились.

Софония — один из малых пророков в правление иудейского царя Иосии (VII в. до н. э.). Он предсказывал катастрофу Иудейского царства из-за прегрешений его обитателей и призывал их покаяться в ожидании Судного дня. Охарактеризованный более подробно в «Откровении Иоанна» этот Страшный суд отложился теперь в молитвенном тексте: «*Dies irae, dies illa // Solvet saeculum in favilla: // Teste David cum Sibylla*» (День гнева, этот день разрешит [от грехов] род людской в горячем пепле, как завещали [псалмопевец] Давид и [пророчица] Сивилла).

Тут имелась в виду одна из 12 древних прорицательниц-сивилл, наиболее известная, родом из италийских Кум. Она собрала свои предсказания воедино. Эти Сивиллины книги при римских царях VII—VI вв. хранились в храме Юпитера на Капитолийском холме. Во время пожара в 83 г. до н. э. они сгорели. Будучи частично восстановленными, хранились в храме Аполлона на Палатинском холме. В 405 г. н. э. по распоряжению правителя Западной Римской империи Стилихона были сожжены, но кое-что уцелело и потом высоко оценивалось ранними историками христианства, поскольку содержало некоторые сведения, касающиеся упоминаемых в Библии событий. На эту-то Сивиллу и ссылались верующие. В первой части их моления повествуется о грозных картинах суда Божьего, потом возносится мольба о милосердии.

Появившийся мотив быстро снискал популярность, разнесенный странствующими монахами по Европе. Минорит Т. да Челано (1190—1260), ставший первым биографом Франциска Ассизского, осуществил музыкальную редакцию «*Dies irae*». Вслед за францисканцами ее приняла вся католическая церковь и использовала как секвенцию — введомое тенором песнопение, которое следовало за «Аллилуйя» и предшествовало речитативному молению по тексту Евангелия. Тридентский собор (1545—1563), рассматривавший законность ряда нововведений, принятых в средние века, утвердил к исполнению из многих применявшихся секвенций только четыре, включая «*Dies irae*», после чего она приобрела значение канона. Итальянские музыканты, братья Дж. Фр. Анерио (1567—1630) и Фел. Анерио (1560—1614), согласно соборному предписанию, ввели ее в состав заупокойной мессы. И с тех пор постоянно звучащая в церкви, эта строгая, трагическая и жутковато-выразительная мелодия, символизирующая собой апокалиптические события, стала все шире и шире овладевать умами и душами верующих, приобретая известность среди всех христиан³⁸.

По мере того, как обычная церковная месса (обедня) с течением времени дополнялась в светском обиходе оперой и другими музыкально-

сценическими действиями, зауспокойная месса преобразовывалась в светском обиходе в «реквием» (то есть, пожелание вечного «покоя»): музыкальное произведение траурного характера, почти обязательно содержащее отраженную в музыке апокалиптическую картину Страшного суда с цитированием напева «Dies irae». Иногда этот напев звучал как элемент большого сочинения, иногда использовался полностью, иногда с вариациями³⁹.

Пример последнего рода явил И.-К. Бах (1735—1782), один из представителей знаменитого семейства Бахов, «миланско-лондонский». Его «Dies irae», отличающийся напевным изяществом, был опубликован только спустя два века после смерти автора и по праву вошел в цикл замечательных сочинений всего семейства, причем великий Иоганн-Себастьян, пять его сыновей, брат и два дяди тоже обращались, каждый по-своему, к этой мелодии.

Иначе звучит «Dies irae» в реквиеме В.-А. Моцарта (1791 г.) — его вторая часть, в которой неумолимо грозные басы в обрамлении жалобных реплик других инструментов рисуют светопреставление. И опять-таки по-другому служит слушателям средневековый напев в «Траурной мессе» Ф.-Ж. Госсека (1734—1829), будущего «великого глашатая Французской революции», у которого 200 тромбонов, фаготов, кларнетов, валторн, барабанов и медных тарелок чудовищно гремели в 1760 г., чтобы изобразить Божественный рок в зале парижской церкви св. Рока. И снова иначе звучит апокалиптический императив в реквиеме Г. Берлиоза (1837 г.), рыдающем по жертвам Июльской революции, и в финале его же «Фантастической симфонии» (1830 г.), где композитор использовал литургический напев при постоянном лейттембре (ведущий тембр звучания) для отображения утраченных им иллюзий в любви к одной актрисе.

До середины XIX в. «Dies irae» составлял обычно отдельную часть реквиемов. Но Дж. Верди сделал его (1874 г.) главным носителем всего интонационного содержания реквиема, посвященного памяти его друга, борца за воссоединение Италии, писателя А. Мандзони. Особое настроение вложил в «Dies irae» Ф. Лист (1837 и 1849 гг.), когда он, взирая на средневековую фреску в Пизе с изображением триумфа смерти, откликнулся на нее «Пляской смерти» — набором парафраз для фортепиано с оркестром. Они символизировали жуткий призрак четвертого всадника в «Откровении Иоанна» — косаря, бродящего в толпе и выхватывающего из нее свои жертвы. И та же «Пляска смерти» (1874 г.) выглядит у К. Сен-Санса блестяще-ритмичным концертно-виртуозным сочинением. Разнообразную серию вариаций «Dies irae» представил Ш. Гуно, когда он в 1843—1848 гг. временно впал в крайний клерикализм и, сочиняя, специально надевал сутану аббата⁴⁰.

Упомянутая мелодия прослеживается в произведении «Песни и пляски смерти» для голоса и фортепиано (1875—1877 гг.) М. П. Мусоргского на слова А. А. Голенищева-Кутузова, чьи стихотворения отличались ровным тоном и спокойствием. Выбор композитора поразителен, ибо в его сочинении ярко выражены, наоборот, неподдельные человеческие страдания. П. И. Чайковский по меньшей мере дважды обращался к «Dies irae». В его «Новогреческой песне» улавливается скорбный отклик на трагедию долго угнетавшегося османами братского по вере греческого народа. А в программной симфонии «Манфред» (1885 г.) по одноименной поэме Дж. Н. Г. Байрона (1817 г.) эта мелодия живописно вторит музыкальной теме о демонических приключениях, случившихся с несчастным Манфредом в Альпах. Известный русский поэт К. Р. (вел. князь Константин Константинович Романов), на чьи стихотворения написано множество романсов, был автором текста «Стучася у двери твоей я стою», а учительница хорового пения в Петербурге В. А. Данилевская, использовав мотив «Dies irae», положила эти слова на музыку (1893 г.)⁴¹.

Симфоническая картина «Из Апокалипсиса» (1912 г.) принадлежит А. К. Лядову, любившему мистическую тематику. Предназначенная для камерного исполнения, она отличается своеобразной тембровой окраской и колоритом: каждый музыкальный инструмент ведет от начала до конца

индивидуальную партию, а не только оркестровый подыгрыш. А. К. Глазунов вставил тот же мотив в свою сюиту «Из средних веков» (1902 г.), сдержанную по манере и строго пластичную. У С. В. Рахманинова связаны с Апокалипсисом четыре произведения: написанная под впечатлением картины художника-мистика А. Бёклина симфоническая поэма «Остров мертвых» (1909 г.), рандолия на тему Паганини для фортепиано с оркестром (1934 г.), содержащая тонкие вариации католической мелодии 3-я симфония (1936 г.) и его последнее сочинение – довольно суровые «Симфонические танцы» (1940 г.).

В новейшее время страсть композиторов к «Dies irae» не иссякла. Н. Я. Мясковский первоначально использовал этот напев в своей трагедийно звучащей одночастной 2-й фортепианной сонате (1912 г.), откликаясь на Балканские войны, а затем более развернуто – в 6-й симфонии (1923 г.), написанной на сюжет социальной драмы Э. Верхарна «Зори». Бельгийский писатель под впечатлением сотрясавших Европу революционных волнений пытался показать, как в муках рождается новое человечество. А русский композитор внес сюда резкий привкус смерти, собирающей свою дань: он в звуках отображал смятение, вызванное в нем первой мировой войной, третьей российской революцией и гражданской войной.

Первый президент Общества румынских композиторов Дж. Энеску посвятил той же музыкальной теме 2-ю сюиту для скрипки соло. Народные французские напевы сопровождают каноническую мелодию в опере Д. Б. Кабалевского «Мастер из Кламси» («Кола Брюньон», 1938 г.). Совершенно другую цель, применяя эту мелодию, преследовал французский композитор А. Онеггер, у которого в оратории «Пляска мертвецов» (тоже 1938 г.) осуждаются преступления фашизма. Словесной основой стал текст писателя и дипломата П.-Л.-Ш.-М. Клоделя, антифашиста и кроме того неотомиста.

А. И. Хачатурян вставил «Dies irae» в третью часть своей 2-й симфонии (1943 г.), являющейся реквиемом павшим героям Великой Отечественной войны. Д. Д. Шостакович использовал ту же секвенцию как лейттему своей насыщенной трагедийно-философским смыслом музыки к кинофильму Г. М. Козинцева «Гамлет» (1964 г.). Антимилитаристски настроенный английский композитор, пианист и дирижер Б. Бриттен написал «Военный реквием» (1961 г.) как памятник жертвам всех войн на свете вообще. Его вдохновил обусловленный «Откровением Иоанна» текст английского поэта А. Оуэна. Ректор краковской Высшей музыкальной школы Кш. Пендерецкий, поклонник григорианского пения в архаической форме, посвятил ораторию «Dies irae» со смешанным хором (1967 г.) безвинно погибшим в Освенцимском гитлеровском лагере смерти. Заметим, что, опираясь на апокалиптические по характеру тексты, ни Бриттен, ни Пендерецкий напрямую не используют «Dies irae». Зато эта музыкальная тема слышна в 3-й симфонии (1976 г.) польского композитора Х. Горецкого. Наконец, во многих театральных спектаклях звучат хоры, сопровождающие сценическое действие и поющие о Страшном суде, например – на музыку Г. В. Свиридова к поставленным в московском Малом театре историческим пьесам А. К. Толстого⁴².

«Откровение Иоанна» сложный по своему составу исторический источник, интересующий далеко не одних теологов. В нем ощутима и социальная струя. Сегодня, спустя почти два тысячелетия, идеи, некогда отраженные в нем, не умерли. Страсть народов к свободе порою вдохновляется и тем пафосом неповиновения насилию, которым пронизан Апокалипсис. Еще совсем недавно жители колоний, слаборазвитых и освобождающихся стран христианского вероисповедания, сопротивляясь политическому и экономическому гнету, открыто заявляли, что их борьба за независимость прямо соотносится с борьбой Агнца против Сатаны. Как бы ни расценивать такой лозунг, остается фактом, что эта идея поднимала и двигала массы. Далекий голос Иоанна слышен по-своему и тогда, когда человечество объединяется в горячем стремлении предотвратить ядерный Апокалипсис. Наконец, продолжается также кипение научной мысли, ибо исследование «Откровения Иоанна» и всего, что связано с ним, далеко еще не завершено.

Примечания

1. KLAUSNER J. *Messianic Idea in Israel*. Lnd. 1956; ROWLEY H. H. *The Relevance of Apocalyptic*. N.Y. 1963; RUSSELL D. S. *The Method and Message of Jewish Apocalyptic*, 200 В. С. — А. Д. 100. S. 1. 1964; особенно: СМИРНОВ А. *Мессианские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа*. Казань. 1899, гл. II—III; СВЕТЛОВ Э. *Вестники Царства Божия: библейские пророки от Амоса до Реставрации (VIII—IV вв. до Р. Х.)*. Брюссель. 1986, с. 487—493.
2. КОЛЬМАН Э. *История математики в древности*. М. 1961, гл. II—III; ЗИНОВЬЕВ А. В. *Тайна Откровения*. Владимир. 1990, гл. 4.
3. МОММЗЕН Т. *История Рима*. Т. V. М. 1949, гл. XI.
4. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. *Соч.* Т. 19, с. 306—314; т. 21, с. 8; т. 22, с. 475сл.; КУРБАТОВ Г. Л., ФРОЛОВ Э. Д., ФРОЯНОВ И. Я. *Христианство: античность, Византия, Древняя Русь*. Л. 1988, с. 81; БАРКЛИ У. *Толкование Откровения Иоанна*. Scottdale. 1987, с. 16.
5. ИВАНИЦКИЙ В. Ф. *Филон Александрийский*. Киев. 1911, гл. 5; МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. *Ук. соч.* Т. 21, с. 9.
6. *Сочинения древних христианских апологетов*. Спб. 1895, с. 9—10, 52, 127, 225; СВЕНЦИЦКАЯ И. С. *Запрещенные евангелия*. М. 1965, с. 14.
7. *Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового завета*. Т. 8. Спб. 1911, с. 7; КУРБАТОВ Г. Л. и др. *Ук. соч.*, с. 79; БУЛГАКОВ С. В. *Православие*. М. 1994, с. 238—239.
8. ДМИТРИЕВСКИЙ В. *Александрийская школа*. Казань. 1884, с. 12—23; *Толковая Библия*. Т. 11. Спб. 1913, с. 498—501; *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. I. М. 1992, с. 201, 742. См. также: ДРЕВС А. *Происхождение христианства из гностицизма*. М. 1930, с. 61—66.
9. CHARLES R. H. *A Critical and Exegetical Commentary on the Revelation of Saint John*. Edinbourg. 1963; MOLLAT D. *Etudes johanniques*. P. 1979.
10. НЬЮТОН И. *Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна*. Пг. 1915, с. 184; *Толковая Библия*. Т. 11, с. 495; БУЛГАКОВ С. В. *Ук. соч.*, с. 45.
11. ПОСНОВ М. Э. *История Христианской Церкви*. Брюссель. 1964, с. 95, 148; ГЛУБОКОВСКИЙ П. П. *Благовестие Христианской Славы в Апокалипсисе*. Джорданвиль. 1966, § 2; МЕНЬ А., прот. (Боголюбов А.). *Сын человеческий*. М. 1991, прилож. 1; КАРГЕЛЬ И. В. *Толкователь Откровения Святого Иоанна Богослова*. Спб. 1991, с. 3; БУЛГАКОВ С. *Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования*. М. 1991, с. 19; АВЕРКИЙ, архиеп. *Апокалипсис, или Откровение Святого Иоанна Богослова*. М. 1991, с. 5; ИВАНОВ П. *Тайна Святых: введение в Апокалипсис*. Т. I. М. 1993, прилож.
12. РАНОВИЧ А. Б. *О раннем христианстве*. М. 1959, с. 238—239; ЛЕНЦМАН Я. А. *Происхождение христианства*. М. 1960, с. 63—65; КОВАЛЕВ С. И. *Основные вопросы происхождения христианства*. М. 1964, с. 27, 224; КАЖДАН А. П. *От Христа к Константину*. М. 1965, с. 302—303; ГОЛУБЦОВА Н. И. *У истоков христианской церкви*. М. 1967, с. 26; КУБЛАНОВ М. М. *Возникновение христианства: эпоха, идеи, искания*. М. 1974, с. 215; ЛИВШИЦ Г. М. *Очерки историографии Библии и раннего христианства*. Минск. 1970 (обстоятельный обзор историографии проблемы).
13. FEINE P., ВЕИМ J. *Einleitung in das neue Testament*. Leipzig. 1950; GIET S. *Apocalypse et l'histoire*. P. 1957; GRANT F. C. *The Gospels: Their Origin and Their Growth*. Lnd. 1957; BROWN R. *New Testament Essays*. N. Y. 1965; BRÜTSCH C. *La clarté de l'Apocalypse*. Genève. 1966; PRIGENT P. *L'Apocalypse de Saint Jean*. Lausanne. 1981; THOMPSON L. L. *The Book of Revelation: Apocalypse and Empire*. N. Y. — Oxford. 1990, p. 95—170; особенно: LAWRENCE D. H. *Apocalypse*. N. Y. 1982, p. 154; POUCOUTA P. *La dynamique missionnaire de l'Apocalypse*. P. 1991, p. 13—14; МАКСВЕЛЛ А. С. *Христос и день грядущий*. Омск. 1991, с. 3, 5.
14. *Православная богословская энциклопедия*. Т. 1, с. 914, 916; *Толковая Библия*. Т. 11, с. 509; *Христианство: энциклопедический словарь*. Т. I. М. 1993, с. 96; *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. I, с. 201; БАРКЛИ У. *Ук. соч.*, с. 10—11.
15. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. *Ук. соч.* Т. 21, с. 11—12; там же. Т. 22, с. 488; см. также: МЕНЬ А., прот. *Комментарий*. В кн.: *Апокалипсис: Откровение Иоанна Богослова*. Рига. 1992, с. 51, 120.
16. БАРКЛИ У. *Ук. соч.*, с. 261; МОММЗЕН Т. *Ук. соч.*, с. 358.
17. ВИППЕР Р. Ю. *Возникновение христианской литературы*. М.-Л. 1946, с. 100, 106—107; *Христианство*, с. 96.
18. МОРОЗОВ Н. *Откровение в грозе и буре: история возникновения Апокалипсиса*. М. 1907, с. 29—35, 188 и др.

19. НИКОЛЬСКИЙ Н. Спор исторической критики с астрономией. М. 1908, с. 31—32.
20. ТИХОНРАВОВ Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 1. Спб. 1863; т. 2. М. 1863; HENNECKE E. Neutestamentliche Apokryphen. Tübingen. 1904, §§ 1—2.
21. ТРОФИМОВА М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М. 1979, с. 98, 109; СВЕНЦИЦКАЯ И. С. Раннее христианство: страницы истории. М. 1987, с. 285—286.
22. Expositiones in Apocalypsin. Verona. 1532. Подробнее о западных изданиях Св. Писания см.: КОЗАРЖЕВСКИЙ А. Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М. 1985, с. 27сл.
23. SMALLEY V. The Study of the Bible in the Middle Ages. Oxford. 1941, p. 15 sq.
24. КЕРОВ В. Л. Апокалипсис и еретики. М. 1994, с. 3, 4, 35, 41, 45сл.
25. БЕРГЕР Е. Е. Мигель Сервет: теология и медицина в картине мира XVI века. Канд. дисс. М. 1996, с. 110; EMMERSON R. K. Antichrist in the Middle Ages. Seattle. 1984, chap. 1.
26. SWEDENBORG E. De ultimo judicio et de Babylonia destructa. Londini. 1758, § 73.
27. БУЛГАКОВ С. В. Ук. соч., с. 398—400, 438—439. См. также: МОСКАЛЕНКО А. Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск. 1978, с. 350сл.
28. JAMES M. R. The Apocalypse in Art. Lnd. 1931, p. 27, 31, 33, 37, 69, 76; GRABAR A. Le premier art chrétien (200—395). P. 1966, p. 4, 18, 25—30, 295; ejusd. L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Age. Vol. 1. P. 1968, p. 10—17, 505.
29. WÖLFFLIN H. Die Bamberger Apokalypse: eine reichenauer Bilderhandschrift vom Jahre 1000. München. 1921, Tafeln.
30. KAUFFMANN C. M. An Altar-piece of the Apocalypse from Master Bettram's Workshop in Hamburg. Lnd. 1968, plat. 1—24; SALMI M. Luca Signorelli. Novara. 1953, pp. 23—26; ЕГОРОВА К. С. Ян ван Эйк. М. 1965, с. 27; ФОМИН Г. Иероним Босх. М. 1974, илл. 15—21, 66, 73—76.
31. LÜDECKE H. Albrecht Dürer. Lpz. 1956, Abb. 7, 8 и.а.; MATĚJČEK A. Die Geschichte der Kunst: Umriss und Brennpunkte. Praha. 1961, S. 266, 373—384, 424—428; GRIVOT D. Images de l'Apocalypse. P. — Lyon. 1978.
32. История русского искусства. Т. X, кн. 2. М. 1969, с. 128; CASSOU J. Odilon Redon. Milano. 1972, pp. 10—73; Apocalypse: Geheime Offenbarung. Stein a. Rh. 1976, Zeichnungen; MEER F. VAN der. Apocalypse: Vision from the Book of Revelation in Western Art. Antwerp. 1978, p. 26, 33, 44, 51, 54, 71, 76, 81, 102—108, 117—121, 132, 136, 140—143, 151, 171, 176, 181, 236, 258, 285—304, 332.
33. БУСЛАЕВ Ф. И. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. Тт. I (снимки) — II (миниатюры). Спб. 1884; ПОКРОВСКИЙ Н. В. Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса. 1887, с. 38, 55, 83—89; ЛАЗАРЕВ В. Н. История византийской живописи. М. 1986, с. 162.
34. The Gospel in Dostoevsky. Ed. by H. Brethren. Spring Valley (Farmington). 1995. См. также: ШЕСТАКОВ В. П. Эсхатология и утопия (очерки русской философии и культуры). М. 1995.
35. BULTMANN R. History and Eschatology. N.Y. — Evanston. 1962, chap. 4; KAUFMANN R. Millénarisme et acculturation. Bruxelles. 1964, chap. 1; DESROCHE H. Dieux d'hommes: dictionnaire des messianismes de l'ère chrétienne. P. 1969, pp. 27—31; DUBY G. L'an mil. P. 1967, chap. 4; CHAMBERLIN E. R. Antichrist and the Millenium. N.Y. 1975, p. 10—20; FRIEDRICH O. The End of World. N.Y. 1982, p. 163—177, 277 sq.; OLSON TH. Millennialism, Utopianism, and Progress. Toronto etc. 1982, p. 72—83; ERNST S. Dein ist das Reich. Stein a. Rh. 1990, S. 16, 80, 93—95, 160.
36. РОЗАНОВ В. Апокалипсис нашего времени. М. 1990, с. 34—42; см. также: Religion in a Revolutionary Age. Ed by R. Hoffman and P. J. Albert. Charlottesville. 1994; FULLER R. Naming the Antichrist. Oxford. 1995.
37. SKOLLER D. Dreyer in Double Reflection. N.Y. 1973, p. 117—133; KOLKER R. PH. A Cinema of Loneliness. N.Y. — Oxford. 1980, chap. 3.
38. БРАУДО Е. М. Всеобщая история музыки. Т. 1. Пб. 1922, гл. 4; WAGNER P. Einführung in die gregorianischen Melodien. Т. 1. Lpz. 1911, S. 22f., 148, 274—275; REESE G. Music in the Middle Ages. N.Y. 1940, p. 191—360; СВЕТЛОВ Э. Ук. соч., с. 217.
39. ИВАНОВ-БОРЕЦКИЙ М. В. Очерк истории мессы (римско-католической обедни). М. 1910, с. 4, 5, 8, 17, 23, 25.
40. Великие музыканты Западной Европы. М. 1982, гл. 1, 3; WÖRNER K. H. Geschichte der Musik. Göttingen. 1961, S. 61, 72, 81.
41. История русской музыки. Т. II. М. 1940, гл. XVIII, XXI.
42. АСАФЬЕВ Б. В. Русская музыка: XIX и начало XX века. Л. 1968, с. 70, 80, 178—179, 183, 199, 263; Музыкальная энциклопедия. Тт. 1—6. М. 1973—1982 (разные статьи).

Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.)

В. С. Дякин

Подавление царскими властями национальных движений в России XIX в. способствовало их радикализации. А усиление этих тенденций, наоборот, побуждало власти, в свою очередь, усиливать репрессивные действия. В результате национальный вопрос стал одним из дестабилизирующих факторов в Российской империи начала XX века. Если же говорить о Европе в целом, то ее многовековая история свидетельствует, что каждый сколь-нибудь крупный этнос стремился к собственному территориально-государственному оформлению. Возможны ситуации, когда часть народа, живущая за пределами своего этнического государства, по каким-либо причинам боялась поглощения этим государством. Тогда возникал феномен Швейцарии с ее кантонами, имеющими разные официальные языки. Но, как правило, начинаясь с движения за защиту и развитие собственной культуры, процесс национального самосознания приходит, независимо от искренности деклараций возглавляющих его социальных групп, к лозунгу территориальной автономии, а при обстоятельствах, благоприятствующих радикализации требований, — к идее полной независимости¹.

Принцип национально-культурной автономии, сохраняющей единство многонационального государства, на практике оказывается осуществимым там, где разные этносы не имеют районов компактного проживания и даже не могут сослаться на то, что имели их в прошлом. В этом смысле обеспокоенность царизма в связи с самыми первыми, мирными и ограниченными по целям, проявлениями национального самосознания народов России была обоснованной, ибо эти проявления потенциально угрожали сохранению империи. Но грубое подавление национальных движений давало обратный результат. К тому же поражение России в войне с Японией, разрушившее миф о военном могуществе царизма, а затем начало первой российской революции породили быстрый подъем национальных движений, охвативший практически все народы страны, как на западе, так и в Закавказье, Средней Азии и Сибири.

Общими требованиями были уравнивание народностей в правах, обучение на родном языке, свобода вероисповедания. Для значительной части народов чрезвычайно актуальным стал земельный вопрос, либо как защита своих земель от русской колонизации (народы Казахстана и Средней Азии, якуты, буряты и др.), либо как борьба крестьян за землю против помещиков, приобретающая национальный характер в Прибалтике или сочетающаяся

Дякин Валентин Семенович (1930—1994).

ся с национальными лозунгами в Грузии. В Финляндии и Польше пользовался широкой поддержкой лозунг территориальной автономии, за которым стояло стремление к полной государственной независимости. Значительное распространение этот лозунг имел в среде украинской интеллигенции и в определенных грузинских кругах. Рабочее социалистическое движение оказалось по отношению к автономистским лозунгам расколотым. Со своей стороны автономистские течения, часто далекие по реальному содержанию от социализма, принимали социалистическую окраску, поскольку социал-демократия теоретически поддерживала право наций на самоопределение.

Наибольшего успеха добилось национальное движение в Финляндии. Всеобщая забастовка и угроза вооруженного восстания, когда там были созданы социал-демократическая Красная гвардия и ориентирующаяся на более правые круги военизированная организация «Войма» («Сила») в непосредственной близости от столицы империи, вынудили царизм пойти на уступки умеренному крылу финского национального движения и не только отменить манифест 3 февраля 1899 г. и все позднейшие акты бобриковского правления, но и создать в Финляндии сейм, избираемый всеобщим голосованием. На выборах 1907 г. и (после разгона первого сейма) 1908 г. самой сильной фракцией в нем, набравшей примерно 40% голосов, оказались социал-демократы.

Значительно труднее было царизму пойти на уступки в российской части Польши. Во-первых, там речь шла не о сохранении автономии, как в Финляндии, а о ее восстановлении, что в корне противоречило общим принципам государственной политики. Во-вторых, акты, касающиеся Финляндии, имели строго локализованный характер, уступки же в Польше ставили вопрос о статусе поляков в Западном крае, где власть хотела продолжать курс на деполонизацию и русификацию. В-третьих, революционное движение в Польше было более тесно связано с общероссийским, так что проявление там слабости считалось особенно опасным прецедентом. Наряду с выступлениями польского рабочего класса, шедшими в русле общей борьбы против царизма, развертывалось движение крестьян, в котором вместе с аграрным вопросом отчетливо ставился и национальный: требование восстановить польский язык в гминном управлении и сельской школе. Неприятие русификации средней школы вылилось в забастовку гимназистов, переросшую во всеобщий бойкот государственной школы. Выражавшая интересы буржуазных кругов партия народных демократов выдвигала лозунг автономии, а возглавляемое Ю. Пилсудским правое крыло Польской социалистической партии вступало даже за «польско-русскую войну» в союзе с Японией.

Весной 1905 г. Комитет министров еще надеялся отделаться некоторыми послаблениями в вопросе о языке. Было разрешено преподавать по-польски родной язык и Закон Божий католического вероисповедания и разговаривать по-польски на переменах. Обещано было рассмотреть вопрос о преподавании на польском языке некоторых других предметов и о введении в Варшавском университете чтения лекций по польской литературе на родном языке. Поскольку созданное в 1905 г. просветительное общество «Матица» занялось устройством неофициальных польских школ, в конце года министр просвещения граф И. И. Толстой предложил разрешить преподавание на польском языке в начальной и средней школе и даже, по выбору студентов, в высших учебных заведениях. Соглашаясь с тем, что попытки «обрусить польское юношество» привели лишь к обратным результатам и должны быть оставлены, генерал-губернатор Г. А. Скалон предлагал тем не менее не спешить со школьной реформой, дабы не создавать впечатления, что она вырвана революцией. В итоге реформа была отложена, и преподавание ряда предметов на польском языке было разрешено только в частных гимназиях.

Точно так же власть не пошла на отмену запрета полякам занимать большую часть должностей на государственной службе в Польше. И Скалон, и его предшественник заявляли, что правительство «еще не имеет

оснований питать к полякам такое же безграничное доверие, как к русским». В результате утвержденный Николаем II в июне 1905 г. журнал Комитета министров о пересмотре ограничений в правах поляков вновь включал в себя секретный пункт о списке должностей, которые «не могут быть замещаемы лицами польского происхождения»². Едва оправившись от вооруженных восстаний во внутренних губерниях, царизм усилил давление на окраинах. Закон 26 декабря 1905 г. значительно усилил контроль Варшавского генерал-губернатора над католической церковью, особенно в районах с бывшим униатским населением. Годом позже Министерство внутренних дел откровенно объясняло это тем, что «церковь уже с давних времен сделалась одним из орудий национально-политической... борьбы».

В основном были сохранены ограничения для поляков-католиков в Западном крае. Им было разрешено лишь покупать землю у самих поляков (явное признание краха надежд на то, что владения польских помещиков будут постепенно скуплены русскими) и дозволена покупка небольших участков для промышленных целей. Важнейшими уступками явились восстановление выборов предводителей дворянства и введение польского и литовского языков в начальных школах. Но даже эти уступки вызвали возражения ряда членов Комитета министров, считавших, что они помешают выполнить поставленную в 1865 г. задачу «скорейшего и полного обрусения края». В борьбе против полонизма правящая бюрократия готова была временно поддержать «самосознание непольских народностей Западного края». В этом отношении показательны рассуждения ковенского губернатора, еще в 1896 г. писавшего, что для более успешного обрусения литовцев в будущем важно сейчас не допустить их ополячения. Эти рассуждения вызвали одобрительную помету Николая II.

В январе 1905 г. Министерство внутренних дел заявило о готовности способствовать развитию самосознания также украинцев и белорусов. Имелось в виду устранение препятствий для приобретения ими земли на родине. В этих целях Комитет министров весной 1905 г. отменил запрет католикам-крестьянам покупать земли в Западном крае, поскольку как выяснилось, он бил вовсе не по интересам поляков. Либерализм министерства не доходил, однако, до признания украинского и белорусского языков. С удовлетворением отмечая, что литовцы уже требуют кое-где богослужения в костелах на своем языке, оно сетовало, что усилия правительства по введению католической службы на русском языке не увенчались успехом «среди слабых национальным сознанием белорусов»³. От них по-прежнему требовалось осознавать себя русскими. А единственное послабление для Украины заключалось в том, что был снят запрет на печатание, каждый раз с благословения Синода, переводов Евангелия на украинский язык. В качестве причины послабления откровенно называлась бессмысленность запрета в условиях, когда украинские Евангелия широко распространяются из-за границы.

Решения Комитета министров, касавшиеся национального вопроса в Прибалтике, имели двойственный характер. С одной стороны, в вознаграждение проявленной «высшим и образованным классами» приверженности твердой законной власти, снова было разрешено открыть дворянскую немецкую гимназию в Риге и не препятствовать учреждению других частных заведений с немецким языком обучения. С другой — чтобы вновь не создавать исключительного положения для немецкой школы, в начальных училищах было восстановлено ликвидированное на практике в предыдущие десятилетия преподавание на латышском и эстонском языках.

Дважды на протяжении 1905—1906 гг. правящие круги возвращались к еврейскому вопросу. Весной 1905 г. Комитет министров отмечал, что с государственной точки зрения правильным было бы полное уравнение евреев в правах с остальным населением империи. Но, учитывая «общественно-расовые стороны» дела (антисемитизм определенных кругов), Комитет министров ограничился предложением произвести подробную и всестороннюю разработку истории еврейского законодательства. Летом 1906 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий высказался против

уравнивания евреев в правах, а в Департаменте общих дел того же Министерства внутренних дел была подготовлена записка, доказывающая, что именно правительство своей политикой само обособило евреев от остального населения и теперь, когда евреям предоставлено право участвовать в выборах в Думу, «странным представляется ограничение их в меньших и элементарных правах гражданства: праве жительства, передвижения, просвещения и проч.». Совет министров, однако, зная устойчивый антисемитизм Николая II, предусмотрел лишь частичную отмену антиеврейского законодательства, с сохранением черты оседлости и процентной нормы при поступлении в учебные заведения, и сам же подсказал царю путь дальнейшего спуска дела на тормозах, предложив передать его на усмотрение Думы, в которой власти добивались создания правого большинства. Все же в январе 1906 г. Совет министров высказался в принципе за постепенную отмену процентной нормы для высшей школы, а в мае 1907 г. циркуляром Министерства внутренних дел было временно приостановлено выселение из внутренних губерний евреев, лишившихся права проживания там по законам 1890-х годов.

На решениях правящих кругов по мусульманскому вопросу сказались изменения в общественно-политических настроениях мусульманских народов. Еще в 1880—1890-е гг. началось движение за реформирование конфессиональной школы с переходом на более современные методы преподавания, в частности с арабского на татарский язык, и включением в нее светских предметов. Предусматривалось превращение конфессиональной школы, находившейся вне контроля государства, в общеобразовательную. Осознание мусульманами своей языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) сочеталось с ростом интереса к русскому языку, вызванным увеличением торгово-промышленных связей с российским Центром и отбыванием воинской повинности. Движение сторонников пробуждения национального самосознания мусульманских народов через новометодные школы джадимистов встречало сопротивление консервативного духовенства, приверженного традиционной, чисто конфессиональной школе кадимистов, на которое и делало ставку правительство.

В августе 1905 г. джадимисты из Поволжья, Закавказья и Степного края создали Мусульманский союз, потребовавший уравнивания своих народов во всех политических, гражданских и религиозных правах. Состоявшийся в 1906 г. в Нижнем Новгороде съезд мусульман выдвинул план культурно-конфессиональной автономии. Согласно плану во главе мусульман страны ставился раис-уль-ислам с правом личного доклада царю. Во главе существовавших мусульманских духовных управлений и вновь создаваемого (для Туркестана и Семиречья) должны выбираться на пять лет шейх-уль-исламы и советы (меджлисы) из духовных и светских лиц. Мусульмане Семиречья добавляли к этому требование допустить в Государственную думу представителей от всех пяти основных народов области, а кавказские — создать в Тифлисе выборное представительство кавказских мусульманских народов пропорционально их численности. О желании иметь собственного муфтия заговорили казахи, причем Департамент полиции отмечал важность позиции казахов «для русской государственности на Востоке»⁴. В общемусульманском движении тон задавали волжские татары, а основная политическая направленность Мусульманского союза была близка к кадетской.

Весной 1905 г. Комитет министров уклонился от решения назревших проблем мусульманской политики, предпочтя дожидаться рекомендаций Особого совещания по веротерпимости, во главе которого был поставлен один из лидеров крайней реакции граф А. П. Игнатьев. Совещание сосредоточило главное внимание на опасности, исходившей якобы от стремления волжских татар «отатарить весь русско-мусульманский мир». Для борьбы с этой угрозой оно обсуждало вопрос, не окажется ли лучше раздробить Оренбургский муфтиат, заменив его несколькими не связанными между собой окружными правлениями. Говорилось также об опасности единого духовного управления для казахов, поскольку это «могло бы сблизить их в смысле национальном». Совещание не приняло каких-либо

решений, посчитав это делом ведомств, но высказалось за преподавание в конфессиональных школах для башкир и казахов на родном языке, чтобы пресечь распространение там татарского⁵.

Тот же принцип — лучше уж родной язык, лишь бы не татарский — Министерство просвещения предложило распространить на русско-инородческие школы, действовавшие по правилам 26 марта 1870 г. и не пользовавшиеся успехом у населения. Министерство считало целесообразным разрешить в первые два года обучения преподавание в начальных училищах на родном языке и комплектовать их не по религиозным, а по языковым отличиям, допустив совместное обучение крещеных и мусульман. Предусматривавшие такой порядок Правила 31 марта 1906 г. вводили контроль министерства и над конфессиональной школой, что вызвало сопротивление. Новые Правила о начальных училищах для инородцев 1 ноября 1907 г. представляли собой максимум уступок, на которые пошел царизм в вопросе о языке обучения: они разрешали использовать родной язык как подсобный еще и после двух лет пребывания в школе, но при том, что русский язык оставался в ней главным предметом, имея 12 из 30 учебных часов в неделю.

Таким образом, и на западе, исключая Финляндию, и на востоке страны царизм пошел на незначительные уступки в вопросе о языке преподавания и на обещание пересмотреть в сторону либерализации вероисповедное законодательство. Соответствующие законопроекты были даже внесены в Думу, но, пролежав в ней без движения до 1912 г., взяты назад с объяснением, что в 1906 г. были подготовлены с излишней поспешностью.

Несколько более значительными были уступки, сделанные властью на Кавказе. Это объяснялось тем, что 1905 г. был в Закавказье практически временем гражданской войны, которую требовалось остановить. Задача успокоения Кавказа была возложена на бывшего министра двора при Александре II графа И. И. Воронцова-Дашкова, принадлежавшего к числу сторонников более гибкой политики в национальном вопросе. Вообще в российской бюрократии всегда имелись люди, которые, полностью разделяя конечную цель национальной политики царизма — укрепление единой и неделимой империи, выступали против прямолинейного русификаторства. На рубеже XIX—XX вв. С. Ю. Витте, хотя и без особого успеха, доказывал, что «сближению инородческих племен с русской народностью» мешает «создание без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству»⁶. После революции 1905 г. из числа действующих, а еще больше отставных бюрократов и из ряда влиятельных журналистов сложилась группа сторонников имперской идеи, противопоставляемой «зоологическому национализму» оголтелых русификаторов. Существо имперской идеи заключалось в понимании необходимости сближения с верхами «культурных народов». Но проведение такого имперского курса в масштабах всей страны оказалось невозможным из-за преобладания в центральных органах управления приверженцев жесткой линии.

Воронцов-Дашков получил некоторую свободу действий, поскольку, посылая его на Кавказ в феврале 1905 г., царь восстановил там должность Наместника, наделенного значительной самостоятельностью от правительства в Петербурге. Наместник, естественно, принимал во внимание требования нереволюционных кругов Грузии, Армении и Азербайджана, которые были в общем сходны. В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнивания в правах с остальным населением России, свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращении церковных имуществ (вакуфов). О введении земских органов, ликвидации остатков крепостного права, свободе родного языка, ликвидации ограничений в правах государственной службы на родине и восстановлении автокефалии грузинской церкви говорилось в одновременной петиции представителей грузинского народа. Эти же требования, но с большим акцентом на церковные дела (выборность духовенства, возвращение церковных имуществ) и с развернутой форму-

лировкой общегражданской программы, содержались в петициях грузинского духовенства, включая записку его съезда 28—31 мая 1905 года. В обстановке роста крестьянских волнений грузинское духовенство пыталось перехватить лидерство в общенациональном движении. С марта 1905 г. начинает принимать организованные формы движение автокефалистов, возглавленное епископами всех четырех грузинских епархий.

Ближайшим требованием армянского движения было возвращение имущества армяно-грегорианской церкви. Летом 1906 г. быстро левевшая партия Дашнакцутюн на общеармянском съезде, созванном католикосом, выступила против духовенства, добиваясь передачи всех дел, касающихся церкви и школы, в руки выборных от населения и раздачи монастырских земель крестьянам. Фактически и в Грузии, и в Армении вопрос о независимости церкви был синонимом борьбы за национально-культурную автономию. Грузинское дворянство возбудило вопрос и о территориальной автономии. Для армянского движения территориальная автономия была на этом этапе важнее в Турции, но в случае ее достижения такое же требование было бы выдвинуто и в России. Кроме того, национально-культурная автономия была важна для сохранения связи с армянской диаспорой во внутренних губерниях. В Азербайджане сначала сохранялась внешняя лояльность режиму. Но с 1906 г. некоторые политические группы стали прибегать к тактике террора. Там национальное движение было тесно связано с общемусульманским и добивалось создания особого представительного органа всех исламских народов Кавказа.

При сложном переплетении национальных и общереволюционного движений на Кавказе Воронцов-Дашков предложил царю проведение политики, которая, подавляя деятельность «крайних элементов и анархистов», делала бы ставку на «массу благомыслящего населения», отделяя «мирных националистов от революционеров-террористов». Директор канцелярии Наместника Н. Л. Петерсон, игравший видную роль в кавказской политике, писал о необходимости «взять из революционной программы все, что в ней имеется приемлемого, и этим обессилить революцию». Первым шагом Воронцова-Дашкова было получение согласия царя на отмену закона 1903 г. о конфискации имущества армянской церкви (он тропил с этим актом, чтобы не давать оснований для мнения, «что все реформы принимаются лишь под давлением беспорядков»⁷) и на удаление ненавистного грузинам экзарха Алексия. Затем Воронцов-Дашков провел в Тифлисе совещание с участием представителей общественных и сословных учреждений, на котором высказался за введение в Закавказье земства и вскоре выступил против намерения петербургских властей не изменять Положение о выборах в государственную думу на Кавказе вплоть до его умиротворения, подчеркнув, что это вызовет лишь недовольство «благоразумных элементов». При этом, однако, он предлагал снизить квартирный избирательный ценз, чтобы дать право голоса большему числу русских чиновников.

В ряде ситуаций Воронцов-Дашков не ограничивался опорой на «благоразумные элементы». Так, в ноябре 1905 г. во время очередных армяно-азербайджанских столкновений в Баку он принял предложение рабочих социал-демократов, которые два дня удерживали эти столкновения, пока Воронцов-Дашков не подтянул войска. Надеясь этим успокоить развитие событий в Грузии, он назначил кутаисским губернатором известного агронома В. А. Старосельского, близкого к социал-демократам. Но его расчеты, связанные с этим назначением, оказались ошибочными⁸. В то же время Воронцов-Дашков постоянно использовал войска для подавления революционных выступлений и протестовал против уменьшения численности войск в Закавказье, добиваясь увеличения там численности и полиции, и жандармерии. Главной целью карательных действий и мер по привлечению умеренных элементов был подрыв влияния партии Дашнакцутюн, которую Воронцов-Дашков считал «опаснее всех других организаций».

Подавив революционные выступления, он представил в 1907 г. всеподданнейшую записку с программой управления Кавказским краем, выделив в качестве основных направлений ликвидацию зависимости крестьян, пре-

доставление права собственности всем землевладельцам, реформу местного управления и самоуправления, включая создание земских учреждений, развитие начального образования на родном языке, учреждение в Тифлисе университета или политехнического института и русскую колонизацию края. Его усилия по распространению в Закавказье земства и попытка создать за Кавказским хребтом хоть одно государственное высшее учебное заведение натолкнулись на противодействие столичной бюрократии. Лишь в небольшой мере, да и то с запозданием, ему удалось провести свою аграрную программу.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости было проведено в Закавказье еще в 1864—1873 гг., но на условиях, более тяжелых для крестьян, чем во внутренних губерниях России. Правительство не взяло на себя выплату выкупных ссуд помещикам и потому не ввело обязательного выкупа наделных земель, предоставив его добровольному соглашению крестьян с бывшими собственниками. В результате, получив личную свободу, крестьяне продолжали отбывать денежные и натуральные повинности за землю. За время, прошедшее после освобождения, наделы крестьян уменьшились, а повинности увеличились. В еще более тяжелом положении оказалась категория хизан — наследственных крепостных арендаторов, которые после освобождения так и остались арендаторами, причем с удорожанием земли помещики старались превратить наследственную аренду в срочную и согнать хизан с их участков. Значительную часть хизан составляли осетины, переселившиеся с гор в ущелья Цхинвальского участка. Сохранение зависимых отношений делало аграрный вопрос в Закавказье особенно острым и было причиной массовых крестьянских выступлений в 1902—1907 годах. Поэтому в начале 1907 г. Воронцов-Дашков предложил царю срочно, еще до работы II Думы, издать указ о прекращении там зависимых отношений, «чтобы население Кавказа знало, что оно за полученное благо обязано только монарху, а не своим представителям».

Однако медлительность бюрократической машины привела к тому, что закон об обязательном выкупе крестьянских повинностей был издан только 20 декабря 1912 года. Сопrotивление грузинских помещиков наделению землей хизан вообще и хизан-осетин в частности помешало разрешению проблемы. Не получил законодательного решения и вопрос о земельном устройстве горцев Северного Кавказа, а также крестьян Азербайджана и Армении, живших на землях, которые казна считала своей собственностью. При обсуждении этого вопроса в Совете министров представитель Наместника напомнил, что при присоединении Кавказа его народам было обещано сохранить право собственности на находящиеся в их владении земли, причем горцы считают землю своей и совершают сделки купли-продажи. Но большинство министров отвергало ссылки на давние обещания, преследовавшие «главным образом политические цели», и утверждало, что, поскольку русские казенные крестьяне платили выкупные платежи, следует взыскать их и с горских народов, которые сравнительно недавно вошли в состав населения империи.

Воронцов-Дашков внес коррективы и в политику русской колонизации Кавказа. Он полностью разделял основную ее цель — увеличение численности русского крестьянского населения как опоры имперского влияния в крае и в этой связи настаивал на ускорении ирригации Муганской степи. Там он хотел расселить на зимних пастбищах местных скотоводов русских крестьян, которых собирался превратить в производителей хлопка. Русские поселения рассматривались им как надежный оплот в пограничной полосе, где предполагалось создать сплошную русскую провинцию. Точно так же Воронцов-Дашков считал необходимым создание русских поселков в полосе закавказских железных дорог, особенно при железнодорожных станциях. Но он постоянно подчеркивал, что при ограниченности площади свободных земель и при важности прочного заселения русскими выделяемых им участков Кавказ нельзя рассматривать как территорию, используемую для решения задач земельной реформы во внутренних губерниях России. Поэтому он настаивал на том, что для колонизации на Кавказе нужны крестьяне, уже

привыкшие к его сельскохозяйственным условиям, и считал наиболее подходящим контингентом кубанских и терских иногородних из казачьих районов Северного Кавказа. Кроме того он возражал против попыток Главного управления землеустройства рассматривать казенные земли Закавказья как фонд, предназначенный для русского переселения, подчеркивая, что это есть общий запас, а прежде всего — для удовлетворения нужд местного населения.

Политика Воронцова-Дашкова вызвала злобные нападки черносотенной реакции. Его обвиняли в препятствовании широкому притоку русских переселенцев, в покровительстве местному национализму вообще, армянам в особенности, в сочувствии революционерам. Все это вылилось в запрос черносотенцев 1908 г. в Думе и оскорбительные выпады против Воронцова-Дашкова и Петерсона. В большой мере за этим стояло недовольство старого кавказского чиновничества, чистку которого от наиболее одиозных элементов правые называли изгнанием оттуда лучших русских людей. Правые опирались на поддержку Департамента полиции, составившего в 1908 г. форменный донос на Наместника, который обвинялся в возмутительной податливости вредным влияниям и в подборе сотрудников, создавших удушливую и губительную для русского дела атмосферу. Суть разногласий с Воронцовым-Дашковым Департамент полиции видел в том, что Наместником «все делалось и делается только для успокоения, но отнюдь не подавления»⁹.

Эти нападки встречали явное сочувствие у П. А. Столыпина, пенявшего Наместнику на его «излишне оптимистическое» отношение к армянам. Суть дела заключалась, с одной стороны, в том, что Воронцов-Дашков сопротивлялся попыткам Петербурга умалить права католика и усилить вмешательство власти в его избрание, даже ценой разрыва турецких армян с центром армяно-грегорианской церкви в Эчмиадзине. С другой стороны, кавказские власти не скрывали своего отрицательного мнения о доказательствах сфабрикованности нашумевшего суда над партией Дашнакцутюн. Кроме того власти в Петербурге были вообще недовольны восстановлением Наместничества, ограничивавшего прямое вмешательство ведомств в управление Кавказом. Воронцов-Дашков в связи с этим жаловался царю на позицию «высшей петербургской администрации, считающей существование Наместничества явлением ненормальным, захватывающим компетенцию и право центрального управления». А своей дочери он писал о петербургских властях: «Дураки они, намаются с Кавказом, ежели я уйду»¹⁰. В 1910 и 1913 гг. он опубликовал свои доклады царю об управлении Кавказом, где выражал уверенность, что край находится накануне прочного успокоения и что все национальные и конфессиональные проблемы могут быть направлены в спокойное русло, если только не ставить лишних преград, способных снова породить бурные волнения.

В то время, как на Кавказе Воронцов-Дашков пытался проводить политику сближения с умеренными элементами местного населения, в общеимперской политике все больше брали верх великодержавно-националистические тенденции. Вынужденный в 1905—1907 гг. пойти на уступки финскому национальному движению, царизм сразу же после поражения первой российской революции снова взял курс на ликвидацию финляндской автономии. Уже в октябре 1907 г. по докладу Столыпина было создано Особое совещание по делам Финляндии, занявшееся подготовкой соответствующих законопроектов. Вскоре был разогнан не устраивавший правительство своей левизной финляндский сейм, причем Столыпин предупредил, что, если сейм не подчинится роспуску, Петербург будет готов прибегнуть к военной силе. Поскольку и новый сейм сохранил почти прежнюю политическую окраску, царь в 1910 г. предложил поставить вопрос о пользе существования парламента в Финляндии вообще. Действия правительства поддерживались широкой кампанией правых в прессе и в Думе.

Когда в мае 1910 г. правооктябристские фракции в Думе внесли запросы о положении в Финляндии с утверждением, что ситуация там угрожает коренным государственным интересам России, Столыпин выступил в Думе

еще до голосования о желательности принятия запросов, полностью поддержав их и провозгласив целью своей политики остановить процесс, ведущий «к почти полному обособлению этой страны». В срочном порядке в Думе было проведено обсуждение закона, определявшего дальнейшее направление общеимперского законодательства, касающегося Финляндии. Согласно этому закону, утвержденному царем 17 июня 1910 г., общеимперские законы, затрагивающие Финляндию, должны были приниматься только в Думе и Государственном совете, а мнение финляндских Сената и сейма могло не учитываться. Перечень вопросов, относимых к общеимперскому законодательству, включал все стороны внутренней жизни Финляндии: основные начала ее собственного государственного строя, охрану порядка и суд, школьное дело, законодательство о партиях и печати и пр. Фактически ничего не оставалось от финляндской автономии. Сразу по принятии этого закона Думой один из лидеров черной сотни В. М. Пуришкевич радостно воскликнул: «Конец Финляндии!». Бывший же председатель I Думы октябрист Н. А. Хомяков откликнулся: «Что мне Финляндия, мне за Россию стыдно!»¹¹.

Правые очень хотели, чтобы инициатива внесения конкретных законов, касающихся Финляндии, была предоставлена именно Думе. Это дало бы возможность шовинистическим кругам оказывать давление на власть. Но такая перспектива тоже не устраивала правительство, и в окончательном варианте дальнейшая законодательная инициатива в финляндском вопросе была предоставлена царю. В 1912 г. через законодательные палаты были проведены два закона. Первый устанавливал, что, взамен отбывания финнами воинской службы (власти не хотели призывать финнов в армию, где и без того инородцы составляли 25%), Финляндия обязана вносить определенную сумму в российский бюджет. Согласно другому закону право на государственную службу в Финляндии получали выпускники всех учебных заведений империи, а не только расположенных на финляндской территории. Это открывало дорогу к постепенному замещению финских чиновников — сторонников автономии обрусителями из центра. В сентябре 1914 г. царь одобрил программу дальнейшего наступления на Финляндию, предусматривавшую меры укрепления там центральной государственной власти, включая ограничение полномочий финских чиновников и их права участвовать в деятельности политических партий. Речь шла также о ликвидации таможенной границы между Финляндией и остальной империей. Дальнейшей разработке этих законов воспрепятствовала первая мировая война.

Если даже события 1905—1907 гг. не вынудили царизм отказаться от антипольской политики, то с 1907 г. она была резко усилена. Третьеиюньский избирательный закон сократил польское представительство в Думе с 37 до 14 депутатов, причем двое из них избирались особо, от русского населения. В декабре 1907 г. было закрыто общество «Матица», вслед за ним другие культурно-просветительные учреждения. Совещание 1911 г. о школе в местностях с инородческим и иноверческим населением выразило глубокую озабоченность в связи с тем, что не имеет возможности немедленно взять назад уступки в деле обучения на родном языке, и выразило надежду, что с введением всеобщего начального обучения отпадет необходимость «в частных начальных училищах с преподаванием на родном языке учащихся». В средних частных школах, особенно в Польше и Восточной Прибалтике, оно хотело вернуться к требованию допускать родной язык только в первые три года занятий. Частные католические конфессиональные школы в западных губерниях совещание предлагало вообще запретить.

В 1912 г. Министерство внутренних дел взяло назад законопроект 1907 г., допускавший открытие новых католических монастырей, ссылаясь на сведения об организации монастырями «недозволенного тайного обучения в духе воинствующего полонизма»¹². Даже там, где правительство готово было пойти на некоторые уступки, против них выступали крайне правые. В конце 1912 г. Государственный совет провалил законопроект

о Городовом положении в Польше, разрешавший гласным в заседаниях говорить по-польски. Антипольскую направленность имел и принятый в 1911 г. закон о земстве в западных губерниях. Отступая от принятого во внутренней России сословного принципа, закон вводил в крае национальные курии, ограничивавшие представительство поляков-помещиков в земском самоуправлении.

Возобновилось великодержавное давление в украинском вопросе. Если в 1906 г. Министерство просвещения согласилось на использование украинского языка в качестве подсобного — «для разъяснения того, чего ученики не понимают», то в 1907 г. это согласие было взято назад, а в 1908 г. правительство отклонило законопроект, предложенный рядом членов Думы, о начальном обучении украинцев на родном языке. Совещание 1911 г. сделало упор на том, что, поскольку малороссов и белорусов нельзя причислить к инородцам, их обучение «должно вестись на русском языке»¹³. Во многих городах были закрыты возникшие в годы первой российской революции общества «Просвита». Преследовалась возникшая явочным порядком украинская печать. В феврале 1914 г. Министерство внутренних дел выступило против празднования столетия со дня рождения Т. Г. Шевченко, а Синод «счел неудобным» участие в этих юбилейных торжествах православного духовенства.

Особенностью украинского вопроса являлось то, что против развития украинской культуры выступала часть либерального лагеря, обычно поддерживавшего народы России и в национально-культурных программах. Так, кадет П. Б. Струве считал, что украинская культура может быть только областной по отношению к русской, а деятельность средней и высшей школы на украинском языке была бы «искусственной и ничем не оправдываемой растратой психических сил населения».

Одним из наиболее откровенных проявлений националистической политики царизма являлся антисемитизм. Антисемитская политика проводилась по трем направлениям. Во-первых, несмотря на циркуляр Министерства внутренних дел 1907 г., возобновилось выселение в черту оседлости значительных групп евреев-ремесленников, лишенных права жить за ее пределами по законам конца XIX века. Во-вторых, вводились более жесткие ограничения численности евреев в учебных заведениях. В августе 1908 г. Совет министров ужесточил процентную норму для высшей школы, установив ее в 3% для столиц, 5% для других городов вне черты оседлости и 10% — в черте. Годом позже были снижены нормы для средних учебных заведений, причем в черте оседлости доля допускаемых в гимназии евреев была установлена даже ниже, чем вне ее: 5% и 10%. В-третьих, дальнейшим стеснением подверглась предпринимательская деятельность. В 1911 г. Столыпин предложил Министерству торговли и промышленности разработать меры по вытеснению евреев из хлебной торговли. Эта инспирированная черносотенцами идея была совершенно невыполнимой и грозила ущербом для русских производителей зерна.

В 1913—1914 гг. под предлогом наличия скупки земель акционерными обществами с еврейским капиталом были разработаны правила, ограничивавшие приобретение земли любыми акционерными предприятиями, евреям же было запрещено становиться управляющими недвижимым имуществом и директорами-распорядителями таких предприятий. Только бурный протест российских промышленников вынудил царя объявить 16 июля 1914 г. о временном прекращении действия этих правил. Но фактически они применялись и в дальнейшем. Наконец, в течение всего Третьеиюньского периода в стране нагнеталась антисемитская истерия. Кульминацией стал в 1913 г. пресловутый суд в Киеве над М. Бейлисом, обвиненным в ритуальном убийстве. Провал суда, организованного Министерством юстиции, знавшим действительных преступников, виновных в гибели русского мальчика, и оправдание Бейлиса судом присяжных оказались, по признанию Департамента полиции, «полицейской Цусимой, которую никогда не простят».

Все большее внимание уделялось в правящих кругах вопросу о панис-

ламизме и пантюркизме. Тут сказывались три фактора. Первым был рост либерально-просвещенческого джадимистского движения среди мусульманских народов. Численность новометодных конфессиональных школ росла. Несмотря на сопротивление консервативного духовенства, их стало поддерживать Оренбургское духовное собрание. Благодаря пожертвованиям богатых татар эти школы обеспечивались учебной литературой на татарском языке, а власти считали, что такие пожертвования дают возможность создать особый орган управления мусульманскими школьными делами, как бы собственное Министерство просвещения. Представители джадимистского лагеря главенствовали в татарской и азербайджанской национальной печати, быстро развивавшейся после 1905 года. А после младотурецкой революции 1908 г. в Турции появились группы младобухарцев в Бухаре, младохивинцев в Хиве и младосартаков в Туркестане.

Во-вторых, росло недовольство населения Казахстана и Средней Азии колониальной политикой царизма в регионе, в частности конфискацией земли для русских переселенцев. Туркестанский генерал-губернатор П. И. Мищенко отметил в 1909 г. «крупнейший поворот» в настроениях местного населения, связанный с событиями как вне, так и внутри России (аграрная политика правительства). Возросла и панисламистская пропаганда ¹⁴.

Наконец, констатировав религиозно-национальное движение среди мусульман, особенно в Приволжских губерниях, идущее вразрез «с интересами нашей государственности», правящие круги ответили созывом в 1910 г. Совещания о противодействии татаро-мусульманскому влиянию. Совещание сетовало, что, сосредоточившись на борьбе с революционным движением, власти не уделили своевременно внимания эволюции российского мусульманства, и признало на будущее одной из важнейших задач противодействие «искусственно создаваемой... религиозно-национальной сплоченности мусульманских народов России» ¹⁵, после чего высказалось за усиление православной миссионерской деятельности и удержание мусульманских школ в строго конфессиональных рамках, чтобы привлечь лиц, стремящихся к светскому образованию, в государственные школы. Для ослабления влияния Оренбургского муфтията предложено было проводить испытания кандидатов в муллы на родном, а не татарском языке, и не в Уфе, а в губернских комиссиях.

Специальными циркулярами Министерства внутренних дел предлагалось пресекать в корне влияние Турции как «культурно враждебного нам государства», не допускать к исполнению обязанности муллы людей, получивших образование за границей, особенно в Турции или Египте, а также в новометодных медресе самой России, причем последних — без удостоверения об их «непричастности к религиозно-племенной агитации». Видя главную опасность в пантатаризме, совещание готово было разрешить преподавание крещеным инородцам на родном языке. Но уже в 1911 г. Совещание по делам инородческой школы взяло курс на сокращение числа родных языков, на которых допускалось начальное обучение, поскольку оно «искусственно пробуждает национальное самосознание» ¹⁶.

Очередное совещание по мусульманским делам было проведено весной 1914 года. Оно снова расценило как главную опасность не общие идеи панисламизма и пантюркизма, сочтя их утопическими, а пантатаризм — стремление создать общие для российских тюрок язык и культуру на основе волжско-татарских и преобладание татар среди мулл и учителей конфессиональных школ. Особую озабоченность властей вызывало то обстоятельство, что новометодные школы готовят «неблагонадежных» мулл, среди которых усиливаются противоправительственные настроения, а большинство татарских газет оппозиционно по своей направленности. Совещание отметило, что развивающийся в России процесс отражает путь эволюции ислама во всем мире: в нем усиливаются «прогрессивные течения с националистической окраской». Считая, что тяга к развитию собственной культуры ведет к обособлению от русской народности, совещание рекомендовало с осторожностью относиться к пожеланиям

прогрессивных мусульманских кругов насчет упрочения института муфтиев и коллегиальности духовного управления.

Часть членов совещания предложила для уничтожения преобладания татар и разобщения мусульманских народностей создать особые татарский, башкирский и киргизский муфтиаты. Большинство, однако, решило, что делать это не следует, дабы не способствовать упрочению самобытности конкретных народностей и не приблизить духовные управления мусульман к массам. Совещание предложило вообще не требовать от мулл знания русского языка, чтобы не побуждать мусульман к получению общего образования, поскольку именно с образованием у них «рушится их прежнее строго консервативное политическое направление». В страхе перед отдельной политической организацией мусульманских народов совещание высказалось против разрешения создать консервативный союз Сыратул-Мустаким («Правый путь»), устав которого базировался на черносотенных образцах «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Отказ мотивировался тем, что со временем направленность этого объединения может измениться¹⁷.

Третьеиюньский избирательный закон полностью лишил представительства в Думе население Казахстана и Средней Азии. Послав в I и II Думы оппозиционных депутатов, оно с точки зрения властей проявило себя «недостаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства». Центральным же вопросом национальной политики в Казахстане и Средней Азии стала после столыпинского закона 9 ноября 1906 г. о разрешении выходить из общины на хутора и отруба русская крестьянская колонизация. Имелись в виду два ее аспекта: увеличение численности русского населения в регионах и смягчение за счет свободных земель края проблемы аграрной перенаселенности в Европейской России. Еще до начала столыпинской аграрной реформы военный министр А. Ф. Редигер подчеркивал, что русская колонизация всегда была одним из важнейших вопросов окраинной политики. И если бы не соображения «общего гуманитарного свойства», этот вопрос «был бы решен давно и просто».

Столыпинская реформа стала побудительным толчком к так называемым простым решениям проблем в казахских степях. Для отведения земли переселенцам в Степном крае провели повторное обследование казахского землепользования, при котором площадь выявленных земельных излишков резко увеличилась (например, в Кокчетавском уезде Акмолинской обл. — с 129 тыс. до 1766 тыс. десятин). Переселенческое управление, не стесняясь, признавалось, что участки для переселенцев образовывались в лучших частях уезда, в результате чего скотоводческое хозяйство казахов не могло там «надеяться на какое бы то ни было обеспечение его от полного исчезновения». Конфискация казахских земель проводилась под лозунгом перевода их с кочевого образа жизни на оседлый и сопровождалась рассуждениями о том, что при этом происходит как бы переориентация власти, опиравшейся ранее на родовую верхушку, — к опоре на казахскую бедноту, не имеющую скота и потому более готовую перейти к оседлому земледелию¹⁸.

Местная администрация, лучше представлявшая ситуацию, предупреждала, что массовая экспроприация земли приводит к разорению казахского населения и что сначала нужно осуществить прочное землеустройство казахов, которое только и выяснит наличие реальных излишков земли. Но совещание высших чинов Министерства внутренних дел в 1907 г. заявило, что если сначала землеустроить казахов, то лучшие земли достанутся как раз им, что «обидно для русского крестьянина и не может быть оправдано»¹⁹. Речь велась только о землеустройстве казахов, переходящих к земледелию, и крупных оседлых скотоводческих хозяйств, что и показывало истинную цену разговорам о «ставке на бедноту». Традиционное же казахское скотоводство в основном оттеснялось на неудобные земли.

В 1911 г. Степной генерал-губернатор признал, что именно «интенсивное заселение киргизских степей крестьянами-переселенцами» и связанный с этим кризис хозяйства местных жителей являются причиной распростра-

нения среди них антиправительственных настроений и прямого их сопротивления, выражающегося, в частности, в угоне принадлежащего переселенцам скота в Китай. Его вывод: необходимо заселить пограничную полосу исключительно русскими и изгнать оттуда казахов в районы, непригодные для земледелия. Назвав действия этого генерал-губернатора «не строго законными», Столыпин, однако, счел, что на той «дальней и дикой окраине» вести себя иначе нельзя, так что «не нам мешать генерал-губернатору»²⁰.

Более сложно складывалась ситуация с переселением в Туркестан и Семиреченскую область, административно входившую в состав Туркестанского края, но управлявшуюся по «Степному положению». Благоприятное в климатическом и почвенном отношении для русских крестьян Семиречье стало центром притяжения стихийных переселенцев и объектом особого интереса Переселенческого управления. Местное казахское и киргизское население испытывало нехватку поливных земель. Между тем под влиянием волнений стихийных переселенцев в 1905 г. вблизи г. Верный (Алма-Ата) Переселенческое управление начало передавать русским крестьянам обработанные и густо населенные земли. На этой почве возник конфликт между Военным министерством и Главным управлением землеустройства. Соглашаясь с необходимостью увеличить русское население в Семиречье, да и вообще в Туркестане, военное ведомство считало, что нельзя ради этого создавать «острый окраинный «киргизский» вопрос» и необходимо, временно закрыв край для переселения, минимально урегулировать сначала земельные права местного населения. Главное управление землеустройства назвало такую позицию «небрежением» нуждами русского народа и губительной «для русского дела в Туркестане». Особой остроты достиг конфликт с назначением Туркестанским генерал-губернатором вышеупомянутого Мищенко, который разделял идеи Воронцова-Дашкова. Мищенко отмечал искусственное развитие переселения, приближающего «грозный призрак земельного голода в Туркестане» и рассматриваемого местным населением как насилие, редкое «даже во времена наиболее непопулярных ханов»²¹.

Результатом конфликта стало назначение ревизии края, возглавленной сенатором К. К. Паленом. Обвинив Переселенческое управление в погоне за внешним успехом, а местные туркестанские власти — в нежелании иметь дело с русскими крестьянами, способными оказать большее противодействие административному самоуправству, чем запуганное коренное население, Пален предложил свой план русской колонизации Семиречья, основанный на частном землевладении. Он тоже считал, что «при столкновении интересов русских и киргиз... предпочтение надо отдать русскому» населению, но выступал за более медленные темпы колонизации, обеспечивающие приток «сильных представителей русской народности», а не «отбросов сибирского переселения», и предупреждал, что продолжение прежней политики скоро окажется возможным «только под охраной военной силы». Насильственный характер ломки жизненного уклада коренного населения отмечал и новый военный министр В. А. Сухомлинов, сделавший из этого такой вывод: «Раз мы вступили на путь, который может потребовать применения силы, то необходимо, чтобы таковая была в наличии».

Благодаря поддержке Столыпина Главное управление землеустройства победило в конфликте с Мищенко. Сменивший его А. В. Самсонов высказался за увеличение колонизационного фонда для «устройства страдающего от земельной тесноты русского крестьянства» путем «изъятия из пользования» у кочевников «излишних земель». Но Совещание по преобразованию управления Туркестанским краем высказалось в мае 1911 г. против использования ценных земель для переселения по типу сибирского, повторив тезис Палена о привлечении «сильных представителей русской народности»²². Пренебрежение национальными и вероисповедными интересами местного населения, самоуправство административной власти и массовая конфискация земель в интересах колонизации превратили Казахстан и Среднюю Азию во взрывоопасный для царизма регион и подготовили почву для восстания 1916 года.

Первая мировая война вынудила царизм маневрировать в национальном

вопросе. Поскольку территории, населенные поляками и украинцами, сразу превратились в театр военных действий, верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич выступил с заявлениями, которые можно было истолковать как обещания пересмотра прежней политики. Характерно, однако, что обещания делались от имени лица, не ответственного за внутреннюю политику в стране. На Кавказе Воронцов-Дашков разрешил сформировать армянские добровольческие дружины для действий на Турецком фронте. Но царизм не собирался отказываться от ущемления прав нерусских народов империи. Когда в феврале 1916 г. группа депутатов Думы внесла законодательное предположение об отмене вероисповедных и национальных ограничений, все министры высказались против такой отмены, и только либеральный министр просвещения граф П. Н. Игнатъев признал принципиальную необходимость пересмотра прежней политики, двусмысленно (хотя и справедливо по сути) заметив, что «разрешение вероисповедного и национального вопросов связано с результатами войны»²³.

Быстрая активизация после Февральской революции 1917 г. национально-сепаратистских движений показала, что они давно вызревали в стране. Основная часть этого процесса протекала, однако, настолько подспудно, что ни существующая литература, ни архивные материалы не дают возможности осветить его. Можно все же констатировать, что потерпели неудачу и официально-охранительная, и «имперско-либеральная» линии в национальном вопросе. Крах первой продемонстрировало Среднеазиатское восстание 1916 г., поскольку там охранительная политика традиционно осуществлялась в наиболее открытом виде. Тщетность надежд на умиротворение национальных движений путем частичных уступок выявило возрождение влияния партии Дашнакцутюн в Армении, где участие вооруженных Россией дашнаков в войне против Турции рассматривалось ими лишь как первый шаг в борьбе за объединение всех армянских земель, включая находившиеся в Турции. Их автономия должна была стать этапом на пути к независимости.

Как свидетельствует история, при наличии определенной степени зрелости этносов, включенных в состав многонациональных империй, удержание их в одном государстве возможно только при помощи силы. Как только империя выказывает отсутствие такой силы, она разваливается. После первой мировой войны развалились потерпевшие военное поражение три империи: Россия, Австро-Венгрия, Османская Порты. По-видимому, не существует политики, которая вообще могла бы предотвратить развал таких империй, и может быть найдена лишь политика, которая амортизирует этот развал и делает его менее болезненным. Относительно мирным был возможен «развод» угнетенных народов России после Февраля 1917 года. В частности, экономическая специализация регионов в рамках единого народного хозяйства еще не была доведена до того абсурдного уровня, до которого она потом дошла за 73 года советской власти. Если исключить северные районы Казахстана, тогда еще не существовало столь значительного русского населения в рамках будущего СНГ, вне границ нынешней Российской Федерации. Используя сначала лозунг права наций на самоопределение (вплоть до их отделения) для подрыва царской империи, а затем силой создав на ее обломках свою империю, большевистская партия заложила под дальнейшее развитие страны ту мину, которая взорвалась уже в наши дни.

Примечания

Статья извлечена из личного архива покойного доктора исторических наук В. С. Дякина. В подготовке ее к печати участвовал кандидат исторических наук И. В. Лукоянов (Санкт-Петербург). Первую ее часть см.: Вопросы истории, 1995, № 9.

1. Подробнее см.: КЕЧЕДЖИ-ШАПОВАЛОВ М. В. Политический строй Англии, Германии... и т. д. СПб. 1905, с. 20–23.

2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 2, д. 486, л. 1 -14, 48.
3. Там же, оп. 1, д. 106, л. 18.
4. Там же, ф. 821, оп. 133, л. 566, л. 423- 425; оп. 8, д. 624, л. 252 -253.
5. Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 593, л. 9, 59.
6. Там же, ф. 821, оп. 7, д. 96, л. 150.
7. Там же, ф. 1276, оп. 19, д. 2, л. 40.
8. См. об этом: ЛЕЙБЕРОВ И. П. «Странный губернатор». Вопросы истории, 1993, № 4.
9. РГИА, ф. 1284, оп. 185, 1909 г., д. 4, л. 6 -27.
10. Там же, ф. 1088, оп. 2, д. 232, л. 7 - 8.
11. Государственная дума, III созыв. 1910 г. III сессия, стб. 2582.
12. РГИА, ф. 1022, оп. 1, д. 28, л. 34, 38; ф. 1276, оп. 2, д. 12, л. 373.
13. Там же, ф. 1022, оп. 1, д. 28, л. 26- 27.
14. Там же, ф. 821, оп. 8, д. 801, л. 5 -6.
15. Там же, оп. 133, д. 573, л. 18-19; д. 472, л. 90.
16. Там же, д. 469, л. 9; ф. 1022, оп. 1, д. 28, с. 1- 187 и л. 24.
17. Там же, ф. 821, оп. 133, д. 576, л. 115- 384.
18. Там же, ф. 1276, оп. 2, д. 36, л. 407 -408; оп. 4, д. 468, л. 87, 107, 108: подробнее см.: КУЗНЕЦОВ В. К. Главные результаты повторного статистического исследования киргизского хозяйства и землепользования в Кокчетавском уезде Акмолинской области. Спб. 1908.
19. РГИА, ф. 1276, оп. 4, д. 468, л. 218 - 219.
20. Там же, ф. 821, оп. 133, д. 471, л. 168, 179; ф. 1276, оп. 7, д. 20, л. 1.
21. Там же, ф. 1276, оп. 4, д. 428а, л. 20, 81, 136.
22. Там же, д. 468, л. 153, 181, 182; д. 36, л. 145, 201 - 222; оп. 5, д. 14, л. 62.
23. Там же, оп. 12, д. 3, л. 24 - 25.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Гарри Гопкинс

В. Т. Юнгблюд

Когда У. Черчилля попросили назвать имена двух американцев (кроме президента), чей вклад в разгром фашистской Германии был самым значительным, английский премьер, не задумываясь, ответил, что из военных деятелей таковым является Дж. Маршалл. Из гражданских же лиц он отдал предпочтение Гарри Гопкинсу. Оценка этого деятеля тем примечательнее, что Черчилль был известен не только наблюдательностью, но и предвзято-критическим, а порой и откровенно ревнивым отношением к чужим успехам.

Гарри Ллойд Гопкинс родился 17 августа 1890 г. в семье шорника из Айовы. Гопкинс никогда не избирался на общественную должность, не имел большого состояния и не принадлежал к привилегированной элите американского общества. И все же он стал одним из самых известных и влиятельных людей своего времени. Его карьера принадлежит к самым удивительным в американской истории XX века. В течение 12 лет он работал в тесном контакте с Франклином Делано Рузвельтом в качестве автора его речей, члена «мозгового треста», личного советника, администратора ряда правительственных программ, министра торговли, «министра без портфеля», и, наконец, личного дипломатического представителя главы Белого дома, специального помощника президента.

Историки по-разному оценивают роль Гопкинса во второй мировой войне. Нет недостатка ни в восторженных, ни в обвинительных версиях. Порой желание поразить читателя очередной сенсацией побуждает авторов делать весьма курьезные заявления. В книге К. Эндрю и О. Гордиевского «КГБ: взгляд изнутри» Гопкинс предстает ни много ни мало как невольный агент Кремля¹. Но если оставить в стороне крайние оценки и фантастические интерпретации мотивов и итогов деятельности Гопкинса, можно с уверенностью утверждать, что он был наиболее яркой, динамичной и одновременно спорной фигурой в окружении Рузвельта.

Особенно примечательна дипломатическая деятельность Гопкинса во время второй мировой войны. Американский историк и политолог Э. Плишке считает, что в сфере внешней политики этот помощник президента выполнял две основные функции: во-первых, замещал Рузвельта в качестве его личного представителя на переговорах с Черчиллем и Сталиным, и, во-вторых, сопровождал президента на конференциях высшего

Юнгблюд Валерий Теодорович — кандидат исторических наук, доцент Вятского педагогического университета.

уровня². Но на самом деле масштабы активности Гопкинса были намного значительнее. Он участвовал практически во всех фазах внешнеполитического процесса, начиная с подбора и расстановки кадров и рутинной работы по сбору и обобщению информации, поступавшей в Белый дом, и завершая участием в принятии решений по важнейшим вопросам политической стратегии.

Исследователи не оставили без внимания факт личной и духовной близости Рузвельта и Гопкинса. Это обстоятельство можно считать бесспорным, и именно по этой причине правомерным и оправданным представляется вопрос о степени самостоятельности политических начинаний помощника президента. Был ли он активной фигурой, творчески формирующей политический курс великой державы, или занимал более скромное место исполнителя замыслов своего патрона? Вопрос этот является принципиальным, поскольку от ответа на него зависит отношение к аргументам историков неоконсервативного толка, обвиняющих Рузвельта в склонности легкомысленно полагаться на мнение своего помощника и делегировать ему такие полномочия, которые, согласно конституции, могли принадлежать только президенту.

Практически все дипломатические акции Гопкинса были подчинены решению одной генеральной задачи — созданию антигитлеровской коалиции и налаживанию механизмов взаимодействия держав «большой тройки», пригодных как для условий войны, так и в послевоенном будущем. Исследование деятельности Гопкинса требует не только анализа воззрений дипломата, но и изучения особенностей его стиля, рассмотрения его взаимоотношений с лидерами держав антифашистского блока.

Пребывание Гопкинса в ближайшем окружении президента, а с 1941 г. и в роли специального помощника и главного политического советника Рузвельта, совпало с беспрецедентным за всю предшествовавшую историю укреплением позиций президента в государственной системе США. Война ускорила образование реально действующего внешнеполитического механизма, в рамках которого конструировались новые схемы принятия решений. Личная дипломатия, многочисленные встречи на высшем уровне, вовлечение президентских структур в координирование межведомственных подходов к решению международных проблем стали отличительными чертами этого механизма. Гопкинс находился в центре этих процессов выступая одновременно и как администратор, и как дипломат.

В 1950 г. на книжных полках американских магазинов появился том, объемом почти в тысячу страниц, озаглавленный «Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца», до сих пор являющийся самым полным отчетом об истории взаимоотношений этих двух деятелей. Автор этого труда Р. Шервуд, близко знавший обоих героев своей книги и хорошо знакомый с вашингтонской политической кухней, начинает свое повествование с весьма интригующего заявления: «В течение тех лет, когда Гарри Гопкинс жил в качестве гостя в Белом доме, его обычно считали мрачной личностью, тайным интриганом, своеобразной комбинацией Макиавелли, Свенгали и Распутина из штата Айова. К нему относились враждебно отнюдь не только те, кто ненавидел Франклина Делано Рузвельта. Многим, самым верным друзьям и сотрудникам Рузвельта... очень не нравился Гопкинс. ...Несомненно, он был политической обузой для Рузвельта и являлся удобной мишенью для всякого рода нападков, направленных против самого президента. Многие удивлялись, почему Рузвельт сохраняет его в своем окружении»³. Вопрос, который волновал современников, не утратил своей остроты и через полвека. Если факт близости Гопкинса к главе исполнительной власти создавал серьезные политические затруднения перед администрацией, то почему глава администрации ни разу не высказал намерения покончить с проблемой, отказавшись от услуг столь непопулярного эксперта?

Самым простым и естественным ответом могла бы служить ссылка на опыт и знания Гопкинса, без которых президент не мыслил осуществления своих инициатив. Но именно такое объяснение является наименее удовле-

творительным. Вплоть до 1940 г. Гопкинс не имел опыта дипломатической работы. Он был известен как неутомимый социальный реформатор. Он сблизился с Рузвельтом на почве деятельности в различных благотворительных обществах. В 1933 г. он получил пост директора Федерального управления помощи безработным, а в 1938 г. был назначен министром торговли (до 1941 г.). Международные отношения не занимали заметного места в его мыслях. До начала второй мировой войны Гопкинс не сформировал целостной внешнеполитической концепции и, по собственному признанию, был скорее изоляционистом, чем сторонником активного вовлечения США в мировые дела ⁴.

Многие современники, а вслед за ними и историки, склонны были объяснять причины длительного и эффективного сотрудничества Рузвельта и Гопкинса глубокой и искренней взаимной привязанностью двух деятелей. Действительно, о дружбе этих людей знала вся страна. Гопкинс был самым близким доверенным лицом президента, его alter ego, правой рукой, начальником его личного штаба. Видный американский дипломат Р. Мэрфи назвал их отношения «уникальными» ⁵. Таковыми они и были. Министр внутренних дел Г. Икес писал, что Гопкинс «мог входить в кабинет президента без предупреждения, даже без стука. Президент очевидно передавал ему конфиденциальные сообщения, которые он больше никому не показывал» ⁶.

Многих в окружении президента раздражало то обстоятельство, что Гопкинс был не просто ключевой фигурой президентской команды, но и фактически членом семьи Рузвельта. Он месяцами жил в Белом доме. Посетители Овального кабинета могли наблюдать, как дочь Гопкинса Диана, сидя на коленях главы государства, играла в куклы прямо на столе, за которым подписывались правительственные документы и международные соглашения. После смерти второй жены Гопкинса Барбары Данкен в 1937 г. супруга президента Элеонора опекала девочку. В 1942 г. Гопкинс в третий раз сочетался браком, и торжественная церемония проходила в президентской резиденции, причем коктейли смешивал сам Рузвельт. Таким образом, отношения этих деятелей были неофициальными и теплыми. И все же это обстоятельство не позволяет полностью объяснить причины, по которым Гопкинс смог занять исключительно высокое положение среди творцов американской внешней политики.

Рузвельт был общительным человеком, но в длинном списке его приверженцев найдется очень немного людей, до конца сохранивших право называться его друзьями. Историк У. Ф. Кимболл пишет, что «приветливая внешность президента лишь едва прикрывала его малопривлекательные качества» ⁷. Глава Белого дома болезненно воспринимал критику, не терпел нелояльности и не прощал измен. Гопкинс был лоялен и безгранично предан президенту, но, вместе с тем, никогда не отказывался от права на собственное мнение и далеко не всегда соглашался с идеями Рузвельта. Достоин удивления не столько факт их сотрудничества, сколько способность сохранить его на протяжении всей войны.

Американский дипломат Ч. Болен пишет, что влияние Гопкинса на президента «было личным и поэтому имело приливы и отливы, в зависимости от настроения Рузвельта, в другие периоды, без каких либо очевидных причин, он отстранялся...» ⁸. Иногда такие периоды длились несколько недель, но каждый раз временный разлад завершался тем, что Гопкинс возвращался в Белый дом и занимал то место, которое могло принадлежать исключительно ему. Только он в случае отсутствия Рузвельта мог вести переписку от лица главы государства с руководителями зарубежных держав ⁹. Только о нем президент мог сказать: «Гарри — это превосходный посол, работающий ради достижения моих целей» ¹⁰. Только его Рузвельт мог отрекомендовать перед зарубежным руководителем как человека, к которому можно относиться «с таким же доверием, какое вы испытывали бы в том случае, если бы говорили лично со мной» ¹¹. Такого доверия не удостоивался никто из американских политиков. Вне всякого сомнения, это доверие базировалось на более прочном фундаменте, чем простая симпатия.

Гопкинс быстрее, чем кто бы то ни было из современников умел постигать суть возникавших перед президентом проблем, он яснее всех представлял себе логику его мышления, его пристрастия и идеалы. Он не имел собственных политических амбиций и мог действовать независимо, часто даже вопреки бюрократам, опиравшимся на поддержку могущественных министерств и ведомств. Он, наконец, был ежедневным собеседником Рузвельта, с которым можно было обговорить все детали очередного политического замысла, взвесить все «за» и «против», прежде чем принять окончательное решение. Когда речь заходила о подготовке политических программ, Гопкинс выступал не в качестве «фаворита», ближе всех стоявшего к «трону» — скорее он был полноправным партнером, проницательным, инициативным, наделенным «хорошо развитым чувством внешней политики»¹². В интеллектуальном плане он стоял вровень с президентом и при этом отнюдь не претендовал на этот пост. Такое положение делало его особенно незаменимым.

В историографии утвердилось три основных подхода в освещении вклада Гопкинса в выработку внешнеполитического курса США в годы второй мировой войны. «Он стремился к достижению непосредственных, а не отдаленных целей, — отмечал Шервуд. — Он скорее был исполнителем, чем составителем планов. Он привык делить известных ему людей на две группы — «говорящих» и «делающих» — и с гордостью относил себя ко второй категории»¹³. Таким образом, у Шервуда Гопкинс предстает лишь как инструмент в руках президента, умелый практик, выполняющий волю главы государства. Иную позицию, оформившуюся еще в годы войны, занимали недоброжелатели Гопкинса, отводившие ему иную роль. Они утверждали, что слабеющий физически и умственно президент во время войны оказался не в состоянии противостоять влиянию «безответственных» и «некомпетентных» карьеристов во главе с Гопкинсом, который ради собственных выгод говорил только то, что президент желал услышать, одновременно навязывая ему собственные заблуждения и предрассудки¹⁴.

У: Д. Таттл предлагает более гибкую и обоснованную трактовку истории взаимодействия двух политиков. «Помощник президента демонстрировал свою преданность Рузвельту не путем беспрекословного воплощения указаний своего босса, а при помощи принятия собственных независимых решений, основанных на желании наилучшим способом достичь целей президента. Он рассматривал себя в качестве переводчика идей ФДР... Если возникали различия между ним и президентом, и он не мог изменить мнение ФДР, то несмотря на личное несогласие, он твердо воплощал президентский курс. Но в рамках этих взаимоотношений он имел большие возможности влиять на политику администрации»¹⁵. Со многими положениями, приведенными в этой цитате, можно согласиться. Тем не менее, и в данном случае не нашла полного отражения сложная и многогранная связь Рузвельта и Гопкинса, делавшая их сотрудничество таким эффективным.

Суммарно роль Гопкинса как идеолога и практика внешней политики США может быть обобщена в нескольких тезисах. Он помогал Рузвельту как в оперативном, так и в перспективном планировании международных программ. Вряд ли когда-нибудь удастся полностью выяснить, какие именно идеи ФДР были навеяны беседами и перепиской с Гопкинсом, но сам факт этого влияния можно считать очевидным. Он сформировал собственную внешнеполитическую программу, основанную на учете коренных интересов США во время войны и в послевоенном мире, которая имела много общего со взглядами президента особенно в той части, где речь шла о стратегических целях, хотя и не совпадала с ней в деталях. Сильной стороной Гопкинса следует признать его способность одновременно концентрировать внимание и на политических целях, и на средствах, позволяющих прийти к их достижению. Помощник президента прекрасно разбирался в тактике ведения переговоров с руководителями различных государств. В качестве личного посланника президента он осуществлял огромный объем подготовительной работы по созданию антигитлеровской коалиции,

налаживал личные отношения с Черчиллем и Сталиным, готовил почву для саммитов, узнавал о намерениях противоположной стороны и прояснял точку зрения Белого дома. Таким образом проделывалась работа, которую ФДР не мог выполнить сам. При этом Гопкинс располагал достаточно широкой свободой принимать самостоятельные решения.

Еще во время войны сложилась легенда, будто реальные рычаги управления внешней политикой США оказались сосредоточенными в Белом доме. В американских исследованиях по истории дипломатии давно уже чем-то вроде общего места стало утверждение, будто Рузвельт игнорировал советы «парней в полосатых брюках» из госдепартамента и предпочитал опираться на поддержку личных советников и эмиссаров, составивших «заграничную службу Белого дома»¹⁶. В качестве главного и наиболее авторитетного представителя этой неофициальной структуры обычно называют Гопкинса, присваивая ему титулы «начальника штаба Рузвельта» или «личного государственного секретаря президента».

Во время войны масштабы внешнеполитической деятельности президентской власти многократно возросли. В значительной степени это было связано с чрезвычайными обстоятельствами военного времени, требовавшими сосредоточения всех нитей управлений в одних руках. Вместе с тем, развитие президентских структур являлось исторически обусловленным и долговременным процессом, причины которого, разумеется, были намного существенней, чем властолюбие Рузвельта или интриганство Гопкинса. Выводы о якобы полном вытеснении госдепартамента и других ведомств из сферы принятия важнейших политических решений и замене их спонтанными акциями Рузвельта и его окружения можно считать чересчур прямолинейными и упрощенными.

Авторами многочисленных критических высказываний о Гопкинсе и той роли, которую он играл в механизме власти, были высокопоставленные и влиятельные члены кабинета: вице-президент Г. Э. Уоллес, Дж. Ф. Бирнс — тогда один из фактических руководителей демократической партии и глава нескольких влиятельных правительственных комитетов Икес. Враждебные реплики в адрес правой руки президента позволял себе обычно сдержанный адмирал У. Д. Леги, во время войны являвшийся советником президента по вопросам военной стратегии и возглавлявший военный штаб при главе Белого дома. При упоминании имени Гопкинса он нередко добавлял «этот чертов маленький пьянчужка» (Гопкинс не был подвержен этому пороку, но в Вашингтонских кругах он слыл жизнелюбом, театралом и завсегдатаем ночных клубов). Свою лепту в многоголосье недоброжелателей внес и госсекретарь К. Хэлл, характеризовавший Гопкинса как «опасного фанатика» и «карьериста»¹⁷. Оппозиционно по отношению к помощнику президента было настроено большинство верхнего и среднего звена внешнеполитического ведомства.

У Гопкинса было немало поклонников. Но попытка сравнить, кого — противников или сторонников — было больше, ничего не даст. С точки зрения понимания роли, которую он занимал во внешнеполитическом механизме, гораздо важнее видеть, за что его критиковали, на чем базировалось его личное влияние, какая система новых взаимосвязей утверждалась в Вашингтонских правительственных кругах при его личном участии.

Мотивы большинства критиков были личными и политическими. Одни считали его человеком, помешавшим осуществлению их собственных карьерных амбиций (Уоллес, Бирнс, Икес). Другие не разделяли его ньюдилерских идеалов и внешнеполитических замыслов (Леги и Хэлл). Вероятно, наиболее обоснованными были обиды Хэлла, который не раз горько сетовал на то, что Гопкинс брал на себя выполнение его обязанностей. Когда он в узком кругу говорил о помощнике президента, то вообще утрачивал джентльменский лоск. В значительной степени напряженность в отношениях между двумя деятелями проистекала из различий в стиле их работы. Дипломат, друг госсекретаря Б. Лонг говорил, что Хэлл «был скрупулезен при изучении всех деталей дела, медленно принимал решения, предпочитал не делать ясных и конкретных заявлений

на предварительной стадии обдумывания проблемы и критически относился к любой инициативе, затрагивавшей его прерогативы, даже если она исходила от самого президента»¹⁸. Гопкинс же, в отличие от него, не ждал, когда к нему обратятся за советом, а сам предлагал президенту свежие идеи.

Впрочем, в разговорах о взаимной неприязни Хэлла и Гопкинса было немало и надуманного. Теплыми их отношения, конечно, никогда не были, но не было и слепой вражды. Известно, что в мае 1945 г. Г. Трумэн именно по совету тогда уже отставного госсекретаря направил Гопкинса в Москву для переговоров со Сталиным¹⁹. Ветеран дипломатических баталий беспристрастно оценивал способности своего бывшего конкурента, и эта оценка была достаточно высокой.

Гопкинс не питал симпатий к дипломатам-профессионалам. Он считал, что в условиях войны президент обязан оправдывать звание «первого дипломата страны», и стремился обеспечить главу исполнительной власти всем необходимым для выполнения этой функции. Его усилия были направлены на то, чтобы укрепить позиции Белого дома при помощи создания исполнительных агентств, подотчетных президенту и способных вести работу за рубежом. Администрация ленд-лиза, руководителем которой он являлся, была главным козырем в этой игре. Не случайно именно через участие в работе этого ведомства пролегал путь в дипломатию У. А. Гаррримана и Э. Р. Стеттиниуса, занявших во время войны ключевые позиции во внешнеполитическом истеблишменте и не без основания считавшихся «людьми Гопкинса». Прямые и доверительные контакты с этими и некоторыми другими дипломатами (Болен, Д. Вайнант, Ф. Феймонвилл, Дж. Дэвис) были другим источником его влияния.

Гопкинс в качестве помощника президента был универсален. Иногда он действовал как глава аппарата Белого дома, иногда как главный эксперт по проблемам национальной безопасности. Большое место в его работе уделялось координированию целей военных и гражданских руководителей. Начальник штаба армии США генерал Маршалл был его другом, и многие вопросы предпочитал обсуждать не с президентом, а с его помощником. Гопкинс тесно контактировал с главным пропагандистским (УВИ — Управление военной информации) и главным разведывательным (УСС — Управление стратегических служб) ведомствами. Он же, чаще всего, выступал в роли буфера между президентом и его подчиненными, сглаживая острые углы и содействуя принятию решения, которое считал правильным.

Лучше всех об этом его качестве написал Гаррриман: «Когда я нуждался в решении президента, ...то я предпочитал сначала добиться поддержки Гопкинса, а затем уже излагал проблему на единственном листе бумаги. Я знал, что президент требовал именно такой краткости, поскольку был свидетелем тому, как он отказывался прочитать вторую страницу документа, подготовленного другими. Держа в руках мой краткий меморандум, мы вместе шли к президенту, чтобы получить его одобрение. Президент обычно сразу же тянулся к ручке, чтобы поставить подпись, но Гопкинс останавливал его словами: «Г-н президент, прежде чем одобрить это, вам следует позвонить м-ру Стимсону, м-ру Хэллу или, возможно, м-ру Маршаллу». Обычно президент сопротивлялся, но Гопкинс настаивал, указывая на то, что если президент откажется согласовать решение, то могут возникнуть трудности. Президент, ворча, звонил этим людям, и все заканчивалось хорошо»²⁰. Известны случаи, когда своевременное вмешательство помощника президента гасило конфликты внутри администрации и предотвращало отставку ценных ее членов²¹.

Сложные и деликатные отношения у «личного госсекретаря президента» сложились с государственным департаментом. Гопкинс, действительно, несколько раз на ответственных переговорах выступал в роли госсекретаря. Но практически все эти переговоры, начиная с Атлантической конференции (август 1941 г.), и, заканчивая Тегеранской (ноябрь-декабрь 1943 г.), либо всецело, либо по большей части были посвящены обсуждению военных проблем и различных аспектов коалиционной дипломатии. В Белом доме

считали, что медлительная и осторожная бюрократия из внешнеполитического ведомства не в состоянии предпринимать эффективные и смелые шаги. Кроме того, целям сближения союзников вряд ли могли служить широко распространенные среди сотрудников госдепартамента антисоветизм и англофобия.

Тем не менее, внешнеполитическое ведомство никогда полностью не исключалось из механизма принятия решений. Более того, именно Гопкинс наладил постоянный канал связи между Белым домом и госдепартаментом, он же способствовал привлечению персонала внешнеполитического ведомства к составлению послевоенных планов и подготовке крупнейших конференций в 1944—1945 годах. «Гарри Гопкинс понимал, что президент нуждался в постоянных советах госдепартамента»²², — писал Болен.

Гопкинс оказывал свое влияние на американскую внешнюю политику и тем, что умело и виртуозно выполнял самые сложные поручения президента. С его именем связано утверждение практики личной дипломатии. Во время зарубежных поездок он мог действовать как неофициальное лицо и договариваться по таким вопросам, которые вряд ли могли быть затронуты, если бы переговоры велись дипломатом, министром или самим президентом (его визит в Москву 1941 г. — самый яркий тому пример).

Гопкинс имел редкую даже для политиков очень высокого уровня черту — он в равной степени сочетал в себе способность к принятию политических решений и умение организовать воплощение этих решений в жизнь. Как администратор он может считаться полноправным соавтором создания «соревновательной модели»²³ — механизма функционирования исполнительной власти, утвердившейся в Вашингтоне при Рузвельте. Несомненно, именно Гопкинс первым очертил границы некоторых новых функций, ставших традиционными для Белого дома в послевоенные десятилетия, он же действовал в качестве главного связующего элемента между различными частями государственного организма, придавая этой работе слаженность и целенаправленность.

В самом начале своей политической карьеры Гопкинс непродолжительное время питал симпатии к социализму²⁴. Это обстоятельство, наряду с его активным участием в социальных программах «нового курса», закрепило за ним репутацию деятеля, симпатизирующего СССР. В то же время он неоднократно в конце 1930-х годов позволял себе критические замечания по поводу внешней политики консервативных кабинетов Великобритании и не скрывал неприязни к колониальной практике английского правительства. Именно эти обстоятельства лежат в основе аргументации некоторых историков, писавших, что «Гопкинс проводил просоветскую политику, предавая забвению британские интересы»²⁵.

Смена приоритетов во внешней политике США в военные годы и изменение соотношения сил внутри антигитлеровской коалиции относятся к числу наиболее сложных историографических проблем. Гопкинсу принадлежала выдающаяся роль в создании «великого альянса». Именно он в большей степени чем кто бы то ни было из его современников, исключая, разумеется, глав государств «большой тройки», способствовал сближению основных участников военного союза. Огромные усилия были затрачены им (и далеко не всегда безуспешно) на утверждение отношений доверия между ними.

«Мистер Корень Вопросы» — так однажды назвал Гопкинса Черчилль, и этот титул закрепился за ним. Знакомство помощника президента с британским премьером состоялось в январе 1941 г., когда Рузвельт направил Гопкинса как своего эмиссара в Лондон. Этой поездке президент придавал очень большое значение. В начале 1941 г. США предстояло окончательно определить свое место и роль в уже идущей мировой войне. Гопкинсу предписывалось на месте решить, насколько целесообразно в дальнейшем ориентироваться на совмещение целей США с политикой поддержки Англии. Цели поездки тщательно маскировались. На пресс-конференции Рузвельт заявил журналистам, что его посланник не имеет больших полномочий и едет только для того, чтобы «спросить: «как дела?»»²⁶. Президент, разумеется, лукавил. Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, хватило бы нескольких часов. Гопкинс же пробыл в Англии почти 6 недель.

Отправляясь в Лондон, посланник Рузвельта действительно имел некоторые антибританские предубеждения. Черчилль казался ему тогда напыщенным и самоуверенным политиканом²⁷. Еще меньше ему нравились лорд Галифакт (тогда посол Англии в США) и А. Иден (министр иностранных дел). Первого он охарактеризовал как «беспомощного тори», второго — как человека «лишенного прочного морального стержня»²⁸. Поездка по всем признакам не сулила больших результатов, поскольку в Лондоне Гопкинса тогда вряд ли кто-нибудь всерьез воспринимал как дипломата. Здесь его знали больше как либерала и реформатора. Для того, чтобы заинтересовать своего собеседника, Черчилль для первой встречи с ним даже заготовил монолог о хорошей жизни, которую он обеспечит простым англичанам после войны. За всю многолетнюю карьеру Черчилля, наверное, это был единственный случай, когда, подготовив и даже начав произносить речь, он так и не сумел ее закончить. Гость прервал его на полуслове, предложив перейти к делу и обсудить более важную тему: как разгромить Гитлера²⁹.

Последовавшие за первой встречей почти ежедневные беседы положили начало длительной дружбе, взаимному признанию и глубокому уважению, которые оба деятеля пронесли через всю войну. Гопкинс был одним из немногих, кто имел привилегию обращаться к Черчиллю по имени. В январе 1941 г. он полностью изменил свое мнение об английском руководителе и, что еще более важно, постарался донести до президента этот новый, возможно даже несколько идеализированный, образ. «Люди здесь, начиная с Черчилля, замечательны, и если одно мужество может победить, в результатах можно не сомневаться... Черчилль олицетворяет правительство во всех смыслах этого слова: он определяет большую стратегию, а нередко решает и частные вопросы... Я не преувеличиваю, подчеркивая, что он единственный человек в Англии, с кем вам нужно провести исчерпывающий обмен мнениями»³⁰, — сообщал Гопкинс из Лондона.

Восхищение Гопкинса Черчиллем не было односторонним. В послевоенных мемуарах премьер-министр уделил своему американскому другу немало страниц, называя его «необыкновенным человеком», сыгравшим большую, «а подчас и решающую роль во всем ходе войны». «В его хрупком и болезненном теле горела пылкая душа. ...Я всегда наслаждался его обществом, в особенности когда дела шли плохо. Иногда он умел быть очень неприятным и говорить жесткие и горькие слова. Опыт моей жизни учил и меня делать то же самое в случае необходимости... Всякий, кому приходилось сталкиваться с Гарри Гопкинсом в течение этой длительной борьбы, подтвердит то, что я сказал о его выдающихся личных качествах... Между нами установилась дружба... Он был самым верным и совершенным звеном связи между президентом и мной. Но, что гораздо важнее, он в течение нескольких лет был главной опорой и вдохновителем самого Рузвельта»³¹. Нет оснований сомневаться в искренности заявлений обоих деятелей. Это опровергает версию о стойких антибританских предупреждениях Гопкинса.

Черчилль неизменно смотрел на Гопкинса как на дополнительный канал связи с Рузвельтом. Очевидно, что в основе их отношений лежали взаимная симпатия и стремление «вместе выиграть войну», хотя, разумеется, политические идеалы их отнюдь не были идентичными. Гопкинс неоднократно выступал в роли оппонента своего именитого собеседника. Он был единственным человеком, кому довелось участвовать в подготовке речей как для президента, так и для премьер-министра, а также первым иностранным деятелем, допущенным на заседания английского кабинета³². Но из этого вовсе не следует, что близость к Черчиллю могла серьезно повлиять на характер действий Гопкинса. В своих суждениях он не был связан личными привязанностями или старыми предрассудками и стремился руководствоваться прежде всего собственным, реалистическим пониманием национальных интересов США. Кстати говоря, аналогичный подход был применен Гопкинсом и при налаживании отношений со Сталиным.

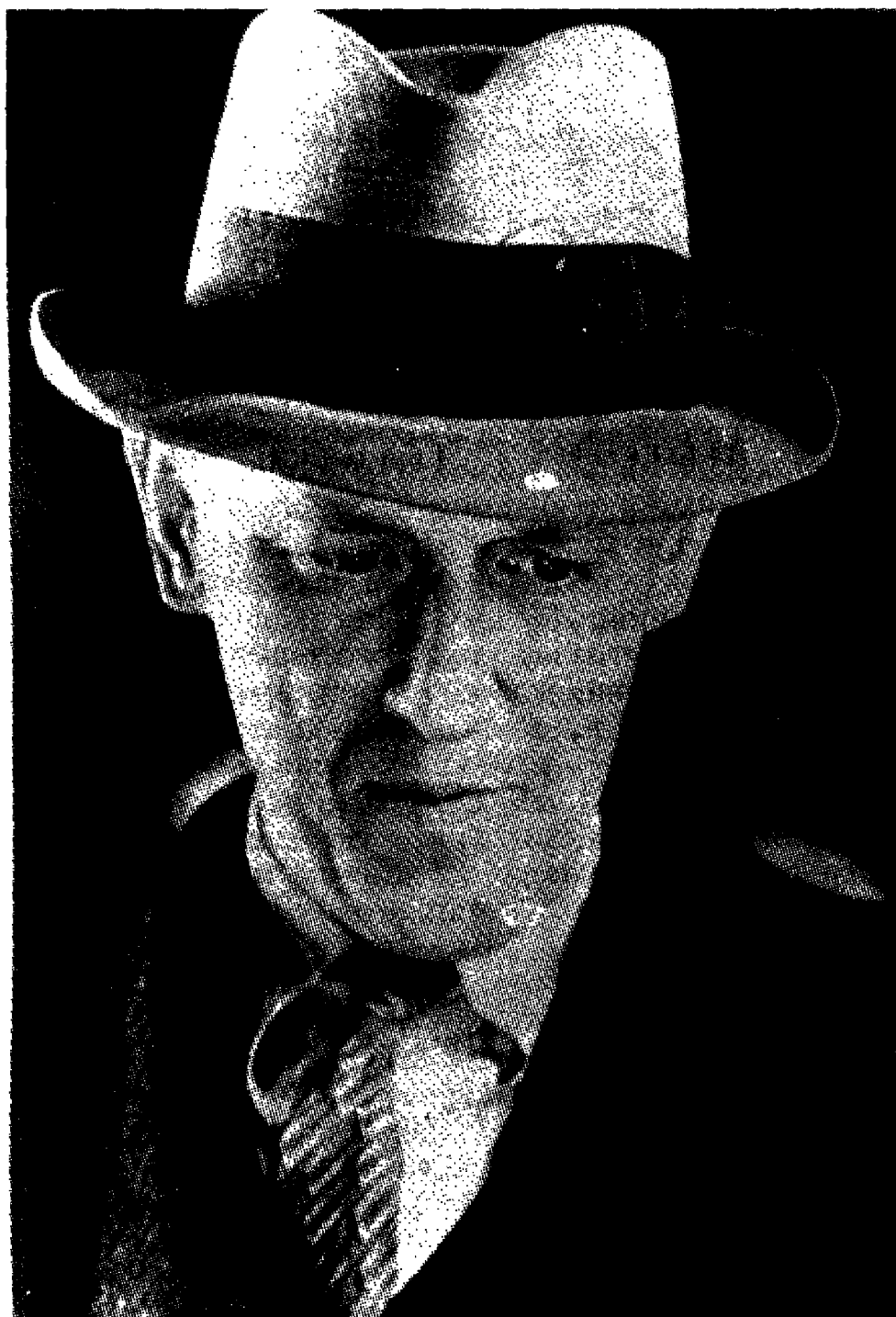
Летом 1941 г. США продолжали проводить политику сближения с Англией. Фактически к этому времени складываюся контуры свободно структурированного англо-американского союза, в рамках которого американская сторона, уклоняясь от вступления в войну, все-таки брала на себя обязательства по оказанию материальной помощи Великобритании.

Сразу же после 22 июня 1941 г. встал вопрос о возможном вовлечении в этот союз СССР. В Соединенных Штатах по-разному смотрели на перспективы политики в отношении СССР. Рузвельт и Хэлл склонялись к тому, что для победы над Гитлером необходимы совместные усилия всех антифашистских сил. Но эта идея не была доминирующей. Противники президента предлагали не сдаться с помощью Москве и напоминали, что США ни при каких обстоятельствах не следует ассоциировать свою политику с советскими целями в этой войне. В основе их аргументации лежало несколько положений: американо-советский союз невозможен из-за полной несовместимости идеологий и политических систем; Соединенным Штатам не следует доверять Сталину, поскольку он в любой момент способен пойти на очередной сепаратный стговор с Гитлером, как это уже имело место в августе 1939 г., любая помощь Советскому Союзу лишена смысла, так как Гитлер добьется полной победы на Восточном фронте через 6—8 недель после начала вторжения, о чем без устали напоминали видные американские дипломаты и военные эксперты.

Рузвельт не мог полностью игнорировать эти аргументы. Через два дня после германского вторжения в пределы СССР на пресс-конференции президент заявил, что он рассматривает вопрос о помощи СССР. Когда же перед ним поставили прямой вопрос: необходима ли эта политика с точки зрения обеспечения безопасности США, он уклонился от прямого ответа: «О, спросите меня о чем-нибудь другом. Вы же знаете, что я никогда не отвечаю на этот вопрос»³³. Возможно, в данном случае Рузвельт не кривил душой и ему просто не хватало надежной информации. Во всяком случае, он с готовностью поддержал высказанное в конце июля предложение Гопкинса — отправиться в Москву и на месте прояснить ситуацию.

Трехдневный визит Гопкинса в Москву в конце июля — начале августа 1941 г. может рассматриваться как явный прорыв в американо-советских отношениях. При посредничестве помощника президента был установлен прямой контакт между главами двух государств. Хотя миссия Гопкинса носила неофициальный характер, он получил ответы практически на все интересовавшие его вопросы и совместно с советским руководством определил перспективы сотрудничества двух держав в войне. Отчеты о переговорах, отправленные в Вашингтон, содержали выводы, позволившие Рузвельту более решительно продвигаться в сторону сближения с СССР³⁴. Особое значение имело установление Гопкинсом личных отношений с советскими руководителями.

Первый вояж Гопкинса в Москву мало напоминал обычный дипломатический визит. Обстоятельства этой миссии больше соответствуют канонам авантюрного романа, чем строгим требованиям политической хроники. Вайнанту и У. А. Гарриману, провожавшим Гопкинса из Лондона, казалось, что «они попрощались с человеком, который садился в ракетный снаряд, отправлявшийся в межпланетное пространство, — настолько бесконечно далекой казалась тогда Россия»³⁵. Иностранцы в те дни отправляли из Москвы членов своих семей, считая реальной опасностью фашистского прорыва к Москве. Двадцатичетырехчасовой перелет Гопкинса, большую часть которого он провел в хвостовом отсеке самолета в кресле пулеметчика, конечно, был поступком мужественного человека. Советские руководители знали о тяжелых условиях полета. Знали они и о критическом состоянии здоровья Гопкинса, который после операции по удалению раковой опухоли в желудке в 1938 г. мог поддерживать в себе жизнь только при помощи специальной диеты, постоянного врачебного надзора и своевременного приема лекарств. Посланец президента США, безусловно, подвергал свою жизнь очень большому риску. В Кремле по достоинству оценили его самоотверженность.



Отчет о беседе народного комиссара иностранных дел СССР с личным представителем президента США от 31 июля 1941 г. зафиксировал слова Молотова, дважды назвавшего своего гостя «замечательным человеком»³⁶. Советский нарком не страдал избытком сентиментальности и никогда не считал своей обязанностью впадать в елейный тон ради соблюдения условностей дипломатического протокола. Очевидно, личное мужество Гопкинса, а также глубокое понимание им международной ситуации действительно произвели на него сильное впечатление. Месяц спустя после переговоров журналист К. Рейнольд подслушал, как В. М. Молотов в разговоре с А. Я. Вышинским говорил о Гопкинсе с большим уважением³⁷.

Не исключено, что мнение Молотова в какой-то степени отражало настроение Сталина. Многие американские дипломаты отмечали особое отношение советского диктатора к помощнику Рузвельта. Болен вспоминал о том, что в одном из разговоров Сталин назвал Гопкинса «первым американцем, который пришелся ему по душе»³⁸. Гарриман подробно описал характерный эпизод во время Тегеранской конференции: Сталин, едва заметив Гопкинса, первым двинулся навстречу ему, чтобы тепло его приветствовать. Советский руководитель не имел привычки демонстрировать свое расположение иностранцам. «Сталин проявил в отношении Гопкинса такую степень личного уважения, какой никогда не проявлял ни к одному человеку, исключая Рузвельта и Черчилля. Я думаю, что это

чувство брало начало в июле 1941 года. Гопкинс был первым западным политиком, посетившим СССР после нападения Германии, когда дела (у него) шли из рук вон плохо. Сталин, очевидно, видел в Гопкинсе человека, который, несмотря на очень плохое здоровье, предпринял это длинное, изнуряющее и опасное путешествие для того, чтобы оказать помощь. Это был пример смелости и решительности, которые произвели на Сталина глубокое впечатление. Он этого не забыл»³⁹.

Р. Низбет полагает, что именно впечатления посланца Рузвельта от встреч в Кремле побудили президента начать «дипломатию ухаживания» за Сталиным⁴⁰. Образ советского лидера, запечатлевшийся в сознании Гопкинса разумеется, был доведен до сведения президента. Несколько позже — в декабре 1941 г. — его помощник суммировал свои наблюдения в небольшой статье, опубликованной на страницах «American Magazin». «Он приветствовал меня несколькими русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твердо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего слова, жеста, ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы так же это знаете... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова. Если он хочет смягчить краткий ответ или внезапный вопрос, он делает это с помощью быстрой сдержанной улыбки — улыбки, которая может быть холодной, но дружественной, строгой, но теплой. Он с вами не заигрывает. Кажется, что у него нет сомнений. Он создает у вас уверенность в том, что Россия выдержит атаки немецкой армии»⁴¹. Остается впечатление, что Гопкинс стремится выделить мысль, что Сталин — это эффективный военный руководитель, с которым возможно самое тесное сотрудничество в рамках антифашистского союза.

В таком случае, может быть Низбет прав, и Рузвельт, плененный ошибочными впечатлениями Гопкинса, действительно поддался искушению достичь невозможного и пытался заигрывать с Москвой? Вряд ли. Отношения между Сталиным и Гопкинсом никогда не приближались к такой близости, как, например, между Гопкинсом и Черчиллем. Гопкинс не питал симпатий ни к политическим устремлениям диктатора, ни к его человеческим качествам. Он увидел в нем потенциального союзника, без которого победа над фашистско-милитаристской «осью» представлялась невыполнимой, что и сказалось решающим образом на образе его действий.

Итак, зимой — летом 1941 г. Гопкинс сумел в короткий срок установить тесные отношения с такими разными лидерами, как Черчилль и Сталин. Конечно, для сближения Англии, США и СССР имелись объективные причины, и тем не менее, без вмешательства дипломата, способного в короткий срок устранить препятствия на пути к такому сближению, процесс создания антигитлеровской коалиции мог бы затянуться на гораздо более продолжительный срок. Что же позволяло Гопкинсу найти общий язык с зарубежными партнерами по переговорам? Менее всего приемлема версия, согласно которой истоки его успехов кроются в умении понравиться, задобрить, подкупить обещаниями. Внимательное знакомство с материалами его зарубежных миссий подводит к иным выводам. Гопкинс был наделен таким бесценным для дипломата качеством, как способность видеть и учитывать трудности своих партнеров по переговорам. Он стремился в первую очередь выявить области соприкосновения или совпадения интересов и именно на них концентрировал внимание. Вслед за Рузвельтом он старался сосредоточиться на первоочередных политических проблемах. Так, убедившись, что главной задачей для США в 1941 г. стало включение в борьбу с фашистской агрессией, он полностью переключился на поиск союзников, отодвинув на второй план второстепенные и потенциально взрывоопасные проблемы. Большую роль играли его личные качества: обаяние, умение предложить формулировку, приемлемую для собеседника, склонность прямо переходить к сути дела. Несомненно, что авторитет Гопкинса намного превышал влияние любого другого американского дипломата военного времени. О его близости к Рузвельту знали все. Поэтому

заявления помощника президента всегда воспринимались всерьез, его обещаниям верили, а инициативы становились предметом серьезного анализа.

История взаимоотношений помощника президента США с лидерами Великобритании и СССР не подтверждает мнения, будто в действиях Гопкинса прослеживается асимметричность, создававшая преимущества для СССР и не выгодная для Великобритании. Его политика всегда была только проамериканской. Интересы других стран учитывались лишь в том случае, если они не противоречили национальным интересам США, какими их видел Гопкинс.

С. Крэбб подметил, что, начиная с Рузвельта, внешняя политика США обычно строилась одновременно на двух этажах. Верхний ее этаж занимал громко декларированные принципы и цели (применительно к эпохе Рузвельта — это Атлантическая хартия, концепция «четырех свобод», ялтинская Декларация об освобожденной Европе). Нижний уровень составляли оперативные внешнеполитические акции, часто плохо увязывающиеся с официальными декларациями. Разрыв между этими уровнями нередко вызывал растерянность у американских и зарубежных наблюдателей, пытавшихся понять подлинные дипломатические намерения США⁴². Наблюдение Крэбба в общих чертах правильно отражает специфику оформления внешнеполитического курса США во время войны.

На каком же из указанных уровней приходилось действовать Гопкинсу? В литературе за ним утвердилась репутация специалиста по решению оперативных вопросов («не составитель планов, но человек действия»). Область практической активности действительно всегда привлекала помощника президента, и здесь он добился впечатляющих результатов. Но было бы неверно считать его политиком, не сумевшим подняться выше первого этажа. Гопкинс был способен эффективно действовать на обоих уровнях дипломатии. Но самое главное состоит в том, что «Мистер Корень Вопросы» был если и не единственным, то, во всяком случае, самым заметным, влиятельным и удачливым из деятелей администрации, пытавшихся свести воедино стратегические цели и практические акции.

Общие контуры внешнеполитической концепции Гопкинса сложились в 1938—1941 годах. Отправной точкой послужило осознание им угрозы, которую представлял германский фашизм для Америки⁴³. Свои взгляды на международные процессы и место, которое должны занять США в глобальной структуре мира, он обобщил в меморандуме, датированном 12 апреля 1941 года. Гопкинс писал: «Германский диктатор никогда не может быть побежден старым демократическим порядком, суть которого статус кво. Но новый порядок Гитлера может быть побежден новым порядком демократии, суть которого — новый курс, при условии, если он получит широкое распространение и всеобщее признание. Точно так же как тоталитаризм поддерживает новый порядок Гитлера, мировая демократия должна поддержать новый курс Рузвельта. В этом случае демократия обретет единство и перспективную цель»⁴⁴. Таким образом, Гопкинс не просто призывал к борьбе против фашизма, но выдвигал идею интернационализации «нового курса» и выступил за придание американским демократическим ценностям статуса международного эталона.

В последующие годы общая внешнеполитическая схема Гопкинса конкретизировалась. Его высказывания о необходимости укрепления позиций демократии в мире подразумевали воплощение нескольких основных принципов: самоопределение наций, антиколониализм, повышение жизненного уровня всех народов и налаживание на этой основе интенсивного международного сотрудничества. Эти идеи он настойчиво развивал на важных международных переговорах. В январе 1943 г. во время конференции в Касабланке он, например, говорил о том, что Соединенные Штаты после войны не оставят своих оккупационных сил в Марокко, не будут менять правительство султана и не намерены навязывать этой стране какие-либо перемены. Он также заявлял о недопустимости возрождения практики колониальной эксплуатации, обещал экономическую помощь и налаживание тесных экономических отношений⁴⁵. Подобные декларации отнюдь не были единичными.

Пристальное внимание Гопкинс уделял проблемам послевоенного миропорядка и соответственно планирования американской внешней политики. Он был непосредственно причастен к работе, которая велась администрацией в этом направлении. С этой точки зрения одним из самых трудноразрешимых вопросов было определение перспектив послевоенных отношений с СССР. В меморандуме от 12 апреля 1941 г. Гопкинс писал, что главная угроза для США исходит от тоталитарных режимов. Тогда это заявление можно было интерпретировать и в антигерманском, и в антисоветском ключе — термин «тоталитаризм» в сознании американцев ассоциировался не только с фашизмом, но и со сталинизмом. Кроме того, СССР и Германию в те месяцы объединяли статьи пакта о ненападении и последующие соглашения. Но оказавшись по одну сторону фронта, США и Советский Союз должны были действовать как союзники. Это была реальность, и Гопкинс ее принял.

Соединенные Штаты и Великобритания не смогут организовать мир, попросту договорившись между собой, «не рассматривая при этом Россию как равного партнера», — писал помощник президента послу в Англии Вайнанту в июне 1942 года. Если дела у Чан Кайши пойдут как надо, тогда в этот круг можно будет включить и Китай. «Времена политики в духе «бремени белого человека» остались в прошлом. Огромное количество людей попросту не собираются дальше мириться с ней, но я за всю свою жизнь так и не понял, почему они должны с ней мириться»⁴⁶.

Итак, Советский Союз был включен Гопкинсом в число держав, которым предстояло принять участие в организации послевоенных порядков, в мире победившей демократии. Критики Гопкинса единодушны в том, что его план был безжизненной утопией. Но правы ли они? Конечно, располагая знаниями о том, какую эволюцию претерпели американско-советские отношения в 1944—1946 гг., не трудно найти факты, которые бы говорили об ошибочности ряда выводов помощника президента. Но если обратиться к событиям 1941—1945 гг. и рассмотреть аргументы, которыми «Мистер Корень Вопросы» подкреплял свои рассуждения, то придется признать, что любая линия политической стратегии, отвергающая логику Гопкинса, в еще большей степени страдала бы отсутствием реализма.

Гопкинс никогда не считал, что руководство СССР способно безоговорочно признать демократические идеалы. Как дипломат он ставил перед собой достижимые цели и шел к ним, опираясь на проверенные факты и оценки. СССР был главной силой в войне с Германией и потенциальным союзником в деле разгрома Японии. Это обстоятельство не ставил под сомнение никто из ответственных политиков. Прогнозы военных гласили, что после войны советская мощь будет доминировать в Европе. Следовательно, полагал Гопкинс, победа в войне и послевоенное строительство немислимы в условиях конфронтации с Москвой. Из этого вытекало, что Соединенные Штаты не имеют права упустить ни одного шанса в налаживании дружественных отношений с советским правительством. Во время американско-английских переговоров в Квебеке в августе 1943 г. главный советник Рузвельта делился своими размышлениями с послом Гарриманом. Суть его выводов сводилась к простой формуле: конфронтация с Советским Союзом неизбежно затруднит достижение американских целей в войне и обернется несчастьем для всего мира⁴⁷.

Во второй половине 1943 г. Гопкинс конкретизировал свои взгляды на характер будущего американско-советского взаимодействия в Европе. Красная армия неуклонно приближалась к западной границе СССР и ее вступление в пределы Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы становилось всего лишь вопросом времени. «Личный госсекретарь Рузвельта» был одним из немногих в Вашингтоне, кто считал неотвратимым установление в этом регионе советского контроля и доказывал, что американской стороне лучше всего сразу же примириться с этой реальностью. Главная задача, по его мнению, заключалась в том, чтобы постараться максимально смягчить возможные негативные последствия подобной перспективы. Для этого он предлагал использовать методы личного, морального, военного и политического характера.

Необходимо, считал он, на уровне дипломатического общения поддерживать непрерывные, ровные, дружеские связи, постоянно расширяя круг вопросов, подлежащих взаимному обсуждению. Поэтому Гопкинс был неизменным участником всех встреч «большой тройки», активнее всех готовил эти встречи, контролировал переписку между руководителями держав коалиции. Именно он убедил Рузвельта принять предложение Сталина о проведении конференции в Крыму, невзирая на то, что Черчилль считал Ялту «самым неподходящим местом для встречи». Он призывал бережно сохранять атмосферу сотрудничества, поддерживать у советских руководителей впечатление, что Америка хорошо понимает их трудности и готова в любой момент оказать помощь; ускорить подготовку к операции по открытию второго фронта в Северной Франции. Появление американских войск в Западной Европе, с одной стороны, станет реальной помощью Красной Армии в завершении разгрома Германии, а, с другой — это единственное средство обозначить крайние пределы продвижения советского влияния на Запад Европы; попытаться еще до вступления советских войск в Восточную Европу подписать документы, предусматривающие процедуру самоопределения освобожденных от фашизма государств, статус и объем полномочий войск, находящихся на оккупированных территориях, схемы взаимодействия военного командования и местных временных гражданских администраций; как можно скорее согласовать общие принципы Организации Объединенных Наций и постараться вовлечь советскую сторону в реально функционирующие международные структуры.

Таким образом, позиция Гопкинса была очерчена совершенно ясно: заручиться расположением руководителей СССР и, одновременно, добиться создания международных механизмов, используя которые можно было бы проводить политику, основанную на согласованных интересах. Кроме того, наличие соответствующих договоренностей могло стать эффективным инструментом для ограничения амбиций Сталина.

Трезвый прагматичный ум и выраженные легалистские склонности прослеживаются в воззрениях Гопкинса достаточно отчетливо. Некоторые высказывания (например, готовность признать фактор военной мощи СССР или требование сохранить после войны американские военные базы на Филиппинах и Тайване⁴⁸) позволяют видеть в нем деятеля, признающего доводы сторонников политического реализма. Но главным мотивом внешнеполитической концепции Гопкинса на протяжении всей войны все-таки оставался либеральный интернационализм. Прежде всего это проявилось в тех различиях, которыми характеризовался его подход к СССР и Великобритании.

Великобритания рассматривалась Гопкинсом как держава, в целом стоящая на позициях признания демократических ценностей и, следовательно, потенциально готовая принять его ньюдилерские идеалы. Поэтому трудности внутри американо-английского альянса, по его мнению, были следствием двух основных факторов: во-первых, желания Черчилля любой ценой сохранить колониальное наследие Британской империи и, во-вторых, опасного стремления английского кабинета возродить после войны политику жесткого антисоветизма, допускающую раздел мира на сферы влияния и военную конфронтацию. Расхождения Гопкинса и Черчилля по этим двум пунктам были острыми и принципиальными. Что же касается широкого спектра военных и политических вопросов, находящихся вне рамок отмеченных «горячих» проблем, то область совпадения интересов здесь была весьма обширной. Именно поэтому Гопкинс строил свою внешнеполитическую программу, исходя из признания «первоочередности сотрудничества с Британией»⁴⁹. При участии Гопкинса на англо-американских переговорах в июле 1942 г. было принято решение об откладывании операции по открытию второго фронта в Европе на неопределенный срок и замене его на высадку союзных войск в Северной Африке, что создавало широкие возможности для осуществления средиземноморской стратегии Черчилля⁵⁰. Помощник президента гораздо активнее Рузвельта поддерживал французскую политику Великобритании⁵¹. Наконец, именно он окончатель-

но убедил Рузвельта открыть англичанам секреты производства ядерного оружия⁵².

Советский Союз, по мнению Гопкинса, вел мужественную борьбу против фашизма и тем самым вносил неоценимый вклад в победу демократии. Но руководство СССР не разделяло демократических идеалов Запада. Поэтому суть политики США в отношении Москвы заключалась в создании условий для будущего взаимодействия двух держав на основе либерального реформизма. Дорога в этом направлении, по его мнению, будет долгой и трудной и единственным способом устранить препятствия, стоящие на пути к желаемой цели, являются взаимоприемлемые компромиссы. Тегеранская конференция, первая из встреч «большой тройки», многими своими решениями была обязана способности участников переговоров идти на взаимные уступки. «Рузвельт в то время в значительной степени полагался на Гопкинса и фактически отстранил от себя других советников»⁵³, — писал Болен.

В начале 1944 г. состояние здоровья Гопкинса резко ухудшилось. В течение нескольких месяцев он не поднимался с кровати. 5 января Рузвельт писал Черчиллю: «Гарри немного приболел, но я думаю, что он пробудет в морском госпитале лишь несколько дней»⁵⁴. Прогноз ФДР оказался ошибочным. К активной работе помощник президента вернулся лишь в конце лета. Несмотря на то, что за время его отсутствия произошли очень серьезные перемены на фронтах и усилилось напряжение внутри антигитлеровской коалиции, вызванное нараставшими политическими разногласиями в стане союзников, Гопкинс придерживался прежних подходов к американско-советским отношениям.

Накануне Ялтинской конференции он проделал огромную работу. Его присутствие сказалось и на самом ходе переговоров в Крыму, хотя на этот раз ему пришлось много времени провести «за кадром». Отчасти это произошло потому, что болезнь вновь уложила его в постель, из-за чего он не смог присутствовать на рабочих встречах и посетил только пленарные заседания (кроме первого). Была и другая причина: в состав американской делегации входил Стеттиниус, незадолго до этого назначенный госсекретарем. Гопкинсу не пришлось на этот раз брать на себя функции госсекретаря, но он был эффективен как советник президента и главный консультант ведущих членов американской делегации. В целом «команда» Рузвельта в Ялте действовала в соответствии с рекомендациями, предложенными Гопкинсом.

На конференциях «большой тройки» ярче всего раскрылась способность Гопкинса соединять воедино теорию и практику, наполнять декларации конкретным содержанием. Он действовал не только как начальник штаба американской делегации, но и как посредник между президентом и Черчиллем. Его усилия были направлены главным образом на то, чтобы сбалансировать интересы всех участников переговоров и сохранить единство союзных действий⁵⁵. И хотя в Ялте Гопкинс не сумел повторить своего тегеранского триумфа, все же его влияние на ход дискуссии и характер принятых решений было впечатляющим. Находясь за спиной у Рузвельта и Стеттиниуса, он искусно маневрировал, уклоняясь от крайних решений, сглаживая острые углы, и пытался сблизить все более отдаляющиеся друг от друга политические программы Рузвельта, Сталина и Черчилля. Д. Ш. Клеменс с полным основанием проводит мысль о том, что инициативы Гопкинса в Ялте обеспечили американской делегации роль «честного брокера», балансирующего между СССР и Великобританией. По четырем из пяти главных позиций Соединенные Штаты заняли среднюю позицию, что позволило довести дискуссии до окончательных результатов⁵⁶.

Надежды и тревоги Гопкинса, навешанные решениями, принятыми в Крыму, позднее были высказаны им Шервуду. По понятным причинам в советский перевод книги Шервуда попала лишь начальная половина его фразы. Между тем, полный текст существенно меняет смысл и эмоциональную окраску заявления помощника президента: «Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словами

«мы» я разумею всех нас, все цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проникательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не оставалось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и вести совместные дела в обозримом будущем. Но я должен сказать еще об одном: никто из нас не мог предсказать, какими будут результаты, если что-нибудь случится со Сталиным. Мы были уверены в том, что можем рассчитывать на его разум, чувства и понимание, но мы совсем не распространяли свою уверенность на те обстоятельства и тех деятелей, которые находились за его спиной там в Кремле»⁵⁷.

Таким образом, удовлетворение по поводу итогов Ялты не было безоговорочным и совсем не походило на эйфорию. В признаниях Гопкинса явственно предстает и масштабность его замыслов, и степень его заблуждений. Он, конечно, ошибался в своих оценках Сталина, но это заблуждение не распространялось на политическое окружение советского лидера и ту систему, которая сложилась в СССР. В то время он, очевидно, разделял точку зрения некоторых западных деятелей, видевших в Сталине гибкого руководителя, готового к сближению с Западом и сдерживающего более воинственных и непримиримых членов своего правительства. На самом деле, именно Сталин являлся главным создателем советской политической системы и пользовался непререкаемым авторитетом среди политиков им же сформированных высшего и среднего эшелонов власти, со стороны которых Гопкинс интуитивно чувствовал угрозу.

Оценка Гопкинсом Ялтинской конференции требует еще одного пояснения. Говоря об уверенности, которую разделяли члены американской делегации по поводу перспектив будущего сотрудничества с СССР, он имел в виду прежде всего самого Рузвельта и его ближайшее окружение. Продолжение ялтинского процесса не мыслилось им в контексте политической программы, отличной от стратегии рузвельтовской администрации. Гопкинс ничего не говорил о том, что судьба ялтинских решений обретала неопределенность также и в том случае, «если что-нибудь случилось бы с Рузвельтом». А такая опасность была более чем реальной. И опасность эта была связана не только с возможной утратой сильного лидера в переломное для страны время, но и с тем, что «лишь очень немногие советники Белого дома, вроде Гарри Гопкинса полностью понимали всю парадоксальность и амбициозность планов» президента⁵⁸.

12 апреля 1945 г. Рузвельта не стало. Гопкинса это известие застало в клинике Мейо (шт. Миннесота). Посланная им на следующий день телеграмма Сталину свидетельствует о том, что он полностью осознавал, что смерть президента может роковым образом отразиться на союзнических отношениях. «Россия потеряла своего самого большого друга в Америке»⁵⁹, — писал Гопкинс. И эти слова звучали как выражение тревоги за то, что накопленный в годы войны позитивный опыт сотрудничества может быть предан забвению.

«Смена караула» в Белом доме в апреле 1945 г. для Гопкинса могла означать только одно: он терял свою роль «личного государственного секретаря президента». Хотя в его отношениях в Трумэном не было неприязни, он понимал, что в новой администрации для него нет и не может быть места. Вместе с тем его уход из большой политики не мог состояться сразу, прежде всего потому, что новый глава Белого дома крайне нуждался в его знаниях, советах и опыте. «Я чрезвычайно доверял ему, и пока его болезнь не стала по-настоящему опасной, я надеялся на то, что он продолжит работу со мной в той же роли, что и с моим предшественником»⁶⁰, — писал Трумэн в своих мемуарах. Гопкинс отказался от предложения занять место в администрации, но исправно делился с новым президентом информацией.

Была еще одна причина, по которой скорый отход Гопкинса от дел был крайне нежелательным. Весной — летом 1945 г. внутри антигитлеровской коалиции продолжали нарастать разногласия, и это ставило под сомнение возможность воплощения в жизнь решений Крымской конференции. Заявление об отставке человека, известного своей близостью к Рузвельту, могло произвести впечатление, будто новый лидер США намерен форсировать

отход от прежней политической линии. Трумэн не желал возбуждать подобных подозрений.

Мэрфи в своих воспоминаниях отмечал, что «Трумэн в первые месяцы пребывания на посту президента вряд ли был в состоянии порвать с политикой, проводившейся Рузвельтом, даже в том случае, если бы захотел это сделать. В действительности новый президент вовсе не желал в тот момент менять программу Рузвельта, он пытался делать именно то, что должен был бы сделать Рузвельт при сложившихся обстоятельствах. В полном соответствии с этой установкой, в тот момент, когда возникла необходимость укрепить рузвельтовский курс в отношении России, для Трумэна было естественно искать помощи у одного из главных доверенных советников Рузвельта — Гарри Гопкинса»⁶¹. Точка зрения Мэрфи очевидно близка к истине и позволяет составить верное представление о мотивах, побудивших Трумэна вскоре после капитуляции Германии направить Гопкинса в качестве своего личного посланника в Москву.

На этот раз миссия в столицу СССР была довольно продолжительной (25 мая — 6 июня 1945 г.) и преследовала две основные цели: разрешить вопросы, препятствующие результативной работе конференции в Сан-Франциско, призванной учредить ООН, и подготовить почву для проведения очередной встречи государств «большой тройки». Согласно инструкции президента, Гопкинс должен был сделать все возможное для того, чтобы преодолеть кризис доверия в американо-советских отношениях, используя для этого любые методы: «дипломатический язык, бейсбольную битку или что угодно, что он считал подходящим»⁶².

Во время переговоров со Сталиным обнаружились глубокие различия двух сторон во взглядах на послевоенную судьбу Европы. Камнем преткновения стала советская концепция национальной безопасности, требовавшая создания вдоль западной границы СССР «дружественных» режимов и «свободы рук» в Восточной Европе, прежде всего в Польше. Несмотря на это, Гопкинс довел переговоры до конца, добившись поставленных целей: разногласия по поводу процедуры голосования в Совете Безопасности ООН были устранены, а также были согласованы сроки конференции в Потсдаме.

Переговоры Гопкинса со Сталиным «вдохнули новую жизнь в ялтинский дух»⁶³, — отмечает Д. Мак Джимси. Летом 1945 г. результаты миссии в Москву рассматривались как несомненный успех. Это была последняя дипломатическая победа Гопкинса. 2 июля 1945 г. он окончательно простился с государственной службой.

Летом — осенью 1945 г. он продолжал оставаться убежденным сторонником дипломатии сотрудничества. Вместе с тем, он не мог не видеть того, что с каждым днем его надежды становились все более призрачными. Дж. Кеннан, повествуя о своей беседе с Гопкинсом в конце мая 1945 г., упоминает об его обеспокоенности трудностями в общении с Москвой⁶⁴. Мэрфи отмечал, что наряду с «впечатляющей верой в американо-советское сотрудничество» Гопкинс не мог скрыть беспокойства по поводу будущего Польши⁶⁵. Ни Потсдамская конференция, ни последующие события не развеяли его опасений.

Болен не принадлежал к числу единомышленников Гопкинса, но во время войны ему довелось работать в тесном контакте с помощником президента, поэтому его наблюдения приобретают особый вес: «Гопкинс был пронизательным, прагматичным и циничным в своих суждениях человеком. Он допускал ошибки, особенно в отношении советской политики. Тем не менее он, в большей степени чем любой политик из всех, с которыми я когда-либо встречался, был готов признавать собственные ошибки»⁶⁶. Возможно, именно это качество объясняет содержание последней публичной речи, с которой Гопкинс выступил в сентябре 1945 г.: «Я думаю, — говорил он, — что мы выполняем в мире исключительно важное дело, которое достойно наших традиций. Оно состоит в том, чтобы всеми силами, имеющимися в распоряжении нашей дипломатии, укреплять демократические правительства во всем мире... Мы верим в то, что наша динамичная демократия лучшая в мире. Почему бы не сказать об этом на таком языке, который понятен миру? Силы демократии сегодня на марше

в Англии, Франции, Китае и огромном количестве других стран. Но я думаю о том, что интересы нашей страны в мире подвергаются опасности со стороны тоталитарных правительств, независимо от того, каково их название или вывеска»⁶⁷. Гопкинс не называет СССР в списке держав торжествующей демократии, и трудно представить, какую именно страну, кроме Советского Союза, он мог причислить к разряду тоталитарных режимов.

Базовые принципы внешнеполитической философии Гопкинса оставались неизменными — это последовательный демократизм, интернационализм либерально-реформистского образца, международный универсализм, воплотившийся в его деятельности по созданию ООН, и легализм. Его никак нельзя обвинить в безответственном идеализме. Его политика в отношении СССР всегда была прагматичной. Изменение международной ситуации после завершения второй мировой войны обусловило корректировку взглядов на проблему сотрудничества с СССР, но не изменило его видения международных перспектив в целом.

Гопкинс умер 29 января 1946 г. в возрасте 55 лет, пережив Рузвельта на девять с половиной месяцев. Его сын Роберт, встретившись с Трумэном вскоре после похорон, сказал: «Знаете, единственное, что могло уберечь его от смерти — это ваше решение отправить его куда-нибудь с зарубежной миссией»⁶⁸. В этих словах крылась печальная истина: в январе 1946 г. его отец был уже историей. Новая эпоха требовала новой дипломатии и новых дипломатов, наделенных иным складом мышления, чем Гарри Гопкинс — человек, создававший антигитлеровскую коалицию в годы войны и не желавший присутствовать при ее гибели в дни мира.

Примечания

1. См.: Книжное обозрение, 1991, № 21, с. 10.
2. PLISCHKE E. *Diplomat in Chief: The President at the Summit*. N. Y. 1986, p. 99.
3. ШЕРВУД Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1. М. 1958, с. 61.
4. TUTTLE D. W. *Harry L. Hopkins and Anglo-American-Soviet Relations, 1941–1945*. N. Y. 1983, p. 34.
5. MURPHY R. *Diplomat among Warriors*. N. Y. 1964, p. 256.
6. *The Secret Diary of Harold Ickes*. Vol. III. N. Y. 1954, p. 471.
7. КИМБОЛЛ У. Ф. Франклин Рузвельт — главнокомандующий 1941—1945 гг. — Новая и новейшая история (НИИ), 1993, № 1, с. 124.
8. BOHLEN CH. *Witness to History 1929–1969*. N. Y. 1973, p. 244.
9. *Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence*. In 3 vols. Vol. I. Princeton. 1984 (далее: *Complete Correspondence*), p. 577.
10. PERLMUTTER A. *FDR and Stalin*. Columbia. 1993, p. 71.
11. ШЕРВУД Р. Ук. соч. Т. 1, с. 76.
12. BOHLEN CH. *Op. cit.*, p. 168.
13. ШЕРВУД Р. Ук. соч. Т. 1, с. 67.
14. Разнообразные варианты этой версии присутствуют на страницах книг английских и американских авторов: WHEELER-BENNETT J. and NICHOLLS A. *The Semblance of Peace*. Lnd. 1972, p. 205; PERLMUTTER A. *Op. cit.*, p. 71–72.
15. TUTTLE D. W. *Op. cit.*, p. 32–33.
16. WEIL M. *A Pretty Good Club*. N. Y. 1978, p. 105–113.
17. BOHLEN CH. *Op. cit.*, p. 244.
18. *The War Diary of Breckinridge Long*. Lincoln. 1966, p. 210.
19. McJIMSEY G. *Harry Hopkins: Ally of the Poor and Defender of Democracy*. Cambridge and Lnd. 1987, p. 379.
20. ADAMS H. *Harry Hopkins. A Biography*. N. Y. 1977, p. 16–17.
21. Об одном из таких случаев писал Ф. Погью. В декабре 1941 г. военный министр Стимсон пригрозил уходом в отставку в том случае, если Рузвельт не заберет назад данное Черчиллю обещание перебросить соединения американского резерва для обороны Сингапура в ущерб интересам защиты Филиппин. Гопкинс поддержал военного министра и урегулировал конфликт (POGUE F. *George Marshall: Ordeal and Hope, 1939–1942*. N. Y. 1986, p. 265–266).
22. BOHLEN CH. *Op. cit.*, p. 165.

23. GEORGE A. Presidential Decision-Making in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder. 1980, p. 148 –150, 165.
24. МАЛЬКОВ В. Л. Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. — НИИ, 1979, № 2, с. 129.
25. PERLMUTTER A. Op. cit., p. 74.
26. Complete Presidential Press-Conferences of Franklin D. Roosevelt. Vol. 17. N. Y. 1972, p. 6.
27. Complete Correspondence. Vol. 1, p. 128.
28. Цит. по: TUTTLE D. W. Op. cit., p. 58.
29. ADAMS H. Op. cit., p. 15 –16.
30. ШЕРВУД Р. Ук. соч. Т. 1, с. 412– 413.
31. ЧЕРЧИЛЛЬ У. Вторая мировая война. Т. 2. М. 1991, с. 17 –18.
32. ADAMS H. Op. cit., p. 211, 230.
33. Complete Presidential Press-Conferences. Vol. 17, p. 410.
34. Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers, 1941. Vol. 1. Washington. 1958, p. 802; ШЕРВУД Р. Ук. соч. Т. 1, с. 525—546; МАЛЬКОВ В. Л. Франклин Д. Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии. М. 1988, с. 216– 218.
35. ШЕРВУД Р. Ук. соч., с. 517.
36. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. Т. 1. М. 1984, с. 89.
37. TUTTLE D. W. Op. cit., p. 105.
38. BOHLEN CH. Op. cit., p. 244.
39. HARRIMAN A., ABEL E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941—1946. N. Y. 1975, p. 268.
40. NISBET R. Roosevelt and Stalin. Wasnington. 1988, p. 19– 28.
41. ШЕРВУД Р. Ук. соч. Т. 1, с. 547– 548.
42. CRAVВ C. V., jr. American Diplomacy and the Pragmatic Tradition. Baton Rouge, Lnd. 1989, p. 291.
43. МАЛЬКОВ В. Л. Франклин Рузвельт, с. 202 –211.
44. Цит. по: TUTTLE D. W. Op. cit., p. 41– 42/
45. FRUS. Conferences at Washington, 1941—42, and Casablanca 1943. Washington. 1968, p. 701—703; MURPHY R. Op. cit., p. 197.
46. Цит. по: BENNET E. Franclin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations 1939 –1945. Wilmington. 1990, p. 57.
47. HARRIMAN A. ABEL E. Op. cit., p. 224.
48. ADAMS H. Op. cit., p. 347.
49. McJIMSEY G. Op. cit., p. 278.
50. ROGUE F. Op. cit., p. 348; Complete Correspondence. Vol. I, p. 541.
51. McJIMSEY G. Op. cit., p. 276; MURHY R. Op. cit., p. 178; FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington. 1955, p. 619, 629, 634, 900.
52. Complete Correspondence. Vol. II, p. 351.
53. BOHLEN CH. Op. cit., p. 49.
54. Complete Correspondence. Vol. II, p. 649– 650.
55. McJIMSEY G. Op. cit., p. 362– 370.
56. CLEMENS D. S. Yalta. N. Y. 1970, p. 229, 279—288 (Речь идет о решениях, принятых по следующим проблемам: репарации, раздел Германии на зоны оккупации, роль Франции в послевоенной Европе, создание ООН, политическое урегулирование в Польше).
57. SCHERWOOD R. Roosevelt and Hopkins. N. Y. 1950, p. 870.
58. ARONSEN L., KITCHEN M. The Origins of the Cold War in Comparative Perspective. American, Britain and Canadian Relations with the Soviet Union, 1941-- 1948. Lnd. 1988, p. 31.
59. МАЛЬКОВ В. Л. Гарри Гопкинс. Страницы политической биографии. НИИ, 1979, № 4, с. 137.
60. TRUMAN H. Memoirs. Vol. I.: Year of Decisions. N. Y. 1956, p. 30.
61. MURPHY R. Op. cit., p. 256.
62. McJIMSEY G. Op. cit., p. 379.
63. Ibid., p. 387.
64. KENNAN G. F. Memoirs 1925-- 1950. Boston. 1967., p. 212—213.
65. MURPHY R. Op. cit., p. 260.
66. BOHLEN CH. Op. cit., p. 224.
67. Цит. по: ADAMS H. Op. cit., p. 398.
68. TUTTLE D. W. Op., cit., p. 19.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Казачья семья Хрипуновых

Воспоминания Е. В. Калабиной

Воспоминания дочери Усть-Медведицкого окружного атамана, записанные по просьбе ее племянника в 1988—1992 гг., посвящены драматической судьбе представителей трех поколений старинного казачьего рода и рассказывают о большой дружной офицерской семье Хрипуновых (чем-то напоминающей булгаковских Турбиных), которая была почти полностью уничтожена в период гражданской войны и последующими репрессиями пришедшего к власти режима.

Хотя еще в 1677 г. некий воронежский посадский Хрипунов ссужал Степана Разина порохом и свинцом¹, прослеживаемая по архивным документам родословная Хрипуновых начинается с жившего в первой половине XVIII в. казака станицы Усть-Хопёрской Герасима. Его сын Григорий дослужился до чина сотника, а внук Михаил, начав службу в 1798 г., 25-ти лет от роду был произведен в урядники и участвовал в сражениях с войсками Наполеона в Пруссии, в войне с Турцией, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. За боевые отличия во французской компании ему присвоили звание хорунжего, а в 1823 г. — сотника. Награжденному знаком отличия военного ордена Св. Георгия и орденом Св. Анны 4-й степени Михаилу Григорьевичу Хрипунову, а также его сыну Якову и внукам Захару и Лунии было даровано дворянское достоинство².

Упоминаемый в воспоминаниях Калабиной ее дедушка — Георгий Захарович Хрипунов (1852—1919), окончив Виленское военное училище, служил с 1879 г. в офицерских чинах в казачьих войсках и ушел в отставку в 1905 г. в звании войскового старшины. В течении нескольких лет он состоял атаманом станицы Усть-Медведицкой, в которой жил вместе с женой Ириной Максимовной, урожденной Михеевой, и вырастил восьмерых детей. Арестованный 11 марта 1919 г. Особым отделом 9-й Красной армии «за то, что добивался расстрела местным жителям станицы Усть-Хопёрской (так в документе. — В. Г.) и хранил у себя дома оперативные сводки белоказачьих войск, Георгий Захарович был расстрелян, не дожив трех лет до своего семидесятилетия³.

Из пятерых его сыновей наиболее яркий след в истории донского казачества и гражданской войны в России оставили трое — Георгий (1894—1919), Михаил (1889—1983) и Василий (1874—1920). Первый, самый младший из братьев, окончил Донской кадетский корпус и Новочеркасское юнкерское казачье училище, из которого был выпущен в 1914 г. в чине хорунжего. Его храбрость на полях сражений первой мировой войны была отмечена орденами Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени и Св. Станислава 3-й и 2-й степени⁴. Включившись после Октябрьского переворота 1917 г. в вооруженную борьбу с большевиками, есаул Г. Г. Хрипунов командовал 1-й сотней 16-го Донского казачьего полка и погиб 29 января 1919 г. в бою с красной конницей Б. М. Думенко под станицей Пичужинской⁵.

Наиболее известный из братьев Хрипуновых Михаил Георгиевич по окончании

кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища с 1909 г. служил в Лейб-гвардии Атаманском полку, в 1913 г. был произведен в сотники, а год спустя назначен полковым адъютантом. За отличия в боях против германцев он имел ордена Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степени и Св. Владимира 4-й и 3-й степени. На параде в Царском Селе 23 ноября 1915 г. Николай II пожаловал Михаила Хрипунова званием своего флигель-адъютанта.

Участник «Степного похода» белоказацких партизанских отрядов под командованием походного атамана П. Х. Попова по Задонским степям, М. Г. Хрипунов состоял с мая 1918 г. помощником командира Атаманского полка, в июле получил чин войскового старшины, а в декабре — полковника. С октября 1919 г. он уже командовал Атаманским полком, и в ноябре ему было присвоено звание генерал-майора. После поражения Белой армии в Крыму Хрипунов с казаками оказался в лагере для интернированных на пустынном греческом острове Лемнос и в связи с реорганизацией полка в январе 1921 г. был назначен командиром Атаманского дивизиона. В июне дивизион перебазируется в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где генерал был вынужден служить в должности прапорщика пограничной стражи⁶. А в середине 20-х годов вместе со своими казаками он переезжает во Францию и, обосновавшись в Каннах, работает управляющим имения у одной состоятельной англичанки, одновременно возглавляя созданное в 1929 г. Общество атаманцев (его почетным председателем был великий князь Борис Владимирович).

С началом второй мировой войны Хрипунов с женой переселяется в Ирландию, а в 1955 г. — в Женеву, где его как человека глубоко религиозного возводят в чтецы православного собора Воздвижения Креста Господня. Четыре года спустя Михаил Георгиевич был избран членом Палестинского православного, бывшего Императорского, общества и переехал в Иерусалим в Гефсиманскую обитель. Ежедневно в течение 20 лет старый генерал ревностно выполнял обязанности чтеца в храме Марии Магдалины и пел басом в хоре. «Он был прекрасного характера, — вспоминает одна из сестер монастыря, — добродушный, веселый, простой, не лишенный доброго юмора. Любил декламировать стихи, читал наизусть из Чехова, на собраниях выступал с речью очень искусной и прочувствованной». В 1968 г. он был назначен председателем Палестинского общества. Скончался Михаил Георгиевич в возрасте 94 лет и похоронен на Гефсиманском кладбище⁷.

Старший из братьев Хрипуновых, Василий Георгиевич, получив юридическое образование, до 1906 г. служил секретарем гражданского отделения Усть-Медведицкого окружного суда, а затем судебным следователем в Варшаве, имел чин надворного советника. Когда началась мировая война, он был зачислен «охотником» (вольноопределяющимся) в Атаманский полк в звании старшего урядника, но уже в декабре 1914 г. Николай II произвел его в хорунжии, а в мае 1916 г. последовало очередное повышение — чин сотника.

Полный Георгиевский кавалер, награжденный, помимо крестов, тремя боевыми орденами, почетный мировой судья Усть-Медведицкого округа, Василий Хрипунов также принял деятельное участие в ожесточенной борьбе с красными на Дону и после освобождения весной 1918 г. родной станицы осуществлял гражданское управление округом. Приказом по Всевеликому войску Донскому от 24 июня генерал П. Н. Краснов утвердил Василия Георгиевича атаманом и командующим войсками Усть-Медведицкого округа, и вскоре от станицы его избрали в состав Большого войскового круга. Взятый в плен красными под станицей Шапсутской (около 70 км от Новороссийска) в марте 1920 г., войсковой старшина В. Г. Хрипунов был расстрелян.

Его старший сын Георгий (1898—1937) учился в Варшавской гимназии, а затем — в Донском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище; в 1918 г. служил прапорщиком в запасной батарее в Новочеркасске, потом — в артиллерийском управлении. При отступлении деникинских войск Георгий вместе с отцом и братом попал в плен к красным и был отконвоирован через Екатеринодар и Москву в Тульский концлагерь, откуда его направили преподавать на артиллерийские курсы в Пермь. После демобилизации в 1922 г. он поступил на службу в сельхозтехникум, последнее же место его работы — отдел исследований и изысканий КамГЭСстроя.

Младший брат Георгия, Николай Хрипунов (1901—1937), после окончания кадетского корпуса и полугодовой учебы в Новочеркасском казачьем училище

в декабре 1919 г. в чине хорунжего был зачислен в Атаманский полк. Оказавшись в плену у красных, Николай в Москве попал в госпиталь, откуда его выслали домой, в Усть-Медведицкую. Но поскольку по настоянию бабушки он скрыл свое воинское звание, в августе 1922 г. его мобилизовали для прохождения службы во 2-м Балтийском флотском экипаже и в связи с отказом служить на флоте направили в распоряжение Петроградского губвоенкомата в качестве «писарского ученика». В итоге осенью 1923 г. бывший хорунжий получил назначение писарем в 15-й железнодорожный батальон в м. Стрельна и уже в феврале 1924 г., не выдержав, рассказал политруку правду о себе, вследствие чего был приговорен к полутора годам принудительных работ с конфискацией имущества. Амнистированный в день суда, Николай служил делопроизводителем в райнефтеторге в Перми и Свердловске, счетоводом в санатории, старшим бухгалтером строительства Ирбитской фабрики игрушек и культтоваров⁸.

Обоих братьев Хрипуновых арестовали в июле 1937 года. В ходе следствия им было предъявлено обвинение, что они, «будучи офицерами в армии Деникина, боролись против Красной Армии и имели постоянную письменную связь с родственниками, эмигрировавшими из СССР, в письмах к которым клеветали на политику партии и советского правительства». По постановлению «тройки» при Управлении НКВД по Свердловской области 14 сентября Георгий и Николай были расстреляны. Вместе с другими казненными их похоронили в общей могиле на 12-м километре автодороги Свердловск—Первоуральск⁹.

Несколько слов и о человеке, породнившемся с семьей Хрипуновых, — Андрее Андреевиче Гордееве (1886—1977). Уроженец хутора Большой Усть-Медведицкого округа, выпускник Виленского военного училища, Гордеев во время первой мировой войны, помимо шести орденов, был удостоен высшей офицерской награды — Георгиевского золотого оружия. В «высочайшем приказе» о его награждении говорилось, что сотник 37-го Донского казачьего полка Гордеев «с полусотней казаков сдерживал превосходные силы противника и, будучи атакован с обоих флангов неприятельской конницей, во главе полусотни контратаками, доведенными до удара холодным оружием, остановил наступление»¹⁰.

Вернувшись со своим полком на Дон, подъесаул Гордеев в мае 1918 г. возглавил повстанческий белоказачий отряд; с июля состоял помощником командира, а с октября — командиром 16-го Донского казачьего полка, имел чин войскового старшины. После ранения его назначили штаб-офицером для поручений в Усть-Медведицкое окружное управление, и он выполнял обязанности помощника атамана округа, а с августа 1919 г. командовал Усть-Медведицкой сводной бригадой, 29 сентября был произведен в полковники. В январе 1920 г. Андрей Андреевич назначается командиром 17-го, позже — 4-го, Назаровского казачьего полка, во главе которого сражается с красными в Крыму, а после ранения и эвакуации оказывается, как и М. Г. Хрипунов, в лагере на Лемносе. Прожив несколько лет в Болгарии, где он входил в состав офицерской сотни 3-го Донского казачьего полка и избирался членом суда чести, Гордеев с женой в 1923 г. перебрался в Париж. Здесь он получил диплом землемера-топографа и окончил высшие военно-научные курсы генерала Н. Н. Головина, писал статьи о казачестве и истории домонгольской Руси, опубликовал свою «Историю казаков» и четырех книгах, переизданную в 1992 г. в России. Полковник А. А. Гордеев скончался в возрасте 91 года, на девять лет пережив свою жену Лидию Георгиевну, урожденную Хрипунову, и похоронен рядом с ней на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа¹¹.

Сама Евгения Васильевна Калабина прожила долгую и трудную жизнь, ее единственный сын погиб на фронте в 1943 году. Рукописи ее воспоминаний хранятся частично в Музее истории донского казачества в Новочеркасске, частично — в семейном архиве. Публикация подготовлена В. Л. ГЕНИСОМ и О. Ф. ЖЕМАЙТИСОМ, предисловие и литературная обработка — В. Л. Гениса.

Примечания

1. ГОРДЕЕВ А. А. История казаков. Ч. 2. М. 1992, с. 222.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 341, оп. 1, д. 125, л. 152; ф. 344, оп. 1, д. 310, л. 245, 250.
3. Справка Управления КГБ СССР по Волгоградской обл. от 6 марта 1990 года.

4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 725, оп. 48, д. 122, лл. 16-17; оп. 49, д. 1069, лл. 29-30.
5. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40091, оп. 1, д. 1, приказы № 155, 160, 163; генерал-майор ГОЛУБИЦЕВ. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917--1920 гг. Орел. 1995.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). ф. 6711, оп. 3, д. 57, л. 122.
7. Православная Русь, 1983, № 8, с. 13.
8. РГВИА, ф. 3611, оп. 1, д. 909, л. 17; д. 910, л. 19; ГА РФ, ф. 1317, оп. 1, д. 7, л. 65.
9. Справки Управления КГБ СССР по Свердловской обл. от 19 июня 1989 г. и 6 сентября 1993 года.
10. РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 26990, л. 394-398.
11. РГВА, ф. 5383, оп. 1, д. 1, л. 42, 58, 78, 91, 93, 265, 280; ф. 6711, оп. 3, д. 55, ч. I, л. 710; д. 62, л. 106, 107, 155 об., 180.

Какой-то наш предок отличился еще в войне с Наполеоном и получил потомственное дворянство. Военное образование имели все Хрипуновы, кроме моего папы Василия Георгиевича, но и он как казак несмотря на то, что окончил юридический факультет Киевского университета, должен был отбыть воинскую повинность. Позже он работал в окружном суде в родной станице Усть-Медведицкой, а затем — в Варшаве. Когда в 1914 г. началась война с немцами, папа пошел добровольцем на фронт и был зачислен в лейб-гвардии Атаманский «Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» полк, шефом которого состоял сын Николая II — Алексей Романов. В рядах этого полка папа храбро воевал, получил четыре Георгиевских креста и был ранен, после чего лежал в госпитале в Петрограде. Помню, он рассказывал, как в 1916 г. императрица Александра Федоровна поздравляла офицеров Атаманского полка с Пасхой и они подходили по очереди и целовали ей руку, а она каждому дарила по «писанке». В то время во главе полка стоял Великий князь Борис Владимирович, а последним командиром атаманцев, уже в период гражданской войны, был родной брат папы — Михаил Георгиевич Хрипунов, или, как мы его называли, дядя Миша.

В начале сентября 1916 г. меня определили в младший приготовительный класс петроградского Екатерининского института благородных девиц. Поскольку мама Евгения Николаевна и моя старшая сестра Женя уехали в Елисаветград (родители уже давно были в разводе, и мама второй раз вышла замуж), в институт меня проводила прислуга одного из папиных братьев, служивших в столице. После обязательного купания и переодевания в казенную институтскую форму меня привели в класс — большую комнату на первом этаже здания, окно которой выходило в обширный сад; посторонних в сад не пускали, и девочки чинно, не каждый день, гуляли там в сопровождении классной дамы. В комнате, оборудованной десятью партами и длинным столом со скамейками, сидели одиннадцать девочек и наша классная дама Надежда Николаевна Хитрово, преподававшая воспитанницам арифметику, русский и французский языки. Она ласково расспросила меня о моих познаниях, а я, надо признаться, очень отставала по французскому.

Перед сном мы пошли в столовую пить чай и как самые маленькие пили его одни, другие классы приходили позже; к чаю обычно подавали булочку с маслом и кусок сахара. Потом классная дама повела нас в дортуар — комнату, в которой воспитанницы спали и где за ширмой был устроен уголок для дортуарной девушки. Ее звали Аннушкой, она была немолода и казалась злой. Мне объяснили, как повесить платье и как подойти к классной даме и по-французски пожелать ей спокойной ночи. Полагалось несколько раз сделать реверанс, классная дама целовала каждую из нас в лоб, и мы после этого шли спать. Направляясь к кровати, я нечаянно перевернула свою тумбочку, чем навлекла на себя гнев Аннушки, сердито отчитавшей меня. Это довершило горестные впечатления от новой обстановки и расставания с мамой и сестрой. В комнате потушили свет, горел только синий ночник, Надежда Николаевна ушла, Аннушка тоже, а я горько плакала, укрывшись, чтобы никто не слышал, с головой одеялом. Но утром хитрая Сусанна, одна из девочек, глядя на меня, сказала: «Кто-то вчера плакал». Желая скрыть свои

рыдания, я ответила: «Да, я тоже слышала, как кто-то плакал». Конечно, мы обе знали правду.

Понемногу я привыкла к жизни в институте, где все было подчинено строгому распорядку и определенным правилам. По утрам мы поднимались в 7 час., умывались, причесывались и к восьми шли в столовую пить чай. Затем до 10 час. были уроки, после которых нам приносили по стакану молока с куском черного хлеба. В 12 час. подавали завтрак из двух блюд (винегрет, иногда пироги и т. п.). Затем в 3 час. нас кормили кашей или еще чем-либо, а в 5 час. звали на обед, который часто был вкусным. Особенно мы любили котлеты, и хотя дома наша няня Варвара тоже их делала, и из хорошего мяса, такие аппетитные котлеты, как в институте, у ней не получались.

Прием родных и знакомых был по четвергам после обеда и в воскресенье и другие праздники с часу дня. О начале приема мы узнавали по запаху дорогих духов, которыми душились классные дамы. Поскольку Атаманский полк стоял тогда в Петрограде, с папой мы виделись часто. Он приходил ко мне в институт с дядей Мишей, который, не порывая с полком, состоял флигель-адъютантом императора Николая II. В то время в Питере были еще два папиных брата — Григорий, подполковник, и Виктор, кажется, капитан, которые служили в Главном Артиллерийском управлении и тоже оба часто навещали меня. Самые лучшие конфеты приносил дядя Витя; когда по какой-либо причине он не мог сам зайти ко мне, оставлял их у швейцара. Все, что приносили девочкам посетители, укладывалось в корзину, и после завтрака нам разрешали брать из нее конфеты, фрукты или печенье (в класс и дортуар еду носить запрещалось). Особыми праздниками были дни рождения и именины членов царской семьи, так как мы не занимались, нас посещали родные и знакомые и за обедом на десерт подавали мороженое, а к чаю, кроме булочки, — кусок торта.

Целый день, с утра и до вечера, с нами проводила одна из классных дам — Надежда Николаевна Хитрово или Елена Александровна Гирс, через день сменявшие друг друга. С девочками они говорили по-французски и, помимо этого, Гирс преподавала нам немецкий язык. Начальницу Екатерининского института вечно больную Елену Николаевну Ершову мы почти не видели. Зато инспектриса младших классов Любовь Петровна, высокая, худая, с гладко зачесанными седыми волосами, часто бывала у нас на уроках, а инспектриса старших классов Елена Михайловна всегда присутствовала на занятиях пением и танцами. Были еще учитель рисования и священник, преподававший Закон Божий.

Отдыхая от уроков, мы гуляли в саду или занимались гимнастикой, часто подходили к окнам, где у каждой девочки рос в горшочке свой цветок, — Надежда Николаевна покупала за наши деньги все необходимое, и мы сами сажали луковицы, поливали землю и гадали, какого цвета будут наши гиацинты. Был и аквариум с рыбками. Вечером после обеда мы часто сидели за общим столом и играли во французское лото или что-либо шили для приюта, над которым шефствовала Великая княжна Татьяна (ее благодарность висела в рамке на стене).

Надо сказать, что институтские нравы отличались своеобразным демократизмом. Несмотря на то, что в моем классе, состоявшем из 12 человек, учились княжна, графиня и две баронессы, мы обязаны были всю свою почту представлять классной даме в распечатанных конвертах, дабы она могла прочесть наши письма. Потом она конверты сама заклеивала и отправляла. Так же поступали с письмами, адресованными девочкам: сначала классная дама сама все читала, затем давала читать нам, и все это делалось совершенно открыто. Надежда Николаевна просто не выносила, когда на конверте писали: «Ее сиятельству» или «Ее светлости», далее шли фамилия и имя. Такие конверты она в сердцах рвала и, отдавая письмо, сердито говорила: «Безобразие, девчонке писать: «Ея светлости»! Это к вашим родителям так надо обращаться, а не к вам». Помню также случай, когда была наказана баронесса Катя Крузенштерн: ее мама позвонила в институт, так как «бэби», то есть Катя, забыла, что ей задано на дом. Вернувшись от телефона, Надежда Николаевна с негодованием говорила, что как это так — девочка посмела забыть задание и ее мама (!) вынуждена беспокоиться из-за этого. В то же время классная дама учила нас, что нельзя допускать фамильярности в отношениях с прислугой, с которой всегда следует держать себя на дистанции.

В Нашем огромном двухсветном с колоннами актовом зале висел большой

портрет шефствовавшей над Екатерининским институтом матери последнего царя Марии Федоровны. На шее у вдовствующей императрицы было изображено жемчужное ожерелье, и старшие девочки говорили, что если прийти в актовый зал в полночь, то вместо жемчуга видна одна веревка. В декабре 1916 г. Мария Федоровна собиралась приехать в институт, и несмотря на то, что я была хоть и из дворян, но не такая родовитая, как другие воспитанницы, меня — беленькую и самую маленькую по росту — назначили говорить ей по-французски приветственное стихотворение. Помню из него только несколько слов: «Мы чувствуем всегда вашу материнскую нежность...» Каждый вечер после обеда я репетировала с Надеждой Николаевной, изображавшей императрицу, как должна подойти к ней, прочесть стихи и поцеловать ей руку. Мне объяснили, что я не должна тянуть руку Марии Федоровны к себе, а наоборот, — сама тянуться к ней, не сжимать ее пальцы, а подложить под них свои, как должна ответить на могущие возникнуть вопросы и отойти, не поворачиваясь спиной, а пятясь назад, лицом к императрице, и т. д. Весь институт должен был присутствовать на этой церемонии. Так я репетировала каждый день, но внезапно наши занятия прекратились. Позже я узнала, что в ночь на 17 декабря убили Распутина, и Мария Федоровна, почувствовав недоброе, спешно уехала в Англию к своей сестре, которая была замужем за королем Георгом V, а потом — в Данию. До того, как на ней женился Александр III, она была датской принцессой Дагмарой.

В святки, с 23 декабря по 6 января 1917 г., я гостила у папиного брата дяди Гриши, купившего мне зимнее пальто, шапку и другую теплую одежду. Он жил на Дворянской улице, вместе с женой Татьяной Иустиновной, урожденной Городецкой, и сыном Сережей четырех-пяти лет, и в праздники Рождества и Крещения все Хрипуновы собирались обычно у них. Приходил мой брат Зёка (Георгий), учившийся в то время в Петрограде в Михайловском артиллерийском училище, две сестры тети Тани — Галя и Оля, папина сестра — Лидия и дядя Витя. Святки прошли весело, и когда я вернулась в институт, жизнь потекла по заведенному порядку.

Революция началась стрельбой, и старших девочек, спавших в комнатах с окнами, выходящими на Фонтанку, переселили в дортуары со стороны сада, что внесло какое-то разнообразие и оживление в наш быт. Раньше, когда мы иногда возвращались из столовой в класс без Надежды Николаевны, проходя через актовый зал, всегда бросались к окнам и с упоением наблюдали, как на катке, устроенном на льду Фонтанки, кружатся под музыку одинокие фигуры и пары. А теперь каток не работал и, боясь шальной пули, мы скорее пробегали через темный зал в наш дортуар. Хотя я, как и другие девочки, была воспитана в монархическом духе, свержение и отречение Николая II от трона было воспринято мной спокойно, без сожаления, так как даже мы, дети, слышали разговоры старших о Распутине и его влиянии на царскую семью. Тогда было много вымыслов о причастности Романовых к аферам «святого старца».

В эти беспокойные февральские дни те, кто хотел, мог идти к родным, и меня опять взял к себе дядя Гриша. Погостив у него меньше недели, я вернулась в институт, но вскоре заболела, и меня поместили в лазарет, дали касторку, хину, и дело быстро пошло на поправку. В лазарете меня навестили папа и дядя Миша. Свидание проходило в общем салоне всех выздоравливающих, и Михаил Георгиевич, еще недавно блестящий флигель-адъютант императора, молодой и красивый, произвел большое впечатление на старших девочек.

Жизнь в Екатерининском институте шла своим чередом и, надо сказать, мало в чем изменилась, во всяком случае, в первые месяцы революции. Масленица была, как обычно, с блинами, затем — предпасхальное говение и службы в церкви. Мы как самые маленькие стояли ближе всех к алтарю и уходили из церкви раньше других. Перед самой Пасхой мой брат Зёка получил в Михайловском училище отпуск, забрал меня из института и увез в Елисаветград к маме. Осенью она уже не отправила меня в Петроград, так как там начинался голод и были беспорядки, поэтому в Елисаветграде я поступила в гимназию.

Тогда на Украине было много банд, время от времени захватывавших города, и однажды наш Елисаветград занял отряд Маруськи Никифоровой. Я видела ее верхом на лошади, и атаманша показалась мне некрасивой и слегка рябоватой. Потом Никифорова была ранена, и ее лечил доктор Корб, которому бандиты пригрозили, что если она умрет, его расстреляют. Маруська выздоровела, а вскоре банду изгнали из города.

Когда мы с Женей уже уехали из Елисаветграда, по нему прокатилась волна еврейских погромов, устроенных не то григорьсвцами, не то петлюровцами. О погромах нам позже рассказала мама, спасавшая соседей — семью Цадиковых и стариков Гольденбергов, которым она помогла забраться на чердак (вход на него был из нашего коридора на черной лестнице). Няня пыталась отговорить маму: «Что Вы, барыня, делаете? Ведь убьют и Вас, и их!». На что мама ответила: «Иначе я не могу. Будь, что будет, но когда они плачут от страха, у меня нет другой мысли, как только помочь им». На улице на скамейке сидела молодежь из нашего двора, и когда пришли погромщики, эти молодые люди сказали им: «У нас дом — русский, и евреев здесь нет». Бандиты попадались «добрые» и, поверя на слово, прошли мимо.

Хуже было у податного инспектора Платонова, у которого мама служила в канцелярии, находившейся при его квартире. Поскольку Платонов жил в районе, где было полно евреев, многие из них пришли к нему с просьбой спасти их, ибо его дом, мол, русский, и бандиты никого не тронут. Они плакали и умоляли о помощи. В конце концов Платонов пустил евреев в канцелярию и запер ее на ключ, но, когда пришли погромщики, они, пройдя по всем комнатам, остановились перед запертой дверью. Хотя Платонов убеждал их, что это его канцелярия, ключ от которой находится у не работающей в связи с беспорядками в городе конторщицы, бандиты начали ломать замок штыком и вскоре открыли комнату. Увидя их, евреи подняли крик и ужасный плач, а Платонов стал просить погромщиков не трогать несчастных. В результате бандиты только забрали ценности и золотые вещи и ушли, сказав Платонову напоследок: «Вам должно быть стыдно: русский, а спасаете евреев».

В конце 1918 г. папа прислал нам пропуска в станицу Усть-Медведицкую, в которой он был окружным атаманом. Один казачий поэт, кажется Ф. Д. Крюков, с любовью писал о нашей станице: «Как ласка матери, как нежный зов ее, над колыбелью... Родимый край... Под горой монастырь, тихий угол молитвенных вздохов...» Как сейчас, помню этот считавшийся тогда гордостью станицы монастырь — под горой недалеко от Дона. У папиной мамы бабушки Ариши была икона Божьей Матери, написанная кем-то из монашек, очень красивая, а игуменья монастыря Святослава присылала папе как окружному атаману просвиру.

Мой папа был умным и честным человеком. Всех нас — трех сыновей и двух дочерей — он нежно и сильно любил, заботился, чтобы мы ни в чем не нуждались и занимались музыкой, иностранными языками и вообще хорошо учились. Воспитанный в патриархальной семье дедушки Георгия Захаровича, бывшего станичного атамана, и бабушки Ириши Максимовны, у которых было восемь детей — пятеро сыновей и три дочери, папа сам стремился создать настоящую семью, но то война, то революция, то гражданское побоище мешали ему. Он хотел, чтобы я и Женя больше знали об истории казачьего рода Хрипуновых, но по-настоящему этим интересовался только мой старший брат Зёка, расстрелянный при Сталине. Как бы я хотела сейчас побыть с папой, поговорить с ним!

Обычно по воскресеньям он брал меня к дедушке и бабушке, которые жили на другом конце станицы, и мы шли к ним пешком. Встречаясь, папа и дедушка обсуждали станичные и домашние дела. Папа хотел тогда купить дом для семьи и брал меня и старшую сестру Женю смотреть продававшиеся, но покупка так и не состоялась. Неужели папа не видел, что положение белых непрочно? Очевидно, нет.

В январе 1919 г. привезли в гробу убитым самого младшего его брата — есаула Георгия Хрипунова. Горе бабушки Ариши было ужасно: ведь уже погиб другой ее сын, Григорий, у которого я жила в Петрограде на рождественские праздники: его не то убили, не то он умер от холеры, пробираясь из столицы на Дон. (Перед этим дядя Гриша успел отправить в родную станицу свою жену, очень красивую, но такую несчастную тетю Таню и сына Сережу, с которыми позже я часто виделась в Новочеркасске, куда они переехали и где очень бедствовали). Дедушка Георгий Захарович тоже сильно переживал гибель второго сына, но как казак и мужчина держался. Очевидно, он и рассказал папе, как зимними ночами бабушка Ариша сидела у гроба сына, который выставляли на холодную веранду, так как ждали из Новочеркаска дядю Мишу, днем же во время панихиды гроб снова вносили в комнату. На папу смерть брата и переживания бабушки произвели тяжелое впечатление. Мог ли он знать, что уже в марте его отец будет расстрелян красными, да и ему самому, Василию Георгиевичу Хрипунову, осталось жить немногим больше года?

Вскоре после гибели дяди Георгия папа вместе с моим старшим братом Зёкой, тоже жившим тогда в Усть-Медведицкой, уехал в Новочеркасск, а меня и Женю устроил у своей сестры тети Саши, которая была замужем за двоюродным братом застрелившегося Донского атамана А. М. Каледина. Папа говорил, что атаман покончил с собой потому, что обманулся в казаках: кто, как не казаки, жили зажиточно, и то, что большая их часть перешла в начале 1918 г. на сторону красных, было ему нестерпимо. Все предсказания Каледина с приходом большевиков сбылись, ибо они, особенно во времена Сталина, разорили и извели все казачество. Даже те из казаков, которые в первые годы Советской власти получили солидные должности, позже все равно были репрессированы, а большинство Сталин просто выгнал с Дона.

У тети Саши (по возрасту она шла следом за папой) было три мальчика: Зёка (Георгий), Алеша и Коля 5-ти лет, единственный из детей похожий на отца, с большими черными глазами, за которые мы называли его «глазан». Я удивляюсь теперь тете Саше, которая с большим сердцем заботилась о пятерых детях, сама доила двух коров, делала масло, творог, каймак, часть продавала, одним словом, обслуживала такую большую семью. Если бы ее муж Петр Алексеевич Каледин не умер от сыпного тифа, он, наверное, не уехал бы за границу вместе с белыми, имея больную жену и трех сыновей, вернее, даже четырех, так как у него на руках был еще сын от его первой покойной жены — Петя, к которому тетя Саша хорошо относилась и заменила ему мать.

Когда весной в станицу пришли большевики, на постой в дом к тете Саше определили красных казаков. Они были очень смирные, к ним приезжали их жены-казачки, и вечером все собирались в большой комнате и под баян танцевали польку. Моя дальняя родственница Валя по стовору со мной попросила у этих казаков лошадей, чтобы покататься верхом. Они согласились, и мы долго ездили за станицей, а потом отправились к бабушке. Увидев нас, она не удивилась, так как все мы умели ездить верхом, а их лошадь Генза была реквизирована красными, и кто-то видел, как она, плохо ухоженная, тащила тяжело нагруженную телегу. Мы побыли немного у бабушки и поехали домой, причем по дороге нам вслед неслись недовольные крики: «Бабы, а на военных лошадях!» Добравшись до дома, мы решили покататься еще, но нас завернули в Особый отдел 9-й армии, приказали спешиться и составили протокол — кто мы и чьи лошади. Узнав мою фамилию, главный, кажется, это был начальник Особого отдела, спросил, не из тех ли я Хрипуновых, что и расстрелянный Георгий Захарович Хрипунов? Я ответила: «Да, это мой дедушка». Боясь за тетю Сашу и ее больное сердце, мы плакали и просили отдать нам лошадей, но получили ответ, чтобы за ними пришли их хозяева. Вернувшись домой, мы все рассказали нашим казакам. Не знаю, что им за это было, но больше мы у них лошадей не просили.

В июне 1919 г. станицу снова заняли белые и домой вернулись наш папа, старший брат Георгий и два других брата: Анатолий — из Донского кадетского корпуса и Николай — из казачьего училища в Новочеркасске. Папа был уже не атаманом, а согласно своему юридическому образованию и прежней должности — прокурором Усть-Медведицкого окружного суда. Вернувшись в станицу, наши родные с ужасом узнали о расстреле красными дедушки. Георгий Захарович был честным тружеником, имел большую семью и всем помогал. Я с одной девочкой ходила за станицу, где откапывали расстрелянных, надеясь разыскать дедушку, но мы его не нашли, поскольку точно не знали, в каком месте произошла его казнь. В одном раскопе были трое — двое мужчин и женщина, родные которой наверное знали, где ее расстреляли, так как приехали с гробом. Зрелище было жуткое, поскольку этих несчастных закапывали, конечно, без гробов и они все были испачканы в земле. Бабушка Ирина Максимовна все надеялась, что дедушка жив, но он перед расстрелом, давая понять, что идет на смерть, вернул подушку и снял с себя теплую фуфайку. Все это нам отдали, когда мы пришли о нем справиться.

Вообще во время гражданской войны было много жестокости как с той, так и с другой стороны, но люди были все же милосерднее. Когда к тете Саше Калединой определили на постой красноармейцев, они, зная, что мы из семьи белых, приносили нам в солдатских котелках кашу то из чечевицы, то из пшенки. А тетя Саша, когда пришли белые и по улице мимо нашего двора вели пленных красноармейцев, выносила из дома хлеб и раздавала его пленным, причем стража не

препятствовала этому. Помню, помогая тете Саше, я видела, как один пленный грыз какую-то кость, где уже ничего и мясного-то не было. Вряд ли пленных кормили мясом, и, скорее всего, эту кость ему кто-то дал. А время было нелегкое.

Я, Женя и Анатолий прожили с папой до августа 1919 г., когда к станице снова подошли красные, и папа отправил меня и сестру в Новочеркасск к своему другу Василию Макаровичу Миронову, служившему офицером в конвое атамана Войска Донского А. П. Богаевского. Должность эта не была связана с охраной атамана, а являлась скорее штабной, административной. Семья Миронова состояла из его жены Лидии Николаевны, двух детей, младшему из которых было года два, няни Нюши и вестового Степана, жителя станицы Кривянской, расположенной недалеко от города. Папа приехал в Новочеркасск, когда Усть-Медведицу снова заняли красные. Он опять состоял окружным атаманом, хотя для белых и станица, и округ были уже потеряны навсегда.

Вскоре папа устроил меня и Женю в петроградский Смольный институт благородных девиц, находившийся тогда в Новочеркасске. Последняя начальница Смольного полная седая княгиня Голицына и ее дочь — сестра милосердия, кое-кто из учительского состава, нянечек и воспитанниц жили в институте постоянно и носили его форму. Мы же с Женей были «приходящими» и ходили в своем платье, хотя инспектриса Кологривова предлагала принять нас на стационар. Зная, что смолянки постоянно голодают, мы отказались от предложения инспектрисы и, получая при белых паек в 200 г черного хлеба, отдавали его тем, кто жил в институте. С приходом красных хлеб нам выдавать перестали.

Как-то Лидия Николаевна взяла меня в город за покупками. По дороге мы подошли к Атаманскому дворцу, поскольку ей нужно было повидать мужа, и увидели выходящего из дверей атамана Богаевского, которого уже ждал у подъезда запряженный лошадьми экипаж. Атаман знал всех жен, служивших при нем офицеров, поэтому остановился перед нами, поздоровался с каждой за руку, обмолвился несколькими словами с Лидией Николаевной и только после этого сел в экипаж и уехал. Богаевский показался мне большим и массивным, держался он просто и был одет в казачий мундир без каких-либо наград — орденов или медалей, которые носил только в торжественные дни или на приемах. Вообще ни у кого из офицеров я не видела на груди их боевых наград. Папа в обыденной жизни никогда не носил свои кресты, но все и так знали, что он награжден четырьмя Георгиями. С ними он сфотографировался по выходе из госпиталя в Петрограде, а потом уже всю колодку с крестами — двумя золотыми и двумя серебряными — украл его вестовой, ушедший к красным.

Вечером, когда у Мироновых обычно собирались офицеры Атаманского полка, Лидия Николаевна вспоминала свою встречу с атаманом. А поскольку у одного из офицеров была любимая поговорка: «На всякий африканский случай», кто-то из присутствующих заметил ему, смеясь: «Ты смотри, не скажи это при атамане», — Богаевского звали Африкан Петрович. Приходил к Мироновым и папин брат дядя Миша, который в 30 лет был уже генералом и командиром Атаманского полка. Он подарил мне и Жене свое чудесное меховое одеяло, почти новое, которое мы повесили во дворе проветрить, и его украли. Дядя Миша в компании часто пел песни: «Помню, я еще молодухой была», «Гори, гори, моя звезда» и другие. Тогда почти все пели, а Василий Макарович хорошо играл на пианино.

Мой брат Николай, когда приезжал из кадетского корпуса на праздники, пел казачьи песни, а старший брат Зёка играл на пианино и как-то сочинил вальс «Ингульские волны». Папа дал отпечатать этот вальс в нотах и один экземпляр подарил капельмейстеру Атаманского полка, аранжировавшему вальс для оркестра. Когда в торжественных случаях играл полковой оркестр, капельмейстер объявлял, что сейчас будет исполнен вальс сына войскового старшины Хрипунова Василия Георгиевича. После музыкального исполнения папа благодарил капельмейстера, вручая ему деньги, а Зёке в шутку говорил: «Мне твой вальс дорого стоит». Но папа, конечно, гордился своим сыном, и, действительно, у Зёки были золотые руки, и он все умел делать. Мне, сестре Жене, да и всей семье шил обувь, а позже в Пермском оперном театре работал сапожником-модельером, мог сшить любые сапоги, ботинки, туфли. Тогда же, в 1919 г., он сочинил про всех нас и себя самого шуточные стихи и к этим стихам придумал рисунки. К сожалению, ни то, ни другое не сохранилось. Что касается младшего брата Анатолия, то он увлекался техникой и все свободное

время проводил в станице на купленной дедушкой мельнице, что-то там изобретал и мастерил.

В начале января 1920 г. мне и Жене пришлось снова прощаться с папой и другими нашими родными, поскольку красные наступали и 7-го числа заняли Новочеркасск. При отступлении белые повесили за мародерство какого-то своего офицера, кажется, есаула. Он висел на тополе на Московской улице, и на груди этого офицера был приколот листок бумаги с его фамилией, званием и объяснением, за что он казнен. Красные сняли труп через день или два после занятия города.

Пока были военные действия, мы в Смольный не ходили, а когда пошли, к нам на квартиру поселили красных солдат, занявших самую большую комнату. Среди них особенно бесчинствовал один чеченец, остальные были в общем терпимы. После этого Лидия Николаевна со своими детьми и Женей перебралась в квартиру бывшего солдата Атаманского полка Котовского, который перешел на сторону красных и был назначен, если не ошибаюсь, начальником уголовного розыска. Лидия Николаевна поддерживала связь с его женой Груней, которая их и приютила. Мы же с Нюшей жили вместе с красноармейцами дня три, пока чеченец не потерял свою шпору. Он потерял ее утром и сказал, что если к вечеру шпора не найдется, пристрелит нас. Для него это ничего не стоило, ибо время было такое, что ему не пришлось бы за нас отвечать. В тот период красные брали в армию каких-угодно подонков, а когда их власть укрепились, начали чистку войск от всякой пены-накипи. Вычистили и нашего чеченца, и спустя сколько-то лет он зашел к нам, ругал Советскую власть и был уже смиренным. Мы, конечно, в разговоры с ним не пускались и не вспоминали о его выходке, а в то ужасное время боялись его настолько, что, когда к вечеру все красноармейцы, в том числе и он, должны были придти на квартиру, я и Нюша через окно бежали к Котовским. У меня уже начинался сыпной тиф, я чувствовала себя очень плохо, и Котовский пошел к начальнику этих солдат, и их убрали от нас.

Мы все переболели сыпным тифом, а по выздоровлении снова пошли в Смольный. При красных его положение еще более ухудшилось. Большевики уволили начальницу института княгиню Голицыну (оставив, впрочем, работать ее дочь), которая казалась старой и больной, но при белых часто появлялась на большой перемене в коридоре, где все гуляли в сопровождении инспектрис или кого-либо из учителей, и мы при встрече склонялись перед ней в низком реверансе. Вскоре, кажется, в июне, княгиня умерла и несмотря на то, что она уже не была начальницей, в последний путь ее провожал весь Смольный. Шли пешком, хотя до кладбища было довольно далеко. Похоронили княгиню почти рядом с могилой атамана Каледина.

Поскольку я и Женя сильно отставали по французскому языку, когда мы были приняты в Смольный, папа договорился с дочерью хозяйки нашего дома Ольгой Михайловной Косоротовой, окончившей Новочеркасский институт благородных девиц, чтобы она с нами позанималась. Как-то мы разговорились с ней, и оказалось, что она училась с одной из сестер Степочки Черевкова, товарища нашего брата Зёки. Они вместе были в кадетском корпусе, а затем Степочка окончил гвардейское юнкерское кавалерийское училище в Елисаветграде и, получив офицерский чин, погиб в Новочеркасске в начале 1918 года. Ольга Михайловна была на похоронах Степочки и рассказала нам, где его могила.

Сам полковник Косоротов имел от первой жены двух детей — Ольгу и Володю, с которыми мы соседствовали, живя у Мироновых. Косоротов служил в войсковом трибунале и, со слов Мироновых, был плохим человеком, чего совсем нельзя было сказать о его детях и второй жене Елизавете Стефановне. Через некоторое время после прихода красных она вместе с детьми также переехала к Котовскому, захватив с собой ценные вещи и альбом с семейными фотографиями. Однажды этот альбом рассматривал какой-то друг Котовского и вдруг, увидя фотографию Косоротов, удивленно воскликнул: «Этот человек приговорил меня к смерти! Кто это?» Очень испугавшись, Елизавета Стефановна еле слышным голосом пролепетала: «Это мой муж, можете меня арестовать», но получила ответ: «Мы женщинам не мстим за их мужей, а если б встретил самого Косоротова, без сожаления застрелил бы». Хотя шла беспощадная гражданская война, встречались и милосердные люди, и не все мстили семьям своих врагов. Это потом Сталин вынул из нас душу, и мы стали

жестокими и бездушными, все жили в каком-то страхе, неизвестности и неуверенности в завтрашнем дне.

Женя училась в одном классе с Ариадной Скрябиной, дочерью известного композитора, красивой и очень похожей на отца девочкой. Все мы любили музыку, и как-то Женя сказала, что Ариадна будет в дортуаре играть на рояле. Она исполняла один из вальсов Шопена, а мы, как зачарованные, слушали ее. Вдруг появляется инспектриса Малиновская и говорит: «Это ты, Ариадна, так плохо играла Шопена?» Все были очень сконфужены ее словами, и больше Ариадна не играла, но Женя часто о ней говорила, рассказывала, какая она смелая. Ариадна была влюблена, вернее, на институтском языке, обожала нашу историчку, пазывала ее «Афиной Палладой». Однажды в понедельник историчка пришла на урок и попросила девочек, чтобы они не очень шумели, так как накануне она целый день лепила из навоза кирпичи для топки (ведь Донская область — степная). Ариадна удивленно спросила учительницу: «Вы сами лепили из навоза?», и «Афина Паллада» спокойно ответила: «Конечно, это делала я. Кто же за меня будет делать?» На это Ариадна взволнованно воскликнула: «Сказали бы мне, я пришла бы и все сделала!»

Мы, дети из обеспеченных интеллигентных семей, в то тяжелое время стыдились сказать вслух, что кому-то в поисках пропитания приходится, например, собирать совсем зеленые листья от капусты. Будучи всегда голодной, я однажды подняла на улице с земли кем-то брошенный огрызок яблока и с удовольствием его съела, думая только о том, какой же это счастливец мог позволить себе так плохо объесть яблоко. А в то время сплошь и рядом были эпидемии тифа, холеры и других болезней. Ариадна же была готова помочь учительнице лепить кирпичи из навоза (!) и не стыдилась этого. Уже потом я узнала, что, оказавшись в эмиграции во Франции, Ариадна участвовала в движении Сопротивления и погибла в перестрелке с немцами; в Тулузе ей установлен памятник. Но все это было много позже, а пока мы бедствовали в Новочеркасске.

Через какое-то время после прихода красных Лидию Николаевну, у которой мы жили, арестовали как жену белого офицера. Несколько недель спустя ее выпустили, и она, чтобы облегчить нашу жизнь, оформила фиктивный брак с поляком Янковским (уехавшим потом в Польшу) и под новой фамилией поступила на службу к Котовскому в уголовный розыск. Летом же в Новочеркасск приехала зубной врач Зинаида Максимовна, которая последней видела папу, зашедшего к ней в Екатеринодар. Он отступал с деникинскими войсками и под Новороссийском погиб. Два очевидца говорили разное: один — что папу на его глазах убили, другой — что он на его глазах застрелился. И то, и другое могло произойти, но очевидно было одно — папы больше нет. Несмотря на разницу в годах, я очень подружилась с Зинаидой Максимовной, которая всем нам лечила на эвакуационном пункте зубы, а главное, она, как и все казачки, очень хорошо ездила верхом. Поскольку все военные приходили к ней лечить зубы, ей давали лошадей покататься, а она брала меня с собой. К езде верхом я имела какую-то страсть, чем доставляла неприятности Лидии Николаевне.

Примерно в то же время в Новочеркасск приехал из Петрограда папин брат дядя Витя, бывший офицер-артиллерист, но перешедший на сторону большевиков и служивший в каком-то их учреждении. Через несколько месяцев его арестовали, и я ходила к нему с продуктовыми передачами, которые готовила одна женщина, хорошо знавшая семью Хрипуновых. Помню, как я разыскивала дядю Витю в Новочеркасске, когда его перевели уже в Ростов. Тюрем, видимо, тогда было не так много, как впоследствии, и я пришла в какой-то частный дом, по которому сновали люди. Когда я спрашивала о судьбе дяди, меня душили слезы, и начальник, с которым я разговаривала, видя перед собой плачущую девочку, дал указание провести меня по помещениям, где содержались заключенные. В одной из комнат их было очень много и сопровождавший меня громко выкрикнул нашу фамилию, но дяди Вити там не оказалось. Тогда меня повели в подвал, где в полной темноте в какой-то клетушке сидел единственный арестант, вскочивший, жмурясь от света, при нашем появлении. Это был еще молодой, давно небритый мужчина, но, увы, не дядя Витя.

Разыскивая его, я поехала в Ростов, где жила на вокзале и в те часы, которые проводила не около стен тюрьмы, присматривала за чьими-то детьми, пока их родители ходили по своим делам в город. Однажды дядю Витю с другими арестованными водили в лазарет и я, упросив конвойных, шла рядом с ним в колонне,

а он рассказывал мне, к кому можно обратиться в Ростове за помощью. Впрочем, из этого ничего не вышло, и я вернулась в Новочеркасск. Потом я еще дважды ездила в Ростов, один раз с папиной сестрой тетей Клавой, но вызволить дядю Витю так и не удавалось.

Много натерпевшись, он решил освободиться сам и совершил побег, когда его куда-то перевозили из Ростова. Тогда это было сравнительно нетрудно, так как не было специальных вагонов для перевозки заключенных. Ночью на всем ходу он выпрыгнул из поезда, и хотя конвойные несколько раз выстрелили ему вслед, большего они сделать не могли. Некоторое время он прятался в какой-то шахте, но его нашли рабочие, один из них избил дядю Витю, а потом они сдали его властям. Это было уже в 1921 г., и люди встречались разные... Тем не менее, вскоре дядю Витю выпустили на свободу, так как не нашли в его поступках состава преступления, а таких бродяг, как он, было много. Пожив в Новочеркасске какое-то время, он уехал в Усть-Медведицкую, и поскольку в то время был уже нэп, ему вернули дедушкину мельницу. Я жила в Елисаветграде у мамы, и дядя Витя часто писал мне. Он оказался плохим мельником, так как никогда раньше не занимался этим делом, а с окончанием нэпа завершилось и его недолгое предпринимательство. Когда мама переехала из Елисаветграда к сыновьям в Пермь, ее там как-то в 1932 или в начале 1933 г. навестил дядя Витя, пробравшийся на Урал с одним из сыновей тети Саши Калединой. Больше они о себе знать не давали, и дальнейшая их судьба неизвестна.

По сравнению с голодающим, неухоженным и грязным Новочеркасском станицы жили лучше, ибо привычные к труду станичники были при земле, которая их кормила. Мы, городские, постоянно ездили в близлежащие станицы менять какие-нибудь тряпки на продукты, в основном на картошку. Помню, у нас на дворе на Кавказской улице жил некто Малов со своей семьей. Чем он занимался и где работал, никто не знал, но он был очень неприятным человеком, и все понимали, что он красный, и поэтому были осторожны. Тем не менее, с ним и его женой мы несколько раз ездили в станицы менять вещи на продукты. Вдруг узнаем, что этот Малов смертельно ранен. Оказалось, что он сумел втереться в доверие к служившим у белых офицерам и казакам, организовал их подпольное собрание и, когда они пришли на него, по знаку Малова в помещение ворвались красные. Понимая, какой конец ждет заговорщиков, предводитель белых прежде, чем застрелиться самому, выстрелил в Малова. Что стало с арестованными казаками, я не знаю. Малова же с почестями похоронили красные, а его семья вскоре съехала с квартиры.

Родные Степана, вестового Василия Макаровича Миронова, ушедшего с ним при отступлении белых, очень поддерживали нас и, выделив кусок земли, помогали его обрабатывать. Дни, когда мы ходили в Кривянку, были для меня и Жени настоящими праздниками. Прежде чем идти на посадки, семья Степана кормила нас. Происходило это в курене: низкий стол, низкие скамейки и в качестве еды — большая миска порезанной на куски вареной картошки с солеными огурцами и луком, заправленными постным маслом, и огромные ломти серого хлеба. А потом чай, тоже с хлебом и нардеком — коричневым жидким медом из арбузов. Лучшей еды, казалось, не могло быть.

Иногда мы запрягали в арбу волов и ехали на обработку огородов и бахчи. Мы обрабатывали свой огород, семья Степана — свой, а в полдень или чуть позже разводили костер и варили вместе какое-то варево и опять же — чай. Помимо меня и Жени, на огороды ездили еще две женщины и трое мужчин, все молодые. После еды мы ложились спать в тени арбы, поскольку деревьев там не было, но не так спали, как просто лежали и рассказывали всякие смешные истории. Я тогда поняла, что сытый человек — плохой работник, поэтому часа два мы отдыхали, а затем уже трудились, как говорится, не покладая рук. Домой ехали вечером, зная, что в курене нас ожидает та же вкусная еда. Потом мы с Женей пешком шли домой в Новочеркасск, иногда везли впереди себя небольшую тележку на двух колесах, куда складывали обмененные на тряпки продукты.

Летом семьи казаков перебирались на виноградники, которые находились далеко от станицы. Казаки уезжали с детьми, скотом и жили там до тех пор, пока не снимали весь урожай, а на зиму пригибали лозы к земле и присыпали землей. Донские виноградники совсем не похожи на крымские. Казаки высаживали три сорта винограда: пухляковский (деликатесный), ладанный (сладкий темно-красный) и цикун, шедший главным образом на вино. В это время едой нам служили кисть

ладанного винограда и кусок серого хлеба. На обед казачка обрывала в котелок виноград и, перетирая его в жидкую кашу, заправляла ее мукой. Получалось что-то вроде мамалыги, которую ели с кислым молоком или каймаком.

Как-то в конце лета или в начале осени военный врач эвакопункта одолжил Зинаиде Максимовне на одну ночь бричку с лошадьми, и мы поехали в станицу Цимлянскую менять и покупать кое-что из продуктов. Ночь была лунная и теплая. При въезде в станицу мы ощутили запах вина, и он был повсюду, так как в это время все жители делали вино. Казаки Циплянской жили зажиточно, и они нас хорошо угостили, снабдили на дорогу продуктами и вином, но всё, к сожалению, пришлось отдать одолжившему бричку врачу. Вообще надолго продуктов нам не хватало, а в магазинах купить было ничего нельзя. Надежда, что скоро вернутся наши ушедшие с белыми родные, пропала. Мы уже догадывались, что они уехали, если и не навсегда, то, во всяком случае, надолго. Надо было надеяться только на себя.

Летом я поступила рассылной в «Подрем-21», поезд по ремонту подвижного состава, который отправлялся на Украину, — я надеялась попасть к маме в Елисаветград. Это был большой поезд с рабочими и их семьями, которые жили в вагонах. Вечером все собирались в столовой, где Зина, девушка лет пятнадцати, работавшая в поезде вместе с отцом, ставила самовар. Под вечер я и Зина шли в вагон, в котором готовили еду для рабочих, и нам там накладывали в котелки варево из тарани, немного заправленное раздавленной пшеницей. Второго блюда не полагалось, так как каша из пшеницы считалась деликатесом.

Хотя поезд направлялся на Украину, в Лисках мы получили распоряжение из Москвы следовать на Урал, кажется, в Екатеринбург. Узнав об этом, помощник начальника поезда Кандыба, слышавший, что моя мать живет в Елисаветграде, сказал мне: «Завезем мы тебя, Женя, на Урал» и несмотря на данную мной подписку служить в поезде в течение двух лет отпустил меня. Из Воронежа в Елисаветград я ехала почти месяц. Поскольку мне как мобилизованной были выданы соответствующие документы, на станциях я получала хлеб и сахар, иногда вместо сахара выдавали сушеные фрукты. Ожидая посадки на поезд, я жила на вокзалах, где все спали на полу. Рано утром с вещами нас выгоняли на улицу — начиналась уборка. Хорошо, что все это происходило в начале осени и было еще сравнительно тепло. Так добралась я до Знаменки, где узнала, что поезд в Елисаветград, до которого было еще 48 километров, пойдет только через три дня. Какой-то старик вызвался довести группу пассажиров до города. Мы вышли из Знаменки рано утром, а уже под вечер сердце мое радостно забило при виде знакомых куполов елисаветградской Петропавловской церкви, рядом с которой располагалось церковное кладбище.

С введением нэпа жить стало легче, но все равно нас очень выручала младшая сестра мамы, которая, находясь в Швейцарии, вышла замуж за португальца Энрико Фаро и уехала с ним в Лиссабон. Туда же она вызвала свою мать Наталью Степановну Бороздину, нашу бабушку, и сестру Соню. Тетя Оля, по мужу Фаро, перечисляла соответствующие суммы в организацию АРА (Американская помощь голодающим России), и за эти деньги нам в Елисаветград присылали американские продуктовые посылки, которые включали 10 кг сахара, по паре банок кокосового масла и несладкого сгущенного молока, какао-порошок. Такие посылки, как продуктовые, так и промтоварные (сколько-то метров бумазеи, шерстяной или другой материи), мы получали по несколько раз в год в течение ряда лет.

Когда в Португалии в 1974 г. произошла революция, я решила узнать через Красный Крест о судьбе бабушки и сестер мамы, не надеясь, конечно, застать кого-либо из них в живых. Через несколько месяцев мне сообщили, что, действительно, они умерли, но Энрико Фаро жив и был бы очень рад узнать что-либо о родственниках жены. У нас завязалась переписка на французском языке, а потом он прислал мне приглашение приехать. Несмотря на свой возраст (ему было 88 лет), он выглядел очень бодрым и даже сам вел машину. Я пробыла у него два месяца и как-то, разбирая бумаги бабушки и теток, наткнулась на папину фотографию, на которой он был снят после выписки из госпиталя в военной форме с четырьмя Георгиевскими крестами и двумя значками — юридическим и Агаманского полка. Такую же фотографию, опасаясь репрессий, я порвала на мелкие кусочки во времена сталинского произвола и позже не могла себе этого простить. Энрико, конечно подарил мне фотографию...

В 1922 г. мой брат Николай приезжал в Елисаветград из Усть-Медведицкой

и рассказывал нам, как рушились устои патриархальной семьи Хрипуновых. Особенно болезненно переживала изменения, произошедшие в казачьей жизни с приходом большевиков, наша бабушка Ариша. Все ее сыновья и внуки относились к ней с большим уважением, она была непререкаемым авторитетом во всех делах семьи. Когда одна из ее дочерей тетя Клава хотела выйти замуж за офицера Андрея Гордеева, который за ней ухаживал и ей нравился, бабушка воспротивилась и решила, что дочери более подходит некто Котов. Тетя Клава не посмела послушаться, но брак оказался несчастливим, и хорошо, что у нее не было от Котова детей. А Андрей Гордеев в 1918 или 1919 г. женился на ее младшей сестре Лиде, и уже в эмиграции у них родился сын Владимир. Об этом я узнала от дяди Вити, с которым какое-то время вела переписку.

Бабушка жила с тетей Сашей Калединой, и с ухудшением условий жизни ее авторитет постепенно убывал. Бабушка была глубоко верующей и после гибели мужа и трех сыновей считала, что их души нуждаются в молитвах. Она верила, что священники являются посредниками между ней и богом и от их молитв зависит состояние душ как покойных, так и оставшихся в живых. А дабы эти священники усерднее молились, она отрывала от себя и тети Саши с ее детьми часть их скудного пропитания, чаще всего хлеб, которого обычно не хватало. На этой почве тетя Саша ссорилась с бабушкой, а мне было жаль их обеих. Бабушка потом умерла от рака желудка, а тетю Сашу то ли выгнали из станицы, то ли она уехала сама. Она писала нам в Зиновьевск (так тогда именовался Елисаветград), называла меня «беляночкой», но дальнейшая ее судьба мне неизвестна. Знаю только, что она, как и многие из нас, очень нуждалась и с больным сердцем стирала чужим людям белье, кажется, в Борисоглебске.

О самом младшем из наших братьев, Анатолии, известно лишь то, что вместе с кадетским корпусом, в котором он учился в Новочеркасске, его эвакуировали в Турцию, а затем — в Болгарию. Позже Анатолия усыновила бывшая фрейлина Надежда Николаевна Родигер, с которой он переехал сначала в Париж, а позже — в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где работал на заводе оптических стекол. Во время сталинщины мы также прекратили с ним переписку.

Два других наших брата — Георгий и Николай — были расстреляны в 1937 году. Сколько же людей проклятый Сталин отправил на тот свет? И за каждым из этих несчастных были его родные, близкие и друзья, которые тоже ждали ареста, и все, как от зачумленных, отворачивались от семьи осужденного. Наша мама, кроткая, тихая женщина, которая всякому старалась найти какое-то оправдание, говорила мне: «Никогда не прощу этому извергу смерть моих сыновей, ведь они были порядочными честнейшими людьми». А я просила ее: «Мама, не надо, даже шепотом — сейчас и стены имеют уши». Мама умерла в 1949 г., так и не узнав, как погибли ее сыновья. Может быть, после невероятных пыток?

Один котовец, друг первого мужа сестры — героя гражданской войны эстонца А. М. Тукса, как и он, награжденный двумя орденами Красного Знамени, как-то говорил мне: «Плюньте в глаза, Женя, тому, кто вышел оттуда и сказал, что не подписал предъявленных ему несправедливых обвинений. Я, не участвуя в тех делах, которые мне инкриминировали, подписал все, что от меня требовали, признался во всем, хотя ничего плохого не совершал. Потому что нет такой силы, которая могла бы вынести эти пытки». Николай и Георгий были реабилитированы в 1989 году.

Как-то в сталинские времена мои сослуживцы говорили между собой про меня: «Какая Женя счастливая! У нее такая чистая биография!». Они не знали, что двух моих братьев расстреляли в тридцать седьмом как «врагов народа», что во время гражданской войны мой отец был на Дону окружным атаманом и погиб под Новороссийском при отступлении белых, что мой дедушка, бывший станичный атаман, казнен красными якобы за неуплату контрибуции, а многие мои родственники, выброшенные кровавой междоусобицей из родной страны, стали белоэмигрантами. Надо ли говорить, под каким страхом я и Женя жили все эти ужасные годы!? Даже своим мужьям мы не рассказывали правду о наших близких, чтобы в случае, если она вдруг как-то откроется, их совесть была чиста и они, как мы надеялись, смогли бы уберечься от неминуемых репрессий. Второй муж Жени, генерал-майор Феликс Рафаилович Балтушис-Жемайтис умер в 1957 г., так и не узнав правду о ее семье. Я же решилась рассказать обо всем мужу только в 1964 г., когда об этом уже можно было говорить.

Советская цензура в 1941—1952 годах

Г. В. Костырченко

Декретом правительства РСФСР от 6 июня 1922 г. было образовано специализированное цензурное ведомство — Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств при Наркомпросе РСФСР). Ему было поручено осуществление «обязательной предварительной цензуры всех рукописных и печатных произведений, снимков, рисунков, карт, выдача разрешений на право издания отдельных произведений и периодической печати». Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 29 января 1938 г. на должности Уполномоченного по военной цензуре при Совнаркоме СССР и начальника Главлита был назначен Н. Г. Садчиков, 34-летний выдвиженец периода ежовщины. До 1918 г. он батрачил в Саратовской губ., потом вступил в комсомол, позже был переведен на партийную работу, закончил Ленинградский коммунистический университет и, защитив кандидатскую диссертацию, получил назначение в Ленинградский агитпроп, где и возглавил в 1937 г. отдел печати обкома партии¹.

Этого начальника Главлита невозможно было упрекнуть в политической мягкотелости и недостаточной классовой бдительности. Не прошло и полугода, как он уже докладывал предсовнаркома СССР В. М. Молотову, что «органы Главлита засорены врагами народа, шпионами и вредителями. 14 цензоров освобождены от работы как враги, сняты с работы 14 начальников крайобллитов». Вскоре многие сотрудники цензуры сменили красный карандаш на лагерное кайло. Обращаясь с докладной в ЦК ВКП(б) и НКВД, Садчиков сетовал на то, что свиней и коров «называют политически недопустимыми именами («Депутат», «Селькор», «Русь», «Антанта», «Пионерка», «Пролетарка», бык «Коммунар»)), и, удрученный политической беспечностью животноводов, предлагал: «Инцидент расследовать, подобные клички запретить» и переименовать животных: бык «Нарком» на «Наркоз», «Правда» на «Плут», клички «Свобода», «Россиянка» и «Коммуна» срочно убрать².

Главлит быстро оброс огромным штатом, новыми центральными и периферийными структурами, постоянно плодил массу инструкций, циркуляров и перечней. К началу Великой Отечественной войны он представлял собой бюрократического колосса. Хотя война несколько нарушила монополию официальной лжи, тем не менее Сталин, заявивший по радио 3 июля 1941 г., что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения», вовсе не был уверен в том, что народ воспримет всякую дезинформацию за чистую монету, когда Красная Армия стремительно отступала на восток. Однако все делалось для того, чтобы скрыть истинные масштабы постигшей страну катастрофы. Составлялись неправдоподобные сводки Совинформбюро, которые Сталин

Костырченко Геннадий Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории.

лично правил, о событиях на полях сражений. В одной из них, где речь шла об итогах трех первых недель войны, говорилось, что Красная Армия потеряла «не более 250 тысяч человек», а вермахт — «не менее одного миллиона». В начале августа Совинформбюро сообщило, что немецкие потери достигли 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными, наши же потери составили «около 600 тысяч человек». В ноябре, в докладе к очередной годовщине Октябрьской революции, Сталин привел еще более фантастическую цифру потерь врага — более 4,5 млн человек³.

Любая другая публичная информация о положении дел на фронте, расходившаяся с официальными сводками, категорически запрещалась. Нежелание власть имущих сказать правду о войне воспринималось населением СССР болезненно. В сентябре 1941 г. один аноним писал в Совинформбюро: «Вы систематически ничего не сообщаете о положении на фронте, вместо этого в сводках уже более недели стереотипная фраза — «бои на всем фронте»... Ваше молчание сеет самые нелепые слухи о несуществующих наступлениях и отступлениях. Все это только нервирует тыл. Что за презрение ко всем гражданам страны держать в полном неведении о самом важном... Слухи распространяются по вашей вине». Чтобы пресечь подобные мнения, еще 6 июля был опубликован указ, гласящий, что «за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие... не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»⁴.

Достаточно было обмолвиться прилюдно, что в голодающем Ленинграде начали есть кошек, или что сын Сталина попал в плен, и лагерный срок был обеспечен. А что касается пленения Якова Джугашвили, которое произошло 7—8 июля 1941 г., то вся информация об этом событии фиксировалась нашими спецслужбами даже на оккупированной врагом территории. В августе агентура Главного разведывательного управления Генштаба РККА и Разведуправления НКВД сообщила в центр, что после того, как на Киевщине немцы распространили листовки о случившемся, среди местных крестьян вскоре «были отмечены разговоры»: «Если уж сын Сталина сдался в плен, значит немцы победят и с ними воевать не следует». На фронте Красная Армия несла тяжкие потери, а в глубоком советском тылу продолжала наращивать обороты, включая сферу идеологии, сталинская репрессивная машина. Как справедливо отмечал И. А. Ильин, «во время войны террор НКВД, как всегда во время опасности, усилился вдвое»⁵. Касалось это и деятельности цензуры.

Этот «отряд партии» ни на день не забывал о служебном рвении. В июле 1941 г. начальник политического отдела Главного управления милиции НКВД Горюнов сообщал в ЦК ВКП(б): «Постовой милиционер 4 отделения милиции г. Куйбышева Назаров получил от ученика школы № 82 Н. Семина сведения о том, что к нему обратился неизвестный гражданин, спросивший о местонахождении завода № 42». Юный пионер тотчас сообщил, куда следует, и неосторожный прохожий был задержан. Им оказался некий Фридебес, «который нигде не работал, но имел на сберкнижке 5,5 тыс. рублей», а при задержании заявил: «Ну и народ. Поговорить ни с кем нельзя»⁶. Справедливость требует заметить, что противник активно использовал в своей пропаганде наши промахи, причем не только в рамках текущих событий, но и всевозможные, годящиеся для того, события прошлого. Например, Берлинское Прессбюро раздобыло где-то и распространило для населения оккупированных районов СССР в одном из своих бюллетеней историю о том, как Маршал Советского Союза С. М. Буденный обучался в начале 30-х годов в Военной академии им. М. В. Фрунзе. По свидетельству его товарищей по учебе, он устраивал там своеобразные уроки физкультуры: в перерыве между занятиями подходил к какому-нибудь старому военспецу-преподавателю и спрашивал: «Что, стареем, Ваше превосходительство? Нехорошо-с. Наверное, забываем слова нашего наркома о том, что «физкультура годы борет»? И предлагал: «А ну-ка, давайте померимся силенками». После чего делал профессору подножку и толкал его в грудь. Сцена заканчивалась позорным падением старорежимного интеллигента, хохотом присутствовавших и коронной фразой легендарного командарма Первой Конной: «На лекциях вы нас учитесь, а здесь — мы вас! Спортом надо заниматься, Ваше превосходительство»⁷.

Сталин, будучи верховным цензором страны, резко усилил во время войны свой контроль над печатным и устным словом. Однажды при очередном чтении матери-

алов, подготовленных к публикации газетой «Правда», у него возникла мысль вернуть точки над всеми буквами «ё» в тексте. И тотчас в газетах, начиная с номеров от 7 декабря 1942 г. и далее, третирирование в печати этой буквы, отождествленной с «е», прекратилось, а соответствующие аппаратные структуры в напряженнейшие недели Сталинградской битвы переключились на разработку постановления правительства «О восстановлении буквы «ё»» и стали формировать комиссию под председательством наркома просвещения В. П. Потемкина для подготовки новых орфографических правил⁸. Реально же в продолжение всей войны правой рукой Сталина в вопросах цензуры был номенклатурный «человек-оркестр» А. С. Щербаков. Наряду с должностями начальника Главпура РККА, секретаря МК и МГК ВКП(б) и начальника Совинформбюро он занимал еще пост секретаря ЦК ВКП(б) по идеологии и руководил Управлением пропаганды и агитации ЦК с его отделами печати, культурно-просветительных учреждений и пр. Именно Агитпроп, а не СНК СССР, руководил тогда Главлитом, хотя формально последний числился при правительстве.

Садчиков же тесно сотрудничал с Отделом военной цензуры Наркомата обороны и Отделом военной цензуры Наркомата военно-морского флота. Аналогичные подразделения функционировали в других ведомствах: Главрепертком в Комитете по делам искусств, Кинорефертком в Комитете по делам кинофикации при Совнаркоме СССР, бесконечный ряд «литературных редакторов», исполнявших обязанности цензоров в газетах, журналах и издательствах. Эти структуры действовали в режиме взаимного перекрестного контроля. Так, в годы войны Главлит запретил печатать ряд пьес, разрешенных до того Главреперткомом к постановке в театрах: «Живые люди» Н. Ф. Погодина, «Солдаты Сталинграда» Н. Е. Вирты и др. Бывали не раз и обратные случаи. Ведомство Садчикова интенсивно изучало одновременно историю отечественной цензуры. По заданию ЦК были составлены объемные справки о военной цензуре во время первой мировой и гражданской войн. Из США были выписаны «Правила военного времени для американской печати». С периодичностью в декаду, месяц, полугодие и год составлялись секретные сводки и отчеты о снятых с публикации материалах, о вычерках и исправлениях, произведенных в текстах статей газет и журналов.

В середине 1942 г. начальник Главлита за своей подписью напечатал секретную брошюру «О некоторых вопросах работы цензуры во время Отечественной войны». В 1943 г. он подготовил дополненный вариант своей книги, вышедшей под названием «Цензура в дни Отечественной войны», но уже без грифа о секретности и большим против прежнего тиражом. Тем самым было нарушено запрещение публичного рассмотрения деятельности органов подавления, в том числе идеологических. И закрытым решением секретариата ЦК ВКП(б) от 29 июля 1943 г. начальнику Главлита был объявлен выговор, а тираж книги предписывалось изъять и уничтожить⁹.

В сентябре 1942 г. по настоянию Садчикова предприняли расследование работы редакции иностранного вещания Всесоюзного радио. Там имела место «идеологическая диверсия»: в тексте при обзоре печати в слове «Сталин» вместо буквы «т» вкралась «р». Страшной трагедией обернулась тогда для ряда лиц эта опечатка. В другом случае, при проверке уже тиражированной листовки, обнаружилось отсутствие буквы «р» в слове «Сталинград». В третьем случае из слова «главнокомандующий» выпала буква «л», и возникли ужасные для «виновных» последствия¹⁰.

Естественно, что среди цензоров процветала перестраховка. В дни войны в ростовской областной газете «Молот» был опубликован вполне невинный материал. Но Садчиков внезапно потребовал отдать ее главного редактора под суд. За последнего вступилось областное партийное руководство. Оно в своем письме в ЦК констатировало: «Наш «Молот» благодаря цензуре превратился в богомольную старую дуру — вы не увидите в нем ничего такого, что отражало бы нашу работу по укреплению обороны города. Потомки будут удивляться: шестнадцать месяцев стоял враг у стен Ростова, удачно и неудачно люди дрались с ним, и ничего — ровно ничего не отражает «Молот» из-за того, что цензура умозаключает настолько глубоко, далеко и широко, что позавидовал бы любой схоласт. Всякий даже намек на призыв к трудящимся об укреплении города категорически запрещается цензурой. Не юмористика а факт, что нельзя печатать — «государственный хлебный завод работает» («позвольте, — рассуждает цензор, — это же снабжающее армию предприятие... — вычеркнуть это!»)... Только в 1941 г. удалось (так как цензура была

духовно в сетях) выпускать газету «На защиту Ростова», где видно, что мы не сидели сложа руки»¹¹.

Но на фоне невежественной массы своих подчиненных Садчиков выглядел интеллектуалом. В сентябре 1944 г. акад В. И. Вернадский записал в дневнике: «В демократических странах не существует такой архаической цензуры, к которой привыкли наши цензора. До сих пор первый цензор, которого я встретил и который оказался культурным в советское время, был Н. Г. Садчиков... Другие были совершенно архаические типы, были прямо похожи на жандармов». Вот образчик. 5 марта 1943 г. за подписью начальника отдела военной цензуры полковника Черстового вышел секретный приказ, в котором запрещалось упоминать и в печати, и в обычной беседе обо всем, связанном с «вооружением системы Костикова» (так официально назывались легендарные «катюши»), хотя эти реактивные системы уже успели заснять и показать населению в широко демонстрировавшейся документальной ленте «Сталинград». Правда, в § 2 приказа давалось послабление: «В песнях и стихах вооружение системы Костикова упоминать (называть) словом «катюша» разрешается»¹². Теперь песню композитора М. И. Блантера «Катюша» впервые с начала войны народ мог петь на «законном основании».

Цензурных запретов существовала масса. Во избежание нарушения международных конвенций не разрешалось публиковать сведения об участии в боевых действиях подростков и медицинских работников. Запрещалось писать в любом виде о боевых отравляющих веществах и огнеметах. Была временно приостановлена антирелигиозная пропаганда. Не допускалось разглашение любых военных, экономических и технических секретов. Во всем этом, конечно, имелся свой резон, как и в справедливом стремлении цензуры пресечь попытки фальсифицировать факты, включая и нашу печать. Ведь всякая обнаруженная неправда била рикошетом по своим. Когда в мае 1942 г. в газете «Известия» был помещен снимок фотокорреспондента Д. Н. Бальтерманца, озаглавленный «Западный фронт. Бесславный конец немецких танков, пытавшихся прорвать передний край на одном из участков фронта», неожиданно разгорелся международный скандал: по просьбе московского корреспондента английской газеты «News Chronicle» этот снимок направили в Лондон, а там эксперты идентифицировали изображенные под слоем ретуши танки как английские, марки «Матильда», направленные незадолго до этого в СССР согласно ленд-лизу. Заместитель главы британской военной миссии в Москве контр-адмирал Майлс выразил протест в связи с этой фальсификацией¹³.

Помимо разумных, адекватных военному времени ограничений на содержание публикуемой информации действовала и резко ужесточилась просто идеологическая цензура, и раньше не знавшая четких регламентаций. Так, из очерка А. А. Суркова «Он был в Бранденбурге» (март 1943 г., газета «Красная звезда») были вымараны строки, гласившие о добровольном отъезде жителей Харькова и Чугуева на работы в Германию с мотивировкой: «Политически нецелесообразно сообщать в открытой печати подобные сведения. Ведь можно было объяснить, что к такому шагу людей принудили фашистские репрессии, голод и геббельсовская пропаганда». Статья под заголовком «В немецком рабстве» были изъяты из газеты «Красный флот» от 3 сентября 1943 года. Причиной запрета послужила выдержка из письма русской девушки домой из Германии: «Осенью, хоть и по дорогой цене, покупали капусту. Иной раз по целому кочану съедали. Хлеба получаем 300 граммов, и к нему дают 5 граммов маргарина. Ваши две посылки помогли мне очень. Я их разделила на несколько раз и покушала понемножечку... Работаем мы по 11 часов... Под Николу перевели в новые бараки, где живем в каждой комнате по 22 человека»¹⁴.

В августе 1943 г. запретили публиковать в газете «Сталинский сокол» статью Н. Макеева и Л. Лерова «Встреча в Орле». В ней рассказывалось, что при освобождении этого города от захватчиков наши войска вызволили из плена раненых советских летчиков. Обоснование запрета: «Статья снята в связи с политическим неудобством оглашения подобных фактов в печати, учитывая, что во всех материалах, публикуемых в нашей печати, сообщается о беспощадном уничтожении немцами наших раненых и пленных, не могущих быть использованными на тяжелой физической работе». В очерке А. Гуторовича «Киевский день» (18.XI.1943, газета «Комсомольская правда») вычеркнули следующие строки: «Я был в квартире человека, сын которого завоевал Северный полюс, — старого слепого Юлия Шмидта. Квартира разгромлена и разграблена немцами. Фашисты провоцировали Шмидта,

говоря ему, что Отто Юльевич якобы расстрелян в Москве, на Красной площади. Старик твердо ответил на это: «Ложь! Россия не Германия». Агенты гестапо увезли старика, и он исчез после этого»¹⁵. Не нужно было напоминать о том, что О. Ю. Шмидт — немец.

Сильной цензурный правке подвергся очерк В. С. Гроссмана в июльских номерах «Красной звезды» (1943 г.), где рассказывалось о том, что в бою с группой укрывшихся в одной из заброшенных донбасских шахт красноармейцев немцы применили боевые отравляющие вещества и огнеметы. Мотивировка: зачем возбуждать ненужное беспокойство в войсках? Далее в очерке говорилось о том, как немцы, не сломив сопротивления оборонявшихся, схватили в близлежащем поселке заложников — женщин и детей и пригрозили им смертью в случае, если те не уговорят окруженных сдать. Этот абзац тоже был изъят. Вообще же отношение Главлита к периодическим изданиям зависело и от того, какое место они занимали в идеологическом ранжире. Газета «Правда», ответственным редактором которой был член ЦК ВКП(б) П. Н. Поспелов, оставалась цензурным чиновникам чаще всего не по зубам: все-таки центральный партийный орган, за которым надзирал сам Сталин. А вот с «беспартийной» газетой «Литература и искусство» (орган правления Союза советских писателей, Комитета по делам искусств и Комитета по делам кинематографии, возникший в начале 1942 г. в результате слияния «Литературной газеты» с газетой «Советское искусство») можно было не церемониться¹⁶.

Формальным поводом к ее экзекуции послужил однажды выход № 21 от 23 мая 1942 года. Атаке цензоров подверглись почти все опубликованные в нем материалы, начиная с очерка Е. Ф. Книпович «Логика истории и логика литературы» и кончая подборкой стихотворений Суркова. Первому автору предъявлялось обвинение в том, что была допущена крупная политическая ошибка, когда утверждалось, что «война советского народа против фашистских захватчиков есть, вместе с тем, и война за лучшее будущее немецкого народа, за вновь обретенную честь, за свободную Германию». Второй подвергся разносу за то, что в стихотворении «Н. А. Тихонову» имелись такие строчки: «И если найдет меня пуля у фланга, // Ты выбери время, друзьям напиши, // Что кончил не плохо веселый бродяга, // Душеприказчик солдатской души». Вердикт цензуры гласил: «В последнем четверостишии Сурков клеветает и издевается над мужественными героями Великой Отечественной войны, зачисляя их в разряд «веселых бродяг». Первоначально в штыки было встречено и известное стихотворение Суркова «В землянке», которое впоследствии превратилось в популярную песню. А тогда, в июне 1942 г., его клеймили как «упадническое и проникнутое обреченностью»¹⁷.

Посильную лепту в укрепление идеологической монолитности общества вносили и те ведомства, которые наводили пропагандистские мосты к другим странам. Глава Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В. С. Кеменов докладывал в ЦК: «Текст песни и ноты, изданные музфондом Союза советских композиторов, до такой степени абстрактен и выхолощен, что может быть использован любой страной и любой армией, вплоть до фашистской». А имелась в виду замечательная песня композитора В. П. Соловьева-Седого и поэта А. Д. Чуркина «Вечер на рейде». Что касается злополучного № 21 «Литературы и искусства», то «виновных» не пришлось долго искать. 2 июня начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров докладывал Щербакову, что заведующий редакцией газеты Писманник снят с должности. Заодно подвергся чистке аппарат Мосгорлита, где семь цензоров «не знали «Краткого курса истории ВКП(б)»¹⁸.

Осенью 1943 г. охранители официальной идеологии предприняли новую атаку на журналистику, стихийно как бы десталинизовавшуюся, хоть и частично, под воздействием бескомпромиссной военной ситуации. На сей раз залп последовал из главных калибров партийно-пропагандистской артиллерии: 28 сентября крупные цеховские функционеры Г. Ф. Александров и Н. Н. Шаталин направили Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову и А. А. Андрееву записку, фиксирующую и соответственно живописавшую на партийном «канцелярите» все те случаи, когда редакция «Литературы и искусства» допускала отклонения от «генеральной линии». Удар концентрированной критики наносился теперь непосредственно по ответственному редактору газеты А. А. Фадееву, которого обвинили в том, что он «безответственно относится к своим обязанностям», отстранился от руководства и передоверил газету «лицам, не сведущим в искусстве и не заслуживающим политического доверия».

В воспроизводимом далее перечне этих лиц отнюдь не случайно сплошь и рядом мелькали еврейские фамилии. А в числе «других» оказалась Платонова, которую, как подчеркивали авторы записки, сотрудники самой редакции называли якобы «единственным представителем славянского племени в газете». Прилагался и проект постановления ЦК, в котором в качестве преемника Фадеева фигурировал Н. А. Тихонов¹⁹.

Фадеева вскоре отстранили не только от руководства этой газетой, которая в 1944 г. была вообще расформирована, но и сняли с поста секретаря Союза писателей СССР. Помимо происков пропагандистско-цензурного чиновничества тому были причиной и другие события. Однако это не помешало аппаратчикам торжествовать их победу. На горизонте маячил конец войны, велико было желание с того или иного бока ухватиться за триумфальную колесницу. Весьма активными соискателями боевых наград становились порой как раз те, для кого фронт не выходил за рамки абстрактных понятий. Не были исключением и работники цензурного ведомства. Садчиков направил в конце 1944 г. Щербакову следующую реляцию с перечнем достижений сотрудников Главлита за время войны: «Цензоры центральной, республиканской, краевой, областной и районной печати с 1 июля 1941 г. по 1 ноября 1944 г. выпустили в свет (без печати Красной Армии и Военно-Морского Флота) 60 610 книг, 9245 номеров журналов, 1 140 816 номеров газет, а всего 1 210 671 печатную единицу... Контролируя эти произведения печати, цензоры не допустили к опубликованию 33 441 корреспонденцию по мотивам сохранения военных и государственных тайн и 10 790 по мотивам политико-идеологического характера. Кроме нашей печати цензоры контролируют литературу на 48 языках, поступающую в Советский Союз из-за границы. За 40 месяцев (с июля 1941 по октябрь 1944 гг.) Отечественной войны работники отдела иностранной цензуры Главлита проверили 235 031 номер газет, 207 942 номера журналов, 71 740 книг, 155 998 брошюр, каталогов и прейскурантов. Всего 670 811 печатных единиц. Из всей поступившей иностранной литературы цензоры изъяли 30362 материала враждебного, антисоветского характера и 61 188 названий передали учреждениям и организациям, имеющим право на получение запрещенной иностранной литературы. Таким образом, коллектив цензоров в 3400 человек проверил и выпустил в свет внутренней и иностранной литературы 1 881 482 названия... Многие цензоры в трудных условиях военного времени показали образцы высокой большевистской бдительности в работе... Прошу Вас, Александр Сергеевич, санкционировать наше представление в Правительство о награждении 32-х... работников цензуры». В записке особо отмечались заслуги пяти наиболее отличившихся рыцарей красного карандаша, которые выдвигались на получение боевого ордена Красной Звезды²⁰.

К концу войны и в первые послевоенные месяцы в системе Главлита трудилось около 1100 цензоров в том числе 265 человек — в центральном аппарате. Из них среднее образование имели 53% работников, высшее — 33%, начальное — 14%. 17 октября 1945 г. Садчиков направил Молотову и Маленкову предложения «по улучшению работы цензуры». Ими предусматривалось существенное расширение компетенции Главлита, увеличение его штатной численности и рост бюджета. Однако аппетит этого ведомства оказался чрезмерным, и предложения были отвергнуты²¹. В 1946 г. Садчикова перевели на должность председателя Всесоюзного объединения «Международная книга». Новым начальником Главлита стал К. К. Омельченко, ранее работавший ответственным редактором газеты «Труд» и любивший подчеркивать, что Главлит является «последней инстанцией государственного контроля на идеологическом фронте».

Смена руководства не повлекла за собой заметного обновления деятельности Главлита. Существенные коррективы в нее внесли затем развертывание «холодной войны» на внешнеполитическом фронте и начало погромной «ждановщины» внутри страны. Усилившаяся ксенофобия сталинского режима отражалась и на идеологической, и на других сферах жизни общества. 9 июня 1947 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». На волне шпиономании, когда совершенно секретными объявлялись даже такие сведения о стране, как план развития физкультуры и спорта, число спортсменов-разрядников, численность населения, количество браков и разводов, цензурный террор резко усилился. Этот процесс развивался по нарастающей. Главлитом была введена

практика ежемесячного составления списков литературы, изымаемой из общедоступных фондов и переводимой на режим ограниченного использования — «спецхран». В 1948 г. в «спецхране» крупнейшего книгохранилища в СССР, Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина, насчитывалось 36 500 книг, в 1949 г. — 129 956 книг.

Когда развернулась шумная компания борьбы с «безродным космополитизмом», по приказу Главлита от 6 июня 1949 г. были запрещены сотни работ не только арестованных авторов, но и многие издания четвертьвековой давности. Одновременно в Главлите развернулась кадровая чистка аппарата. Она усилилась после того, как в сентябре 1950 г. в ЦК партии поступила анонимка, негодовавшая в связи с тем, что в цензурном ведомстве трудятся такие лица, как Додзин, Пинсухович, Каминский, Тутанцев, Демчинский, Муха и мн. др. Особенно нервировало доносителя, что там работал заместителем секретаря партбюро Додзин, в свое время цензуравший материалы Еврейского антифашистского комитета, направлявшиеся за границу, и задавался вопрос: «Уж не является ли Главлит замаскированным филиалом антифашистского еврейского комитета — окопавшегося шпионского гнезда предателей родины?»²².

На рубеже 1951 г. в Главлит была направлена комиссия Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Бдительные ревизоры добыли там массу «обличающих фактов». Почему это начальником отдела иностранной литературы Главлита работает Добросельская — близкая знакомая бывшего редактора «Московских новостей» М. М. Бородина, арестованного органами госбезопасности в начале 1949 г., а руководителем группы по цензурованию англо-американской литературы является Болеславский, с 1913 по 1917 г. проживавший в США и состоявший там членом Социалистической партии? Крайне подозрительными показались комиссии контакты, существовавшие до 1949 г. между прежним начальником Совинформбюро С. А. Лозовским и сотрудниками Главлита — заместителем начальника П. С. Балашовым, который работал помощником Лозовского в Совинформбюро, и др. В итоге Омельченко обязали освободить от работы в его ведомстве многих сотрудников²³.

Подверглась чистке и периферийная структура Главлита. 29 июля 1950 г. ЦК КП(б) Белоруссии отстранил от должности начальника республиканского Главлита Дадиомова за то, что в библиотеках Минска выдавались читателям книги писателей Д. Р. Бергельсона, П. Д. Маркиша, И. С. Фефера, Н. Ф. Гикало, Н. М. Голодеда и др. А на его жену Дадиомову донесли, что накануне выборов в Верховный Совет СССР она говорила об антисемитских настроениях, присущих некоторым белорусским руководителям²⁴.

Из тех двух господ, которым служил Главлит и которые его опекали, — Министерство государственной безопасности и ЦК партии, последний внес наибольший вклад в его кадровую перетряску. Как правило, ЦК осаждало много охотников «уличить» чиновников Главлита в недостатке политической бдительности. Иные лица отвечали взаимностью на прежние утеснения в их адрес. Так, в августе 1952 г. в Агитпроп обратился, например, писатель Фадеев, сетовавший на то, что в театрах и на эстраде широко исполняются произведения 13-ти репрессированных авторов, а Управление по охране авторских прав продолжает отчислять причитающиеся гонорары их родственникам²⁵.

7 февраля 1949 г. секретариат ЦК партии принял постановление, запрещавшее демонстрацию дублированных на польский язык фильмов «Русский вопрос» и «Поезд идет на Восток», ибо советский посол В. З. Лебедев сообщил из Варшавы, что польские руководители «резко отрицательно оценивают качество польского текста фильмов и указывают, что польская речь звучит в фильмах с заметно выраженным еврейским акцентом». Экспертная комиссия для проверки знаний польского языка у дикторов Радиокomiteта, включавшая С. С. Держинскую и Я. Ф. Держинского (вдова и сын Ф. Э. Держинского), а от Агитпропа — Д. Т. Шепилова и Л. Ф. Ильичева, установила, что к дублированию кинокартин привлекались дикторы и актеры из числа лиц, родившихся в Польше. Финал этой истории ознаменовался обильными административными карами в отношении ряда высокопоставленных чиновников — министра кинематографии И. Г. Большакова и др. и запретом на дублирование советских фильмов и их прокат за границей, если на то не будет соответствующего разрешения из ЦК ВКП(б)²⁶.

В последние годы жизни Сталина Главлит стал прямым органом карательной

цензуры. В 1952 г. в ЦК ВКП(б) и Президиуме Совета Министров СССР рассматривался проект постановления о передаче Главлита в систему Министерства государственной безопасности СССР. Но от этого плана отказались потому, что Сталин подозрительно отнесся к дальнейшей концентрации власти в руках тайной полиции. Впрочем, МГБ и Главлит и без организационного объединения работали достаточно слаженно. Едва успел ТАСС сообщить 13 января 1953 г. о раскрытии госбезопасностью заговора «врачей-вредителей», как в тот же день Главлит испросил санкций на изъятие из библиотек и книготорговой сети произведений профессоров-медиков²⁷.

Но и после 1953 г. советская цензура не утратила своего репрессивно-тоталитарного характера, как и политический режим в целом. Только в 1990 г. был принят в СССР «Закон о печати и других средствах массовой информации», согласно которому цензурирование массовой информации не допускается.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, л. 186, л. 2–13; оп. 114, д. 639, л. 20; оп. 119, д. 832, л. 45–46.
2. Россия, 4–10.V.1991.
3. Работа партийных организаций в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Док. и мат-лы. Т. 1. М. 1982, с. 74; Правда, 14.VII, 8.VIII.1941; СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1952, с. 20; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 48, л. 106.
4. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 28, л. 42; Работа партийных организаций. Т. 1, с. 83.
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 28, л. 50; ИЛЬИН И. А. Наши задачи. Париж. 1956, с. 115.
6. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 127, д. 100, л. 13.
7. Там же, оп. 125, д. 180, л. 16.
8. Там же, д. 129, л. 3–5.
9. Там же, д. 117, л. 64об.; оп. 116, д. 126, л. 83.
10. Там же, оп. 125, д. 117, л. 150.
11. Там же, д. 185, л. 54–55.
12. Там же, ф. 17, оп. 125, д. 187, л. 20.
13. Там же, д. 113, л. 2–3.
14. Там же, д. 187, л. 38об., 107.
15. Там же, л. 81об., 127.
16. Там же, л. 80–80об.
17. Там же, д. 117, л. 80–82.
18. Там же, д. 123, л. 9, 17, 18; д. 112, л. 136.
19. Там же, д. 117, л. 82–83; д. 193, л. 140–149.
20. Там же, д. 234, л. 188–189.
21. Там же, оп. 117, д. 560, л. 110–118.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 9425, оп. 1 с, д. 711, л. 47, 56; д. 732, л. 68.
23. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 119, д. 66, л. 80–84; д. 216, л. 162–172, 179–182.
24. Там же, оп. 118, д. 750, л. 184–186.
25. Там же, оп. 119, д. 1061, л. 128–130.
26. Там же, оп. 118, д. 322, л. 242–249.
27. ЗУБКОВА Е. Ю. Общество и реформы: 1945–1964 гг. М. 1993, с. 90; ГАРФ, ф. 9425сч, оп. 1, д. 830, л. 1.

Восточная Галиция в 1914—1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России)

В. Н. Савченко

К числу малоисследованных аспектов истории России в период первой мировой войны относятся планы царского правительства относительно территориального переустройства Восточной Европы после окончания войны, рассматриваемые сквозь призму национально-политических особенностей порубежных территорий. Важным в этой связи представляется вопрос о политике российского правительства во время продвижения русских войск в Галицию в 1914 г., мерах по закреплению края за Россией в связи с особенностями этносоциальной ситуации в крае.

Согласно классификации, общепринятой в науке начала XX в., среди восточнославянского населения выделялись белорусы и малороссы, причислявшиеся наряду с великоруссами к «русскому» населению¹. Применительно к современным этносоциальным реалиям полного эквивалента для классификации начала века пока не выработано. Поэтому во избежание произвольного толкования источников, искажений этносоциальной ситуации представляется необходимым учитывать особенности принятой тогда классификации коренного населения. Однако использование в настоящей статье этносоциальной терминологии начала века по отношению к коренному восточнославянскому населению Галиции является условным, и под «русскими» в данном случае следует понимать, в соответствии с принятой ныне классификацией, восточнославянское население, принадлежащее к украинскому этносу. Термин «русские» в этом случае приводится обязательно в кавычках.

В результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. к Австрии отошли районы, составившие позже австрийскую провинцию Галиция. Восточную часть этой территории населяло преимущественно униатское («русское») население, западную — преимущественно католическое (польское). В 1846 г. к Галиции была присоединена территория бывшей Краковской республики на левом берегу Вислы. Условия исторического развития Галиции в составе Австрийской империи влияли на ход социальных и национальных процессов в крае в течение XIX — начале XX века. Исторически сложившееся господство польского помещичьего землевладения на всей территории Галиции во многом определяло своеобразие этносоциальной ситуации в крае.

Господство польского элемента в экономической и политической жизни Галиции было безраздельным и исключительным сверху донизу, чему способствовала политика, проводимая в крае правящими кругами Австро-Венгрии. Для «русского» населения, представленного практически лишь малоземельным крестьянством и униатским духовенством (в основном низшим), место в социально-классовой

Савченко Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

структуре и национально-религиозная принадлежность являлись почти тождественными понятиями. Укрепляя позиции австрийского элемента в сфере высшего управления в крае, австрийские правящие круги одновременно содействовали ассимиляторским устремлениям польских господствующих классов в отношении коренного восточнославянского населения в Галиции — русин. В то же время, учитывая непримиримую позицию польских помещиков по отношению к национальным интересам русин в крае, а также рост социально-классовых противоречий между господствующими классами в Галиции (практически исключительно польскими по национальному составу) и крестьянским населением (как униатским, так и католическим), австрийские правящие круги добились разделения галицийского населения на два враждебных национальных лагеря — польский и «русский». В связи с историческими особенностями духовного развития, прежде всего — ролью униатской церкви (а позднее и значительной части возникшей национальной интеллигенции), в самосознании подавляющего большинства русин утвердилась идея общерусского единства всего восточнославянского населения, в соответствии с которой коренное население «считает и называет себя русским («русский», «русин»), а в литературе часто обозначается как «русины»². Сравнительно низкий уровень национального самосознания населения всей Галиции, где вероисповедание выступало ведущим критерием национальной принадлежности, свидетельствует о незавершенности процессов национальной консолидации в крае. И русскими и польскими авторами отмечается наличие сохранившихся элементов самобытности этноязыковых групп как среди католического (польского) населения — галицкие мазуры, гуралы (горалы), краковяки (краковяне), так и среди униатского («русского») — лемки, бойки, гуцулы, подоляне и т. д. «Русское» население края, являвшееся продолжением этнического массива восточнославянского населения Подолии, Волыни, Холмщины, наиболее часто обозначается как русины. В научной литературе термин «русины» закрепился прежде всего именно за «русским» населением Австро-Венгрии, обозначавшимся также (прежде всего в работах русских авторов) как малороссы.

Термин же «украинец», «украинский», как отмечают и советские авторы, появился в Галиции лишь к концу XIX в.³, и первоначально, согласно многочисленным свидетельствам в работах русских, польских, галицийских авторов, чинов русского и австрийского военных ведомств, являлся понятием политическим, а не национальным. Согласно секретным австрийским данным времен уже и первой мировой войны, «пока что украинская идея не совсем проникла в русское простонародье, тем менее замечается это в российской Украине». В работах авторов, происходящих из коренного «русского» населения Галиции, отмечается, что термин «украинец» в рассматриваемый период обычно отождествлялся населением с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства и русской государственности, в связи с чем категорически отвергался «русским» населением в качестве признака национальной самоидентификации (например, на Лемковщине)⁴.

На основе исторической традиции общерусского единства коренного восточнославянского населения Галиции, в XIX в. сложилось массовое культурно-политическое течение, получившее название «русофильство», или «москвофильство». Представители разных его поколений, хотя и отличались по своему мировоззрению, исповедовали идею национального единства «всех русских земель» под эгидой России, выступая против национально-религиозного и социального гнета польских господствующих классов. Москвофилы стремились приобщить население к «общерусской культуре», пропагандируя русский литературный язык и другие достижения культуры, установив прочные контакты с общественными, политическими, религиозными и культурными деятелями современной им России. Это движение сыграло значительную роль в национальном возрождении галичан. Связывая дальнейшую судьбу «русского» населения в Галиции с Россией, москвофилы проявили готовность к сотрудничеству с царской администрацией в период вступления русских войск в Галицию в 1914 г., после свержения царизма — с Временным правительством, а в 1920 г., во время продвижения Красной Армии в ходе польско-советской войны в Галицию и образования Галицкой Советской Республики — стремление к сотрудничеству с ее властями в крае⁵.

По мере углубления социальной дифференциации среди восточнославянского населения края во второй половине XIX в. складывалось культурно-политическое течение «укаинофилов» (украинцев), или «народовцев». Укаинофилы ратовали за

национальное развитие восточнославянского населения на основе региональной самобытности. В отличие от москвофилов они подчеркивали общность происхождения, исторических судеб русин Австро-Венгрии прежде всего с восточнославянским населением Холмщины, Волыни, Подолии, Украины⁶, видя будущее восточной Галиции в единстве «всех украинских земель от Карпат до Дона». Выступая, как и москвофилы, против всесилia польских господствующих классов в Восточной Галиции, украинофилы также выражали стремление русин Галиции к освобождению от польского национально-религиозного и социального гнета. Однако если москвофилы при этом искали опору прежде всего в исторических традициях духовной общности с Россией и «всем русским народом», то украинофилы ориентировались прежде всего на поддержку австрийских правящих кругов, рассматривая их как более реальную опору в борьбе против безраздельного господства польского элемента в социально-экономической сфере. В связи с этим движение украинофилов (объединявших, как и москвофилы, ряд партийных группировок) приобретало в начале XX в. все более резкую антироссийскую направленность, являвшуюся непременным условием сотрудничества с австрийской администрацией. Последняя в свою очередь всемерно поддерживала украинофильское течение, видя в нем своего союзника не только в борьбе против традиционного стремления русин к единению с Россией, но и в планах территориальных приобретений за счет России, а также опору для своей политики в отношении польских помещиков в Галиции. (В противоположность этому, деятельность москвофилов, особенно к концу XIX — началу XX в., рассматривалась венским кабинетом как откровенное проявление сепаратизма.) Очевидно, не случайно расцвет украинофильства в Галиции пришелся на время складывания германо-австро-венгерского блока, противостоявшего странам Антанты.

Все это к концу XIX — началу XX в., и особенно в канун первой мировой войны, предопределило разделение культурно-политических течений русинской общественности на два непримиримых по своей идеологической направленности и национально-политической ориентации лагеря, что использовали в своих политических интересах как австрийские правящие круги, так и польские господствующие классы в крае⁷. В связи с этим, несмотря на этническую общность восточнославянского населения Австро-Венгрии с населением Украины (согласно русским авторам — и там и там русины-малороссы), называть его на тот период «украинским», значило бы отождествлять все восточнославянское население Австро-Венгрии лишь с одним из двух общественно-политических течений русинской общественности в Галиции — противниками идеи общерусского единства, что было бы неверно с исторической и социально-политической точек зрения. Польские господствующие классы в крае, в свою очередь использовали раскол русинской общественности на два лагеря для продолжения политики колонизации русинской части Галиции.

Официальные и неофициальные польские политические круги рассматривали русин Галиции лишь как часть «исторической польской народности». Проводились меры по заселению русинской части Галиции польско-католическим населением путем скупки и перепродажи земель малоимущих крестьян-русин. Следствием экономического и национально-религиозного гнета явилось массовое обезземеливание и вынужденная эмиграция галичан (в основном в Америку). С 1880 по 1910 г. выехало свыше 800 тыс. человек, главным образом русин⁸. Все это наложило печать на этносоциальную ситуацию в Галиции в 1914—1918 годах.

Исключительное преобладание поляков в административном аппарате Галиции в условиях и социально-экономического господства польского элемента в крае предопределило польский уклон в официальной статистике численности и размещения населения Галиции по национальному составу. Материалы официальных австрийских переписей послужили основой как для польских, так — за неимением других источников — и для русских авторов. Поэтому, несмотря на довольно значительную литературу по этнографии Галиции к 1914 г., представленная там трактовка этносоциальной ситуации носит, в целом, однобокий характер. Понятно, что работа с опубликованными данными официальных переписей и статистических материалов России и Австро-Венгрии требует критического подхода к ним. Данные русского Генерального штаба, который проводил перед первой мировой войной детальное изучение будущего театра военных действий, считавшиеся в свое время секретными, и документы русской администрации в Галиции в период занятия русскими войска-

ми ее большей части, также секретные в то время, заслуживают серьезного внимания. Осмыслению отдельных аспектов исследуемого вопроса помогают воспоминания очевидцев событий в Галиции в 1914—1917 годах⁹.

Еще в работе П. И. Шафарика, одной из первых, где рассматривается численность и размещение русин и поляков в Галиции, «русско»-польский рубеж проведен по линии: Уланов — Гродзиск — Березов — Змигород — Дукля — Горлице — Грибов — Попрад (плюс четыре деревни за Попрадом)¹⁰, которая принималась без изменений или почти без них подавляющим большинством авторов вплоть до начала XX века. Однако в основу рубежа автором был положен вероисповедный, а не этнический критерий. Если официальная австрийская статистика и польские авторы еще во второй половине XIX в. свидетельствовали о преобладании «русского» населения над польским в Галиции, то к началу XX в. численность поляков у них уже выше численности «русских», что, очевидно, связано с усилением антирусской политики, проводимой австрийскими правящими кругами в Галиции при поддержке польских аристократии и помещиков. Польские авторы фактически отрицают наличие среди русин края католиков, а среди поляков отмечают униатов и даже православных. К полякам нередко относят всех, «кто близок» по обычаям, культуре, вероисповеданию¹¹. В соответствии с официальной статистикой к польскому населению относят всех католиков, а кроме того — почти все еврейское население Галиции, поскольку оно пользовалось польским языком. При этом в Восточной Галиции польские авторы насчитывают до 35% польского населения¹².

Подавляющее большинство русских авторов, особенно в начале XX в., критически оценивает данные официальной австрийской статистики. Они отрицают правомерность причисления евреев, а также абсолютно всех католиков к полякам, отмечая, что в Восточной Галиции численность поляков заведомо преувеличена «включением крещеных евреев и русин-католиков»¹³. Подчеркивается, что униатами и православными являются только русины, в связи с этим данные официальной статистики о численности униатов ближе к фактической численности «русских», чем данные по собственно национальному составу (в австрийской статистике — по родному языку). При этом следует учесть, что значительная часть русин — католики, а небольшая часть — православные.

Особый интерес представляют сведения непосредственно предвоенного и военного периода. Следует, конечно, учесть, что данные некоторых русских авторов в известной степени могли отражать стремления правящих кругов России к обоснованию планов территориальной экспансии. Однако, справедливости ради, необходимо указать на тенденциозность также и авторов австрийской стороны. Кроме того, правящие круги России, заинтересованные в привлечении польской буржуазии и помещиков на свою сторону в войне против австро-германского блока, были вынуждены считаться с позицией польских общественно-политических кругов (как в Царстве Польском, так и в Галиции) по вопросу о территориальных разграничениях русских и польских интересов в Галиции.

Русские авторы предвоенного и военного периода отходят от традиционной «русско»-польской этнической (то есть униатско-католической) границы и проводят ее севернее и западнее — в общих чертах, примерно, от устья Сана вверх до впадения в него Вислока, далее по Вислоку в направлении к Дунайцу между Карпатами и Вислой (общее направление этой линии получило подтверждение в более поздних работах), выражая уверенность, что при изучении западных районов Галиции будут выявлены «не вполне утратившие свою русскую народность группы (населения. — В. С.). Все они должны быть отнесены к русскому народу»¹⁴⁷

На основе анализа и сопоставления данных русских (включая данные русского Генерального штаба) и польских авторов, отчасти официальной австрийской статистики, распределение населения Галиции по национальному составу к 1914 г. представляется следующим¹⁵.

В Восточной Галиции при общей численности населения 5334 тыс. человек насчитывалось: евреев — 859 130, немцев — 65 786, славянского населения («русских» и поляков) — 4 403 750, других — 5334. **В Западной Галиции** при общей численности населения 2 696 тыс. человек насчитывалось: евреев — 214 332, немцев — 40 440, славянского населения («русских» и поляков) — 2 438 532, других — 2696. **Во всей Галиции** при общей численности 8030 тыс. человек насчитывалось: евреев — 1 073 462, немцев — 106 226, славянского населения («русских» и поля-

ков) — 6 842 282. К полякам во всей Галиции отнесена часть католиков — евреев и немцев. П. Оссовский полагал, что только в Восточной Галиции евреев насчитывалось около 1 млн. человек ¹⁶.

На основании данных украинских и русских авторов ¹⁷, а также советских ¹⁸, мною произведены расчеты о соотношениях населения Восточной Галиции по национальному составу. В результате чего к 1914 г. соотношение «русского» и польского населения представляется следующим:

«русских» насчитывалось: в Восточной Галиции — до 4 млн. человек, в Западной Галиции — до 1 млн. человек, во всей Галиции — до 5 млн. человек;

поляков (вместе с частью католиков — евреев и немцев) насчитывалось: в Восточной Галиции 403 750 (7,57%), в Западной Галиции — 1 438 532 (53,36%), во всей Галиции — 1 844 482 человека (22,9%).

По данным же австрийской переписи 1910 г., во всей Галиции насчитывалось: «русских» (по языку) — 3 208 092 человека (40,2%), поляков — 4 672 500 (58,55%), католиков же — 3 732 961 (46,5%).

Польское население в Восточной Галиции, согласно русским и польским авторам, составляло наряду с евреями большую часть населения городов. «Русское» же население, как подчеркивают русские авторы (в том числе из Генерального штаба), расселяется компактно, почти сплошь сельское, так же как и на Лемковщине в Западной Галиции, где среди русин нет ни одного католика.

Вынашивая планы полного присоединения Галиции к Российской империи, правительство России считало необходимым учитывать особенности национально-политического развития и социально-экономического уклада края. В ходе войны правительства воюющих стран, России — с одной стороны, Германии и Австро-Венгрии — с другой, стремились привлечь польское население на свою сторону. В связи с этим одним из аспектов политики «слияния края с империей» явился, как уже упоминалось, вопрос разграничения интересов российских и польских буржуазно-помещичьих кругов в Галиции. В своих планах правительство России предусматривало присоединение восточной части Галиции к собственно России, западная же часть Галиции должна была бы войти в состав Царства Польского Российской империи. В соответствии с этим при наступлении русских армий, которые в 1914—1915 гг. заняли почти всю территорию Галиции и даже подходили к стенам Кракова, царская администрация приступила к проведению ряда мероприятий для закрепления края за Россией. В основу разграничения был положен национальный принцип.

Программа «разграничения» получила свое конкретное выражение в заявлении русского генерал-губернатора Галиции графа В. А. Бобринского во Львове от 10 сентября 1914 г. при встрече с делегацией польской общественности, где ей было указано, что восточная Галиция и Лемковщина, которые он рассматривает как «коренные русские области», являются бесспорным достоянием России. Там будет введена русская система законодательства и исполнительной власти, русский язык в качестве официального и т. д. ¹⁹. Западные районы Галиции предполагалось включить в границы Царства Польского — составной части Российской империи. По австрийскому административному делению, Восточная и Западная Галиция имели конкретные географические границы с определенным составом уездов. Заявления же представителей русской администрации в 1914 г. не позволяют говорить о Восточной или Западной Галиции как таковой. Очевидно, царская администрация намеревалась оставить себе свободу рук в вопросе определения конкретных рубежей разделения края на «русскую» и «польскую» части, что и подтвердилось дальнейшим ходом событий.

Галицкое генерал-губернаторство, в состав которого вошли восточные районы Галиции, создавалось во исполнение программы «разграничения». Территория его к июню 1915 г. разделялась на четыре губернии: Львовскую, Тернопольскую, Перемышльскую и Черновицкую ²⁰. Границы уездов и губерний совпали с границами уездов по австрийскому административному делению. В состав Перемышльской губернии из 14 уездов вошли восемь уездов Восточной Галиции (в австрийских границах), которые относились к русинской части Галиции (в том числе Перемышльский, Самборский, Добромильский и др.), и шесть уездов Западной Галиции — Проворский, Ланьцутский, Решевский, Колбушевский, Нисковский, Тарнобжегский, в которых практически сплошную массу населения составляли так называемые «галицкие мазуры» — католики, относимые к полякам. Пределы

Перемышльской губернии простиралась от верховьев Днестра до Вислы. Но если большую часть территории Перемышльской губернии составляли районы «коренной русской» части Галиции, то, очевидно, и вся территория Перемышльской губернии в составе русского Галицкого генерал-губернатора рассматривалась царской администрацией как «русская часть» Галиции; там она непосредственно приступила к русификации края.

По данным русского Генерального штаба, польское (то есть католическое) население Западной Галиции разделялось на три группы: краковяки (краковяне), или кракусы, в окрестностях Кракова, горалы (гурали) в Прикарпатье, к юго-западу от Кракова, и мазуры, которые занимали всю остальную часть Западной Галиции от р. Рабы до Сана. Исследователи указывали на резкое отличие мазуров от краковяков (собственно поляков, то есть малополян). (Некоторые же авторы, относя, по традиции, католиков-мазуров к польскому населению, в то же время отличали их от поляков). Они считали, что мазуры, составляя по психологическим особенностям и физическому облику противоположность краковякам, обнаруживают прямое сходство с «русским» населением Галиции. При этом краковяки говорят «на чистом польском языке», мазуры же «неправильно говорят по-польски», на смешанном наречии, вставляя много малороссийских слов²¹. Польские авторы отмечают отличия мазуров в районе Рабы (Я. Свентек и В. Дайчак — в Восточной Галиции) от их западных соседей по особенностям духовной и материальной культуры; самосознанию, разговорной речи (мазуры «четко отличают себя от поляков, а свою речь — от польской», считают себя мазурами и «говорят речью мазурской»). Шляхты между ними нет, «все крестьянского сословия»; это католики, говорящие «по-русски»²². Сходство этого населения по различным этнографическим признакам, со многими «русскими диалектическими особенностями», с «русскими» прослеживается и в работах польских этнографов второй половины XX в., которые отмечают связь особенностей духовной культуры населения с идущей от XIV—XV вв. традицией «греческой церкви»²³. По материалам русского Генерального штаба, краковяки (собственно поляки) «не любят русское правительство и государство... враждебны к России и всему русскому», мазуры же «отличаются особой ненавистью к ксендзам и панам», «наиболее склонны к сближению с русским населением», более прочих поляков (католиков) являются склонными к дружбе с Россией. Согласно сведениям того же штаба, горалы «сходны на характер мазуров»²⁴. На общность элементов этнографии горалов (гуралей), по крайней мере в Татрах, и населения так называемой «Руси шляхтовской» (к востоку от Татр) указывают польские этнографы XX века²⁵. Отмечено, что польские колонисты в Восточной Галиции (галицкие мазуры) быстро утрачивают «свою национальность и вполне сливаются с русинами»²⁶.

В работах русских авторов XIX — начала XX в. такое сходство коренного католического и униатского населения Галиции непосредственно связывается с общностью их этнического происхождения²⁷. (В советской науке их работам, к сожалению, не уделено должного внимания.) Интересно, что ряд общественных деятелей в Галиции указывал на то, что «нынешние поляки в Галичине — это большей частью «перекинчики»» (полонизованные русины) и что по мере укрепления России в крае они «вернутся снова до русского народа»²⁸. На это же указывают и русские авторы этого периода, отмечая, что «собственно кровных родовых поляков (велико- и мало-полян. — В. С.) в Галиции почти нет», а дальнейшее изучение края «откроет, конечно, и другие... не вполне утратившие свою русскую народность группы»²⁹. Польские научные и общественно-политические круги в Галиции, по сути, также свидетельствуют в пользу единства происхождения коренного населения всего края, подчеркивая, что в Галиции «нет двух национальностей, есть две религии»³⁰. (Любопытно, что в довоенной польской и русской литературе, а также данных Генерального штаба России отмечается совпадение религиозных и национальных рубежей в Галиции.) С началом войны польские политические объединения австрофильской ориентации в Галиции обратились с меморандумом в МИД Австро-Венгрии, где между прочим отмечалось, что «поляки, если они хотят сохранить свою национальность, не могут быть друзьями России»³¹.

Особый интерес представляют данные о национальной ориентации и национальных симпатиях галицких мазуров. По национальному самосознанию они решительно отмежевывали себя от поляков и польской национальной идеи. По

словам А. Л. Погодина, еще в середине XIX в. «мазурский крестьянин о Польше ничего не знал, называл себя только цесарским», национальной пропаганды эмигрантов польской эмиграции «не понимал и не верил им» (например, в окрестностях Тарнова), «мы галичане, — гласит обычная самохарактеристика, — мы цесарские, а не поляки». Е. Вульфсон писал, что в 1897 г. «поляки-крестьяне Западной Галиции (то есть мазуры. — В. С.) объединились с одной из русофильских галицких партий «против польской партии»³², вообще у «мазуров» проявлялись отчетливо выраженные симпатии к русским и России.

Широкую известность получили факты восторженной встречи наступающих русских войск коренным местным населением, прежде всего сельским, как в Восточной, так и в Западной Галиции, где польские крестьяне (то есть «мазуры») встречали их так, что «нельзя желать лучшего», в то время как отношение собственно поляков (то есть прежде всего представителей привилегированных слоев общества, административного аппарата, католического духовенства) «характеризуется... политикой выжидания и в связи с этим крайней конспиративностью». Интересно, что при вступлении русских войск в районы Галиции у поляков замечалось стремление как можно скорее научиться «русской мове»³³.

Особенности «мазуров», сближающие их с русинским населением и отличающие от собственно поляков, прослеживаются и в социальных отношениях. Характерно, что исследователи разделяли поляков в Галиции на «мазуров» (то есть крестьян) и шляхту (то есть собственно поляков). При этом, подобно русинам в Восточной Галиции (в огромном большинстве крестьянам), «мазуры» традиционно видели в единении с Россией путь к решению социально-политических проблем (в Галицком сейме в 1890 г. один из депутатов заявил, что представители от галицких мазуров неоднократно обращались к царю с просьбой о помощи в решении аграрного, других социально-политических вопросов)³⁴.

Недостаток данных, отсутствие специальных исследований не позволяют сделать каких-либо определенных выводов относительно оценки национально-этнических особенностей галицких мазуров. В то же время их традиционные пророссийские симпатии и антипольская социально-политическая ориентация (что, очевидно, в значительной степени обуславливалось и положением «мазуров» в социально-классовой структуре края), наводят на мысль о сомнительности национально-политического единства между польскими привилегированными социальными группами населения и обособленными от собственно поляков в этническом и языковом отношении крестьянами-«мазурами» в Галиции. Объединяющим началом для отнесения тех и других к польскому населению здесь выступало по сути лишь католическое вероисповедание (польским языком в той или иной степени владела подавляющая часть населения всей Галиции). В возможности мазурской (мазовецкой) колонизации с севера (из Мазовии, например) сомневаются даже польские авторы второй половины XX века³⁵. Очевидно, под мазурами в Галиции следует понимать не этнически польское (и не собственно мазурское), но католическое население (подобно собственно мазурам-мазовшанам). Вероисповедание здесь выступало в качестве ведущего фактора разделения «русского» населения и его ополячивания.

Таким образом, при «разграничении» края в состав русского генерал-губернаторства вошла часть «мазурских» уездов Западной Галиции, считавшихся католически-польскими. Остальная «мазурская» часть Западной Галиции, которую царское правительство пообещало включить в состав «объединенной» Польши, очевидно, являлась той ценой, которую царизм платил польским буржуазно-помещичьим кругам за привлечение их на свою сторону, причем ценой не слишком дорогой, имея в виду всю будущую «объединенную Польшу» в составе империи. (На Парижской мирной конференции 1919 г. вопрос о будущем национально-политическом статусе Западной Галиции, признанной еще царской администрацией частью «объединенной Польши», даже не поднимался. Определению подлежали лишь восточные пределы «польской части» Галиции.) Национальные и политические особенности развития Галиции использовала российская администрация в своей политике, направленной на закрепление края за Россией. В общем, в крае складывалась довольно благоприятная для осуществления этой политики национально-политическая ситуация. Большинство сельского населения, как униатского в Восточной Галиции, так и католического в Западной, составлявшее в целом по краю 80% всего населения (в том числе среди униатов-русин 95%, среди католиков 67%, — очевидно, прежде всего «мазу-

ры», остальную часть католиков составляли в основном собственно поляки, еврей-католики и немцы-католики), занимало русофильские позиции. Привилегированные слои в Галиции, представленные практически исключительно поляками по национальности, как уже отмечалось, в основном заняли выжидательную позицию, и лишь частью открыто придерживались австро-германской ориентации.

Среди русинского населения к началу первой мировой войны, как уже указывалось, отмечается два культурно-политических течения — русофильской (москвофилы) и австрофильской (украинофилы) ориентации. Очевидец свидетельствует: «Современники помнят еще главные периоды и черты внутренней борьбы между русским национальным движением и так называемым украинофильством... Эта борьба велась за утверждение в нашем народе двух противоположных, исключаящих себя идейно-политических мировоззрений — с русским народом, с Россией, или против них»³⁶. Согласно русским и австрийским источникам того периода, основные политические принципы москвофильских организаций получили широкий отклик среди коренного русинского населения, которое, не отождествляя себя с великорусами, в то же время считало себя частью русского народа. Как отмечал в связи с этим Бобринский, в борьбу украинофилов и москвофилов «втягивалось сельское население, значительная часть которого сознательно или бессознательно разделяла принципы этой последней партии»³⁷. На популярность среди русинского населения идеи общерусского национально-культурного единства указывает и тот факт, что террор австро-венгерских властей против русофилов среди русинского населения принял формы массового геноцида³⁸, причем большинство репрессированных составляли крестьяне. Как свидетельствуют очевидцы, открылась «сплошная полоса неразборчивого в средствах бессистемного террора, через которую прошло поголовно все русское население Прикарпатья» (террор затронул и польское, то есть католическое, сельское население в Западной Галиции — очевидно, «мазуров», которых «подозревали в измене», то есть в пророссийских симпатиях). Признание себя русином (а не украинцем) зачастую было равносильно подписанию себе смертного приговора. Была создана сеть концлагерей, где содержались наиболее активные сторонники единства с Россией, открыто считавшие себя русскими; эти лагеря «вскоре превратились в пункты физического уничтожения людей». За годы войны только в Восточной Галиции общие потери коренного населения, включая, очевидно, миграцию, составили до 0,5 млн. человек (особенно во Львовском уезде — 114 тыс., Станиславовском — 159 тыс., Тернопольском — 176 тыс.)³⁹.

В австрийских и русских источниках национально-политическая группировка украинофилов, или же украинцев, рассматривалась лишь как политическое течение, называемое «украинским», или «мазепинским». Оно пользовалось поддержкой австрийцев и политических кругов польского общества и являлось самым нелояльным по отношению к русским властям в крае⁴⁰. Украинофилы («украинцы») в Галиции приняли самое активное и непосредственное участие в организованном австро-венгерскими властями массовом терроре, направленном против русофильства среди коренных жителей, полностью поддерживая курс австро-венгерских правящих кругов на «украинизацию» русинского населения. Согласно позиции официальных австрийских кругов в период войны, «в Австро-Венгрии никогда не было, нет и быть не может никакого русского народа, а есть лишь один верноподданный «украинский» народ. Поэтому кто лишь осмеливается признать себя русским... уже тем самым совершает тяжкое государственное преступление»⁴¹. Вместе с тем украинофилы под руководством австрийских властей с началом войны пытались выступать от имени всего русинского населения Галиции в качестве «представителей украинского народа». Все источники отмечают сплоченность и единодушие украинофильских (украинских) политических партий Галиции на антирусской и австрофильской почве. Украинофильских (украинских) партий или группировок с иной национально-политической ориентацией в Галиции просто не было.

Имеющиеся материалы порождают впечатление об отсутствии у сторонников украинофильского культурно-политического течения в Галиции широкой поддержки русинского населения. Антинародная и антирусская политика украинофильских кругов активно поддерживалась лишь австро-венгерскими покровителями, при сочувствии со стороны польских буржуазно-клерикальных кругов.

Советские авторы воспринимали термин «украинец», «украинский» лишь как обозначение национальной принадлежности коренного населения Восточной Гали-

ции в рассматриваемый период. Однако, как представляется, вопрос выглядит несколько сложнее. В связи с этим важно корректное отношение к источникам в исследованиях. Признание термина «украинец» лишь за обозначение национальной принадлежности коренного восточнославянского населения Галиции в рассматриваемый период затрудняет исследование национально-политической ситуации в крае, что, возможно, является одной из причин неизученности исторических особенностей развития Галиции.

Русофильская ориентация большинства населения Галиции, наличие организаций москвофильского толка, стремившихся к сотрудничеству с российской администрацией в целях культурно-политического сближения Галиции с Россией, казалось, являлись гарантией успеха политики российских правящих кругов по закреплению края за Россией. Однако, правительство России не было последовательным в проведении собственной политической программы. С одной стороны, оно стремилось ограничить влияние польского аграрного и промышленного капитала на западных окраинах, с другой — было вынуждено считаться в условиях войны с интересами польских помещиков, рассматривая помещичье землевладение и на западе империи как интегральную часть всей государственной системы России, а сохранение его в Галиции — как обязательную линию в политике по закреплению края за Россией⁴².

Противоречие между целью и средствами предопределило непоследовательность и нерешительность этой политики. Она не затрагивала основ польско-католического влияния в крае — польского помещичьего землевладения. По мнению Бобринского, управление генерал-губернаторством должно было основываться «на русских началах», однако «без коренной ломки существующего строя». Отсюда половинчатость решений российской администрации в различных аспектах национальной политики. Она сохранила многочисленные частные польские школы, традиционно являвшиеся очагами католицизма и служившие в тех условиях одним из средств полонизации Восточной Галиции. На это указывали москвофилы, требовавшие изъять польский язык из преподавания в школах для русинского населения и призывавшие к более решительному насаждению русского литературного языка. Если москвофилы требовали решительной поддержки начавшегося массового стихийного перехода униатов в православие, то российская администрация занимала здесь сдержанную позицию, ориентируясь на телеграмму верховного главнокомандующего, подтвержденную царем, относительно «осторожного разрешения религиозных вопросов в Галиции». Были сохранены система австрийского законодательства в суде, вся польская и австрийская администрация, выразившая желание сотрудничать с российскими властями. Крайне осторожно царская администрация относилась к земельной собственности польских помещиков, даже тех, кто открыто выступал против России (через международные организации они добились сохранения за ними прав на земельную собственность в занятых русскими войсками районах). Как заявлял в связи с этим Бобринский, нежелательно «наносить без нужды материальный ущерб будущим подданным Империи»⁴³. Москвофилы же требовали передачи хотя бы части польских помещичьих земель в пользу русинского крестьянского населения.

Такая политика российской администрации в Галиции вызвала недовольство руководителей москвофилов, открыто обвинявших русские власти в нерешительности и являвшихся более последовательными сторонниками пророссийской и антипольской политики, нежели российская администрация. Антипольская направленность деятельности москвофилов в условиях, когда господствующие слои общества края были представлены практически исключительно поляками по национальности, была созвучна социальным устремлениям русинского крестьянства, но весьма нежелательна для правящих кругов России. Противоречия между руководством москвофильского движения и российской администрацией постепенно приняли настолько резкие формы, что Бобринскому пришлось признать в своем отчете, что «занятая партией русской народной организации позиция по отношению к русским властям не только не облегчала власть в деле управления, но могла повести к необходимости применения к этой партии репрессий»⁴⁴(!).

В то же время действия российской администрации по утверждению «устройства на русских началах» в генерал-губернаторстве встретили понимание не только со стороны москвофилов (они выражали недовольство как раз по поводу недостаточ-

ности таких действий), но и широких слоев населения. Как отмечал, например, в 1919 г. в донесении к польскому наместнику в Галиции староста Рава-Русского повета, «на сегодняшний день жалеют селяне о том, как говорят, времени, когда тут после российского наступления правили россияне, и как они говорят, это были наши люди»⁴⁵.

Деятельность российской администрации в Галиции в 1914—1915 гг. была направлена на создание предпосылок для закрепления аннексии края. Сложившаяся к началу первой мировой войны национально-политическая ситуация на территории всей Галиции весьма благоприятствовала планам интеграции края с Россией. На территории восточной части Галиции, занятой русскими войсками, было образовано Галицкое генерал-губернаторство, где российские власти провозгласили курс на русификацию. Однако стремление сохранить основы сложившейся социально-экономической структуры предопределило нерешительность и непоследовательность провозглашенной российской администрацией политики по утверждению «устройства на русских началах» в генерал-губернаторстве. Сочувствие широких масс русинского населения к деятельности российской администрации в крае и достигнутые ею результаты объяснялись не политикой российской администрации как таковой (нередко получалось, что даже и вопреки этой политике), а закономерным стремлением галичан к единению с Россией. Под русификацией здесь следует понимать не насильственную национально-культурную ассимиляцию края, а добровольное стремление галичан в массе своей (в той или иной степени подготовленных к этому деятельностью москвофилов) приобщиться к общественно-политической жизни России, чтобы найти пути решения своих социально-экономических и национально-культурных проблем.

К концу войны украинофильские (украинские) военные формирования под командованием австрийских офицеров остались по существу единственной организованной военно-политической силой в Восточной Галиции. В результате развала Австро-Венгерской монархии, потерпевшей поражение в войне, на территории Восточной Галиции образовалась так называемая Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР).

С возникновением независимой Польши польские правящие круги немедленно приступили к исполнению планов включения Галиции в состав польского государства. Они рассматривали ее как сферу «жизненных интересов польской нации». В результате польско-украинской войны (ноябрь 1918 г. — июнь 1919 г.) вся Галиция была оккупирована польскими войсками.

На Парижской мирной конференции 1919 г. была выработана линия польско-русинского (украинского) размежевания в Галиции, которая проходила несколько восточнее бывшей административной границы Галиции по австрийскому делению. Западная часть Галиции тогда была признана за Польшей. Право на окончательное решение судьбы восточной части Галиции державы Антанты оставили за собой. Этот вопрос предполагалось решить впоследствии на основе плебисцита. (Интересно, что на конференции коренное восточнославянское население Галиции рассматривалось по национальности как русины, а не украинцы, хотя представители ЗУНР были заслушаны на конференции)⁴⁶.

15 марта 1923 г. конференция послов держав Антанты приняла решение признать за Польшей ту линию границы на востоке, которая уже фактически была ею достигнута, признав таким образом принадлежность Польше всей территории Галиции.

Примечания

1. КАРСКИЙ Е. Ф. К вопросу о разграничении русских наречий. М. Б. д.; Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 15. СПб. Б. д., с. 421; Брокгауз — Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 47. СПб. 1889. с. 458; Большой всемирный атлас Маркса. СПб. 1909 (допечатка 1916 г.); СОБОЛЕВСКИЙ А. И. Русский народ как этнографическое целое. Львов. 1911, с. 12; Jubiläumsausgabe andrees Bandatlas fünfte auflage prof. A. Scobel. Bielefeld und Leipzig. 1913; СОБОЛЕВСКИЙ А. И. О русских говорах вообще и белорусском говоре в частности. Русский филологический вестник, 1905, № 1, с. 54—56.

2. ТОКАРЕВ С. А. Этнография народов СССР. М. 1958, с. 33.
3. ПАШАЕВА Н. М., КЛИМКОВА Л. И. Галицко-русская матица во Львове и ее издательская деятельность. В кн.: Книга. Сб. 34. М. 1977, с. 62.
4. Военные преступления Габсбургской монархии 1914—1917 гг. Галицкая Голгофа. Кн. 1. Trumbull (Conn.). 1964, с. 31; Карпато-русский календарь Лемко на 1922 г. Ужгород. 1922, с. 42. Лемковщина — историко-географическая область в Галиции на склонах Карпат (примерно от истоков р. Сан до р. Дунаец), коренное население которой составляли лемки — одна из этноязыковых групп галицких русин.
5. ZAKS Z. Radziecka Rosja i Ukraina wobec sprawy państwowej przynależności Galicji wschodniej 1920—1923 гг. In: Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Т. 6. Warszawa. 1970, s. 73—74.
6. Галичина, Буковина, Угорская Русь. М. 1915.
7. ЯСТРЕБОВ Н. В. Галиция накануне Великой войны 1914 г. Пг. 1915, с. 130—133.
8. ЗУБКОВСКИЙ В. Галиция. Краткий обзор географии, этнографии, истории и экономической жизни страны. Харьков. 1914, с. 12—13.
9. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. 1. СПб. 1912, 1915; ч. 2. СПб. 1912; ХРИСТИАНИ Г. Г. Передовой театр Австро-Венгрии: военно-статистическое исследование. СПб. 1902; Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев. 1916; Военные преступления.
10. ШАФАРИК П. Славянское народонаселение. М. 1843, с. 21.
11. КУРНАТОВСКИЙ Г. Этнографическая Польша. М. 1914, с. 21.
12. Там же, с. 26.
13. Большая энциклопедия. Т. 15. 190-, с. 421.
14. ЛАЗОРОВСКИЙ В. Русский народ в Карпатах. Киев. 1915, с. 7—8; КАЗАНСКИЙ П. Современное положение Червоной Руси. Одесса. 1914, с. 6.
15. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. Пг. 1915, с. 142; BUJACK F. Galicja. Lwów. 1908—1910. Т. 1, s. 70; Podręcznik statystyczny Galicji. Lwów. 1913. IX, cz. 2, s. 8.
16. ОССОВСКИЙ П. Новые владения России в Западной Европе. Киев. 1914, с. 22.
17. ГРУШЕВСКИЙ М. К польско-украинским отношениям в Галиции. Вып. 1—4. Киев. 1905, с. 14; ГРУШКЕВИЧ М. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с Великой войной. Ростов-н/Д. 1917, с. 22; ЛИПРАНДИ А. Польша и польский вопрос. СПб. 1901, с. 132; ЛЫСОГОРСКИЙ Г. А. Галицкая Русь. М. 1915, с. 64; БЕЛОКОНСКИЙ И. П. Галичина під час російської окупації. Львів. 1915, с. 27; ВЕРГУН Д. Н. Что такое Галиция. Пг. 1915, с. 10; КАЗАНСКИЙ П. Ук. соч.; ОССОВСКИЙ П. Ук. соч.; ПОНОМАРЕВ В. И. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Баку. 1915, с. 37.
18. Ученые записки Ростовского н/Д. финансово-экономического института, 1948. Т. 2, с. 113.
19. Отчет временного военного генерал-губернатора, с. 3.
20. Последняя включала земли историко-географической области Буковина, вошедшей в состав русского Галицкого генерал-губернаторства.
21. Военно-географическое описание Галиции. Киев. 1904, с. 67 и др.; Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. 2. с. 74—75.
22. SWĘTEK J. Lud Nadrabski (od Gdowa do Bochnie). Kraków. 1893, s. 56; DAJCZAK W. Lud polski na ziemiach czerwonoruskich. Lwów. 1906, s. 14.
23. KOTULA F. Folklor sławny osobliwy Lasowiaków, Rzeszowiaków, Rogorzán. Lublin, 1969; Obrędy i zwyczaje dorochie wsi Rzeszowskiej. Rzeszów. 1972; RUCHEL K. Studia nad Kulturą Ludowa Ruszczy Sandomirskiej. Preszów. 1978. См. также: Lud słowiański. Т. 1. Z. 1—2. 1929.
24. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Ч. 2, с. 74—75; ХРИСТИАНИ Г. Г. Ук. соч., с. 264.
25. Atlas polskich strojów ludowych. Stroj góralej. Cz. 5, z. 18. Wrocław. 1949, s. 5.
26. ОССОВСКИЙ П. Ук. соч., с. 21; DAJCZAK W. Op. cit., s. 14; МАКАРЧУК С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. Львов. 1983, с. 39.
27. ЗУБРИЦКИЙ Д. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М. 1845, с. VII, 39; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Люблинская губерния. Т. 15. Ч. 4. СПб. 1851, с. 176; ЛОНГИНОВ А. Русский вопрос о Холмщине в историческом освещении. СПб. 1912, с. 14.
28. БЕЛОКОНСКИЙ И. П. Ук. соч., с. 67.
29. ЛЫСОГОРСКИЙ Г. Ук. соч., с. 64; КАЗАНСКИЙ П. Ук. соч., с. 6.
30. ЛОЗИНСКИЙ С. Национальный вопрос и политические партии в Австро-Венгрии. М. 1907, с. 15.

31. МИСКО М. В. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М. 1957, с. 33—34.
32. ПОГОДИН А. История польского народа в XIX в. М. 1915, с. 279; СИМОНЕНКО Г. Сравнительная статистика Царства Польского. Т. 1. Варшава. 1879, с. 446; ВУЛЬФСОН Е. С. Галиция до великой Европейской войны. М. 1915, с. 85.
33. Отчет временного военного генерал-губернатора. Приложение № 6, с. 8; БЕЛОКОНСКИЙ И. П. Ук. соч., с. 112, 27.
34. Положение Галицкой Руси в так званой «Новой Эре». Львов. 1892, с. 96.
35. WOJTCOWICZ J. Charakterystyka fonetyczna Gwar między Wicłą, Sanem, Wisłokem i Wisłoką. 1966, s. 15.
36. Военные преступления, с. 10.
37. Отчет временного военного генерал-губернатора, с. 2.
38. Военные преступления; ОСЕЧИНСКИЙ В. К. Галичина под гнетом Австро-Венгерской монархии в годы первой империалистической войны. Львов. 1949, с. 14.
39. Военные преступления, с. 3; МИСКО М. В. Ук. соч., с. 29; ОСЕЧИНСКИЙ В. К. Ук. соч., с. 14; ЯРОШЕНКО А. В. В. І. Ленін і революційний рух на західно-українських землях. Львів. 1969, с. 73.
40. Отчет временного военного генерал-губернатора, с. 2.
41. Военные преступления, с. 31, 143.
42. ОСЕЧИНСКИЙ В. К. Ук. соч., с. 17.
43. Отчет временного военного генерал-губернатора, с. 4, 66; там же. Приложение № 1, с. 27.
44. Там же, с. 9.
45. ОСЕЧИНСКИЙ В. К. Ук. соч.; Під прапором Жовтня. Львів. 1957, с. 171. Летом 1915 г. в результате австро-германского наступления русские войска оставили Галицию, что привело к ликвидации власти российской администрации на ее территории.
46. Paryska konferencja pokojowa 1919. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 roku. Т. 2 Warszawa. 1966, s. 244.

Духовные семинарии в России (до 1917 г.)

А. В. Сушко

История среднес-духовных учебных заведений (семинарий) России до сих пор специально не исследовалась. Исключение составляют несколько работ об участии семинаристов в революционном движении¹. Между тем духовные учебные заведения в том числе и семинарии оставили глубокий след в просвещении народа, не только в религиозном, но и в общеобразовательном, духовном, культурном и нравственном отношении. Духовное образование, прежде всего среднее, было относительно наиболее доступным для детей из малосостоятельных сословий России. В целом, образовательный уровень семинаристов по окончании ими 4-го класса семинарии соответствовал гимназическому курсу и семинарист (по уставу 1867 года) после поверочного испытания мог поступить на любой факультет университета.

Духовные учебные заведения православного исповедания в России ведут свое начало со времени издания Петром I Духовного регламента (1721 г.). Правда, и до этого существовали на Руси различного рода духовные школы при церквях и монастырях. Несмотря на то, что образование в них имело религиозно-богословский характер, они были и общеобразовательными и всесословными. Духовный регламент повелевал «всякому епископу иметь при доме своем школу для детей священнических и прочих в надежду священства определенных»². Составитель правил Духовного регламента, Феофан Прокопович, учредил при своем доме в Петербурге духовную «семинарию», которая должна была стать образцом учебных заведений подобного рода. В программу обучения вводились как богословские, так и общеобразовательные дисциплины.

В числе первых возникли провинциальные духовные семинарии в Ростове, Новгороде и Тобольске. В 1725 г. была преобразована в духовную семинарию «славянская или грамматическая школа» монастыря Александра Невского, а в 1738 г. к ней была присоединена духовная семинария Феофана Прокоповича. Преподавателями здесь были известные ученые — Селлий, Гавриил Кременецкий, Афанасий Скияда, Амвросий Зертыс-Каменский и др. С 1730 г. в этой семинарии был установлен восьмилетний срок обучения с элементарным общеобразовательным курсом и полным курсом богословских наук. В 1788 г. она была преобразована в «Главную семинарию», которая комплектовалась из лучших учащихся провинциальных семинарий. В 1732 г. была преобразована в семинарию архиерейская школа в Казани.

К концу XVIII в. современники стали понимать, что духовное образование нуждалось в решительном совершенствовании. Еще Екатерина II считала, что «архиерейские семинарии состоят в весьма малом числе учеников, в худом учрежде-

Сушко Алексей Васильевич — преподаватель С.-Петербургского института Московской государственной академии печати.

нии наук и в скудном содержании». Отсутствие единой программы обучения, малое число подготовленных учителей, преобладание схоластики в обучении, материальная необеспеченность и другие недостатки отмечались митрополитом московским Платоном и петербургским Гавриилом, представившими свои проекты преобразования духовных учебных заведений. С этой целью в 1807 г. был образован комитет, в состав которого вошли М. М. Сперанский и князь А. Н. Голицын.

В 1808 г. комитет представил «Доклад об усовершеннии духовных училищ», составленный Сперанским. Предполагалось «все духовно-учебные заведения разделить на четыре разряда: «1) духовные академии, для высшего духовного образования будущих духовнослужителей, а также учителей духовно-учебных заведений; 2) духовные семинарии, с средним курсом для приготовления священников, а также воспитанников для академий; 3) училища уездные, — для приготовления в семинарию и вообще для низшего образования; 4) училища приходские, для распространения однообразного обучения в самых селах».

Все епархии России предлагалось в «Докладе» разделить на четыре духовно-учебных округа, в каждом по духовной академии, которые через «внешнее академическое правление», управляли бы семинариями «не только в учебном, но и административном отношении». Семинарское «правление», в свою очередь, заведовало духовными училищами епархии. В каждой епархии полагалось по одной семинарии (всего 36) и по несколько духовных училищ (уездных — 10, приходских до 30). На содержание их назначено было 1669450 руб. из средств Синода³.

Проект был утвержден в 1809 году. Шестилетнее обучение в семинариях было разделено на три двухгодичных класса. Кроме богословских наук должны были преподаваться и общеобразовательные предметы, соответствовавшие гимназическому курсу. В программу обучения были включены логика, психология, естественная история, сельское хозяйство и медицина.

В первой половине XIX в. семинарии функционировали в основном по этим установлениям. К 1861 г. в четырех духовно-учебных округах (С.-Петербургском, Московском, Киевском и Казанском) уже было 50 семинарий православного исповедания, в которых обучалось 15060 человек, из них своекоштных — 8940. Преподавателей и наставников в этих семинариях было 696. Число обучающихся в них было различно: от 666 человек в Киевской, 527 в Орловской, 522 в Смоленской, 522 во Владимирской, до 137 в Рижской, 109 в Архангельской, 93 в Астраханской и 20 человек в Якутской семинариях.

Реформы 60-х—70-х годов XIX в. повлекли за собой и изменения политики правительства в области народного просвещения вообще и духовного образования в частности.

В 1867 г. был утвержден новый устав духовных семинарий. Духовно-учебные округа были упразднены, административная власть академий над семинариями и семинарий над духовными училищами ликвидирована. Семинарии из трехклассных двухгодичных были преобразованы в шестиклассные (по году в каждом классе). Если учебные программы семинарского курса до принятия устава 1867 г. изобиловали многопредметностью, то после его принятия они значительно были сокращены. Из учебной программы были исключены сельское хозяйство и медицина, но добавлена педагогика. В целом за первые четыре года обучения учащиеся проходили гимназический курс (с добавлением некоторых богословских предметов), а два последних года исключительно посвящались богословским наукам. В основу общего образования было положено изучение классических языков и математики. В 19-ти семинариях некоторые воспитанники обучались кроме русского и другим языкам: татарскому, монгольскому, калмыцкому, чувашскому, мордовскому, эстонскому, латышскому, карельскому, осетинскому, молдавскому и некоторым другим⁴.

С 1869 г. светские преподаватели семинарий стали считаться состоящими на гражданской службе. 24 октября 1876 г. было утверждено «Положение о правах и преимуществах лиц, служащих при духовно-учебных заведениях и лиц, получивших ученые богословские степени и звания». «Положение» — уравнило в правах и преимуществах служащих духовно-учебных заведений со служащими учебных заведений подведомственных Министерству народного просвещения. Так, преподавателям семинарий присваивался VIII класс по «Табели и рангах» с чинопроизводством по выслуге 4-х лет. Был определен размер пенсий и пособий, в также норма

почетных наград (орденов) (45 — на все духовно-учебные заведения), которых наставники ранее не получали. По уставу 1867 г. в духовных семинариях было введено выборное начало для всех должностных лиц, а также избрание преподавателей педагогическим собранием на основании трех пробных уроков. Однако это право в 1884 г. было отменено ⁵.

Преобразование семинарий произошло не сразу после утверждения устава 1867 г. и не всеми семинариями одновременно. Этот процесс проходил поэтапно, что диктовалось тем, чтобы в ходе реформы можно было внести те или иные коррективы.

Реформа духовных учебных заведений улучшила постановку обучения в них. Так, в результате ревизии семинарий Владимирской и Вологодской, проведенной Учебным комитетом Святейшего Синода, отмечалось удовлетворительное их состояние как в учебно-воспитательном, так и в административном отношении, «утверждается между учащимися в семинариях и внешняя благовоспитанность, чистота и опрятность». Учебные и жилые помещения «содержатся с соблюдением гигиенических условий; для воспитанников введены гимнастические упражнения под руководством сведущих в этом деле лиц. Значительно улучшено содержание учеников пищей, одеждой и проч.» ⁶. Ревизия отметила и недостатки, замеченные ею, в частности, «довольно продолжительное отсутствие надлежащего состава учителей» (особенно по математическим наукам).

Неукомплектованность математических кафедр семинарий преподавателями вынудила Синод принять меры, направленные на их комплектование из числа выпускников физико-математических факультетов университетов. С 1872 г. при университетах учреждаются стипендии духовного ведомства (всего 23 стипендиата). Средний размер одной стипендии составлял 250 руб. в год. Студенты-стипендиаты давали подписку в том, что они по окончании университета, за пользование стипендией, прослужат в духовно-учебных заведениях по назначению духовного начальства не менее шести лет. В случае получения на семестровых экзаменах неудовлетворительных отметок они обязывались отслужить за каждый год полученной стипендии полтора года в качестве учителей в низших духовных училищах. В 1879 г. Синод распорядился допускать преподавателями математики и физики в духовных семинариях, с правами действительной службы, всех окончивших высшие учебные заведения, в которых преподавался курс высшей математики ⁷.

Что касается оплаты преподавателей, то Синод определил: «кандидатам физико-математических факультетов, по отделению чистой математики, поступающим на преподавательские должности в семинариях, предоставить следующие преимущества: при первоначальном определении их на службу, минуя низший оклад, назначать им жалованье в 900 рублей за 12 уроков, с правом получения за каждый дополнительный урок по 60 рублей; преподавателям математики вышеуказанного ценза, прослужившим 5 лет в духовных семинариях, а также и тем, которые, по прослужении такого же числа лет в соответствующих учебных заведениях переходят на службу в духовные семинарии, назначать прибавку в 200 руб., т. е. давать за 12 уроков по 1100 руб. в год, оставляя вознаграждение за добавочные уроки на прежнем основании, т. е. по 60 руб. за каждый дополнительный урок» ⁸.

В 1884 г. был принят новый устав и штаты духовно-учебных заведений, по которому в управлении академиями и семинариями была усилена власть епархиальных архиереев и ректоров. В некоторых семинариях было возобновлено преподавание медицины и сельского хозяйства. Духовно-учебные заведения православного исповедания всех типов стали общесословными; в них принимались молодые люди православного вероисповедания всех сословий в возрасте 14—18 лет. Окончившие курс семинарии и поступавшие на светскую службу получали самый младший гражданский чин (XIV). Большую часть семинаристов составляли казеннокоштные, т. е. содержащиеся на полном казенном обеспечении. Все это делало семинарию привлекательной для детей малообеспеченных сословий: духовенства, крестьян, казаков, мещан и др.

В 1905 г. Учебный комитет при Синоде закончил работу по пересмотру программ и учебников для духовных семинарий. В связи с этим в 1906 г. Синод постановил ввести в духовных семинариях «ныне же», до пересмотра семинарского устава некоторых изменений по учебно-воспитательной и хозяйственной части. Правлениям семинарий было рекомендовано расширять ученические библиотеки,

причем, не ограничиваться книгами ранее разрешенными Учебным комитетом при Синоде, а учитывать и пожелания воспитанников в выборе книг. Разрешалось в семинариях устройство читален с выпиской в них журналов и газет. Учащиеся выпускного (VI) класса, получившие неудовлетворительные оценки могли быть допущены (но не ранее как спустя шесть месяцев) к экзамену по всем богословским предметам. И наконец, свидетельства и аттестаты должны беспрепятственно выдаваться на руки каждому воспитаннику, желающему их получить.

Тем же определением Синода разрешалось семинарскому начальству устраивать для учащихся в семинариях, в свободное время от занятий, литературные чтения и вокально-музыкальные концерты. Семинарскому начальству предоставлялось право, применительно к местным условиям, разрешать всем воспитанникам отпуска из общежития в послеобеденное время до начала вечерних занятий, назначать, по его усмотрению, дежурных учащихся для наблюдения за правильным расходом продуктов, ежедневно выдаваемых на ученическую кухню.

Своим определением от 31 августа — 5 сентября 1907 г. Синод предоставил воспитанникам духовных семинарий право поступления по окончании 4-го класса семинарии в светское высшее учебное заведение, которого их лишал устав 1884 года. Это было результатом многолетней борьбы семинаристов за свои права. Синод был вынужден констатировать, что «духовная школа имеет теперь две задачи — готовить юношество к поступлению в светские учебные заведения, для целей гражданской службы, и готовить также к служению Православной Церкви»⁹.

Таким образом, изменение учебного процесса и учебных программ были шагом вперед от устава 1884 г., так как они приблизили в значительной степени семинарское образование к гимназическому и расширяли права семинаристов в выборе дальнейшей их учебы и службы. Как писал позднее один из воспитанников Одесской духовной семинарии, кончивший ее в 1881 г., «Прямой своей задачи (в деле подготовки пастырей. — А. С.) семинария не выполняла, или выполняла только в слабой степени уже потому, что громадное большинство (так, по крайней мере, было в Одесской семинарии, да, кажется и в других), и притом все лучшее, весь цвет семинарии — все это уходило в университет, по окончании четырех классов»¹⁰. «Желание учеников духовных училищ поступить в семинарию, как прежде, так и ныне — вспоминал один из бывших выпускников Владимирской семинарии Н. И. Соловьев, — равносильно желанию гимназиста — поступить в университет».

подавляющее большинство семинаристов проживали в семинарских общежитиях или на частных квартирах вдали от родительского дома, они в известной степени лишены были материальной поддержки, внимания родителей и их воспитательной функции, а это не могло не сказаться на формировании их личности. Важнейшую роль в воспитании семинаристов в этих условиях играли преподаватели. Среди них было немало людей хорошо знавших свой предмет, умевших преподнести его своим воспитанникам, сдерживавших их от унижающих достоинство гражданина и человека поступков. Как правило, семинаристы уважали таких наставников и сохраняли о них добрую память. Свидетельства этому можно встретить в печати того времени. Например в рассказах Ю. Г. или Н. И. Соловьева, записавшего в своем дневнике: «Прощай, семинария! Добром всегда помяну тебя, потому что жилось, мыслилось и чувствовалось здесь привольно! Покладистое начальство, доброе товарищество, наши невинные проделки и забавы, наши молодые мечты и горячие, подчас очень шумные, споры в классах и спальнях, или в семинарском саду по вечерам, а то и в поздний час ночи, первый пыл юности и первые увлечения, — все было хорошо, обо всем буду вспоминать с удовольствием»¹¹.

Вместе с тем воспитание, которое получили семинаристы в детстве при родителях, было большей частью решающим в формировании их личности. Так, ректор Полтавской духовной семинарии в 80-х годах XIX в. И. Х. Пичета вспоминал: «инословные воспитанники в большинстве представляли из себя вполне благонадежный элемент, но попадались юноши и неустойчивые в религиозно-нравственном отношении. Дети крестьян и казаков из внутренних частей губернии отличались скромностью и трудолюбием и в грубых пороках почти не замечались, но дети мещан и из подгородных мест были с очень худыми навыками, особенно первые. Некоторые из них были язвой заведения и немало причиняли ему разных пакостей»¹².

«Бичом» для многих семинарий были такие вредные увлечения значительного

числа воспитанников, как табакокурение, картежные игры и пристрастие к спиртным напиткам. Вот как описал свое посещение одной из частных квартир семинаристов Н. И. Соловьев: «Я к вечеру возвратился в квартиру, где застал шум необычный. Густые облака дыма от скверного табака, куски и крошки хлеба, яичные скорлупы, недопитые и выпитые бутылки водки — на одном столе, а за другим полупьяные богословы и философы играли в карты — в стуколку, проигрывая те гривенники, которые с таким трудом добывали их родители. Были, впрочем, и не пившие и не игравшие»¹³.

В воскресные или праздничные дни семинаристы могли получить разрешение на увольнение в город или поселок, в котором находилась семинария. В некоторых семинариях южных губерний России разрешалось производить увольнения в послеобеденное время и до начала вечерних занятий. Это объяснялось прежде всего тем, что не все семинарии имели свои сады и скверы, где можно было нормально отдохнуть после занятий. Есть свидетельства, что семинаристы имели возможность уделять время (при желании) самообразованию, чтению художественной, социально-политической литературы. Так, большой популярностью среди них пользовались произведения таких авторов как Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, Н. Н. Златовратский, Ф. М. Решетников. Г. И. Успенский, Н. Г. Помяловский, С. Я. Надсон, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. М. Горький, А. Додэ, Э. Золя, Ч. Дарвин, В. Г. Белинский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов и др.¹⁴. В целом образовательный уровень «среднего» семинариста и «среднего» гимназиста был приблизительно одинаков; что же касается общего развития, то в этом отношении семинаристы не только не уступали гимназистам, но и превосходили их¹⁵.

О некоторых итогах работы семинарий в конце XIX — начале XX вв. говорят такие данные: за 10 лет (1898—1908 гг.) поступило в семинарии 39896 учащихся, окончило курс — 23013, поступило в духовные академии — 1661, в светские высшие учебные заведения 4701¹⁶.

В 1913—1914 гг. в России насчитывалось уже 57 семинарий — 56 с полным шестиклассным образованием и одна (Благовещенская) с пятиклассным. В них всего было 22734 воспитанника. Из них вновь поступило в 1913 г. — 5069, в том числе 4822 из духовных училищ. Среди обучавшихся подавляющее большинство 22355 (98,3%) составляли русские. (18839 чел. принадлежало к духовному сословию (84%) и 3516 чел. других сословий (16%)¹⁷.

В 1914 г. из 2190 воспитанников духовных семинарий, допущенных к испытаниям, окончило курс 2169, из них осталось в духовном ведомстве 1179 (54,3%), существенно пополнив сословие служителей церкви, (в том числе поступило для продолжения образования в духовные академии 218), выбыло из духовного ведомства 805 человек, в том числе, поступило в высшие светские учебные заведения — 576, на учительские должности в начальные школы — 90, на гражданскую службу — 139, не определили занятий 185 человек.

Преподавательские кадры 57 духовных семинарий состояли из: 57 ректоров, 56 инспекторов, 140 помощников инспекторов, 694 преподавателей обязательных предметов (кроме церковного пения и новых языков, которых было 96). Помимо того в семинариях числилось 48 надзирателей и 48 прочих должностных лиц (духовенства, экономов, диаконов и врачей). Всех лиц, состоящих на службе в семинариях на этот год было 1448¹⁸.

Проследить с достаточной точностью динамику изменений сословного состава семинаристов довольно сложно из-за отсутствия этих данных в отчетах обер-прокурора Синода. И только отчет за 1913/1914 учебный год содержит данные по этому вопросу. Они такие: из общего числа обучавшихся в семинариях было детей духовенства — 18 839 чел., потомственных и личных дворян и чиновников — 679, мещан и цеховых — 727, почетных граждан и купцов — 385, военных — 165, из крестьян — 1560. Интересный, хотя и единичный факт — сословный состав 79 учащихся Донской семинарии, уволенных за участие в «беспорядках» в декабре 1901 г.: детей священников, диаконов и псаломщиков — 40 чел., казаков — 10, крестьян — 4, солдат — 3, урядников — 9, фельдшеров — 2, почетных граждан — 3, учителей — 1, купцов — 1, мещан — 5, чиновников — 1¹⁹. Таким образом, дети духовенства прочно преобладали как и ранее среди учащихся.

Проблема материальной обеспеченности, бытовые условия, а в равной степени и правовое положение учащихся духовных учебных заведений вообще и семинарий

в частности занимала далеко не последнее место в их жизни. От материальной обеспеченности того или иного семинариста зависело в конечном счете его пребывание в семинарии. Разумеется эта проблема стояла остро перед учащимися — выходцами из малообеспеченных семей, а большая их часть таковыми и являлась.

Все семинаристы разделялись на казеннокоштных (содержавшихся на полном казенном обеспечении) и своекоштных. В 1861 г. из 15060 семинаристов на казенном обеспечении было 6120. На содержание каждого воспитанника выделялось по 37 руб. в год. С 1866 г. расходы на содержание казеннокоштных воспитанников были увеличены до 90 руб. в год. «На казенном содержании предполагалось иметь до 6 тыс. воспитанников, которые должны избираться без различия звания и происхождения, из обучающихся в семинариях сирот и детей бедных родителей, отличающихся успехами в науках и добрым поведением»²⁰. На деле число семинаристов на полном казенном содержании далеко не достигало установленной нормы. В 1913/1914 учебном году от общего числа (22734) семинаристов России на полном казенном обеспечении было 4265 чел., на половинном — 1575; на полном епархиальном содержании 509 и половинном — 534 человек. В общежитиях проживало 62% семинаристов, остальные у родителей и родственников или на частных квартирах²¹.

Как и чем кормили казеннокоштных? Однозначный ответ на этот вопрос дать трудно. Так, в Одесской семинарии в конце 80-х годов XIX в., судя по воспоминаниям одного из ее воспитанников «содержали нас, вообще говоря, прилично, хотя опять-таки кормили довольно скудно. Полагалось есть два раза в день: в 2 часа обед, в 8 часов ужин. Как там ни говори, хотя бы и для будущих пастырей, — мало!»²².

В донесении ректора Архангельской духовной семинарии протоиерея А. Орлова в Учебный комитет при Синоде в октябре 1900 г. сообщалось о питании семинаристов: «Стол воспитанников семинарии в течение недели с 15 по 21-ое октября 1900 г. определялся обычным расписанием: на каждый день воспитанники имели казенный чай (фирмы К. и С. Поповы) и сахар; к утреннему чаю по 3 дня получали булки (из булочной Софронова), а в остальные дни черный хлеб; к обеду имели один раз три кушанья, а в остальные по 2; к ужину каждый день 2 кушанья»²³.

Постановка питания семинаристов зависела не только от отпускаемых средств по этой статье расходов, а во многом от семинарской администрации: ее внимания к своим питомцам и наконец — ее порядочности. Как правило, при семинариях функционировали общества вспомоществования воспитанникам. В их состав входили епископы, архимандриты, ректоры семинарий (протоиереи и священники), которые по мере своих возможностей передавали обществам определенные суммы денег. Так в общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам Новгородской духовной семинарии в 1901 г. входило 155 различных должностных лиц. За год приход этого общества составил 2863 руб., а вместе с остатком от предыдущего года он равнялся 8648 рублям. Из этой суммы 67 воспитанников получили пособие на дорогу, 25 воспитанникам оказали денежную помощь, 65 воспитанникам было выдан чай и сахар, 28 семинаристам была приобретена и роздана одежда и обувь. Всего за год на нужды семинаристов общество расходовало 1703 рубля²⁴.

Конечно, далеко не во всех семинариях хорошо обстояли дела с питанием учащихся, их бытом. Среди обслуживающего персонала были случаи хищения продуктов, недовеса, и это нередко являлось поводом для волнений семинаристов. Но при всех недостатках, имевших место в обеспечении воспитанников питанием, жильем, в целом условия позволяли им жить и учиться.

Правовой статус семинаристов регламентировался уставом духовных семинарий 1867, а затем 1884 годов. Семинарии находились в ведомстве Синода и непосредственно ему подчинялись, хотя в некоторой степени зависели и от епархиального начальства. За нарушение внутреннего распорядка семинарской жизни устав предусматривал различные меры наказания: внушение, выговор, водворение на несколько дней в карцер, и, наконец, исключение из семинарии с правом обратного поступления в семинарию или без такового.

Установившийся в литературе облик семинариста нередко изображается с позиций «Очерков бурсы» Помяловского, в которых с большой обличительной силой были показаны жестокие нравы бурсацкой жизни²⁵. Но этот автор описывал жизнь учеников духовного училища конца 40-х начала 50-х годов XIX в., воспитанником которого он сам был. Судя по воспоминаниям семинаристов 60 — 80-х годов XIX в., между нравами, царившими в духовных училищах и семинариях была существенная

разница. Во-первых, разница в возрасте, училища оканчивали в возрасте 15—16 лет, семинарии — 21—22 года. Если в духовных училищах рукоприкладство воспитателей по отношению к воспитанникам было чуть ли не нормой училищной жизни, то в семинариях подобные случаи практически не наблюдались, тем более после принятия устава 1867 г., который существенно отличался от прежнего либеральностью определения всех сторон семинарской жизни. И воспитанники, прошедшие 6-летний курс обучения в духовных училищах, получившие там закалку, придя в семинарию, как свидетельствуют документы, вели себя с достоинством, умели постоять за себя и за своих товарищей. В семинариях имели место случаи, когда воспитанники оказывали физическое воздействие на особенно ненавистных им инспекторов, даже ректоров.

Наиболее способные и любознательные из семинаристов, как правило, не стремились к карьере священнослужителей, занимали активную гражданскую позицию, принимали участие в революционном движении. Так, в 1914 г. выбыло из духовного ведомства 37,1% от общего числа окончивших семинарии в этом году.

С развитием капиталистических отношений в России рос спрос на дипломированных специалистов средней и высшей квалификации. Главными «поставщиками» пополнений для высшей школы были гимназии и реальные училища. Но значительный процент поступающих в нее составляли выпускники духовных семинарий, особенно с начала XX века. Правительство не могло не считаться с предложениями представителей промышленности и торговли о расширении допуска семинаристов в университеты и другие высшие учебные заведения, что нашло отражение например в письме Совета Съездов представителей промышленности и торговли в Учебный комитет Синода от 3 марта 1910 года²⁶.

Выпускники семинарий, выходявшие из духовного ведомства, шли на службу в различные светские учреждения, другие учительствовали в начальных духовных или светских учебных заведениях, третьи — продолжали учебу в высших учебных заведениях, по окончании которых некоторые из них стали известными учеными, педагогами, писателями, государственными и общественными деятелями. Так, Н. Е. Введенский (1852—1922 гг.), воспитанник Вологодской духовной семинарии, выпускник С.-Петербургского университета, был крупным специалистом физиологом, основателем научной школы, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

В. П. Доброклонский — профессор Военно-медицинской академии был воспитанником Московской духовной семинарии. И. В. Забелин (бывший воспитанник Витебской духовной семинарии) по окончании, с золотой медалью, медико-хирургической академии, стал там же профессором фармакологии. И. А. Вышнеградский (1830—1895 гг.) — ученый и государственный деятель. Окончил курс Тверской духовной семинарии, затем педагогический институт. В 1875—1878 гг. директор С.-Петербургского Технологического института, академик С.-Петербургской АН, в 1887—1892 гг. министр финансов.

Н. Я. Аристов (1834—1882 гг.) — окончил Тамбовскую духовную семинарию и казанскую духовную академию, русский историк, профессор, специалист по истории Киевской Руси, народных движений XVI—XVII вв., раскола.

С. А. Харизоменов (1854—1917 гг.) статистик, экономист. В 1872 г. окончил Владимирскую духовную семинарию, а затем поступил в Московский университет. В 1875 г. бросил учебу в университете с целью «идти в народ», революционер — народник, член «Земли и воли», «Черного передела». С середины 80-х годов XIX в. — земский статистик.

Н. А. Добролюбов (1836—1861 гг.), окончил Нижегородскую духовную семинарию, педагогический институт С.-Петербурга, литературный критик, публицист. Н. Г. Чернышевский (1829—1889 гг.) — выпускник Саратовской духовной семинарии, писатель, литературный критик.

Этот перечень может быть продолжен. Он является свидетельством того реального вклада, который вносили российские духовные семинарии в пополнение рядов интеллигенции страны.

Примечания

1. ТИТЛИНОВ Б. В. Молодежь и революция. Л. 1924; УШАКОВ А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904. М. 1976.

2. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. II, СПб. 1893, с. 268.
3. Там же, с. 269.
4. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб. 1864. Приложения, с. 74—75, 79—80.
5. Новгородские епархиальные ведомости, 1902, № 22, с. 1233.
6. Календарь для духовенства на 1874 год. СПб. 1874, с. 62—64.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 802, оп. 16, д. 320, л. 25—30.
8. Церковный вестник, 1880, № 18, с. 113—114.
9. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода православного исповедания за 1905—1907 гг. СПб. 1909, с. 235—237, 245—247.
10. Ю. Г. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев. 1902, с. 18.
11. СОЛОВЬЕВ Н. И. Как нас учили. — «Русская старина», 1899, № 11, с. 376, 382, 396, 397; Ю. Г. Ук. соч., с. 36.
12. Прот. И. ПИЧЕТА. Факты и воспоминания. Харьков. 1912, с. 81.
13. СОЛОВЬЕВ Н. И. Ук. соч., с. 381; РГИА, ф. 802, оп. 16, д. 204, л. 3-3об.
14. РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 46, л. 85об.; д. 80, л. 75; д. 100, л. 2 об.-9.
15. См. Ю. Г. Ук. соч., с. 27—28.
16. РГИА, ф. 802, оп. 16, д. 257, л. 15—16.
17. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода православного исповедания за 1914 год. СПб. 1916, с. 218, 221.
18. Там же, с. 223; Приложения, с. 66—67.
19. РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 8, л. 29—66.
20. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода... за 1861 год. Приложения, с. 80; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1866 год. СПб. 1867, с. 57, 68.
21. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода... за 1914 год, с. 223, 221.
22. Ю. Г. Ук. соч., с. 17.
23. РГИА, ф. 802, оп. 10, д. 73, л. 8 об.-10 об.
24. Новгородские епархиальные ведомости за 1902 год, № 8, с. 458.
25. Бурса — в дореволюционной России общежитие при духовных училищах и семинариях.
26. РГИА, ф. 802, оп. 16, д. 256, л. 24.

Александр Невский: между Западом и Востоком

А. Н. Кирпичников

Князь Александр Невский (1220—1263) оставил яркий след в русской истории как незаурядный полководец, дипломат, государственный деятель. Однако далеко не все подробности его биографии, к сожалению, известны. Историки больше касались его военных свершений. Международная, геополитическая деятельность князя прояснена еще недостаточно.

Отец Александра, князь Ярослав Всеволодович, отстаивая свои и собственного правящего дома интересы, выделялся неукротимой энергией. В 1210—1234 гг. участвовал в походах на половцев, на Рязань, Чернигов, Емьскую землю, Колывань и Юрьев в Чудской земле, бился с Литвой. Семь лет он княжил в Переяславле-Русском, в 1213—1236 гг. владел Переяславлем-Залесским, четырежды ему предоставляли стол в Новгороде, а однажды — в Киеве. Карта передвижений Ярослава Всеволодовича охватывала север и юг страны. Особенно выделял он Новгород; с дружиной этого города он победил ливонских немцев, емь, Литву. В 1238 г. стал великим князем. В биографии князя были поражения, но он снова и снова начинал борьбу и добивался успеха. Смириться с монгольским погромом Руси не смог. Пребывание его на владимирском столе монголы сочли опасным, и в 1246 г. он на обратном пути из Монголии умер, по-видимому, отравленный медленно действующим ядом. Одна из летописей сообщает, что Ярослав Всеволодович «преставился во Орде нужною (насильственной. — А. К.) смертью»¹.

Всем своим воспитанием Александр Ярославич был призван идти по стопам отца: добиваться политического успеха, уметь сражаться на своей земле и наносить удары соседям. В 1228 г. вместе со старшим братом Федором он стал князем-наместником в Новгороде Великом.

Вторжение на Русь в 1237 г. татаро-монгольских полчищ круто изменило обстановку. Все более набравшее ход экономическое и культурное развитие страны было прервано. Захватчики вели невиданную для той поры войну, основанную на тотальном истреблении народа. В 1238 г. пал Владимир, столица Северо-Восточной Руси. В течение февраля 1238 г. монголы взяли на Северо-Востоке 14 городов, не считая слобод и погостов. 4 марта того же года за Волгой на р. Сити было разгромлено русское войско и погиб великий князь Юрий. Завоевание Владимиро-Сузальского княжества было завершено. Монгольская армия двинулась дальше, не тронув Новгорода и Пскова.

С трудом стали восстанавливаться разрушенные города. Но надежды на то, что захватчики ушли навсегда, не оправдались. Страну подстерегали новые беды. В те же годы военная угроза нависла над Северо-Западной Русью: шведские и немецкие феодалы, воспользовавшись разгромом большей части страны, открыли «второй фронт», чтобы завладеть землями Новгорода и Пскова. В очень сложных условиях, при явном недостатке военной силы провел Александр Ярославич свои первые успешные сражения с западными противниками.

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, зав. отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН.

За свою жизнь князь Александр, судя по письменным источникам, провел не меньше 12 битв, воевал со шведами, немцами, Литвой, и всегда добивался успеха. Большую часть военных предприятий Александр провел в то время, когда был полноправным новгородским князем (1236—1252 гг.). Начало княжения в Новгороде оказалось особенно трудным, и именно тогда, и почти внезапно, обозначился яркий талант князя как военачальника, мастера решающих сражений. Триумфальные победы 1240 г. в Невской битве и 1242 г. на льду Чудского озера остановили неприятельское нашествие; остались неизменными и границы Новгородской земли. В момент, когда почти три четверти Руси лежало в развалинах, эти битвы со шведами и ливонскими немцами были восприняты как общенациональные свершения народа, поднявшегося на борьбу за свободу и независимость. При Александре Ярославиче отшлифовались и выработались характерные черты «русского боя».

Различным был масштаб и ход военных операций. В 1240 г. небольшое войско новгородцев совершило стремительный поход и неожиданно напало на шведский лагерь на берегу Невы. Шведы, намеревавшиеся захватить приморскую часть Новгородской земли, были побеждены в первой же полевой битве. Два года спустя произошло крупнейшее сражение на льду Чудского озера, в котором были окружены, а затем и разгромлены войска ливонских рыцарей и их союзников. В 1256 г. состоялся поход в Емьскую землю, подпавшую под власть шведов. В Копорье митрополит Кирилл благословил отряды, выступавшие в дальний путь, но даже в Новгороде не знали, куда они направляются. Продолав тяжелый переход, русское войско внезапно появилось в Финляндии и заняло целый регион. В этих и других боевых делах Александр проявил себя как расчетливый и смелый предводитель, владевший искусством войны.

С годами все более грозную опасность для Руси приобретали действия ханов Золотой Орды. Ордынцы, как и во времена Батыева похода, располагали силами, по численности во много раз превосходившими местные русские ополчения. Они с успехом осаждали крепости и господствовали в полевом бою, отработав тактику стремительного наступления, окружения противника, заманивания его ложным бегством. Захватчики разоряли и грабили не только города, но и целые области. Они периодически намеренно уничтожали население, угоняли в плен заложников и мирных жителей. Характерно, что, проводя массовые репрессии, ордынцы не заключали никаких договоров с побежденными, не давая никаких гарантий, что новых нападений не будет.

По определению А. Н. Насонова, татарская политика на Руси «выражалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств»². Завоеватели ввели в практику раздачу ярлыков на княжение. В ставку татаро-монгольских ханов потянулись владельцы русских земель для получения унижительной санкции на власть. Неудобные князья уничтожались, подобно тому, как в 1246 г. погиб великий князь Ярослав Всеволодович. Эта расправа была зловецким предзнаменованием для его сына Александра.

Историки иногда ставят Александру Невскому в вину его «протатарское» поведение в 1257—1259 годах. Однако в сложившейся тогда обстановке был единственный выбор: или вынужденное согласие на дань, или военный разгром Северной Руси, на этот раз — включая Новгород и Псков. Пришлось выбирать наименьшее зло. Дать отпор беспощадному врагу военными средствами Русь не могла. Разрозненные очаги сопротивления на севере и юго-западе страны не изменяли обстановки. Брат Александра Андрей в соперничестве за великокняжеский владимирский стол навлек поход ордынского царевича Неврюя. Восстановленные было города Владимир и Переяславль-Залесский подверглись новому погрому.

Смерть отца, действия брата, всесилие Орды вынудили Александра приспособиться к трудным обстоятельствам. Чтобы уцелеть и избежать карательных мер, он пять раз ездил на поклон к монгольским ханам в Сарай и Каракорум. Ему пожаловали ярлыки сначала на великое княжение в Киеве и Русской земле (имеются в виду южные районы с городами Киевом, Переяславлем Русским и Черниговом), а затем в во Владимиро-Суздальской, Новгородско-Псковской и Полоцко-Витебской землях. Своей столицей Александр избрал Владимир, несмотря на то, что этот город был более уязвим для набегов ордынцев, чем, например, Новгород и Псков. Северо-Восточная Русь еще в XII в. стала выдвигаться в качестве объединяющего общерусского ядра. «На владимирских князей в первые годы ига продолжали смотреть как на защитников не только земель Ростово-Суздальской, Новгородской и Смоленской, но и земель киевского юга»³. Правда, к середине XIII в. Владимиро-Суздальское княжество было основательно разорено и обескровлено, чем и воспользовались ордынцы, но уже не в военных целях.

В 1257 г. Александр Ярославич узнал о поголовной податной переписи населения Руси. Он не смог приостановить исчисление новгородцев, более того, в 1258 г. усмирил волнения горожан, поднявшихся против ожидаемых поборов. С 1259 г. устанавливается регулярный сбор дани баскаками. Признание такой повинности далось, конечно, нелегко, но приходилось смириться перед военной угрозой. Печальный урок Неврюевой рати был еще свеж в памяти. Во Владимире и Новгороде также знали, что поначалу успешно боровшийся с ордынцами Даниил Галицкий в конце концов им подчинился и выполнил требование снести укрепления своих городов. Ценой признания дани Александр Ярославич спас от неминуемого разгрома Новгородскую землю, ослабил давление на Северо-Восточную Русь. Баскаки, следившие за выплатой поборов, расположились в крупных городах, но в Новгороде и Пскове обошлось без них. Такую уступку ордынцев русским, скорее всего, можно поставить в заслугу великому князю.

Будучи правителем Северной Руси, Александр напряженно искал выхода из создавшегося положения. Организовать оборонительную войну одновременно на «два фронта» против Запада и Золотой Орды не было сил. Александр Невский в этих условиях проявил мудрость воина на троне и стратега. В 1254 г. он заключил мирный договор с Норвегией, а в 1253 г., после набега немцев на Псков, с ними был заключен мир, подтверждавший соглашение 1242 года. Далее, в 1262 г. был подписан договор с Литвой и договор о мире и торговле с Ливонским Орденом, Любеком и Готландом. Едва ли не впервые в средневековой Европе Александр Ярославич выдвинул идею нерушимости границ — «жити не преступающе в чужую часть»⁴.

Смысл этой формулы своеобразно раскрыт в Молении Даниила Заточника, которое, как полагают, было посвящено Ярославу Всеволодовичу и, естественно, было известно его сыну. В Молении рисуется образ идеального, мудрого, доброго, справедливого и в то же время храброго и грозного множеством воинов князя, защитника своей земли. При этом автор Моления восклицал: «Не дай же, Господи, в полон земли нашей языком, не знающим Бога»⁵.

Сколь гибкую внутреннюю и внешнюю политику ни проводил Александр Ярославич, но в вопросах веры и относительно предложений папской курии об антиордынском союзе он выступал с твердых позиций. В 1248 г. папа Иннокентий IV призвал князя «дабы ты мать римскую церковь признал и папе повиновался, чтобы вкусить тебе от неувыдаемых плодов вечного блаженства». Направленная по этому поводу Александру грамота содержала просьбу известить братьев Тевтонского Ордена в Ливонии, если татарское войско двинется на христиан, чтобы в таком случае «мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татаром мужественно сопротивление оказать»⁶. Князь отверг папское послание — «от вас учения не приимаем»⁷. В этом поступке сказалась не только верность «вере отцов», но и понимание сущности обещаний папы оказать некую неопределенную помощь в борьбе в Ордой. Бесплезность и даже опасность союза с католическим миром подтвердили события в Галицко-Волынской Руси. Папский престол, на словах поддержавший князя Даниила Романовича Галицкого, в момент появления в его земле большого татарского войска Бурундая никакой помощи князю не оказал.

Александр заручился поддержкой не римской, а православной церкви, чем укрепил свой авторитет. В 1250 г. он пригласил митрополита Кирилла из Киева во Владимир. Митрополит стал его верным помощником и наставником.

Полагают, что во второй половине жизни Александр Ярославич сделал восточный выбор, чтобы заручиться поддержкой Орды и предотвратить наезды монгольской конницы. Думается, такой подход слишком односторонний. Политика великого князя на самом деле была евроазиатской и заключалась в балансировании между силами Запада и Востока. На Западе приходилось выступать с оружием в руках и — в благоприятный момент — с предложениями «мягкого мира» и союза, не поступаясь, однако, вопросами веры; на Востоке — действовать методами переговоров, просьб, платежами дани и, нередко, проявлять смирение.

В 1262 г. на Северо-Востоке произошло событие, которое нарушило сложившийся баланс во взаимоотношениях Руси с Ордой. Это событие совершенно не соответствует представлениям об Александре Невском как безоговорочно покорном ордынском «мирнике». В тот год горожане северо-восточных городов выступили против ордынцев — откупщиков дани. Последние были присланы императором Монгольской империи Хубилаем, а не золотоордынским Берке-ханом. Против поборов поднялись горожане, и «избави Бог от лютого томленья бесурменьского люди Ростовския земли: вложи ярость в сердце крестьяном, не терпяща насилия поганых, изволиша вещь, и выгнаша из городов, из Ростова, ис Суждаля, из Ярославля, окупахуть бо ти окаяньнии бесурмене дани, и от того велику пагубу людем творяхуть... и многы души крестьяньския роздно ведоша... егда же люди на врагы своя двигаша на бесурмены, изгнаша, иных избиша»⁸. Одна из северных летописей перечисляет тех, против

кого было направлено восстание; ими оказались татарские чиновники: «мурзы, поборщики, баскаки и яшашники»⁹.

Обращает на себя внимание неслучайная согласованность одновременного выступления горожан. Кто же был его инициатором? Текст Устюжского летописного свода содержит прямое указание на некую грамоту, призвавшую жителей к восстанию: «И приде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что татар бити»¹⁰. Сохранившиеся в названном своде известия, особенно местного происхождения, содержат, по оценке К. Н. Сербиной «ценные, нигде больше не читавшиеся сведения»¹¹. Достоверность упоминания о грамоте подтверждается рядом конкретных деталей сопутствующего рассказа: назван яшашник Буга, отмечено вече горожан. Приведенное летописное известие раскрывает важное обстоятельство: руководителем антитатарского движения в Устюге и, очевидно, в других городах Северо-Восточной Руси был сам великий князь. Он рассчитал (как установил Насонов), что невыполненный в 1262 г. приказ Монгольской империи о сборе дани в некоторых городах не вызовет карательных акций со стороны Золотой Орды, укреплявшей в то время свою независимость от метрополии¹². Таким образом, момент выступления против грабительской политики монголов был выбран точно. То было фактически первым успешным выступлением против чужеземного ига.

В том же 1262 г. Александр Ярославич по вызову хана Берке в последний раз поехал в Орду. Ему удалось «отмолить» посылку русских войск для участия в походе на Иран. В Сарае великого князя задержали, «и зимова в татарех и разболеся»¹³. На обратном пути он умер. Смерть Александра Ярославича, чем-то напоминавшая гибель его отца, не была ли мстью за организацию антимонгольского выступления?

Вызов, брошенный великим князем главному врагу Руси, в Орде не забыли, что, возможно, и стоило ему жизни. Касаясь первого путешествия князя Александра в Сарай в 1249 г. (а также Каракорум), летописец приписал хану Бату такие слова: «Мне покорил Бог вси языки, ты ли един не хочещи мне покоритися, ни силе моей», а своим вельможам прибавил: «Въистину ми поведала, яко несть подобна сему князю»¹⁴. В этих словах выразилась верная оценка «грозного» Александра Ярославича.

Оценивая деятельность Александра Невского, полную борьбы, смелости, риска и компромиссов, следует признать, что вряд ли другой человек на его месте в той катастрофической обстановке мог бы сделать большее. В этом отношении Руси повезло с одним из ее правителей, действовавшим в период, когда под вопрос было поставлено само выживание народа. Летописец имел право представить великого князя на фоне персонажей мировой истории. «Глас его акы труба в народе, и лице его акы лице Есифа, иже поставил его Егупетский цесарь втораго цесаря в Егупте; сила бе его часть от силы Самсоня; дал бе ему Бог премудрость Соломоню, и храбрство же акы цесаря Римьскаго Еуспасьяна, иже бе пленил всю Подъиюдейскую землю... Також и сий князь Олександр бе побежая, а не победим»¹⁵. Александр Ярославич не смог уберечь Северную Русь от ордынской зависимости, но своими действиями наметил трудные пути грядущего освобождения страны и превращения ее в могущественное государство.

Примечания

1. Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950, с. 4---7.
2. НАСОНОВ А. Н. Монголы и Русь. М.-Л. 1940, с. 5.
3. Там же, с. 48.
4. БЕГУНОВ Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.-Л. 1965, с. 163.
5. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. М. 1947, с. 145.
6. ПАШУТО В. Т. Александр Невский. М. 1976, с. 97.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, с. 306.
8. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1872, с. 452—453.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л. 1982, с. 129 (Летопись Льва Вологодина).
10. Устюжский летописный свод, с. 48.
11. Там же, с. 5.
12. НАСОНОВ А. Н. Ук. соч., с. 51—52.
13. Новгородская первая летопись, с. 312.
14. Там же, с. 303—304.
15. Летопись по Лаврентьевскому списку, с. 454.

«Первая леди» третьего рейха

Е. А. Паламарчук

В ночь с 28 на 29 мая 1935 г. Ильза Браун постучала в комнату сестры, чтобы вернуть позаимствованное у нее накануне вечернее платье. Не получив ответа, она вошла. Ева лежала на кровати без сознания, ее рука сжимала страницы, вырванные из личного дневника. Последняя запись объясняла причину происшедшего.

«Я послала ему решительное письмо. Интересно,.. обратил ли он на него внимание. Ладно, посмотрим. Если я не получу ответа к десяти часам вечера, то проглочу двадцать пять таблеток и тихо усну. Неужели это и есть та страстная любовь, в которой он мне столь часто клялся. Я не получила от него ни единого доброго слова в течение трех месяцев. Конечно, его голова забита политическими проблемами, но неужели не бывает передышки?.. Я боюсь, за этим скрывается что-то еще... Возможно, другая женщина... Боже мой, я боюсь он не ответит сегодня. Если бы только кто-нибудь помог мне, все так ужасно и безнадежно. Возможно, мое письмо попало к нему в неподходящий момент. Может быть, мне вообще не следовало писать. Что бы ни произошло, неопределенность более невыносима, чем внезапный конец. Господи, помоги мне, позволь поговорить с ним сегодня, завтра будет слишком поздно. Я решила на тридцать пять таблеток, на этот раз я хочу умереть наверняка. Если бы только он позвонил мне!»¹.

Связавшись по телефону с доктором Марксом, у которого работала ассистентом, Ильза, в ожидании его приезда, оказала сестре первую медицинскую помощь. Родителям и Гитлеру, о котором шла речь в дневнике, Ильза сказала, что сестра переутомила, и ей придется несколько дней провести в постели. Опасаясь непредсказуемой реакции фюрера, она также попыталась скрыть от него участие врача-еврея в возвращении Евы к жизни. Гитлер не стал опровергать версию Ильзы, хотя агенты Гимmlера предоставили ему полный отчет о драматических событиях, разыгравшихся в доме Браунов.

Это была уже вторая попытка самоубийства, предпринятая Евой. Когда в 1929 г. милонидная девушка, устроившаяся на работу в качестве ассистента к преуспевающему мюнхенскому фотографу Генриху Гофману, познакомилась в его студии с фюрером нацистской партии, ничто не предвещало последовавшего романа. Еве, не интересовавшейся политикой, имя Гитлера ничего не говорило. Первое впечатление, которым она поделилась с Ильзой, было не в пользу будущего любовника: «Джентльмен определенного возраста со смешными усами, носящий большую фетровую шляпу»². В свои сорок лет Гитлер показался семнадцатилетней Еве стариком.

В тот же вечер, сидя за обеденным столом, она поинтересовалась у отца, кто такой Адольф Гитлер. Последовала бурная реакция. «Гитлер? Да я никогда не пойду с ним по одной стороне улицы!»³. Фриц Браун считал лидера Национал-социалистической германской рабочей

Паламарчук Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент Ростовского-на-Дону педагогического университета.

партии (НСДАП) фанатиком и отвергал его политическую программу. Для недовольства нацистами у него были и личные причины. Ему полагалось повышение по службе в технической школе, где он преподавал, но когда начальство выяснило, что Браун не состоит в НСДАП, вопрос о продвижении был снят.

Ева сразу же перевела разговор на другую тему, но Гитлером заинтересовалась. На следующий день, придя на работу, она первым делом принялась за изучение многочисленных фотографий фюрера. Одни из них запечатлели восторженных поклонниц, пытающихся прорваться к нему сквозь ряды охраны или бросающих цветы на пути его мерседес-бенца, на других Гитлер был сфотографирован в театре или опере в окружении очаровательных актрис и одетых по последней моде матрон, весь вид которых говорил о принадлежности к сливкам общества.

Все это заставило Еву резко изменить свое мнение о «комичном старике». Теперь Гитлер был в ее глазах человеком известным и влиятельным, и ей захотелось закрепить свое знакомство с ним. За первой встречей последовали другие. Ева неожиданно обрела союзника в лице своего шефа, рассчитывавшего с ее помощью еще больше расположить к себе влиятельного политика. Тогда ни он, ни его протеже еще не знали о далеко не родственных отношениях, сложившихся между Гитлером и его племянницей Гели Раубаль, жившей у своего дяди. Однако в сентябре 1931 г. Гели погибла при загадочных обстоятельствах.

Вскоре после этого Ева, несмотря на протесты отца, переселилась в мюнхенскую квартиру будущего канцлера. Но, заняв место соперницы, она не обрела ее статуса. Если с первой Гитлер показывался на публике, то о существовании второй знал лишь очень узкий круг лиц.

После впечатляющего успеха на выборах в рейхстаг в июле 1932 г., когда НСДАП получила 13,7 млн. голосов и 230 депутатских мест, Гитлер почти все время уделял политике, много разъезжал по стране.

Ева чувствовала себя покинутой, по целым дням не находила себе места. Наконец, в ночь на первое ноября, когда ее депрессия достигла пика, она, будучи одна дома, выстрелила в себя из отцовского браунинга. Пуля застряла в шее рядом с сонной артерией. Оставшись в сознании, Ева дотянулась до телефона и позвонила зятю Гофмана доктору Плейту, который сразу же приехал и отвез ее в частную клинику, где пуля была извлечена. Гитлер, узнав о происшедшем от Гофмана, поспешил в больницу, где окружил Еву вниманием. «Она сделала это из любви ко мне, — заявил он фотографу, — я должен присмотреть за девочкой»⁴. Родителям Ева сообщила о происшествии как несчастном случае.

Трудно однозначно ответить на вопрос, действительно ли Ева собиралась свести счеты с жизнью, или же это была «шоковая терапия», при помощи которой она стремилась реанимировать интерес Гитлера к себе. Если последнее предположение верно, то ее расчет оправдался. Гитлер, пребывавший в меланхолическом настроении по поводу неудачи на ноябрьских выборах, был тронут трагическим жестом любви и преподнес ей жемчужное кольцо, скрывшее оставшийся на шее рубец.

После второй попытки самоубийства для Евы и согласившейся жить с ней сестры Гретл была приобретена шикарная вила в фешенебельном районе Мюнхена неподалеку от апартаментов Гитлера на Принцрегентенштрассе. В ее распоряжение был предоставлен мерседес-бенц с личным шофером. Не меньшую радость доставили Еве и два шотландских терьера, Штази и Негус, которых Гитлер подарил ей после многократных просьб. Более того, в своем первом завещании, оформленном 2 мая 1938 г., он поставил ее в списке наследников на первое место.

Впрочем, жизнь ее не стала безоблачной. Еву постоянно грызла ревность, которую фрау Шауб, супруга гитлеровского адъютанта, считала основной чертой ее характера. Окружавший фюрера, а позднее канцлера, ореол популярности и власти кружил головы многим женщинам. Среди них представительницы светской элиты: Ольга Чехова, Винифред Вагнер, невестка любимого композитора Гитлера, знаменитая киноактриса Рената Мюллер, английская аристократка Юнити Митфорд, так и женщины, стоявшие ниже него на социальной лестнице, такие как Гели и Ева.

И для тех, и для других страсть к фюреру нередко оборачивалась личной трагедией, как будто он порождал вокруг себя мертвое поле. Рената Мюллер, рассчитывавшая на роман с канцлером, покончила с собой, выбросившись из окна своей квартиры.

Одно время в круг близких Гитлеру людей входила Лени Рифеншталь, талантливый кинорежиссер. По личному заказу фюрера ею был снят фильм «Триумф воли», посвященный проходившему в Нюрнберге в 1934 г. съезду нацистской партии и ставший гимном национал-социализму. Она же руководила съемками проводившихся в Германии в 1936 г. Олимпийских игр, за что получила прозвище «жрицы нацистской Олимпиады». Поползли слухи, что

красавицу Рифеншталь и канцлера связывают не только деловые отношения. Тогда же друг Гитлера Эрнст Ханфштенгель поведал популярному немецкому кинорежиссеру Луису Тренкеру о случае, когда Лени танцевала для него и Гитлера в обнаженном виде.

Ева, не посвященная в детали, но сильно ревновавшая, искала возможность скомпрометировать очередную «соперницу». Ей удалось провести о длительной интимной связи Лени со знаменитым немецким пилотом Эрнстом Удетом и подбросить информацию об этом в ведомство Гимmlера. Гитлер, болезненно относившийся к возможности стать посмешищем в глазах окружающих⁵, впал в ярость, стоившую Рифеншталь расположения фюрера, а Удету жизни. Летчика, сбившего в первую мировую войну 62 самолета противника и снискавшего славу воздушного бретера, а в послевоенный период приобретшего международную известность фигурами высшего пилотажа, не спасли былые заслуги. Подвергаясь постоянной травле, он 17 ноября 1941 г. застрелился.

В своем дневнике в записи, датированной 10 мая 1935 г., Ева пишет: «Фрау Гофман сообщила мне со свойственными ей добротой и бестактностью, что он (Гитлер. — Е. П.) нашел мне замену. Ее зовут Валькирия и выглядит она как валькирия, включая ее ноги. Но это тот размер женщин, который ему нравится»⁶. Страстная почитательница Гитлера Юнити Валькирия Митфорд прибыла в Германию, чтобы быть поближе к предмету своего обожания. Ханфштенгель даже считал, что, будучи сестрой жены Освальда Мосли, лидера британских фашистов, она мечтала о браке с фюрером⁷. Однако «полет Валькирии» продолжался недолго. 3 сентября 1939 г., узнав о том, что Англия объявила войну Германии, Юнити попыталась покончить с собой в Английском парке в Мюнхене, дважды выстрелив себе в голову. Оставшись в живых, она обратилась в клинику на Нуссбаумштрассе. Здесь она повторила попытку самоубийства. Когда навестившие ее нацистские друзья принесли ей миниатюрный портрет Гитлера в рамке с его автографом, она тут же проглотила его. Профессор Магнус, спасший ее накануне, был вынужден вновь стать за операционный стол. Ева, узнав о случившемся, прислала в клинику цветы.

После того, как Гитлер стал канцлером, Ева все чаще «остаётся ночевать у подружки», не раскрывая родителям ее инкогнито. В конце концов Брауны узнали правду, но дочь игнорировала обрушившиеся на нее нотации. Переживая из-за двусмысленности ее положения, Фриц Браун решил 8 сентября 1935 г. написать канцлеру письмо с просьбой вернуть Еву семье. В качестве почтальона он избрал Гофмана, но осторожный фотограф вручил письмо Еве, которая, прочтя послание отца, тут же порвала его. В 1936 г. она переехала в Бергхоф — новую резиденцию фюрера в Оберзальцберге. Материально Ева ни в чем не нуждалась. В то же время она по-прежнему оставалась в тени, что иногда задевало ее самолюбие.

Когда Гитлер после оккупации Австрии германскими войсками посетил Вену, Ева, стремясь хотя бы косвенно разделить его триумф, не спросив у него разрешения, отправилась за ним, сопровождаемая лишь матерью и шофером Юнге. Прибыв в столицу Австрии практически без вещей и денег, она позвонила в отель «Империял», в котором остановился Гитлер. Адъютант немедленно соединил ее с шефом. Узнав, что единственной охраной Евы в этом путешествии был Юнге, Гитлер набросился на нее с упреками, но получил отпор: «Не надо меня так ругать. Это вовсе не было опасно. Мама со мной».

То, что мало кто в Германии знал о существовании Евы, нередко приводило к курьезам. Стенограф из рейхстага Людвиг Крюгер, вызванный в Бергхоф, чтобы снять копии с ряда официальных документов, направляясь на встречу с Гитлером, увидел двух девушек, выгуливающих собак. Не получив ответа на традиционное: «Хайль, Гитлер!», он был взбешен отсутствием уважения к своей форме, и лишь спешка помешала ему отчитать их. Позднее он узнал от других обитателей гитлеровской резиденции, что встретившимися ему дамами были фаворитка фюрера Ева и ее сестра Гретл. Борман же специально предупредил его, что рассказывать о виденном в Бергхофе строго запрещено.

Или другой случай. Ева очень любила одеваться, и канцлер позаботился о том, чтобы она не испытывала недостатка в деньгах для пополнения своего гардероба. Однажды они с сестрой отправились в шикарный берлинский магазин кожаных изделий. Подозвав клерка, Ева указала на приглянувшуюся ей на витрине сумочку, но тот отрицательно покачал головой, заявив, что эта вещь ей не по карману. Взбешенная Ева потребовала позвать управляющего. Когда он вышел к ней, она заявила: «Я хочу купить все, что выставлено на витрине. Товары должны быть доставлены в рейхсканцелярию сегодня же после полудня, а счет вручен личному секретарю фюрера». Остолбеневшие служащие молча наблюдали за тем, как девушки вышли из магазина и сели в мерседес-бенц с шофером эссовцем за рулем. В тот же день управляющий прислал вместе с покупками большой букет цветов.

В Бергхофе большую часть своего времени Ева проводила в развлечениях и занятиях

спортом. Особенно ей нравилось смотреть кинофильмы с участием Кларка Гейбла. «Шеф обещал мне, что когда он выиграет войну, я смогу отправиться в Голливуд и сыграть саму себя в фильме, посвященном истории нашей жизни»⁸, — поделилась как-то Ева с одной из своих подруг.

Альберт Шпеер, личный архитектор фюрера, ставший после гибели доктора Тодта министром вооружений и боеприпасов, вспоминал в написанных после войны мемуарах, что Гитлер нередко позволял себе в присутствии Евы рассуждения о женщинах, свидетельствовавшие о его полном неуважении к ней и безразличии к ее чувствам. «У высоко интеллектуального мужчины должна быть примитивная и глупая женщина. Вообразите только, если бы... у меня была жена, которая вмещивалась бы в мою работу! В свое свободное время я хочу наслаждаться покоем»⁹. Возможно, в этом также проявлялись садистские наклонности Гитлера, получавшего удовлетворение от душевных страданий Евы.

Интересно замечание о Гитлере последнего кайзера Германии: «Это человек одинокий, без семьи, без детей, без Бога. С чего же ему быть человеческим?»¹⁰.

Весной 1939 г. Ева рассказала Шпееру, с которым у нее установились теплые отношения, что Гитлер предложил ей покинуть его и найти себе другого мужчину, так как он больше не в состоянии быть для нее всем тем, чем ей хотелось бы¹¹.

В то же время Гитлер позаботился о том, чтобы обитатели Бергхофа относились к Еве с уважением. По личному указанию фюрера ей должны были отдавать салют, предназначенный для высших должностных лиц. Беспокоясь о ее безопасности, он запретил Еве самостоятельно ездить по окрестностям в подаренном ей Фердинандом Порше фольксвагене. Специально приставленные телохранители должны были повсюду сопровождать ее. Когда мать Гели Ангела Раубаль, которая в течение нескольких лет вела хозяйство Гитлера, позволила себе публично оскорбить Еву, ее опала последовала незамедлительно. Канцлер не простил сестре вмешательства в свои личные дела. Высокомерие по отношению к Еве не прошло даром и для Магды Геббельс, пользовавшейся особым расположением фюрера, считавшего ее образцом арийки. Увидев Еву на съезде в роскошном меховом пальто, Магда не удержалась от колких замечаний в ее адрес. После этого, по распоряжению Гитлера, ей на несколько месяцев был закрыт доступ в рейхсканцелярию.

Одним из опаснейших врагов Евы стал Мартин Борман, видевший в ней препятствие на пути установления собственного монопольного влияния на фюрера. Поначалу, зная страсть Евы к модным туалетам, он предпринял попытку подчинить ее себе, ограничив в средствах. Рейхсляйтер договорился с Шаубом, чтобы, когда Еве понадобятся деньги, тот отсылал ее к Борману. Ева, однако, искусно обошла расставленную ловушку. Продолжая посещать лучшие столичные магазины, она отсылала счета за покупки в имперскую канцелярию на имя Бормана. Не замедлила она и с ответным ударом. Однажды, беседуя с канцлером, Ева улучила момент, когда ее мог слышать Борман, и с невинным видом сказала: «Я слышала, Борман полностью обновил гардероб своей любовницы (о существовании последней знала и даже приветствовала эту связь жена рейхсляйтера)¹². Где он берет деньги?»

Вопрос попал на благодатную почву. Гитлер был раздражен прочитанным незадолго до этого письмом Бормана к жене, в котором тот подробно рассказывал ей о том, чем они занимались с любовницей в постели. Он приказал Борману передать ему на ревизию финансовые отчеты рейхсканцелярии, чтобы лично проверить, не путает ли рейхсляйтер собственные интересы с государственными. Борман был вынужден представить все счета за покупки, сделанные якобы Евой и получил приказ Гитлера оплачивать их и впредь. После этого Борман, вступив в сговор с личным врачом Гитлера Теодором Мореллем, попытался разлучить Еву с фюрером, сыграв на маниакальной боязни последнего перед инфекцией. Однажды, когда Морелль осматривал канцлера в связи с одной из предполагаемых болячек, Борман подсказал Гитлеру идею провести полное медицинское обследование Евы. Тот согласился. Во время процедуры врач попытался сделать пациентке какую-то инъекцию. Лишь вмешательство медсестры Ады Хохер и офицера СС Клауса Кара, заподозривших неладное, помешало ему осуществить свое намерение.

Сама Ева позднее была убеждена, что Морелль собирался ввести ей тифозную бациллу. На эту мысль ее натолкнуло происшествие с Гофманом, в крови которого, с подачи того же Бормана, врач «обнаружил» разновидность тифозной бациллы, вызывающей самую опасную форму болезни. Гитлер, который так боялся микробов, что даже избегал рукопожатий, запретил Гофману искать встречи с ним. Лишь спустя полгода фотограф вернул себе его расположение.

В последние дни третьего рейха Ева отказалась покинуть Гитлера. 29 апреля 1945 г., вскоре после часа пополудни, муниципальный советник Вальтер Вагнер, сражавшийся непода-

леку в отряде фольксштурма, был неожиданно доставлен в одну из комнат бункера. Здесь ему предстояло зарегистрировать брак Адольфа Гитлера и Евы Браун. (В свое время он же оформлял союз четы Геббельсов). Бракосочетание проходило в нервной обстановке, под аккомпанемент канонады. Напряжение сказывалось на участниках церемонии. Взволнованный Вагнер замешкался, и невеста попросила его поторопиться. Ева, мечтавшая об этом событии не один год, была так возбуждена, что начала подписывать свидетельство о браке своей девичьей фамилией, затем зачеркнула Браун и твердой рукой вывела: Гитлер. Вагнер, задавший ей вопрос, вступает ли она по доброй воле в брак с «моим фюрером Адольфом Гитлером», сделал ошибку в собственном имени, написав Ваагнер вместо Вагнер. В качестве свидетелей свои подписи поставили: Геббельс со стороны жениха и, по иронии судьбы, Борман — со стороны невесты.

До этого Гитлер неоднократно заявлял, что никогда не женится, так как своей невестой считает Германию. Как-то в беседе со своей невесткой Бриджит, задавшей ему вопрос о причинах его безбрачия, Гитлер полушутя-полусерьезно ответил, что это вопрос статистики. «В Германии приблизительно 20 миллионов женщин и столько же девушек, которые, в большей или меньшей степени, интересуются мной. Если я женюсь на одной из них сегодня, я потеряю интерес к себе 39999999 других завтра»¹³.

Теперь в последней воле и завещании, продиктованных сразу же после церемонии бракосочетания, он заявил, что изменил свою точку зрения на брак. Когда утром Ева появилась в коридоре бункера, присутствовавшие испытали чувство неловкости, не зная, как обращаться к ней. Улыбнувшись, она сказала: «Если хотите, можете называть меня фрау Гитлер».

Прочтя за завтраком сообщение о гибели Бенито Муссолини и его любовницы Клары Петаччи и о глумлении над их трупами, Гитлер взглянул на Еву и сказал: «Они не сделают подобного с нами. Наши тела будут сожжены». 30 апреля, попрощавшись с обитателями бункера, «молодожены» покончили с собой, приняв цианистый калий¹⁴. Выполняя предсмертную волю фюрера, приближенные вынесли трупы в сад над бункером, облили бензином и подожгли.

Примечания

1. Цит. по: MASER W. Hitler's Letters and Notes N. Y. 1974, p. 376.
2. WISTRICH R. Who's Who in Nazi Germany. Lnd. 1982, p. 28.
3. См. INFIELD G. Eva and Adolf N. Y. 1974, p. 30 · 31.
4. INFIELD G. Hitler's Secret Life. Hamlyn. 1980, p. 139.
5. Это опасение превратилось в навязчивую идею, принимая иной раз форму гротеска. Так, Гофману, получившему в третьем рейхе монопольное право на фотографирование канцлера и торговлю его фотографиями, было запрещено публиковать фотоснимки фюрера в очках, которые он надевал при чтении, и даже гуляющим с шотландским терьером, так как Гитлер считал, что человеку его положения уместно показываться лишь с овчаркой (см. GRUNFELD F. The Hitler File. Lnd, 1974, p. 274).
6. Цит. по MASER W. Op. cit., p. 375.
7. HANFSTAENGL P. Hitler. The Missing Years. Lnd. 1957, p. 285.
8. GRUNFELD F. Op. cit., p. 276.
9. Ibid., p. 277.
10. Цит. по: INFIELD G. Eva and Adolf, p. 123.
11. См. SPEER A. Spandau. N.Y. 1977, p. 147.
12. См. The Bormann Letters. Lnd. 1954, p. 45 · 46, 49—50.
13. The Memoirs of Bridget Hitler. Lnd. 1979, p. 154.
14. См. БУЛЛОК А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск. 1994, с. 548.

В Лиссабоне XVI—XVII веков

О. К. Игнатьев

Уже в XV в. Лиссабон превратился в центр транзитной торговли европейского значения. На новый исторический рубеж его вывели Великие географические открытия. В начале 1490-х годов португальский король Жоао II принял решение, ранее не раз откладывавшееся, организовать крупную экспедицию, чтобы, обогнув по океану Африку, проложить кораблям путь в загадочно богатую Индию и не зависеть более от турецкого произвола на сухопутных дорогах, ведущих на Восток. Не сохранилось никаких документов о том, когда начались подготовительные работы к экспедиции. Но известно, что в 1493 г. в королевских владениях около Лейрии и Алкасеры, в 100 км от Лиссабона, стали заготавливать строевой лес для судов будущей экспедиции. Эти строительные материалы доставили в столицу в следующем году. Жоао II не успел осуществить свою мечту. Он умер в октябре 1495 г., а престол занял брат его жены герцог Мануэл, который в январе 1496 г. отдал приказ ускорить экспедиционные работы.

Главным распорядителем строительства судов назначили Бартоломеу Диаша ди Новайша, опытнейшего моряка, который восемь годами ранее первым из европейцев обогнул со стороны Атлантического океана мыс Доброй Надежды. Диаш посоветовал отказаться от каравелл, потому что они довольно легки и не подходят для плавания в Южной Атлантике, сотрясаемой сильными ветрами и штормами. Для предстоящего плавания необходимы суда тяжелые и крепкие, однако не очень большие. Так им будет проще маневрировать при входе в незнакомые бухты, еще не нанесенные на карты. И лиссабонские корабельщики начали строить два судна водоизмещением примерно по 120 т каждое, длиной около 25 м, шириной 6 метров. А третье судно — маленькая каравелла водоизмещением всего 50 т, уже стоявшая под парусами, — была приобретена у одного из лиссабонских судовладельцев. Она предназначалась для поиска удобных мест высадки на берег основных сил экспедиции, выполняя роль первопроходца.

Для участия в экспедиции отобрали 148 человек. На судах оборудовали каюты только для утвержденных королем должностных лиц — командующего экспедицией, капитанов, штурманов и лоцманов. Постели имели всего 12 членов экипажа. Прочие спали вповалку на ящиках и досках, в трюме и на палубных надстройках. Туалеты отсутствовали, и для отправления естественных надобностей предназначались деревянные подставки, вынесенные за борт на носу и на корме. Руководителем экспедиции Мануэл назначил в чине капитан-мора Васко да Гаму, который одновременно являлся корабельным капитаном судна «Сао-Габриэл». Капитаном судна «Сао-Рафаэл» был его старший брат Паулу да Гама. Каравеллу «Берриу» возглавил Николау Коэлью. На первом этапе экспедиции плыло еще четвертое судно — грузовое, самое крупное, водоизмещением 200 тонн. Это объяснялось тем, что никто не имел ни малейшего представления о времени, необходимом экспедиции для выполнения поставленной задачи. Так, Диашу понадобилось 17 месяцев, чтобы достичь Южной Африки, а потом возвратиться в Португалию¹.

Игнатьев Олег Константинович — журналист.

А ведь перед Васко да Гамой стояла более сложная задача. Ему требовалось проложить путь через почти неведомый европейцам океан к востоку от Африки. Поэтому было решено взять с собой припасы на три года, по три комплекта парусов для всех судов, от четырех до шести комплектов часто обрывавшихся якорей, а также тросов, инструментов, всевозможных других вещей. Эти грузы не удалось бы разместить в трюмах и даже на палубах трех суденышек. Вот почему экспедиции придали грузовой корабль. На него в основном погрузили запасы продовольствия, чтобы перенести их на экспедиционные суда, когда там запасы поубавятся.

В начале июля 1497 г. все четыре судна стояли на якоре у пляжа Рештелу, напротив деревни Белем. В ночь на 8 июля капитаны молились в часовне Носса Сеньора ди Белем, надеясь, что судьба окажется благосклонной к ним. Под утро монахи из монастыря Томар, в обязанности которых входило обслуживание уходящих в плавание, причастили капитанов. На этом религиозная программа подготовки экспедиции завершилась. Сотни людей пришли утром из Лиссабона в Белем, чтобы проводить отважных моряков, отправлявшихся в длительное и опасное путешествие.

И вот на судах подняли якоря. Дул попутный ветер. На песчаном пляже рыдали родственники. Так началось беспрецедентное плавание португальских мореходов к берегам Индии². Открытие морского пути к ней вскоре вывело Лиссабон в первые города Европы. На рубеже XVI в. Лиссабон был известен уже и как ремесленный центр, и как важный порт, и как одна из опор королевской власти в ее борьбе с феодальным сепаратизмом, и как место, где смешанное католическо-мусульманско-иудаистское население еще не страдало от религиозной нетерпимости, и как исходный пункт интенсивной португальской экспансии в Африку и Южную Азию.

Сегодня на берегу р. Тежу, напротив того места, откуда отплыли суда да Гамы, виден памятник Первооткрывателям. Его открытие состоялось в 1960 г., спустя 500 лет после смерти португальского принца Энрике, более известного под именем Генрих Мореплаватель. Энрике вообще-то был сугубо сухопутным человеком. Но именно по его инициативе в поселке Сагриш на юге страны появились мореходная школа и обсерватория. Его заслуга состоит в организации серии португальских морских экспедиций, в результате которых были открыты острова Зеленого Мыса, Бижагуш и Азорский архипелаг, обследованы и нанесены на карту примерно 3,5 тыс. км западного побережья Африки. Памятник Первооткрывателям выполнен из гранита. На фоне высокой и тонкой каменной стены — корабельного паруса выделяются ступеньки, по которым поднимается цепочкой группа рыцарей, капитанов, ученых и монахов. Они направляются к носу судна, где стоит сам Энрике, держащий в руке модель каравеллы и указывающий путь в неизведанные морские просторы.

Возле памятника — творения Л. ди Алмейды — всегда много туристов, которые хотят запечатлеть себя на фотографии, чтобы потом иметь возможность сказать знакомым: «А вот здесь, в Лиссабоне, я стою на том самом месте, откуда Васко да Гама отправлялся открывать морской путь в Индию!». Неподалеку высится башня Белем — один из самых элегантных памятников XVI века. Ее можно считать «эклибрисом» Лиссабона. Она сооружена по приказу короля Мануэла. Строительство длилось с 1515 по 1521 год. А идея сооружения крепости в устье Тежу принадлежала еще Жоао II. Сейчас все именуют ее просто «башня Белем», и многие не знают, что при Мануэле она называлась крепостью св. Висенти у Белема. Возводил ее архитектор Ф. ди Арруда, выходец из знаменитого рода португальских зодчих, создававших на протяжении четырех поколений стены и здания величественных монастырей в Баталье и Томаре.

Башню Белем построили на острове. Смотревшим на нее чудилось, что крепость стоит на воде. Потом в этом месте Тежу изменила свое русло, подавшись на юг, вода ушла, и башня оказалась на берегу. А в XVI в. башню называли «цветком, распустившимся на водной глади Тежу». По своему прямому назначению, как крепость, она ни разу не использовалась, иногда же превращалась в тюрьму, куда заключали «государственных преступников» — маркизов, герцогов, принцев, а однажды — архиепископа г. Браги³.

Во многих публикациях, где повествуется о вкладе Португалии в Великие географические открытия, упоминается также о монастыре Жеронимуш: дескать, его строительство было задумано в честь открытия морского пути в Индию. Однако это утверждение ошибочно. Король Мануэл получил от римского папы Александра VI в 1496 г. буллу. В ней глава католической церкви давал разрешение на постройку монастыря св. Жеронимуша. То есть одобрение поступило в Лиссабон еще до отплытия да Гамы. Тем не менее, успешный исход экспедиции в Индию оказал потом влияние на то, каким стал Жеронимуш. После эпопеи да Гамы, а также открытия Бразилии экспедицией Педру Алвариша Кабрала Португалия быстро

превратилась в одну из богатейших стран Европы. Королевский двор заполучил за счет заокеанских сокровищ огромные суммы, которые начал тратить, в частности, на сооружение дворцов, соборов и монастырей. Если бы Жеронимуш создали таким, каким он должен был выглядеть по первоначальному проекту, то он не выделялся бы среди других построек той поры. Но с притоком заморских богатств Мануэл внес в проект будущего монастыря радикальные изменения, не считаясь с расходами.

Первая фаза строительства длилась с 1502 по 1516 год. Последние работы завершили в XVII веке. Вот один из примеров «долгостроя» на заре Нового времени. Жеронимуш возводился разными архитекторами, отсюда — и сочетание различных стилей. Первые 14 лет работы велись под руководством французского зодчего Бойтака, приверженца готического стиля. Далее зодчим был Ж. ди Кастилью, поклонник Ренессанса. Ныне Жеронимуш считается одним из самых замечательных памятников. Этот монастырь использовали как пантеон. В нем покоились бранные останки португальских королей и королев, принцев и принцесс. Там есть также два саркофага действительно великих людей: да Гамы и гениального поэта XVI в. Луиса ди Камознса⁴.

Вообще же XVI столетие можно считать самым бурным и драматичным во всей длительной истории Лиссабона. Благодаря открытию новых земель и развитию мореплавания в его порту в любое время года стояли суда под иностранными флагами, а в городе было полным-полно чужеземных купцов: французов, испанцев, англичан, арабов. И тогда же на землю Португалии пришла инквизиция. На городских площадях Россиу, Террейру ду Пасу, Рибейра проводились публичные церемонии с осуждением провинившихся против католической церкви и даже невинных людей — аутодафе, на кострах сжигались еретики. Эти аутодафе (буквально — «деяние веры»), когда осужденных, в позорных одеяниях и босыми, вели на площадь, проходили при огромном стечении народа.

В 1531 и 1535 гг. Лиссабон сильно пострадал от землетрясений. А в 1569 г. много жителей столицы умерло от чумы. Точных данных, сколько жизней унесла тогда эпидемия, нет, но если, согласно переписи 1551 г., в Лиссабоне проживало около 100 тыс. человек, то от чумы погибла примерно треть горожан⁵. Более страшная беда обрушилась на страну и ее столицу в 1578 г.: Португалия потеряла независимость, попав под владычество Испании. 60 лет находилась она под властью испанского двора. Только 1 декабря 1640 г. в результате общенародного восстания был положен конец этому господству. С тех пор 1 декабря отмечается в стране как День восстановления независимости. В Лиссабоне есть площадь, на которой сооружен памятник борцам 1640 г., а самая площадь называется Рестаурадориш («восстановители»).

В Лиссабоне имеется до 25 значительных музеев. Один из них, на ул. Асукар (т. е. Сахара) в д. 64, представляет собой не просто дом, а дворец Митра. Он в свое время принадлежал епископу. Ныне же является архитектурным памятником XVII века. В нем разместились городской музей, чья экспозиция посвящена истории столицы с XVI в. до наших дней. Есть там, среди прочих экспонатов, план города, составленный Ж. Н. Тиноку в 1650 году. Изучая его, а также сохранившиеся описания города, видим, что нынешний торговый центр Лиссабона в ту пору представлял собой лабиринт бесчисленных улочек, переулков (которые правильней было бы называть щелями) и тупиков. Вот рассказ об одной из таких городских «артерий»: «Улица Оуривесариа да Прата (т. е. мастеров серебряных дел) столь узка, что по ней не может пройти вьючное животное, и король, чтобы избежать ненужных инцидентов, пожаловал серебряных дел мастерам, проживавшим на этой улице, право установить посредине улицы два каменных столба: один у начала улицы и второй на выходе из нее. Таким образом, помимо пешеходов пользоваться улицей получили возможность только всадники»⁵.

Уличное освещение появилось там в последних десятилетиях XVII века. В октябре 1689 г. король Педру II издал декрет, согласно которому в столице улицы должны ночью освещаться, «чтобы, как это имеет место при дворах монархов других государств, граждане города имели возможность передвигаться с большими удобствами и с большей безопасностью». В конце века в Лиссабоне стояли или висели 6,5 тыс. уличных светильников. Упомянем, что зато в нынешнем Лиссабоне с наступлением темноты подавляющее большинство улиц вообще не освещается.

В XVII в. главный город Португалии насчитывал около 70 тыс. жителей. Общественного транспорта в нем не существовало. Персональным же транспортом представителей высшего общества служили паланкины — носилки с тентом или кресло в кузове на двух жердях. Паланкин знатного человека несли двое здоровенных слуг, а сбоку шел третий, стременной, в обязанность которого входило помогать хозяину влезать в паланкин, вылезать из него и разгонять толпу. У знатной дамы эскорт выглядел солиднее. Кроме двух слуг, которые несли паланкин, ее сопровождали еще трое, одетые в черную униформу и восседавшие на лошадях.

Тенты, обивка сидений, шторы кузовов изготавливались из дорогих материалов. Основа кузова и дверцы делались из ценных пород дерева и украшались затейливой резьбой. Один паланкин стоил столько же, сколько пара породистых лошадей.

Существовал и такой вид транспорта, как кареты. Появление городских карет, введенных в обиход в Западной Европе в XIV в., обострило транспортную проблему. В Лиссабоне основная сложность заключалась в том, что его улицы были не приспособлены для такого средства передвижения. Во всем городе не существовало ни одной улицы, достаточно широкой, чтобы могли разъехаться две кареты. Неизбежно возникали заторы при появлении на улице сразу двух карет, двигавшихся навстречу друг другу. Разгорались бурные дискуссии. Никто не желал, уступив дорогу, пятиться назад. Пытаясь решить проблему, высшая власть издала в 1686 г. два декрета. В первом говорилось, что лица, «спорящие по поводу того, кто имеет большее право на проезд по улице, будут подвергаться аресту». Вторым декретом устанавливались правила, согласно которым владелец паланкина, спускавшийся вниз по улице, имел преимущество перед хозяином встречного паланкина, поднимавшегося в гору. Для нарушителей декрета вводился штраф в две тыс. крузадуш, а в случае неуплаты виновного высылали в португальскую колонию Бразилию⁶.

Приведем текст из книги священника Ж. ди Каштру «Национальный кардинал»: «В первых числах октября 1679 г. на одной из узких улиц сошлись две кареты. В первой ехали маркиз Ницы и граф-барон Алвиту, а во второй маркиз ди Фонтиш. Три долгих часа стояли две кареты друг против друга, и никто из пассажиров не изъявил желания уступить дорогу, подав карету назад. Челядь, сопровождавшая кареты, чуть не пошла в рукопашную, поддерживая своих хозяев. Чтобы разрешить эту проблему, был вынужден вмешаться король, приказавший сразу обоим владельцам карет пятиться назад и отправляться по домам. Возня, вызванная этим инцидентом, была столь велика, что кардиналу пришлось доложить о нем римскому папе Иннокентию XI»⁷.

Один из лиссабонских музеев специально посвящен каретам. Там собрана интересная коллекция, в том числе пять карет XVII века, все с роскошной отделкой: кузова внутри обиты бархатом и шелком с вышивкой. Большинство карет в то время ввозилось из Франции, так что в музее среди этих пяти экземпляров лишь одна португальского изготовления. Карета была тогда не только средством передвижения, но и средством «показать себя». Чем богаче она выглядела, чем больше мулов или лошадей было запряжено в нее и чем больше челяди сопровождало повозку, тем большее удовлетворение получала персона, восседавшая на обитых бархатом подушках, где между складками жило несметное количество блох.

Дабы умерить пыл снобов, стремившихся пустить пыль в глаза, сенат столичного муниципалитета принял в 1672 г. указ, разрешавший впрягать в карету не шесть ослов, как дозволялось ранее, а лишь четырех. Причем и четырех-то могли впрягать только в кареты, принадлежавшие государственным советникам или председателям трибуналов. Правда, в отношении личных карет и личных ослов ограничений не предусматривалось.

Иное дело — регламентации, касавшиеся одежды. Таких принималось немало. В 1649 г. во всех публичных местах Лиссабона вывесили королевский указ, гласивший, что «впредь ни одна из дочерей Евы не имеет права появляться на улицах с закрытым вуалью лицом или в церкви с мантильей, закрывающей лицо. Официальным лицам, уполномоченным на то судебными органами, вменяется в обязанность при обнаружении подобных фактов собственноручно раскрывать лица виновных. Женщины благородного происхождения в этом случае платят штраф в 50 крузадуш, а если они не являются таковыми, то платят 20 крузадуш и еще отбывают тюремное заключение. Отныне запрещается ношение шляп с вуалью и мантильей. Шляпы разрешается носить торговкам, чтобы уберечься от солнца, но только в местах, где производится торговля, а мантильи можно носить акушеркам, но лишь в том случае, если они едут на муле».

Мода в Лиссабон, как правило, приходила из Парижа. Например, парики. Их носили и мужчины, и женщины. Имелись отдельные парики для дома, для прогулок, для королевских приемов, для сна и даже для покойников. В основном парики мастерились из волос больных, остриженных в госпиталях. Впрочем, как отмечает Б. ди Магальяш, автор книги «Жизнь и привычки португальского общества XVII века», «существовали также парики, изготовленные из шелка, однако стоили они несравненно дороже, а поэтому даже среди знати успехом не пользовались»⁸. В моде были также различные мелкие украшения, подвязки, кружева и банты. Как говорили тогда в Лиссабоне, «петушино-павлинье поветрие» охватило и слабый пол, и сильную половину человечества. Мужчины высших сословий не только ходили в париках, но и обзаводились муфтами и веерами из перьев. В 1672 г. городские власти издали декрет, категорически воспрещавший использование мужчинами париков, вееров и муфт.

Тогда же среди состоятельных людей распространилась мода на очки. Их носили даже те, кто обладал отменным зрением.

Основным местом, где большая часть населения столицы приобретала продукты, был рынок Рибейра, неподалеку от Террейру да Тригу (Площадка для зерна) — оптовой зерновой базы. В восточной части Рибейры стояли 34 навеса под черепичной крышей. Там продавали кроликов, кур, индюков, уток, яйца и козлят. Ближе к реке отводилось место для продавщиц рыбы. В 1685 г. в рыбном ряду насчитывалось 70 торговых, а еще 54 женщины чистили рыбу и 18 занимались засолкой сардин.

На ул. Алекрим находилось большинство мясных лавок. Всего тогдашний Лиссабон обслуживали 67 мясников. Но простонародье употребляло мяса мало: оно было не по карману. Главным компонентом в меню лиссабонцев XVII в. можно считать рыбу. В основном они ели сардины и треску, причем вяленую. Доныне любимым блюдом португальцев остается треска. Возникла масса способов приготовления ее.

В книге Н. ди Оливейры «О материальных благах Лиссабона» находим подробный перечень лавок, владевших в ту пору собственным производством. Насчитывалось 12 булочных и 54 кондитерских. Около 200 женщин продавали на улицах с лотков сладости собственного приготовления. Большинство лиссабонцев пекли хлеб сами, зато очень любили покупные сладости⁹. Что касается напитков, то с XVI в. там получило распространение пиво. В районе Кампу Гранди (там до недавнего времени находилась одна из конечных станций столичного метро) три столетия назад построили первый в стране пивоваренный завод. Зато издавна в Португалии производили отменные вина. Особенно известен портвейн, то есть вино из г. Порту. Очень любили португальцы салат. В XVII в. почти возле каждого дома еще имелся свой огород. Урожай с них снимали мизерные, а главная причина низкой продуктивности заключалась в трудностях с водоснабжением.

Мавры не сумели удержать за собой Лиссабон в 1147 г. потому, что у оборонявшихся кончились запасы питьевой воды. Вообще во все века в португальской столице воды катастрофически не хватало. Если бы в XVII в. проводились опросы общественного мнения и жителей Лиссабона спросили, какая проблема для них наиболее остра, то большинство ответило бы: «Нехватка питьевой воды»¹⁰. Некогда, в период римского господства, в Фелицитас Юлия был сооружен добротный водопровод из местечка Канесас длиной (в современных мерах длины) 18 километров. Он исправно подавал затем жителям города драгоценную влагу на протяжении пяти веков, вплоть до нашествия свевов, при которых он пришел в запустение и потом никогда не использовался.

А в XVII в. горожане брали воду либо непосредственно из р. Тежу, либо из шафаризов. Шафаризы (фонтаны) устанавливались над артезианскими скважинами и выполняли роль водозаборных колонок. Каждый шафариз был настоящим произведением искусства. Их и ныне можно увидеть в любом португальском городке. Большинство сейчас бездействует, но они сохраняются как памятники архитектуры. В Лиссабоне все шафаризы можно было пересчитать по пальцам. Ж. ди Кастилью писал, что в Лиссабоне помимо шафаризов Эл-Рэй, Душ Кавалуш и Душ Пауш вообще нет источников, достойных называться шафаризами. Ощущалась острая нехватка воды, особенно в засушливые годы. Так, в 1633 г. была такая засуха, что ни в одной из скважин совсем не оказалось воды, и в городе начались эпидемии¹¹.

Обычно муниципалитет содержал вооруженную охрану у каждого фонтана, чтобы соблюдался порядок при распределении воды, так как возникали серьезные потасовки, в результате которых были даже убитые и раненые. За воду взималась плата. За кражу воды виновного били плетью или ссылали на каторгу в колонии.

Сегодня Лиссабон — один из красивейших городов мира. Но и поныне, находясь в нем, можно найти осязаемые следы прожитого португальской столицей в былые времена.

Примечания

1. TEIXEIRA DE ARAGÃO A.C. Villa da Vidigueira. Lisboa. 1871, p.17, 41. См. также: СУББОТИН В. А. Васко да Гама. · Вопросы истории, 1995, № 9.
2. GORDEIRO L. Vasco da Gama. Lisboa. 1892, p. 53.
3. MOREIRA DE SÁ E. A viagem de Vasco da Gama. Lisboa. 1898, p. 469, 413, 440.
4. MACHADO R. Vasco da Gama na historia e na epopeia. Lisboa. 1948, p. 13.
5. VIDART L. Vasco da Gama y el descubrimiento de Oceania. Madrid. 1895, p. 31—32.
6. GASTELO-BRANCO F. Lisboa seiscentista. Lisboa. 1969, p. 162, 296.
7. GASTRO J. O Cardeal Nacional. Lisboa. 1943, p. 208.
8. DANTAS J. Lisboa dos nossos avos. Lisboa. 1969, p. 144, 191.

Эней Сильвий Пикколомини

Ю. П. Зарецкий

Имя итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (1405—1464), ставшего в 1458 г. римским папой Пием II, хорошо известно исследователям Ренессанса. С середины XIX в. оно присутствует во всех обобщающих трудах по истории Возрождения, и ему посвящено больше биографических работ, чем кому-либо из ренессансных пап. Причины особого внимания к этой фигуре кроются в его личности гуманиста, поскольку его жизнь и творческое наследие непосредственно связаны с одной из концептуальных проблем Ренессанса — соотношением в нем языческой и христианской культур. В этом человеке, ценителе античных авторов, писателе, поэте и в то же время церковном деятеле, ставшем в конце концов «преемником св. Петра», соединились черты представителей обеих названных цивилизаций.

Открытие Энея Пикколомини как особой исторической фигуры случилось одновременно с открытием наукой самого феномена Возрождения. Обычно это связывается с именами трех выдающихся историков: Г. Фойгта, Л. фон Пастора, Я. Буркхардта. Первому принадлежат монументальный трехтомный труд «Энео Сильвио Пикколомини — папа Пий Второй и его эпоха» и заслуга выявления и систематизации большинства соответствующих биографических источников, включая опубликованные произведения Энея и его обширное эпистолярное наследие. Фойгту удалось создать ясный законченный портрет папы-гуманиста, который, впрочем, впоследствии не раз подвергался критике за резкость контурных тонов.

Строгой документированностью и широтой охвата материала отличается история понтификата Пия II, составленная Л. фон Пастором. Подробно анализируя деятельность своего героя на посту римского первосвященника, австрийский ученый стремился к максимальной объективности, чтобы стать выше собственных симпатий и антипатий, что выгодно отличает его работу от исследования Фойгта, не сумевшего избежать субъективных оценок. К достоинствам работы Пастора относится и публикация им важных документов Римской курии, связанных с последним периодом жизни Энея.

Что касается Буркхардта, то он не оставил специальных работ о Пикколомини. Но фигура этого гуманиста как «типичного человека раннего Возрождения» и цитаты из его сочинений мелькают на многих страницах ученого труда «Культура Ренессанса в Италии» и послужили в науке одним из оснований общей концепции Возрождения¹.

Ответы этих ученых на вопрос, как в их герое соотносились гуманистические и христианские ценности, не были одинаковыми. Все три автора соглашались с тем, что сущность состоит в возрождении наследия языческой древности, и спрашивали: были ли ее носители-гуманисты язычниками или христианами? Фойгт утверждал, что после Ф. Петрарки по-настоящему верующих христиан среди них уже не имелось, что их увлечение античностью заводило их порой слишком далеко, так что многие становились отъявленными язычниками и даже не

Зарецкий Юрий Петрович — кандидат исторических наук. Таганрогский педагогический институт.

утруждали себя скрывать это. Биография Энея как раз и дала ему основание для подобных обвинений. Пастор считал, что в гуманизме следует различать два направления. Первое изучало древность в истинно христианском духе и по результатам оказалось исключительно плодотворным. Второе, развивавшееся параллельно, вобрало в себя отрицательные стороны духовной жизни эпохи. Ученый признал его «ложным Возрождением», по своей природе языческим. К нему-то и был причислен Эней. Буркхардт увидел в своем любимце предтечу Нового времени, лишённого фанатичного религиозного чувства и являвшегося в душе скорее язычником, нежели христианином.

Утвердившиеся ныне представления об итальянском Возрождении как о явлении гораздо более сложном и противоречивом, чем это казалось историкам прошлого века, новое понимание соотношения в нем античного и христианского начал непосредственно отразились и на изучении творчества Пикколомини. Исследователи убедились в неправомерности категоричного вопроса, был ли Пий II язычником или христианином или насколько глубока была его вера. Заданный представителю эпохи, изменившей ортодоксальные средневековые представления о христианине и его месте в мире, снявшей печать греховности с сочинений античных авторов и поставившей их в один ряд с творениями отцов церкви, этот вопрос сегодня имеет мало смысла. Теперь чаще делают акцент на единстве внутреннего мира папы-гуманиста, а его творчество, политическая и церковная деятельность рассматриваются как проявления натуры цельной ренессансной личности².

И все же многое в биографии Энея остается спорным, но не с фактической стороны, которая детально выявлена, а в плане мотивов поступков гуманиста, не раз круто менявших его весьма необычную жизнь. Будущий папа родился 18 октября 1405 г. в итальянском местечке Корсиньяно, в семье знатного, но небогатого изгнанника из г. Сьены Сильвио Пикколомини и некоей Виктории Фортегвери. Детство провел в полунищем доме отца, помогая матери вести хозяйство. 19-ти лет, перебравшись к родне в Сьену, принялся за серьезную учебу, в местном университете посещал лекции самых разных преподавателей, выбирая темы по душе; «стал слушать грамматиков, — рассказывал он позднее, — потом жадно внимал поэтам и ораторам и, наконец, посвятил себя изучению гражданского права»³. Тогда же в нем открылся поэтический талант, и из-под пера Энея вышли первые литературные творения. Одно из них, «К Кинфии», он адресовал своей возлюбленной.

Потом он продолжил ученые занятия во Флоренции, совершил поездки в Болонью, Феррару, Падую, Милан и возвратился в Сьену. Постепенно Эней вошел в круг известных гуманистов. Среди его учителей значились А. Боля, Г. да Сполето, М. Соццини, Ф. Филельфо; среди друзей — П. Браччолини, Л. Бруни Аретино. Он погрузился в чтение древних авторов, особенно Цицерона, Вергилия, Тита Ливия, ставших его любимцами, слушал страстные проповеди Б. да Сьены. В 1431 г. заступил в должность секретаря кардинала Доменико Капраника и отправился вместе с ним в Базель, где в то время начал работу раскольнический церковный собор. Поменяв нескольких патронов, он оказался на службе у Н. Альбергати, кардинала Санта Кроче. Ему довелось много путешествовать с различными дипломатическими поручениями по Германии, Италии, Франции, Британии. Вернувшись в Базель, Эней благодаря своим литературным и ораторским способностям вскоре стал одной из заметных фигур собора, получив известность как энергичный защитник его решений и автор инвектив против папы Евгения IV, претендовавшего на то, чтобы единолично вершить церковные дела.

Заслуги Энея не раз отмечались пожалованием ему почетных должностей. Он стал секретарем и аббревиатором (составителем протоколов) собора, вошел в число восьми представителей Италии при выборах «антипапы», был назначен личным доверенным секретарем папы Феликса V. На последней службе (1439—1442 гг.) привлек к себе внимание европейских государей и, дождавшись приглашения императора Фридриха III, надолго уехал в Германию. Там из рук нового господина он получил высшую поэтическую награду — лавровый венок и диплом с перечнем заслуг. В этом дипломе Фридрих благодарил Господа за то, что «его времена не лишены умов, равных умам древних», называл Энея «преданным слугой Священной империи» и восхвалял его «глубокую культуру», «благородство характера» и «исключительнейшие природные дарования»⁴. За долгие годы придворной жизни Эней, однако, сталкивался все же с острой необходимостью искать средства к существованию и с враждебным отношением к себе лиц, облеченных властью, а также с интригами соперников.

В то время произошла перемена в его отношении к Риму: прежняя непримиримость сменилась нейтралитетом, потом полной противоположностью; он пришел к осуждению решений церковного собора и поддержке папы Евгения IV. В 1445 г., выполняя поручение Фридриха III, Эней отправился в Рим с посреднической миссией. Цель заключалась в примирении враждующих сторон и прекращении схизмы. Покаянная речь, с которой он предстал перед

папой, была принята Евгением IV благосклонно: посланник императора получил не только прощение, но и некоторое время спустя должность апостолического секретаря. Перед Энеем открылся новый путь церковной карьеры, по которому он двинулся с присущей ему решимостью, в 1446 г. получил должность субдиакона, в 1447 г. принял таинства, а спустя полтора месяца был рукоположен в епископы.

В качестве то императорского, то папского посла он много путешествовал по Европе: во Франкфурте-на-Майне увещевал германских князей подчиниться Риму; встречался с Ф. Сфорцой, только что захватившим Милан; подготавливал все необходимое для бракосочетания Фридриха III с Элеонорой Португальской, для чего вел переговоры в Неаполе, затем сопровождал невесту в ее поездке по Италии и участвовал в торжественной церемонии, ассистируя в Риме папе Николаю V. Потом отправился в Чехию для заключения перемирия с гуситами, вернулся в Рим, где произнес в присутствии папы речь о необходимости крестового похода против турок, опять возвращается в Австрию, снова побывал в Риме, чтобы предстать перед новоизбранным папой Калликстом III, и опять вернулся в Вену, откуда навсегда уехал, лишь получив известие о своем избрании в члены Священной коллегии в 1456 году. Менее чем через два года Сьенский кардинал Эней стал папой и принял имя Пий II, подсказанное ему поэмой Вергилия «Энеида»⁵.

Его деятельность в качестве понтифика была энергичной и многообразной. Главным для Пия стала организация крестового похода против турок, после падения Константинополя угрожавших западному миру. «Среди всех забот, охвативших его душу, — писал он о себе позднее, — не было более важной, чем поднять христиан против турок и пойти на них войной»⁶. Его программа деятельности включала достижение союза между всеми европейскими государствами и проведение внутрицерковных реформ, в доктринальной части подготовленных соратником папы, кардиналом, видным ученым Николаем Кузанским. Пий признавал бедственным положение церкви, погрязшей в алчности, и предлагал меры против финансовых злоупотреблений, потворства родственникам и продажи должностей. Он определил обязательные требования к форме папских булл, к каллиграфии документов курии, нормы оплаты служащих. Главные реформационные планы, однако, не были реализованы, а подготовленная им в 1464 г. булла «Pastor aeternus» осталась неопубликованной⁷.

Важным делом стала подготовка съезда христианских князей в Мантуе (1459 г.) для обсуждения предстоящего крестового похода. Там замысел папы не нашел достаточной поддержки, но это не остановило его. И в последующие годы он упорно продолжал призывать глав христианских государств к войне с турками. Активно включившись в запутанные дела итальянской политики, он воевал за возвращение церковных земель, отторгнутых у Рима правителем г. Римини Сиджизмондо Малатестой, участвовал на стороне Фердинанда I в борьбе за неаполитанскую корону, а за пределами Италии его главным противником оказалась Франция, имевшая особые интересы в Неаполе и Милане. Германия же в лице его бывшего патрона, Фридриха III, наоборот, стала основным союзником. Понтификат Пия был отмечен также канонизацией Католины Сьенской, провозглашенной святойю (1461 г.), назначениями кардиналов в 1461 и 1462 гг., великолепными постройками в родном Корсиньяно и переименованием его (в честь папы) в Писенцу в 1462 г., перенесением мощей св. Андрея в Рим (1463 г.).

Летом 1464 г. тяжело больной Пий, не получив необходимой поддержки от государей Европы, все-таки отправился в поход на турок и 18 июля прибыл в Анкону, где крестоносцев ожидали корабли, готовые отправиться к берегам Греции. Здоровье папы, однако, резко ухудшилось, и в Анконе в ночь на 15 августа его настигла смерть, что, по свидетельству современника, сопровождалось страшной бурей и «сильнейшим ветром, каковых не было еще до того видано»⁸.

Оставленное Пикколомини литературное наследство обширно и разнообразно и по содержанию, и по форме: от юношеских эротических стихов и эпиграмм до папских булл. Оно обнаруживает характерные черты мировоззрения и литературного стиля эпохи: великолепное знакомство с сочинениями древних, искусное владение латынью, предпочтение традиционным гуманистическим жанрам, темам и сюжетам. Характерны уже первые, не лишённые грации, но еще отмеченные печатью ученичества его поэтические опыты: сборник «К Кинфии» и подражания Проперцию.

Всеевропейскую известность снискала его новелла «О двух влюбленных». История двух любящих сердец предстала в виде переписки знатного рыцаря Эвриала и горожанки Лукреции, по сюжету сходной с романом о Тристане и Изольде, хотя автор и заверял читателя, что описывает действительные события, передавая рассказ, услышанный от своего друга, имперского канцлера Г. Шлика. Наполненная мифологическими аллегориями и заметно затронутая меланхолией, новелла после перевода ее на немецкий стала одной из самых читаемых книг

в Германии. Весьма отлична от нее вовсе далекая от изысканности, даже грубоватая комедия «Хрисис» — фривольное произведение, заставляющее вспомнить о дружбе Энея с Панормитой, автором самых скабрёзных сочинений в XV веке⁹.

В Базеле из-под пера Энея вышло немало речей в поддержку решений церковного собора, тоже снискавших ему известность, но совсем иного рода — как убежденного сторонника схизматиков. Кроме того, он опубликовал послания, записки и диалоги, в которых собор виделся ему «мировым сенатом», избранный на нем папою Амедей Савойский — законным наместником Христовым, а сидевший в Риме Евгений IV — узурпатором, согнувшим церковь, «как ветер сгибает тростник». Признание завоевали также его историко-географические сочинения, особенно в Германии, где местным гуманистам они долгое время служили образцом для подражания. Одно из них, «Историю разных событий и описание различных мест», отправляясь в заокеанское путешествие, изучал Х. Колумб. Написанные в манере древних географов, любимых гуманистами, они несут на себе явные черты своей эпохи, а рассказы об исторических событиях, описания местностей, обычаев и нравов их жителей, сопровождаемые живыми наблюдениями очевидца, придают повествованию особый колорит.

В большинстве этих сочинений рассказывалось о странах, входивших в состав Германской империи, их народах и правителях. Таковы «История богемцев», «О местоположении, обычаях, нравах и природе Германии», «История Австрии», верноподданническая история деяний императора Фридриха III. Эней обращался также к великому прошлому родной Италии и в древнем Риме пытался найти ответы на вопросы о наилучшем политическом устройстве государства. Ему принадлежит также галерея биографий достославных мужей и трактат «О воспитании детей» в виде послания венгерскому королю Владиславу, утверждающий принципы гуманистической педагогики. «Словесность, — провозглашалось в нем, — есть наш вожатый, она открывает истинное значение прошлого, верное знание настоящего и здравое предсказание будущего. Если где словесность приходит в упадок, там землю покрывает мрак, и будущий государь, который не может читать уроки истории, может стать беззащитной жертвой лести и интриг»¹⁰.

Став папой, он издавал разнообразные церковные эдикты, написанные великолепной латынью. Среди них — «Булла отречений», в которой он публично отказывался от своих прежних легкомысленных писаний и базельских заблуждений и призывал «отвергнуть Энея и принять Пия», а также булла «О нравах курии», строго осуждавшая увлеченность земными благами. Он написал множество речей, принесших ему славу первого оратора своего времени, продолжал работать над историческими и географическими сочинениями, создал блестящее по литературным достоинствам послание к султану Мехмеду II Фатиху, в котором призывал его принять христианскую веру и стать верховным правителем мировой империи. Кроме того, Эней оставил массу писем, представляющих литературный, автобиографический и исторический интерес: активно участвуя в базельских делах, а потом находясь при дворе императора, он был вовлечен в важнейшие события 1430—1450-х гг. и о многом увиденном и услышанном сообщал своим друзьям¹¹.

Главными среди литературных творений папы-гуманиста являются «Записки о достопамятных деяниях», созданные им в последние годы жизни. Это — один из наиболее выразительных документов Ренессанса, труд, примечательный в различных аспектах. Особый интерес вызывает фигура главного героя. Пий решил сам запечатлеть для потомков свой образ и осуществил замысел вполне по-ренессансному: последовательно описал события собственной жизни, создав грандиозное автовосхваление, нечто вроде жития одного из знаменитейших первосвященников. Там он одновременно попытался уподобить себя Цезарю, мифическому Энею и христианскому великомученику¹².

Эта попытка предстать перед потомками в образе героического заступника интересов христианской религии и церкви имела успех до середины XIX века. Только тогда началось развенчание мифа. Одно из подтверждений славы находим у русского историка конца XVII в. А. Лызлова, изображавшего Пия II могучим исполином, поднявшим христиан против турок, но по трагической случайности и воле Провидения не исполнившим своей богоугодной миссии¹³.

Примечания

1. VOIGT G. Eneo Silvio dei Piccolomini als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. Bd. 1—3. Brl. 1856—1863; PASTOR L. von. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 2. Freiburg. 1894; BURCKHARDT J. Die Cultur der Renaissance in Italien. Bd. 2. Lpz. 1885.

2. Например: MITCHELL R. J. *The Laurels and the Tiara: Pope Pius II*. Lnd. 1962.
3. PIUS II. *Commentarii rerum memorabilium que temporibus suis contingerunt*. Vaticano. 1984, I, 2.
4. PAPARELLI G. E. S. *Piccolomini (Pio II)*. Bari. 1950, p. 84.
5. GARIN E. *Ritratti di umanisti*. Firenze. 1967, p. 9.
6. PIUS II. *Commentarii*, II, 1.
7. HAY D. *The Church in Italy in the Fifteenth Century*. Lnd. 1977, p. 86.
8. ИНФЕССУРА С., БУРДАХ И. *Дневники, документы по истории папства XV –XVI вв.* М. 1939, с. 54.
9. BERNETTI G. *Saggi e studi sugli scritti di Eneo Silvio Piccolomini, papa Pio II*. Firenze. 1971, p. 16—30; AVESANI R. *Poesie latine edite e inedite di Eneo Silvio Piccolomini*. In: *Miscellanea Augusto Campana I*. Padova. 1981, pp. 1—26; НЕМИЛОВ А. Н. *Немецкие гуманисты XV века*. Л. 1979, с. 91; ГАСПАРИ А. *История итальянской литературы*. Т. 2. М. 1897, с. 99.
10. PICCOLOMINI E. S. *Historia rerum Frederici III Imperatoris*. Vol. 1—2. Vindobonae. 1762; ejusd. *De ortu et auctoritate Romani Impeii*. In: *Fontes Rerum Austriacarum*. Bd. 67. Vienn. 1912, pp. 6—24; ejusd. *De viris illustribus*. Stuttgartiae. 1842; ПИККОЛОМИНИ Э. С. *Письмо Владиславу, королю Богемскому и Венгерскому*. В кн.: *Идеи эстетического воспитания*. Т. 1. М. 1973, с. 340.
11. PICCOLOMINI E. S. (Pius II). *Opera omnia*. Basileae. 1571; PIUS II. *Epistola ad Mahumetem*. In: A cura di G. Toffanin. Napoli. 1953.
12. GABEL L. C. *Introduction*. In: PIUS II. *Memoirs of a Renaissance Pope*. N.Y. 1959, p. 17; *Общности и человек в средневековом мире*. М. 1992.
13. ЛЫЗЛОВА А. *Скифская история*. М. 1990, с. 221—222.

Тридцатилетняя война и Восточная Европа

Л. И. Ивоина

В середине XVII в. весьма причудливо переплетаются судьбы государств Западной и Восточной Европы. Их объединил такой фактор международного значения, как Тридцатилетняя война, война эпохи Барокко, в которой все — средневековое и новое, традиционализм и государственный интерес, конфессионализм и рационализм — подобно самому барочному храму сплетается в многоформенную композицию.

Тридцатилетняя война, ставшая столкновением двух концепций развития Европы — феодальной и национально-абсолютистской — открыла возможность для дальнейшего развития и реализации третьей концепции — буржуазной. Последняя, вырисовывающаяся в начале международного конфликта во внешней политике Республики Соединенных Провинций, в конце и по завершению Тридцатилетней войны начала четко проявляться в дипломатии Англии. Ведущую роль в международных отношениях первой половины и середины XVII в. играли три фактора. Первый — борьба национально-абсолютистских государств с универсальной католической империей Габсбургов. Второй — столкновение раннекапиталистических и абсолютистских тенденций в политической жизни, нашедших свое выражение в Нидерландской и Английской революциях. Третьим, но не менее важным, фактором было разделение Европы, еще со времен Реформации, на два конфессиональных лагеря: католический и протестантский. Именно эти факторы лежали в основе дипломатических комбинаций и событий Тридцатилетней войны, определили ее общеевропейский характер и результаты.

Вестфальский мир 1648 г. явился концом не только военного тридцатилетия, но и подвел итог целой эпохе политического, религиозного и экономического противоборства, начавшегося в XVI веке. Конфессиональные коллизии были в результате войны практически разрешены, а на установившийся религиозный *status quo* в Западной Европе с тех пор никто не посягал (за исключением, пожалуй, Людовика XIV). Политические и экономические противоречия перешли в новую фазу своего развития. Война, основными итогами которой явились Английская революция, гегемония Франции и Швеции в Европе, а также зарождение в границах существующей де-юре Священной Римской империи двух крупных немецких государств — Австрии и Пруссии, изменила всю систему взаимоотношений европейских стран в период после Вестфальского мира вплоть до Французской революции конца XVIII века. Тридцатилетняя война явилась предпосылкой возникновения трех крупных европейских конфликтов второй половины XVII—XVIII вв. — англо-французского, балтийского и австро-пруссского. Европейские войны этого времени — война за испанское наследство, Северная война, война за австрийское наследство, Семилетняя война, уже лишенные конфессиональной окраски, были логическим продолжением Тридцатилетней войны, завершившей

Ивоина Людмила Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного педагогического института.

первый этап и открывшей второй этап ранней новой истории. Определившееся в годы Тридцатилетней войны направление внутреннего развития основных государств-участников и наметившиеся экономические и политические противоречия между ними повлияли на дальнейшее развитие международных отношений XVII—XVIII веков.

Многие события политической жизни европейских государств в эпоху Тридцатилетней войны по-новому преломляются с учетом влияния на них фактора международных отношений. Например, Тридцатилетняя война послужила катализатором Английской революции, а рост налогообложения во Франции, вызванный расходами на войну, стал причиной народных выступлений, за которыми последовала Фронда и т. д. Эти и другие непосредственно интересующие нас события были проявлением так наз. европейского кризиса XVII в. означавшего в политической жизни ломку либо трансформацию старых политических форм и переход к новому этапу развития межгосударственных отношений. Условием, поводом, катализатором, а также и внешнеполитическим проявлением этого кризиса была все та же Тридцатилетняя война. Поэтому освободительная война на Украине против Польши (1648—1654 гг.) и объединение России и Украины совсем не случайно совпали по времени с окончанием Тридцатилетней войны, пиком Английской революции, Фрондой во Франции и другими значительными событиями европейского масштаба.

Любой межгосударственный конфликт XVII в. (а треугольник Московское государство — украинские земли — Речь Посполитая явно был таковым) нельзя рассматривать изолированно от других европейских государств, ибо уже с конца XV в. все внешние и даже внутренние конфликты в Европе были взаимосвязаны и взаимозависимы. Нельзя сказать, что в литературе вопрос о взаимодействии государств Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны и последовавшего за ней кризиса не ставился. В новейших зарубежных работах можно найти отход от традиционных схем и мифов Тридцатилетней войны. В статье английской исследовательницы Н. Сазерленд подчеркивается, что многие противоречия межгосударственного и внутреннего развития государств не были решены в результате Тридцатилетней войны, они перешли в иное качество и нашли свое продолжение в международных конфликтах второй половины XVII в., в том числе и в Восточной Европе, а затем в войне за испанское наследство¹.

Немецкий историк Х. Шиллинг, известный своими работами по государственно-политическим проблемам, большое внимание уделил проблеме конфессионализма и менталитета первого этапа раннего нового времени и Тридцатилетней войны. Согласно его трактовке, в старом европейском обществе религия и церковь были не подсистемами, а центральными, несущими осями общей системы. Это было выражено в принципе «*religio-vinculum societatis*». А государственное строительство и «национальная идентичность» были двумя важнейшими системно отличающимися, но в то же время тесно между собою связанными последствиями «*religio-vinculum societatis*»². Немецкий историк справедливо полагает, что идея слияния религиозного мировоззрения с построением государства способствовала подъему партикуляризма и растрате энергии как на добро, так и на зло. Думается, этот тезис обосновывает не только ярчайшие события XVII в. — Тридцатилетнюю войну, Английскую революцию, войну на Украине и объединение Украины с Россией.

Не меньшего внимания заслуживает вывод Шиллинга о том, что «нация» была ведущей категорией XIX в., а «конфессия» — ведущей категорией во внешней политике конфессионального века³, каковым и являлось семнадцатое столетие. Повинуясь логике этого утверждения, следует заметить, что население бунтующей Украины испытывало к России в первую очередь не национально-братские, а конфессионально-братские чувства, дополняющиеся лингвистическими моментами. Мнение Шиллинга вполне совпадает с выводами его американских коллег Х. Роуэна и К. Харлина, а также с точкой зрения английского историка Х. Кенигсбергера. Исследуя рождение голландской нации, Роуэн и Харлин считают, что современная нация в Нидерландах появилась в XVII в. как результат случая, а не продукт судьбы. Необходимо четко проводить различия между двумя родами наций — лингвистическо-культурными и политическими нациями, нациями, к числу которых относилась Республика Соединенных Провинций. Американские историки замечают, что националистические концепции XIX и XX вв. ни в коем случае не должны опираться на войну Нидерландов против Испании, поскольку создание независимой нации не было первой и главной целью восстания. Даже в XVII в. наиболее важные, основные элементы национализма еще не возникли⁴. В статье о политике испанского короля Филиппа II в Нидерландах, Х. Кенигсбергер полагает, что многонациональные монархии во все времена являлись средоточием противоборства центробежных и центростремительных сил. Причем каждая из этих сил проявлялась сильнее

в зависимости от обстоятельств⁵. Вышеизложенные замечания опровергают воззрения некоторых современных историков, все еще находящихся на националистических позициях. Модернизируя историю в политических целях, они традиции XIX в. переносят на XVII-е столетие.

Переходя к вопросам дипломатии, Шиллинг отмечает, что основные категории развития международных отношений в раннее новое время — это династия, конфессия, государственный интерес и традиция. В конце XVI в. образовалась ось Мадрид — Вена — Варшава, охватившая огромное пространство и существовавшая на всем протяжении Тридцатилетней войны⁶. Следовательно, конфессиональные противоречия Тридцатилетней войны существовали не только между католиками и протестантами, но и католиками и православными, католиками и мусульманами. Более того, имелись распри в самих конфессиях, что весьма показательно на примере православия. В 1638 г. политика экуменизма, проводимая константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом, потерпела крах. По этому поводу можно согласиться с мнением Г. Херринга, который полагает, что решающей причиной неудачи привлечения различных государств к политике экуменического патриархата, предполагавшей включение Турции в великую христианскую империю под греческим главенством, было растущее сопротивление балканских народов против ведущего положения греков в христианской церкви, культуре и государственном аппарате Османской империи⁷. Возможно, распри в православии сыграли свою положительную роль в успехе восстания Богдана Хмельницкого. Ведь объединение Украины с Россией способствовало расширению влияния русской церкви и ее большей независимости от греческой. Но это всего лишь гипотеза. Так или иначе, но в течение Тридцатилетней войны конфессия как ведущая категория отходила на задний план из-за постоянного противоречия между христианскими нормами и военно-политической реальностью⁸. Но этой реальности не поняло правительство Речи Посполитой, распространявшее с помощью Унии католическую веру в украинских землях. Одним из важнейших результатов Вестфальского мира было ограничение насильственного распространения конфессий в целях сохранения европейского равновесия. Из этого следует, что никакое государство после Тридцатилетней войны не было обязано поддерживать Речь Посполитую, чем и воспользовался Богдан Хмельницкий.

Продолжая эту тему немецкий историк Ф. Пресс замечает, что и после Вестфальского мира Франция и Швеция были заинтересованы в дальнейшем ослаблении империи Габсбургов. Более того, между двумя гарантами сохранения европейского равновесия тоже существовали противоречия. Так, курфюрст Фридрих Вильгельм Бранденбургский полагался на Францию, которая имела тенденцию создать противовес гегемонии Швеции в Северной Германии. Отсюда не только подъем Бранденбурга — Пруссии к положению северогерманского гегемона, но и постоянные противоречия между Францией и Швецией⁹. Это на время отвлекло Швецию от русско-польских дел.

Изложенная точка зрения нашла свое подтверждение и в работе испанского историка Ф. Маркоса, отметившего, что Вестфальский мир завершает эпоху Контрреформации, на протяжении которой Испания играла ведущую роль в стремлении с помощью католической иерархии, папы и императора восстановить католицизм в европейском масштабе. В конце и завершении Тридцатилетней войны протестанты и большинство католиков Германии полагали, что их судьбу необходимо отделить от испанской монархии¹⁰. Это обстоятельство значительно повышало шансы России и Украины в войне против Речи Посполитой, союзника Габсбургов.

Нельзя обойти вниманием изданную в 1992 г. в США монографию П. Бушковича «Религия и общество в России. Шестнадцатое и семнадцатое столетия». Хотя автор мало касается проблем внешне- и внутривосточного порядка, он раскрывает взаимосвязь западноевропейских и восточноевропейских культурных процессов на примере изучения «вестернизации» русской культуры. При этом Бушкович замечает, что пути, по которым европейское влияние попадало в Россию, шли через Украину и Белоруссию. Он пишет, что «Россия получила из Украины «отражение» культуры европейского Барокко, или, точнее, смесь элементов Ренессанса и Барокко¹¹. Автор не отрицает и политического взаимодействия западных и восточных европейских государств.

В отечественной историографии тот факт, что ни Россия, ни освободительное движение на Украине не могли быть изолированы от общеевропейской ситуации, отметил еще в первом издании «Истории дипломатии» С. В. Бахрушин. Наиболее полно внешнеполитическая ситуация в Европе в середине XVII в. и участие России в Тридцатилетней войне исследованы в работах Б. Ф. Поршнева¹². Правильно отметив существование двух ведущих группировок европейских держав, он все же излишне преувеличил степень зависимости политики той или

иной державы от Франции или Габсбургов, а ведь другие государства, в том числе и Россия, преследовали прежде всего свои собственные интересы. Для Поршнева характерна социологизация международных отношений, и он в немалой степени схематизировал Тридцатилетнюю войну, упростив некоторые моменты. Согласно своей схеме, автор преувеличил роль России в международном конфликте на Западе, тогда как много большей она была на Востоке Европы.

Г. А. Санин в книге об отношениях России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в.¹³, предвосхищает уже упоминавшуюся точку зрения Н. Сазерленд, отметив, что в середине и во второй половине XVII в. международный конфликт вылился в локальные войны, в том числе и на востоке Европы. Автор подчеркивает связь с общеевропейской ситуацией взаимоотношений России, Украины и Речи Посполитой в середине XVII в., хотя специально эти вопросы в его книге не получили подробного освещения.

В «Истории Европы» Б. Н. Флорей отмечено, что накануне Тридцатилетней войны русское правительство определило свое место в складывающейся в Европе системе политических союзов, что проявилось в наметившейся тенденции к сближению России с державами антигабсбургского лагеря¹⁴, а, следовательно, превращение России в непримиримого врага Речи Посполитой, готового воспользоваться любыми проявлениями слабости последней.

В контексте рассматриваемой проблемы заслуживает внимания доклад В. А. Артамонова «Очаги агрессии в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XVII—XVIII вв.» на XIV конференции «Славяне и их соседи» (Москва, 1995 г.). Автор выделил в первой половине XVII в. четыре основных очага агрессии — стамбульско-османский, австрийский, шведский и польский, хотя австрийский все же точнее следовало бы назвать габсбургским, ибо в XVII в. ведущую роль в габсбургском хоре играла Испания. Важен тезис Артамонова о том, что нельзя квалифицировать как экспансионизм пассионарную колонизацию, благодаря которой Россия уже в XVII в. стала самым обширным государством мира, а ее войны вплоть до 1796 г. (включая 1812—1814 гг.) могут считаться в целом исторически оправданными. Напротив, экспансионизм за пределами своего культурного круга приводит к перенапряжению и ослаблению очага агрессии и падению национального государства, о чем свидетельствует упадок Речи Посполитой с середины XVII века¹⁵.

Из поля зрения украинских историков, наиболее полно разработавших внутренние проблемы украинской истории, часто выпадает западноевропейский фактор. Кризис в Польше и внутренние предпосылки освободительной войны вполне справедливо отмечены А. Я. Ефименко. Внешние факторы, согласно автору, — это поддержка Хмельницкого со стороны Московского государства, Турции, Трансильвании, Молдавии и Валахии. Эти соображения мы находим и у многих авторов разных лет — Яворницкого, Крипьякевича, Смолия и Степанкова¹⁶. Крипьякевич, правда, отметил, что «сила Украины была в том, что она всегда находилась в связях с Западной Европой и отсюда перенимала все живые культурные веяния»¹⁷. В то же самое время о политических воздействиях Западной Европы на Украину автор почти не упоминает.

Попытки найти взаимосвязи Украины и Западной Европы в середине XVII в. все же есть. Они очень своеобразны: справедливо отмечено, что Украина общалась с Европой через Речь Посполитую, однако в то же самое время последняя ставится в один ряд с сильнейшими державами Европы XVII века. Яркий пример этому — точка зрения Д. Наливайко¹⁸. Он считает, что «накануне освободительной войны на Украине шляхетская Польша относилась к наибольшим по территории и сильнейшим державам Европы», что «она вступила в пору своего наивысшего расцвета». При этом автор ссылается на И. Франко, который отнюдь не числился в ряду специалистов по истории международных отношений XVII века. Тезис об усилении Речи Посполитой, союзника Габсбургов, проигравших Тридцатилетнюю войну, не имеет под собой основы. Венецианцы, а особенно победители Тридцатилетней войны французы «не искали у нее помощи», как пишет Наливайко, а напротив, польские дипломаты постоянно находились в Париже с целью получить поддержку французского правительства против Богдана Хмельницкого. Этот факт не раз мелькает на страницах французского ежегодника «Gazette de France». Да и устойчивого правительства во Франции в годы Фронды (1648—1653 гг.) не существовало. Первому министру кардиналу Мазарини два раза приходилось бежать из Парижа, а принц Конде, управлявший Парижем год, все это время не мог навести порядок. Юный Людовик XIV и его мать Анна Австрийская не имели реальной власти. Где уж тут до поляков, недавних соперников в Тридцатилетней войне! Мазарини стал проявлять знаки внимания к Речи Посполитой лишь после Переяславской Рады 1654 г., способствовавшей усилению России и ее давлению на турок, неизменных союзников Франции. Высказывая свое мнение, Наливайко, очевидно, хотел подчеркнуть силу восстания

запорожцев и достоинства их предводителя. Но именно в том, что Богдан Хмельницкий воспользовался слабостью Польши и европейской ситуацией после Тридцатилетней войны и заключаются скорее всего его ум и дипломатические способности.

Можно констатировать, что в контексте нашей проблемы нередко взгляд извне, глазами зарубежного зрителя, а затем историка, может оказаться более весомым, нежели взгляд изнутри. В этом смысле необходимо отметить точку зрения еще одного украинского историка, ныне проживающего в Канаде, С. Н. Плохия. Он одним из первых отметил важность и значение борьбы украинского народа с католической экспансией в XVI—XVII вв. и показал на основе исследования документов папского Рима и католической конфессии в Речи Посполитой и на Украине, насколько эта экспансия представляла опасность. Важным является вывод о том, что освободительная борьба украинского народа в середине XVII в. сливалась с антиуниатской¹⁹.

Упоминания о международной подоплеке освободительной войны на Украине против Речи Посполитой имеются и в откликах современников. Однако следует заметить, что в источниках польского, русского и украинского происхождения отражены, в основном, взаимосвязи Московского государства и украинских земель первых послевоенных лет лишь с близлежащими соседними территориями — белорусскими землями, Молдавией, Турцией и т. д. Более отчетливую картину взаимоотношений Западной и Восточной Европы в годы освободительной войны дают нам источники французского и немецкого происхождения.

В первую очередь это, конечно, французский ежегодник «*Gazette de France*» (1645–1665 гг.), основанный кардиналом Ришелье в 1631 году. Он наиболее полно из всех зарубежных источников отразил ход войны на Украине и ее связь с другими европейскими событиями середины XVII века. В «*Gazette de France*» есть сведения о сложной внутривнутриполитической ситуации во Франции после Тридцатилетней войны, ходе Английской революции и политике Мазарини по отношению к другим государствам Европы. Ежегодник неоднократно упоминает о польских дипломатических миссиях в Париж с целью получить помощь и поддержку в войне против запорожских казаков и московитов. Так, в июле 1648 г. чрезвычайный посол Речи Посполитой Вишневецкий прибыл во французскую столицу просить помощи и разрешения набрать во Франции волонтеров для борьбы против казацкого войска. Однако французское правительство под любыми благовидными предложениями отклоняло просьбы и предложения Речи Посполитой. Очень важны и интересны сведения относительно связей и совместных действий запорожского казачества и России. В декабре 1651 г. в Париж сообщали, что в Московское государство прибыла уже четвертая депутация от Богдана Хмельницкого. Французы заметили, что Хмельницкий добивается наиболее выгодных условий для совместных действий и объединения с Московией, отмечают у казаков и русских общая религия и другие общие черты. Еще в 1648 г., когда война на Украине только разгоралась, в ежегоднике было зафиксировано, что казаки всегда представляли опасность для Речи Посполитой в войнах с Московским государством, т. е., другими словами, существовала возможность их перехода на сторону русских²⁰. Интерес к Украине и ее обитателям во французской прессе почти целиком зависел от соотношения сил на континенте после Тридцатилетней войны, поэтому будет логичными признать, что Франция более благосклонно относилась в эти годы к Московскому государству.

В мемуарно-монографическом сочинении П. Шевалье война на Украине против Речи Посполитой рассматривается также в европейском масштабе — не раз на страницах его «Истории» мелькает сравнение этого события с Английской революцией, а Хмельницкого — с О. Кромвелем. Первостепенными причинами побед предводителя казаков Шевалье считает сложное внутри- и внешнеполитическое положение Речи Посполитой после Тридцатилетней войны (в связи с ослаблением Габсбургов и усилением Швеции) и заключение союза между Запорожской Сечью и Московским государством. Немалое значение Шевалье придает конфессиональному аспекту, т. е. желанию объединиться сторонников одной веры — православной. Краткие сведения о международной ситуации середины XVII в. в связи с объединением России и Украины и попытка сравнения европейских событий имеются и у французских авторов последующих поколений, а также в современной французской историографии²¹.

Украинский историк Ю. А. Мыцык в своем исследовании «Записки иностранцев как источник по истории Украины» дает довольно подробную характеристику мемуаров и дневников, принадлежавших перу немецких и австрийских авторов XVII века. Последние, пребывая на службе иностранных государств, иногда даже находившихся в состоянии войны с Речью Посполитой, занимали часто или враждебные по отношению к Польше позиции (Л. Мюллер, К. Я. Гильдебрандт), или же нейтральные (Э. Лясота, И. Майер). Они описывали в основном то, что сами видели на Украине, получали информацию от украинских горожан,

крестьян, казаков и др. Здесь же необходимо заметить, что указанные немецкие авторы являлись протестантами по религиозным убеждениям. Например, И. Майер был шведским дипломатом немецкого происхождения, а Гильдебрандт — протестантским пастором. Майер дает ценные сведения о том, что союзник Речи Посполитой — Священная Римская империя все же пыталась оказать ей небольшую поддержку против повстанцев: Фердинанд III Габсбург послал на помощь польскому королю 7000 солдат, сконцентрированных у границы под Краковом. Важное место в «Путевых записках» Гильдебрандта занимает рассказ о действиях двадцатитысячного корпуса полковника А. Ждановича в Польше, который находился там в качестве союзника шведской и трансильванской армий, возглавляемых королем Карлом X Густавом и князем Юрием II Ракоци. Ценные сведения, хотя и противоположной направленности, дает нам «Театр Европы» — фундаментальная, богато иллюстрированная хроника, издававшаяся во Франкфурте-на-Майне в 1634—1738 гг. типографом и художником М. Мерианом. Автором шестого и седьмого томов «Театра Европы», в которых речь идет о событиях 1648—1657 гг., был И. Г. Шледер, католик, уроженец Регенсбурга. Мы находим здесь сведения о наборах правительством Речи Посполитой войск в Пруссии, вербовке наемников в Германии и Голландии. Шледер выступает как защитник интересов Речи Посполитой, как апологет немецких наемников на польско-литовской службе, враждебно относящийся к Московскому государству и Украине. Однако и он не всегда одобряет действия правящих кругов Речи Посполитой. Когда же речь заходит о войне, которую Бранденбург-Пруссия начала против Польши (1655—1657 гг.) враждебность автора в отношении восточнославянских земель почти исчезает²².

Каким же образом Тридцатилетняя война оказала влияние на взаимоотношения Московского государства, Украины и Речи Посполитой в середине XVII века? В первую очередь, она неизбежно вызвала кризис существующей формы государственного устройства в этих странах и регионах. Для России XVII век вообще был «смутным временем», переходным периодом к абсолютистской форме управления государством, утвердившейся при Петре Великом. Внутренний кризис в государстве, связанный с восшествием на престол династии Романовых, зарождение капиталистических отношений в виде формирования внутреннего рынка, поставили перед Россией в середине XVII в. три основные внешнеполитические задачи: освоение новых земель, особенно южных районов; обеспечение безопасности границ со стороны Крымского ханства и Османской империи; возвращение выхода в Балтийское море. Решение этих проблем сталкивало Московское государство с Речью Посполитой, Османской империей и Швецией²³.

Речь Посполитая была государством-уникумом в своем роде, шляхетской республикой с выборным королем и принципом «*liberum veto*». Расцвет польского государства приходится на XIV—XVI вв., а в XVII в. Польша вступила в полосу затяжного кризиса, окончившегося разделами ее территории в конце XVIII в. и исчезновением этого государства на более чем столетний период. Ускорила этот процесс освободительная война на Украине под руководством Хмельницкого и, как следствие, объединение левобережной Украины с Россией.

Кризисом в Речи Посполитой, ослабленной Тридцатилетней войной и находившейся под постоянной угрозой вторжения Швеции и воспользовавшийся Хмельницкий, который сам выказал готовность к сближению, союзу и объединению (на условиях автономии) с Московским государством.

Уже в конце декабря 1648 г., когда Хмельницкий совершил свой триумфальный въезд в Киев, он понимал, что начатая война и участие в ней крестьянства, возмущенного вторым изданием крепостничества, вызвала коренное потрясение польского государства²⁴.

Не подлежит сомнению, что после первых побед над польскими войсками Хмельницкий вынашивал идею независимости Украины. Этим он стремился удовлетворить свои честолюбивые замыслы и вольнолюбивые, антигосударственные настроения казачьей старшины Запорожской Сечи. Хмельницкий вступил в дипломатические отношения с Московским государством, Османской империей, Трансильванией, Молдавией и Валахией. Но победить Речь Посполитую было все же нелегко, а Россия обещала оказать поддержку лишь на условиях будущего объединения. В результате и произошло в 1654 г. такое событие международного значения, как Переяславская Рада, знаменовавшая собой объединение русских и украинских земель, а также логическое разрешение конфессиональной проблемы на Украине и осуществление одного из принципов Вестфальского мира 1648 г. — свободы вероисповедания.

Религия в исследуемую эпоху, несомненно, занимала огромное место в менталитете общества. Поэтому не удивительно, что недовольство экономического, социального или политического порядка, имевшее место в юго-восточных регионах Речи Посполитой в конце

Тридцатилетней войны, облекалось в конфессиональную форму, подобно самой Тридцатилетней войне, или Английской революции середины XVII века.

Таким образом, можно отметить в целом, что войны в большинстве случаев (даже в стане победителей) порождают кризисы, а последние — изменение либо трансформацию политических структур государства. Освободительная война в украинских землях под руководством Богдана Хмельницкого и объединение Украины с Россией были закономерными проявлениями в политической сфере европейского кризиса XVII в., одним из результатов, последствий Тридцатилетней войны, ее эхом в Восточной Европе. В этом смысле война на Украине оказалась куда более широким понятием, нежели считалось ранее. Она была не только внутренним делом Московского государства, Речи Посполитой и Богдана Хмельницкого при более или менее активном участии соседних государств, но и детищем всей европейской политики первой половины XVII веков. Для России все же главным результатом Вестфальского мира было расширение ее границ и укрепление за счет еще весьма опасного соседа и противника — Речи Посполитой. Затронутые здесь проблемы еще требуют своего подробного исследования в контексте европейских событий середины XVII века. Это во многом обогатит и скорректирует наши знания как об этих событиях, так и о Тридцатилетней войне и европейском кризисе XVII в. в целом.

Примечания

1. SUTHERLAND N. The Origins of the Thirty Years War and the Structure of European Policy. — *The English Historical Review*, Vol. 424, July 1992.
2. SCHILLING H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit. — *Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit*. Frankfurt/M. 1991, S. 197—199.
3. SCHILLING H. Formung und Gestalt des internationalen Systems in der werdenden Neuzeit. Phasen und bewegende Kräfte. — *Kontinuität und Wandel in der Staatenordnung der Neuzeit*. Marburg. 1991, S. 24.
4. ROWEN H., HARLINE C. The Birth of the Dutch Nation. — *Politics, Religion and Diplomacy in early modern Europe. Essays in Honor of De Lamar Jensen*. Kirksville. 1994, p. 67.
5. KOENIGSBERGER H. The Politics of Philipp II. — *Ibid.*, p. 171—172.
6. SHILLING H. Formung..., S. 29.
7. HERRING G. Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik 1620—1638. Wiesbaden. 1968, S. 339.
8. SCHILLING H. Formung..., S. 22.
9. PRESS V. Kriege und Krisen. Deutschland 1600—1715. München. 1991, S. 255—256.
10. MARCOS F. S. Der Westfälische Friede, die spanische Diskussion und Europa. Münster. 1995, S. 15—16.
11. BUSHKOVICH P. Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y.; Oxford. 1992.
12. История дипломатии. М. 1941. Т. 1, с. 227; ПОРШНЕВ Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. 1970; ЕГО ЖЕ. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976.
13. САНИН Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М. 1987.
14. История Европы. Т. 3. М. 1993, с. 431.
15. АРТАМОНОВ В. А. Очаги агрессии в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XVII—XVIII вв. — *Славяне и их соседи. Тезисы XIV конференции*. М. 1995, с. 79—82.
16. ЕФИМЕНКО А. Я. История украинского народа. Киев. 1990; ЯВОРНИЦЬКИЙ Л. І. Історія запорозьких козаків. Т. 1—3. Київ. 1990; КРИП'ЯКЕВИЧ І. П. Історія України. Львів. 1990; СМОЛІЙ В. А., СТЕПАНКОВ В. С. Богдан Хмельницький. Київ. 1993.
17. КРИП'ЯКЕВИЧ І. П. Ук. соч., с. 298.
18. НАЛИВАЙКО Д. Козацька християнська республіка. Київ. 1992.
19. ПЛОХИЙ С. Н. Борьба украинского народа с католической экспансией XVI—XVII вв. Днепропетровск. 1987, с. 20.
20. Gazette de France. 1648, p. 925—929, 989; 1651, p. 529.
21. CHEVALLIER P. Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. P. 1663; BENEDETTI G. Essais diplomatiques. P. 1897; BOUCHAROV D. de, La Russie et la Turquie depuis le commencement de leurs relations politiques jusqu'a nos jours. P. 1877; CHEFER CH. Memoires sur l'ambassade de France en Turquie 1525—1770. Par de Saint-Priest. Amsterdam. 1974.
22. МЫЦЫК Ю. А. Записки иностранцев как источник по истории Украины. Днепропетровск. 1981, с. 61, 29, 32, 21—23.
23. САНИН Г. А. Ук. соч., с. 35.
24. ЕФИМЕНКО А. Я. Ук. соч., с. 112.

Вокруг спора двух историков

С. Н. Погодин

Часто случается, что большие друзья в жизни расходятся из-за непримиримости научных взглядов. Именно так произошло и с двумя выдающимися русскими историками: Максимом Максимовичем Ковалевским (1851—1916) и Иваном Васильевичем Лучицким (1845—1918). Они познакомились в 1875 г. в Париже, где оба оказались в научной командировке.

Лучицкий уже был профессором Киевского университета; он занимался изучением кальвинистского течения во Франции. Ковалевский же приехал в Париж по окончании Харьковского университета, для продолжения своего образования. Направленность его научного поиска еще не определилась. Сходство их взглядов на ход истории, преданность науке, любовь к свободе и независимости, профессиональная корректность сделали их друзьями. Именно Лучицкий провел начинающего исследователя в отдел рукописей Национальной библиотеки, где Ковалевский изучает палеографию, приемы чтения и критики старинных документов. Занятия эти неожиданно оказались решающими для всей его дальнейшей научной деятельности. Он становится неутомимым исследователем архивов. Это еще больше укрепляет их дружбу. Но скоро им пришлось расстаться, у Лучицкого заканчивалась научная командировка и он должен был вернуться в Киев, а Ковалевский переехал для продолжения образования в Лондон.

В 90-х годах XIX в. Лучицкий и Ковалевский приступили к многолетним исследованиям крестьянского вопроса накануне и во время Великой французской революции XVIII века. Между ними завязалась научная дискуссия, которая прервала их дружеские отношения.

Исследования обоих историков построены на широком архивном материале. Оба они отличались исключительной добросовестностью в отношении к источнику, его интерпретации, технике и методике его исследования. Оба считали источник основой исторического познания.

В центре внимания И. В. Лучицкого находилась проблема крестьянской собственности во Франции накануне революции. До него этот вопрос трактовался в соответствии с наблюдениями английского путешественника, экономиста А. Юнга, утверждавшего, что в дореволюционной Франции существовало много мелких крестьян-собственников. Но эта точка зрения давно подвергалась сомнению. Выводы Юнга, а позднее А. Токвиля основывались на том, что крестьянские наказы в Генеральные штаты 1789 г., полны упоминаний о мелкой собственности. Токвиль утверждал, что распространенное представление, будто мелкая крестьянская собственность была создана во Франции только в результате революции, неверно, поскольку она существовала и до нее: «революция не создала, а лишь освободила мелкую собственность»¹. Аналогичное мнение высказывал и П. Лафарг в 70—80-х годах XIX в. в статье «Движение поземельной собственности во Франции»: «историки и буржуазные

Погодин Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Санкт-Петербургского государственного технического университета.

политические деятели распространяли сначала намеренно, а впоследствии по невежеству ошибочное мнение, будто революция XVIII века наделила крестьян землей. Во всех французских провинциях существовал еще до революции класс мелких собственников, который, естественно должен был разрастись при малейшем улучшении промышленного благосостояния и торговой свободы». «Дело буржуазной революции, — писал он далее, — состояло не в том, чтобы создать крестьян-собственников, а в том, чтобы сократить их права и нанести последний удар сельской общине». В другом месте он почти полностью повторяет известную и приведенную выше формулировку А. Токвиля — «Революция освободила поземельную собственность от всех феодальных повинностей и разрушила все препятствия, стеснявшие передвижения ее продуктов. Она не дала крестьянам земли, но она сделала ее доступной для них»².

Свои исследования Лучицкий начал в 70-х годах XIX века, напечатав в киевских «Университетских известиях» отдельные разделы, так и оставшейся незаконченной работы «История крестьянской реформы в Западной Европе с 1783 года»³. В дальнейшем, приступив к детальному исследованию архивов по аграрным отношениям во Франции второй половины XVIII в. и связанных с революцией сдвигов в этой области, Лучицкий опубликовал ряд статей и очерков⁴. В 1896 г. выходит первая большая монография на эту тему — «Новые исследования по истории крестьян во Франции»⁵ (одновременно эта работа появляется и на французском языке⁶). Выход в свет монографии «Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене)»⁷, знаменовал новый этап в исследованиях Лучицкого, что получило отражение в статьях «Крестьянство во Франции в XVIII веке» и «Крестьянская реформа во Франции в XVIII веке»⁸. Последняя работа, посвященная этой проблематике, вышла в 1915 году⁹.

Итогом многолетних исследований стала работа, в которой Лучицкий попытался обобщить свои основные выводы и наблюдения¹⁰. Главная их идея заключалась в следующем. Перед революцией конца XVIII века происходил процесс раздробления поземельной собственности. Крестьяне разных категорий, по преимуществу — самостоятельные хозяева, получили много земли, а в эпоху революции стали основными покупателями национальных и церковных земель.

Именно цикл работ Лучицкого, связанный с историей крестьянства накануне Французской революции, принес ему мировую славу и признание. Он впервые поставил на научную основу решение спорного вопроса о крестьянском землевладении накануне революции, опираясь на неиспользованные ранее архивные материалы, в частности налоговые списки (по сбору поземельного налога и тальи) и акты продажи национальных имуществ. Он подверг их детальной обработке и впервые в русской историографии широко применил статистический метод, что дало возможность нарисовать более полную картину распределения земельной собственности. Лучицкий пришел к выводу, что земельная собственность духовенства в деревнях в общем составляла очень малую часть (несколько большую на севере Франции). Земельная собственность дворянства колебалась между 15—20%. Крестьяне же обладали значительным количеством земли: на юге Франции до 50%, несколько меньше — на севере. Земельная же собственность буржуазии была незначительной. Общий вывод Лучицкого состоял в том, что накануне революции во владении французского крестьянства находилось около одной трети земельных площадей страны. Тем самым было подтверждено предположение, высказанное Токвилем.

Исходя из этого, Лучицкий объяснял недовольство крестьян и их участие в революции, не недостатком у них земли, а неравномерностью ее распределения. В отличие от А. Токвиля он не считал революцию ненужной, но подчеркивал, что декреты Конвента по аграрному вопросу одним ударом сняли все тяготы, которые лежали на земле и на крестьянах. Наличие во Франции значительного и относительно обеспеченного крестьянского землевладения («цензивы») Лучицкий расценивал как свидетельство того, что в стране господствовала уже вполне свободная крестьянская поземельная собственность.

Первые работы Лучицкого вызвали возражения со стороны Ковалевского, который сразу же высказал полное с ним несогласие, а затем опубликовал большую статью¹¹. Лучицкий ответил своему оппоненту статьей на ту же тему¹². Ковалевский отрицал распространенность в дореволюционной Франции мелкой крестьянской собственности, утверждая, что почти все земли принадлежали тогда, кроме короля — духовенству, дворянству и буржуазии. Этот вывод делался главным образом на основе анализа преимущественно приходских наказов.

«Имущественная обеспеченность крестьян, — подчеркивал Ковалевский, — не столько возросла в годы, предшествовавшие революции, но значительно пала», вследствие стремле-

ния помещиков переходить к более выгодному использованию своих земель. Если, «дворянское землевладение стало сокращаться в своем размере, то не в пользу крестьян-собственников, а в пользу городской буржуазии, частью сельского мещанства, всякого рода кулаков». Он высказывал сомнение о возможностях роста крестьянской собственности. Крестьяне нищенствуют, писал он, «где уж тут думать о приобретении земель в собственность», «трудно ждать роста мелкой собственности там, где, по описанию наказов, землевладелец, прошедший всю свою жизнь в тяжком труде, умирает в большей бедности, чем та; при какой он впервые приступил к обработке почвы». Ковалевский не отрицал существование сельского землевладения, но не хотел признавать, что оно было повсеместно распространено.

Возражая Лучицкому, обнаружившему в Лимузене массу крестьян-собственников, Ковалевский считал далеко «недоказательным утверждение, что крестьяне Лимузена пользовались своими землями, как собственники, а не как наследственные съемщики». По его мнению, речь может идти не о собственности, а лишь о «пользовании, пожизненном или наследственном, связанном с существованием наделенной системы». Для Франции этого времени «известно было одно зависимое владение сельских возделывателей земли, нечто подобное вечно-наследственной аренде, связанной где с наследием барщины, где с платежом оброка деньгами или натуральными продуктами»¹³. Цензиву Ковалевский не связывал с собственностью, а считал арендой, но не простой, а наследственной. Под собственностью же он понимал только феодальную собственность сеньеров. Лучицкий же напротив утверждал, что цензива это собственность на землю. Таким образом, вопрос о цензиве оказался ключевым в споре двух русских ученых.

По мнению отечественных историков, цензива возникла в IX—X вв. как временное держание, не наследуемое и отчуждаемое, со значительными ограничениями. В последующие века цензива существенно изменилась. В условиях позднего средневековья она становится самой распространенной формой крестьянского держания, наследуемого и отчуждаемого различными путями (продажа, дарение, заклад) без разрешения сеньера. На владельца цензивы переносится теперь право собственности, правда, при сохранении за сеньером верховной собственности на цензиву, особенно при перемене владельца¹⁴. Цензитарий постепенно приближается к положению фактического, а затем и полного собственника земли, становясь все более свободным мелким собственником¹⁵. Однако более поздние исследования А. В. Конокотина привели его к выводу — «вопросы, связанные с цензивой еще далеки от своего окончательного разрешения»¹⁶.

Различная трактовка цензивы была связана с особенностями источников, использованных Лучицким и Ковалевским. Первый опирался на податные списки, а второй пользовался исключительно наказами 1789 года. Лучицкий не отрицал значения наказов как источника, но полагал, что для характеристики крестьянской собственности уместнее и правильнее использовать податные списки прямого пятипроцентного налога (так наз. двадцатины), а также списки тарифицированной тальи, введенной накануне революции в ряде областей Франции. В них учитывалось не только крестьянское землевладение, но и владения и доходы привилегированных сословий. Эти источники позволяют делать более достоверные выводы, в чем Лучицкий был прав.

Ковалевского неоднократно упрекали в недостаточно критическом отношении к предмету исследования и прежде всего к наказам. Необходимо учитывать, что в большинстве своем указы были составлены не крестьянами, а с их слов лицами, умеющими читать и писать. Они не всегда отражали истинную картину, что собственно признавал и Ковалевский¹⁷. Изучение наказов в архивах, по словам Д. М. Петрушевского, вызвало у Ковалевского «пафос пыльной пыли»; ему не хватало времени на тщательное разыскание и сопоставление архивных данных и не удивительно, что для его работ характерен «импрессионизм», когда положения не доказываются, а зачастую лишь бегло иллюстрируются¹⁸.

Как социолог, Ковалевский был занят поиском аналогий и параллельных типов развития в Англии и Франции. Ему казалось, что на общей западноевропейской экономической почве, должны расти и одинаковые плоды. Эволюция аграрного строя во Франции с XVII по XVIII в. должна была, по его мнению, содержать — пусть и в менее ясной форме — те же элементы, что и в Англии: обезземеливание крестьянства, превращение части его в фермерство, рост крупной земельной собственности привилегированных классов.

Однако все эти недостатки во многом искупались оригинальностью и свежестью мысли этого историка, выдвигавшего проблемы для дальнейшего исследования. По словам Н. П. Грацианского, «там, где виден широкий мазок Ковалевского, там возникает жажда исследований с целью подтверждения или опровержения его построений»¹⁹. Ковалевский на основании приходских наказов рассмотрел развитие французской деревни накануне

революции, добавил немало конкретных черт и деталей к нарисованной Н. И. Кареевым картине положения крестьян²⁰. Особая заслуга Ковалевского состоит в том, что он показал развитие капиталистических отношений в деревне, начавшуюся дифференциацию крестьянства и совершенно правильно «отметил развитие капиталистического фермерства на севере Франции»²¹. Ковалевский впервые в исторической литературе указал на значение кустарной промышленности, которая нередко являлась «якорем спасения для недоедающей семьи крестьян-землепашцев»²².

Лучицкий же извлек и обработал ранее неизвестный материал по аграрной истории Франции. «Едва ли найдется среди французов историк, которому так хорошо известны французские архивы... и который сделал так много для истории французского крестьянства в XVIII веке и вообще аграрных отношений»²³, — отмечал Кареев. Своими исследованиями Лучицкий положительно решил главный вопрос — о наличии значительной земельной собственности французских крестьян и о увеличении ее за счет купли в процессе распродажи национальных и церковных земель. В этой связи французский историк Ф. Саньяк так характеризовал работы Лучицкого: «История поземельной собственности во Франции до революции еще несколько лет тому назад была совсем плохо известна, если теперь мы ее знаем, по крайней мере, в некоторых наиболее существенных ее чертах, то этим мы всецело обязаны Лучицкому»²⁴. Другой французский историк Ф. Вольтерс, отмечал — «Добытые им (Лучицким) результаты дают право утверждать, что во Франции накануне революции существовало весьма значительное количество средних и довольно большой слой мелких и мельчайших земельных собственников, которые принадлежали к крестьянскому сословию»²⁵. Ж. Лефевр в своей работе «Крестьяне Севера», писал — «Мой труд был предпринят в 1904 году, его идея была мне подсказана трудами Кареева, Лучицкого, Саньяка, а также историей революции Жана Жореса, которые привлекли внимание к значению экономической истории этого периода, и в частности к изменениям в аграрных отношениях»²⁶.

В отечественной историографии первым обратил внимание на спор Лучицкого и Ковалевского Кареев. Первоначально он занимал сторону Ковалевского, однако после детального ознакомления с работами Лучицкого, встал на сторону последнего²⁷.

После 1917 г. ведущая роль в изучении истории Великой французской революции стала принадлежать Н. М. Лукину. Вначале он характеризовал положение французских крестьян накануне революции с позиций, близких Лучицкому. «Крестьянское землевладение, — писал Лукин, — не только не сокращалось, но наоборот, росло за счет дворянской и буржуазной собственности... Можно считать, что еще до революции во Франции имелось множество мелких крестьян-собственников. Считаю, что к концу XVIII века число земельных собственников составляло 4 миллиона, в их владении находилось 51 725 095 гектаров»²⁸. Позднее Лукин пересмотрел многие из ранее выдвинутых им положений, в частности по вопросу о дифференциации и классовой борьбе в деревне накануне и в годы революции, о роли и месте капиталистической мануфактуры в промышленности, но при этом не отказался от своих взглядов на роль мелкой крестьянской собственности.

К предмету полемики между Лучицким и Ковалевским обратился С. Д. Сказкин, начавший свои исследования аграрной истории Франции еще накануне революции 1917 г. в семинаре А. Н. Савина²⁹. Сказкин использовал малоизученный до него источник: труды французских февдистов XVII—XVIII веков³⁰. Он доказал, что крестьянская цензива рассматривалась современниками как собственность и поэтому в этом спорном вопросе Лучицкий был в общем прав. Однако, привлекая свидетельства различных источников — наказов, податных документов, сельскохозяйственных кадастров, Сказкин, пересмотрел ряд выводов Лучицкого. «Вывод Лучицкого, — писал он, — нуждается в весьма основательном пересмотре, когда дело идет о процессе внутри самого крестьянства»³¹. Деревенская буржуазия, выросшая из крестьянской среды, скупала или арендовала земли, принадлежавшие как привилегированным классам, так и крестьянам. В Шампани ко времени революции уже имелся достаточно значительный слой крупных кулацких хозяйств, нуждавшихся в постоянном притоке новой рабочей силы.

Крестьянский вопрос во Франции находился и в центре внимания А. В. Адо. Он признавал заслугу Лучицкого в исследовании крестьянской собственности накануне революции, но не решился на пересмотр многих устоявшихся положений о Французской революции. Он указывал на наличие «в аграрном развитии предреволюционной Франции двух различных тенденций. С одной стороны, шел процесс земельной концентрации, пауперизации и обезземеливания. В то же время пробивала себе дорогу тенденция к стабилизации и некоторому росту крестьянского землевладения (а также и землепользования)»³². Этот вывод появился у Адо только в работе, вышедшей в 1987 году³³.

В канун 200-летия Великой Французской революции, многие отечественные историки призывали заново переосмыслить ряд характеристик этого исторического события³⁴. И в этой связи отрадно отметить их стремление в полной мере признать и оценить заслуги и Лучицкого и Ковалевского³⁵.

Примечания

1. ТОКВИЛЬ А. Старый порядок и революция. М. 1918, с. 42.
2. ЛАФАРГ П. Сочинения. Т. 2. М.-Л. 1928, с., 60—63.
3. См. Университетские Известия (Киев). 1878. Т. 10.
4. См. Там же, 1895. Т. 1; 1896. Тт. 3, 8; Новое слово, 1896, № 1; 1913, № 2, 3; Научный исторический журнал. 1914, № 3 и др.
5. ЛУЧИЦКИЙ И. В. Новые исследования по истории крестьян во Франции. Киев. 1896.
6. LOUTCHISKY I. V. La petite propriété in France et la vente des biens nationaux. P. 1896.
7. ЛУЧИЦКИЙ И. В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). Киев. 1900.
8. См. Книга для чтения по истории нового времени. Тт. 2, 3. 1911; LOUTCHISKY I. V. L'état des classes agricoles en France a la veille de la révolution. P. 1912; ejusd. La propriété paysanne en France a la veille de révolution, p. 1912.
9. ЛУЧИЦКИЙ И. В. Аграрные отношения в окрестностях Парижа накануне революции. — Журнал Министерства народного просвещения. 1915, № 6.
10. ЛУЧИЦКИЙ И. В. Состояние земледельческих классов во Франции и аграрная реформа 1789—1793 годов. Спб. 1912.
11. КОВАЛЕВСКИЙ М. М. Вопрос о крестьянской собственности до революции и о том, в чьи руки перешла масса конфискованных у церкви земель. — Русская мысль. 1896, № 7.
12. ЛУЧИЦКИЙ И. В. К вопросу о состоянии мелкой собственности во Франции до и во время революции. — Новое слово, 1896, № 11.
13. КОВАЛЕВСКИЙ М. М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. Спб. 1912, с. 8, 2, 3, 4, 8, 14, 24, 26, 38.
14. См. СКАЗКИН С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства. М. 1968, с. 225; КОНОКОТИН А. В. К вопросу о времени возникновения цензивы в феодальной Франции. — Средние века. Вып. 36. М. 1976, с. 164.
15. См. КОНОКОТИН А. В. Очерки по аграрной истории Северной Франции. — Ученые записки Ивановского пединститута. Т. 16. Исторические науки. 1958.
16. КОНОКОТИН А. В. К вопросу о времени возникновения цензивы.
17. См. КОВАЛЕВСКИЙ М. М. Происхождение современной демократии. Т. 2. Спб. 1895, гл. IV.
18. Цит. по КОСМИНСКИЙ Е. А. Проблемы английского феодализма и истории средних веков. М. 1963, с. 90.
19. ГРАЦИАНСКИЙ Н. П. М. М. Ковалевский. — Русская мысль, 1916, № 6, с. 56.
20. КАРЕЕВ Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М. 1879.
21. СКАЗКИН С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII века. В кн.: Европа в новое и новейшее время. М. 1966, с. 108.
22. КОВАЛЕВСКИЙ М. М. Происхождение современной демократии. Т. 1. М. 1895, с. 281.
23. КАРЕЕВ Н. И. 50 лет научной работы Лучицкого. — Новый исторический журнал, 1914, № 4, с. 3.
24. Научный исторический журнал, 1914, № 4, с. 22—23.
25. ВОЛЬТЕРС Ф. Очерки по истории аграрных отношений и аграрный вопрос во Франции 1700—1790. Пг. 1923, с. 13.
26. LEFEBVRE G. Les paysans du Nord. 2-e. ed. Bari. 1959. p. 11.
27. См. КАРЕЕВ Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века; его же. Памяти двух историков. — Анналы. 1922, № 1; его же. Изучение французской революции вне Франции. Л. 1925.
28. См. Новейшая история Западной Европы. Вып. 1. М.-Л. 1925, с. 42.
29. См. СКАЗКИН С. Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции XVIII века. В кн.: Европа в новое и новейшее время. М. 1966.
30. СКАЗКИН С. Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве. — Средние века. Вып. 1. М. 1942.
31. СКАЗКИН С. Д. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 г. «Пахари» и «поденщики» в Шампани в XVIII в. — Историк-марксист, 1936, № 2, с. 26.
32. АДО А. В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789—1794 гг. М. 1987, с. 63, 64.

33. АДО А. В. Великая французская революция и современность. — Материалы международной научной конференции. Москва. 23—24 ноября 1989. М. 1990, с. 139.
34. НАРОЧНИЦКИЙ А. Л. Юбилей Французской революции — поиски и проблемы. — Новая и новейшая история. 1989, № 3; РЕВУНЕНКОВ В. Г. Великая французская революция и новые подходы. — Вопросы истории, 1989, № 5; ЧУДИНОВ А. В. Назревшие проблемы изучения истории Великой французской революции (по материалам обсуждения в ИВИ АН СССР). — Новая и новейшая история, 1989, № 2; Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. Материалы круглого стола. 19—20 сентября 1988. М. 1989.
35. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Новое мышление и изучение Великой французской революции XVIII века. В сб.: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. Материалы круглого стола. 19—20 сентября 1988. М. 1988.

Е. С. СЕНЯВСКАЯ. 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М. 1995. 220 с.

В книге кандидата исторических наук Е. С. Сениявской, изданной Институтом российской истории РАН, рассматривается целостный социально-психологический и нравственный феномен — поколение фронтовиков, прошедшее суровую закалку в годы Великой Отечественной войны. Автор предлагает свое истолкование основных черт характера и духовного облика этого поколения, исходя при этом из его мировоззренческих установок, ценностей и идеалов и с учетом присущих ему психологических, моральных, нравственных черт.

Отдельный раздел посвящен источниковедческим аспектам данной темы. Особое внимание уделяется мемуарам, эпистолярному наследию, фольклорным источникам, по которым особенно хорошо можно проследить личностные отношения, духовный мир изучаемого поколения. Интересны соображения автора относительно методики анализа и интерпретации источниковых текстов, использования в целях научного исследования фонда военной цензуры в Центральном архиве Министерства обороны. По мнению автора, при обращении к мемуарной литературе не следует сосредотачиваться на противопоставлении «правды вымысла» исторической правде. Первая, считает автор, заслуживает специального историко-социологического исследования.

Сложные задачи стоят перед теми историками, которые стремятся рассказать, какой видели войну солдаты и офицеры, непосредственно участвовавшие в боевых действиях. Трудно, думается, согласиться с утверждением автора, будто «воспоминания рядовых бойцов и офицеров младшего и среднего звена почти не упоминаются в трудах историков» (с. 50). «Солдатские мемуары» по большей части издаются в виде сборников газетных перепечаток, т. е. это, как правило, зарисовки, обработанные журналистами. В мемуарах полководцев, старших офицеров (также подвергшихся литературной обработке) речь обязательно заходит и о поведении бойцов, младших командиров при выполнении ответственных боевых заданий. Им,

главным исполнителям и героям посвящают свои книги маршалы и генералы. Вместе с тем, все шире используются магнитофонные записи воспоминаний участников боев. И не следует историкам огорчаться по поводу расхождений в воспоминаниях солдат и маршалов. Гораздо продуктивнее учитывать уникальность и специфичность воспоминаний солдат-окопников. Солдат, младший офицер не успевали осмыслить общую картину скоротечных, по большей части, боев, но такая личностная правда о войне представляет особую значимость для исследователя.

Большое внимание в книге уделено истокам формирования психологии фронтового поколения, динамике социального, нравственного мужания молодых воинов. Этот анализ осуществлен в книге широко, по всем родам войск и на разных этапах войны. В настроениях фронтовиков автор прослеживает возрастные, социальные, психологические характеристики, типичные для духовного облика армейской молодежи.

С глубоким волнением читается раздел, посвященный женщинам на войне. Автор не только восхищается поведением фронтовичек, но и как бы сопереживает их трудностям. С большим тактом Сениявская размышляет о сложностях и тонкостях взаимоотношения полов в Действующей армии.

Выскажем некоторые суждения по вопросам принципиального значения. Автор исследования не сумел избежать влияния утвердившегося в последние годы стереотипа, стремления искать истоки недостатков, кризисов и трагедий, исключительно в социалистической идеологии. Отбрасывание всякого позитивного исторического опыта способно только усилить у современного читателя (особенно старшего поколения) ностальгию по прошлому. Стоило бы также учитывать реальные условия этой жесточайшей войны и при рассмотрении вопросов, связанных с монополией государства на средства массовой информации и влиянием партийной-политической пропаганды. Сениявская отмечает, что идеалы Октября воспринимались сознанием мил-

лионов людей как реальные и достижимые, представлялись воистину социалистическими, вызывая прилив энтузиазма и преданности новому строю. Однако превращение этих идеалов в «материальную силу», автор называет главной трагедией, а саму эту силу «агрессивной и опасной». Но не эта ли сила приближала разгром фашизма, являясь важнейшим фактором победы?

В разделе «Героические символы: реальность и мифология войны» автор пишет, что система «творила символы и в области военной героики», насаждала девиз «За Родину, за Сталина», целый катехизис «сталинских идеологем». И все же стоит поглубже разобраться в том, почему несурзости с порядком награждения были преимущественно связаны с наиболее драматическим начальным периодом войны (подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, Зои Космодемьянской, «Молодой гвардии» и других), когда награждения шли весьма скупо, а жгучая потребность поднять престиж подвига с тем, чтобы он стал символом, требовала незамедлительной и широкой пропаганды подвигов-символов, подвигов-стимулов. Думается многое было

связано с трагическими обстоятельствами первого периода войны. Порядок с наградами в значительной мере был налажен по мере успехов армии. Все больше расширялись права командиров награждать за боевые подвиги от имени Президиума Верховного Совета СССР.

Сенявская близка к истине, когда называет патриотизм народов СССР «многонациональным», но я считаю вполне правомерным и понятие советский патриотизм.

Приложения дополняют основной текст книги интересными документами, но они излишне пространны и пестры. Можно было бы более тщательно отбирать материал.

Пафос исследования выражен словами, взволнованно завершающими книгу: «Мы все в долгу перед этим поколением... Без этого фронтового прошлого у России нет будущего» (с. 167). Молодой автор с готовностью и с достоинством принял эстафету в исследовании истории суровой и героической военной поры у старшего поколения.

Э. Э.ШКЛЯР

В. Б. КОНАСОВ. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда. Изд-во Вологодского ИПК и ППК. 1996. 320 с.

Это первое в России монографическое исследование на указанную тему. В СССР изучалась лишь деятельность антифашистов среди германских военнопленных¹. В 90-х годах стали печататься воспоминания военнопленных². Появились в печати и первые статьи³. В. Б. Конасову и его коллегам принадлежит ряд брошюр и статей о судьбах немецких военнопленных⁴.

Автор использовал в своей работе западногерманские источники⁵.

Конасов считает одной из своих задач установление численности немецких военнопленных в СССР, в первую очередь, по архивным документам армейских приемных пунктов, фронтовых лагерей и конвойных войск НКВД. «По подсчетам наших зарубежных коллег, — пишет автор, — в руках СССР оказалось свыше 3 млн. солдат и офицеров вермахта, из которых приблизительно 1,15 млн человек внесены в скорбный список безвозвратных потерь» (с. 16). Приведенные в работе Конасова советские данные, имеют ведомственный характер и к тому же разнятся между собой. Автор полагает, что следует «поставить под сомнение правдивость сообщений Совинформбюро и сведений Генштаба РККА, признать, что более полумиллиона человек не были взяты на учет НКВД-МВД, так как погибли при конвоировании на армейские приемные пункты, при транспортировке в тыл и умерли в стацио-

нарных лагерях и спецгоспиталях, но их смерть не нашла отражения в центральной картотеке учета» (с. 117). Вопрос о смертности немецких военнопленных в Советском Союзе, считает автор, является темой специального исследования и требует кропотливых разысканий историков в различных архивах (с. 164).

Автор называет международные соглашения и конвенции о военнопленных, которые нарушались советскими властями. Он не ограничивается описанием судеб немецких военнопленных, но сравнивает их с положением пленных США, Великобритании — в Германии, Японии — в США, советских — в Германии. «В годы войны Советский Союз откликнулся на просьбу правительств США, Великобритании и Японии быть посредником в деле обмена посылками, предназначенными для военнопленных. На аналогичную любезность с их стороны Москва неизменно отвечала отказом» (с. 50—51). Конасов приводит статистические данные о смертности военнопленных в Германии. По данным западногерманских историков, из 235 473 английских и американских солдат и офицеров, содержащихся в Германии, за весь период войны умерло 7 348 человек. «И всего за десять дней (21 октября — 30 октября 1941 г.) на оккупированной польской территории из 361 612 погибло 45 690 советских военнопленных» (с. 5). Конасов считает, что

ответственность за гибель наших людей от голода и болезней «лежит и на сталинском правительстве, проявившем преступное равнодушие к судьбам своих соотечественников» (там же). Конечно, с советского правительства нельзя снимать ответственности за гибель людей в Польше в октябре 1941 г., но ее нельзя объяснить исключительно отказом в пересылке посылок. Сталинское руководство повинно прежде всего в самом факте пленения бойцов и командиров Красной Армии. Оно следовало не оборонительному, а наступательному плану ведения военных действий хотя ни страна, ни армия не были готовы к этому, в результате чего многие советские солдаты и офицеры оказались в немецком плену.

В монографии разоблачаются мифы, распространяемые рядом советских военных историков, о якобы, неукоснительном соблюдении СССР правил ведения войны» (с. 56—59). Лагеря военнопленных в СССР делились на обычные и «режимные»; в последних находились военнослужащие СС, СД, сотрудники гестапо и полиции, а также лица, «склонные к побегу», военные преступники. К уголовной ответственности привлекались офицеры, имеющие награды, лица допускающие антисоветские высказывания, уроженцы западных зон Германии и т. п. (с. 159). Они-то и попадали чаще всего в «режимные» лагеря. В «обычных лагерях в несколько лучшем положении по сравнению со всеми остальными находились антифашисты. Они получали и повышенные нормы питания, и более сносное жилье, и более легкую работу» (с. 58).

Из 2 088 кладбищ, на которых были похоронены военнопленные в СССР, к 1 января 1953 г. осталось всего 300, остальные сравняли с землей. «Сегодня мы имеем еще более удручающую картину. Между тем наведение порядка на погостах, где покоится прах усопших, розыск затерянных могил — это не только требование норм международного права, но и веление нашего времени» (с. 59). Позволю себе добавить: необходим розыск также и тайных захоронений военнопленных.

Автор описывает репатриацию германских военнопленных из СССР в 1945—1955 годах. Репатриация пленных, в большинстве случаев инвалидов, проводилась в обстановке полной секретности и, по словам министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, «под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерях» (с. 134). При этом предусматривалось, что лица «служившие в СС, СД, СА и гестапо остаются в лагерях, несмотря на свое физическое состояние» (с. 133). Конасов упоминает и об отношении властей к советским военнопленным. Характерен доклад начальника отдела репатриации 3-й ударной армии полковника Н. К. Мячина 19 июля 1945 года: «При очередной встрече с представителями союзного командования нам было предложено принять от них 4000 советских раненых военнопленных... Отказался, так как не имеется возможности их госпитализировать» (с. 132).

Заключительные очерки посвящены судьбам генералов — Ф. Паулюса и командующего обороной Берлина Г. Вейдлинга. Последний похоронен на городском кладбище г. Владимира (в книге не говорится, сохранилась ли его могила). Он провел в тюрьме этого города последние годы жизни, был присужден советским судом к 25-ти годам лишения свободы главным образом за отказ поддержать версию Сталина о бегстве Гитлера из Берлина.

Подборки документов иногда превышают размер авторского текста. К сожалению, документы не комментируются, хотя в отдельных случаях пояснения и уточнения явно необходимы. Так, в приложении к первой главе дан приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года. В приказе перечислены факты героизма и трусости и в частности упоминается командующий 28-й армией генерал В. Я. Качалов (1890—1941), о котором говорится, что он «предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу» (с. 73). В доперестроенной энциклопедии о Качалове сообщалось, что он погиб в бою 4 августа 1941 года в районе Рославля⁶. В более поздних публикациях проясняется характер этих боев⁷. Качалов, выполняя приказ Ставки о контрударе по врагу, завел армию в окружение. Находясь в безнадежном положении, командир в танке пытался вырваться из огненного кольца, но это был акт отчаяния, способ самоубийства, чтобы избежать плена. Фактически же в гибели Качалова и его армии повинно было сталинское командование. Клеймо же предателя многие годы незаслуженно тяготело над его семьей.

Книга несмотря на отдельные недостатки и неполноту данных о гибели немецких военнопленных в СССР, будет способствовать изучению истории войны.

В. В. ФАРСОБИН

Примечания

1. БЛАНК А. С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945. Вологда. 1963; ШЕВЧЕНКО А. М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии. — Ежегодник германской истории. М. 1974 и др.
2. ФРЕДЕРТ Х. Приключения в русском плену. Из воспоминаний. — Нева, 1992, № 2; Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий. СПб. 1993; НИЛОВ Г. Е. Лагерь № 447. Север. 1995 и др.
3. ГАЛИЦКИЙ В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) — Военно-исторический журнал, 1990, № 9; его же. Проблемы военнопленных и отношение к ней Советского государства. — Советское государство и право, 1990, № 4; его же. Репрессивная политика Советско-

го правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956 гг.) В сб. Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995; его же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена. — Социологические исследования, 1991, № 10.

4. КОНАСОВ В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда. 1991; КОНАСОВ В. Б., ПОДОЛЬСКИЙ В. М., ТЕРЕЩУК А. В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. М.

1991; КОНАСОВ В. Б. Как лечили военнопленных. — Резонанс, 1990, № 19; его же. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР. — Вопросы истории, 1994, № 11 и др.

5. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, 22 Bände. München. 1962—1974; DEHNEL R. Deutsche Kriegsgefangene in Gebiet Wologda 1942—1949. Hamburg. 1995.
6. Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М. 1995, стб. 327.
7. Военно-исторический журнал, 1993, № 3, с. 2.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. М. «АИРО—XX». 1995. 340 с.

Сборник состоит из документов и материалов Политбюро ЦК. До августа 1991 г. к ним не допускался практически никто. Только летом 1992 г. на заседании Конституционного суда РФ, рассматривавшего конституционность указов Президента России о запрете деятельности КПСС и КП РСФСР, а также законность самой этой организации, были продемонстрированы самые секретные документы КПСС, хранившиеся под грифом «Особая папка».

После указа Президента от 24 августа 1991 г. о передаче архивов партии и госбезопасности в ведение российской архивной службы в бывшем Центральном партийном архиве (ЦПА) Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории — РЦХИДНИ) стали выдаваться исследователям недоступные ранее материалы пленумов ЦК, протоколы Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК, личные фонды руководящих деятелей КПСС.

В сборник вошли документы, относящиеся к периоду с 1930 по 1941 год. Включены в него правила работы, а также постановления Политбюро и его комиссий, создаваемых по отдельным текущим вопросам, решения по соблюдению правил конспирации и контролю за выполнением принятых постановлений, а также сведения о составе Политбюро и материалы о его деятельности, представленной главным образом перепиской руководства, документами о порядке созыва и хроникой заседаний этого органа.

Сборник отчетливо выявил ограниченность того комплекса источников, который имеется на сегодняшний день в распоряжении работников РЦХИДНИ. Как известно, в ЦПА поступали только копии неразезернутых протоколов высших партийных органов и принятых решений («слушали» — «постановили»). Все подготовительные материалы к заседаниям и стенограммы Политбюро (в 1930-е годы ведение таких стенограмм было не правилом, а исключением) хранились в Общем отделе ЦК

КПСС и в ЦПА не передавались. Туда шли главным образом материалы, представлявшие идеологический интерес, а свидетельства каждодневной работы партийного аппарата оседали в архивах Общего и других отделов ЦК. Документы, которые выборочно публиковал в 1989—1991 гг. журнал «Известия ЦК КПСС» по истории сталинского периода, хранились как раз в Общем отделе ЦК. Известно, что эти материалы перешли сначала в архив аппарата Президента СССР, а затем Президента России. Этот архив явился наследником того самого секретного архива, который формировался с начала 1920-х гг. в структуре Бюро Секретариата ЦК отдельно от общего архива Секретариата¹. Именно в этом архиве, по свидетельству заведующего общим отделом ЦК во времена перестройки В. И. Болдина, «отдельный отсек занимали документы так называемой «особой папки» и материалы, хранящиеся в закрытых еще в 30-е годы пакетах»².

В последние годы в печати несколько раз ставился вопрос о возможности историков работать с материалами Президентского архива. Однако дело ограничилось допуском лишь немногих историков (Д. А. Волкогонов, Ю. А. Горьков, О. А. Ржешевский и некоторые другие). Что касается передачи этих материалов РЦХИДНИ, то в 1992 г. директор Президентского архива А. В. Коротков дал весьма примечательный ответ, который тогда же был опубликован: «Никакими практическими задачами, — говорилось в этом письме, — такая работа, по нашему мнению, не обусловлена; ни в настоящее время, ни в ближайшей перспективе каких-либо совместных работ с Центром Архив Президента не планирует. Кроме того, ознакомление с документами архива осложнено по техническим и организационным причинам»³. Сами же работники архива по своему усмотрению произвольно публиковали документы, пока их деятельность не была более или менее введена в рамки «Вестника архива Президента Российской Федерации»

(выходит как журнал в журнале «Источник» с 1995 г.). Но это не исключает, а только усиливает настоятельную необходимость решения вопроса о статусе Президентского архива.

К 1995 г. ситуация несколько изменилась. По словам составителей сборника, «некоторое время назад один их экземпляров особых протоколов передали в учреждение Архивной службы Российской Федерации, что подразумевает их использование историками. Однако пройдет, видимо, еще немало времени, пока, с одной стороны, будут преодолены многочисленные бюрократические ограничения на доступ к этим документами, а с другой — историки сумеют освоить этот важный источник» (с. 9). По крайней мере, составители сборника этого не сделали. В настоящее время «Особые папки» с 1923 по 1934 гг. стали доступны исследователям. В сборнике отсутствуют подготовительные материалы, на основе которых готовились постановления Политбюро. Они также до сих пор находятся в Президентском архиве и, как говорят сами составители, «от их обещаний передачи в научные центры архивной службы до освоения в качестве исторического источника пройдет немало времени».

Таким образом, за время, прошедшее с августа 1991 г., чиновники архивной службы свято хранили секреты КПСС и прежде всего тот комплекс документов, который имел гриф «Особая папка». В последнее время становится все более явной тенденция нового «замораживания» доступа к секретным документам КПСС.

Кроме общей картины состояния источников по истории Политбюро и их доступности, сборник выявил также степень изученности механизма коммунистической власти в СССР. Историкам предстоит проделать огромную работу, чтобы понять этот механизм в действии. Сама работа над подготовкой сборника документов заставила составителей вплотную подойти к этой проблеме.

Если до революции лишь некоторые документы оформлялись как секретные, то в советский период это стало общим правилом. Коммунистическая власть создавала обстановку строжайшей секретности, проводя свою политику в тайне как от народа, так и от собственной партии, о чем свидетельствуют периодически принимавшиеся Политбюро решения о соблюдении конспирации. Наиболее секретные постановления вообще не вносились в протоколы заседаний Политбюро и шли под грифом «особая папка».

В приложении к протоколу Политбюро от 3—8 февраля 1922 г. имеется весьма знаменательный пункт, который вскоре стал играть основополагающую роль в секретном делопроизводстве Политбюро. Этот пункт гласил: «Особо секретные предложения и решения Политбюро вносятся в протокол в самой краткой форме, самое же решение заносится на особом листе. Необходимые сообщения заинтересованным лицам делаются на

особом листе под их распиской, причем, безусловно и немедленно по прочтении возвращаются в Секретариат ЦК». Оговаривалось, что вся «соответствующая переписка» ведется только через Молотова или Смирнова — тогда заведующего бюро секретариата. С середины 1923 г. в протоколах Политбюро уже постоянно встречается вместо решения запись — «см. особую папку»⁴. Характерно и то, что мотивы принятия основных решений не раскрывались. Работники партийных и государственных органов руководствовались постановлением Политбюро от 12 апреля 1923 г., в котором говорилось, что «Наркоматы (НКВД, НКВоен, ГПУ и др.)» при внесении особо секретных вопросов в Политбюро должны были «не мотивировать их в письменном виде, а вносить путем предварительного сговора с Секретариатом ЦК»⁵.

В большинстве случаев судьбоносные решения, которые определяли жизнь страны в советский период (в 1930-х гг. особенно), принимались не на заседаниях высших органов партийного аппарата, а узким кругом руководителей (эти заседания не стенографировались и не протоколировались), а затем принятые решения оформлялись как решения соответствующих органов и проводились в жизнь от имени Политбюро или просто ЦК партии, а в 1930-е годы, чаще всего от имени ЦК и СНК.

Первое время после отхода Ленина от активной политической деятельности все основные вопросы решала «тройка» — Зиновьев-Сталин-Каменев. «В Политбюро есть другое Политбюро и в ЦК есть другой ЦК», — говорил Троцкий на октябрьском 1923 г. пленуме ЦК⁶. С августа 1924 г. эта группа превратилась в «семерку», в которую входили члены Политбюро Сталин, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский и председатель ЦКК Куйбышев. «Семерка» имела свой шифр и псевдоним «руководящий коллектив», о чем впервые стало известно после выступления Зиновьева на объединенном июльском 1926 г. пленуме ЦК и ЦКК⁷. Именно об этой реальной власти говорил в 1930 г. С. И. Сырцов на совещании своих сторонников и именно это явилось главной причиной обвинения его в антипартийных действиях со всеми вытекающими из этого обвинения последствиями. Документы по делу Сырцова опубликованы в сборнике. Основным криминалом в действиях Сырцова заключался в том, что он понял реальный механизм принятия решений. «Политбюро — это фикция. На самом деле все решается за спиной Политбюро небольшой кучкой, которая собирается в Кремле...» и в которую входили тогда Сталин, Молотов, Каганович, Микоян, Орджоникидзе (с. 97, 99).

В последующие годы состав этой руководящей группы неоднократно менялся. Очевидно, что перед войной все вопросы внешней политики страны решали два человека — Сталин и Молотов. История этой реальной власти фактически не изучена. Не представлено ни одного документа, приоткрывающего завесу над ее деятельностью и сос-

тавителями сборника. Их указание на то, что о ее существовании свидетельствует приведенный в сборнике документ (№ 35) от 14 апреля 1937 г. о создании постоянных комиссий при Политбюро ЦК «в целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера...», нуждается в дополнительном документальном обосновании.

Несмотря на существующие объективные препятствия, составители сборника и в этих условиях могли (и должны были) попытаться сделать его хотя бы иллюстративным, если бы у них была четко выработанная концепция как самого сборника, так и истории советского общества в обозначенный период, а главное — стремление раскрыть реальную деятельность Политбюро. Иначе невозможно объяснить, почему в издание не включены, к примеру, уже известные руководящие материалы Политбюро по развязыванию Большого террора, в частности, постановление от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах», дававшее карт бланш на массовые репрессии. Один из составителей сборника О. В. Хлевнюк хорошо знает эти материалы и специально писал на эту тему⁸.

Почему проигнорировано известное постановление Политбюро от 5 марта 1940 г. о расстреле 14.700 польских военнопленных, а также 11.000 других, арестованных, находившихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии. Почему не представлено ни одного документа о реальной деятельности Политбюро в предвоенный период? Невозможно объяснить объективными причинами и тот факт (на это уже указывал Б. Вайль в «Книж-

ном обозрении» от 19 марта 1996 г.), что в именном указателе в подавляющем большинстве случаев сказано не «расстрелян», а «репрессирован», что далеко не одно и то же! Что мешало составителям сегодня назвать вещи своими именами?

Сборник мог бы стать событием в нашей научной и общественной жизни, если бы составители постарались заставить эти документы «заговорить» и тем самым хотя бы немного приподняли завесу над тайнами механизма коммунистической власти. Однако он таковым не стал. Тем не менее, даже в таком виде сборник дает представление о том, насколько некомпетентной и в то же время всепроникающей и всеохватывающей была коммунистическая власть, насколько свободно и бесконтрольно она распоряжалась судьбами миллионов людей и ресурсами огромной страны.

И. В. ПАВЛОВА

Примечания

1. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 792, лл. 77, 208.
2. БОЛДИН В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995, с. 256.
3. Свободная мысль. 1992, № 14, с. 121.
4. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 260, л. 6.
5. Источник. 1993, № 5-6, с. 91.
6. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 104, л. 40.
7. Там же, д. 264-4, лл. 28—29.
8. ХЛЕВНЮК О. В. Управление государственным террором. — Свободная мысль. 1994, № 7—8.

А. Г. ЛАТЫШЕВ. *Рассекреченный Ленин*. М. Изд-во «Март». 1996. 336 с.

Не только рядовые читатели, но и исследователи в прежние годы были лишены возможности изучать архивные документы. Архивы были недоступны, а ленинские документы находились в особо секретном, наглухо закрытом фонде № 2 Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). Ценность книги А. Г. Латышева, который не первый год изучает жизнь и деятельность Ленина, прежде всего в ее документальности. Автор пишет: «Моя книга является не научным трактатом, а сборником документальных очерков» (с. 14). И тем не менее — налицо четко выраженная позиция автора, которая как раз и базируется на подлинных ленинских документах.

В 1991 г. в качестве «члена временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР» Латышев получил доступ к ленинскому фонду в ЦПА ИМЛ. Изучив этот фонд, он убедил-

ся, что многие документы никогда не публиковались в нашей стране, или же печатались с купюрами, изъятиями, сокращениями, то есть фактически фальсифицировались. Автор сличил публикации в разных собраниях сочинений Ленина, а также в Ленинских сборниках, Биографической хронике Ленина, рассекреченном ленинском фонде в ЦПА ИМЛ и ряде других источников и установил, что именно было изъято публикаторами или вообще не издавалось.

Приводимые автором документы не имеют ничего общего с хрестоматийным образом Ленина. Перед читателем холодный, жестокий политик, способный послать на смерть десятки тысяч людей, в первую очередь тех, которые отказывались проводить в жизнь политику партии и осуждали большевистский террор.

22 августа 1918 г. Ленин пишет уполномоченному Наркомпрода в Саратове: «Временно советую назначать своих начальников и расстреливать за-

говорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» (с. 27). Ленин был особенно непримирим к буржуазной интеллигенции. Осенью 1919 г., когда в Петрограде шли повальные аресты, по поводу чего М. Горький писал Ленину возмущенные письма, последний улокаивал писателя, говоря, что, конечно, при арестах «буржуазных интеллигентов околкадетского типа» были ошибки, но стоит ли сердиться «по поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околкадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме... Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!». О выдающемся русском писателе В. Короленко Ленин писал: «Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками!.. Таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме» (с. 44). «Околкадетской публикой» Ленин именовал любого интеллигента-небольшевика. Объявляя интеллигентов врагами советской власти, Ленин в письме к Горькому оценивал их как «лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» (с. 215).

Как справедливо пишет автор, одно из самых позорных деяний большевиков — высылка из страны осенью 1922 г. выдающихся российских философов, литераторов и других представителей интеллигенции. В прежние годы историки объявляли инициаторами этих репрессий Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого. Документы свидетельствуют, что подлинным инициатором этой позорной акции был именно Ленин, который к маю 1922 г. разработал подробный план изгнания из страны «контрреволюционной» интеллигенции. 15 мая он дает указание наркому юстиции РСФСР Д. И. Курскому — внести в Уголовный Кодекс ряд дополнений с целью правового обоснования предстоящей широкомасштабной высылки: «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно)»; «добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы»; «расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)» практически «ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.» (с. 210—211). 19 мая Ленин пишет председателю ГПУ Ф. Э. Дзержинскому о том, как следует карательным органам подготовить высылку интеллигенции: «т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее... Собрать совещание Мессинга, Манцева¹ и еще коекого в Москве... Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ» (с. 211).

Весной того же 1922 г. Ленина разбил частичный паралич и он в течение четырех месяцев находился в Горках под наблюдением врачей. 13 июля болезнь отступила и уже 17 июля Ленин пишет

Сталину письмо, вновь настаивая на высылке враждебно настроенных по отношению к советской власти представителей интеллигенции: «Т. Сталин! К вопросу о высылке из России меньшевиков, н/ародных/ с/оциалистов/, кадетов и т. п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас. Решено ли «искоренить» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др? По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. То же А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста» /Озеров и мн[огие], мн[огие] другие/. Ме[ньшеви]ки Розанов/ врач, хитрый/, Вигдорчик, /Мигуло или как-то в этом роде/. Любовь Никол[аевна] Радченко и ее молодая дочь /понаслышке злейшие враги большевизма;/ Н. А. Рожков /надо его выслать; неисправим;/ С. Л. Франк /автор «Методологии»/. Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их — вон из России... Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!» (с. 203—204).

В соответствии с указаниями Ленина 10 августа 1922 г. вышло постановление ВЦИК, в котором, в частности, говорилось: «В целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям... в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке (с. 213). 31 августа в «Правде» в статье «Первое предупреждение» сообщалось о высылке по постановлению ГПУ «наиболее активных контрреволюционных элементов из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов в северные губернии. Часть за границу». Основанием высылки являлось то, что «определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью» (с. 214). Из России были изгнаны писатель М. Осоргин, литературный критик кадет Ю. Айхенвальд, социолог Питирим Сорокин, основавший за рубежом авторитетную научную школу, философы Н. Бердяев, С. Франк, Ф. Степун, Н. Лосский, Л. Шестов, В. Зенковский, Л. Карсавин, И. Ильин, И. Лапшин, С. Булгаков, Б. Вышеславцев, биолог М. Новиков, историки А. Кизеветтер, А. Флоровский, В. Мякотин, С. Мельгунов. Некоторых деятелей культуры Ленин запрещал выпускать за границу. Так, 9 марта 1920 г. в записке со ссылкой на М. Ф. Андрееву Ленин писал о неустановленном лице: «Пускать нельзя: наклеветет и поможет белым» (с. 206). Негативна роль Ленина и в судьбе большого поэта Александра Блока. Именно Ленин запретил поэту выезд на лечение в Финляндию, о чем шла речь на заседании политбюро ЦК РКП(б) 12 июля 1921 года. Менее чем через месяц, 7 августа, поэт не стало.

Еще одной мрачной страницей в деятельности

Ленина как главы советского правительства являлась созданная по его указанию система «законничества». Особенно активно эта практика стала проводиться в жизнь с лета 1918 г. — после убийства 30 августа М. Урицкого и покушения в этот же день на Ленина. Автор приводит впервые публикуемый документ из Центрального архива КГБ СССР — протокол межрайонного совещания органов ВЧК от 31 августа 1918 г. «по вопросу о проведении террора в связи с покушением на тов. Ленина», в котором, в частности, сказано: «О расстрелах... (расстрел контрреволюционеров за нахождение у них оружия). Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... О заложниках. Взять заложников /крупных фабрикантов/ от буржуазии и союзников, объявить, что никакие ходатайства за арестованных буржуа не принимаются. Район определяет, кого брать в заложники... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря... Об арестованных. Сегодня же ночью Президиуму ВЧК рассмотреть дела К.-Р. /контрреволюционеров/ и всех явных К.-Р. расстрелять. То же сделать районным ЧК. Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки» (с. 49—50).

31 мая 1919 г. Совет обороны принимает написанное Лениным постановление о мобилизации советских служащих, параграф 3 которого гласил: «Мобилизованные отвечают по круговой поруке друг за друга, а их семьи считаются заложниками в случае перехода на сторону неприятеля или дезертирства, или невыполнения данных заданий и т. п.» (с. 51). В июле того же года Ленин, отвечая на критику большевистской практики взятия и расстрела заложников, подчеркивал, что необходимо «расширять и учащать» аресты последних, не обращая внимания на «мелкобуржуазных демократов», которые «особенно любят возмущаться «варварским», по их мнению, приемом брать заложников. Пусть себе возмущаются, но войны без этого вести нельзя» (с. 52). По инициативе Ленина заложников брали не только из буржуазной среды, но и из среды советских служащих, рабочих, крестьян, если, по мысли Ленина, это могло предотвратить измену, саботаж и т. п. И зарубежным коммунистам Ленин советовал брать заложников. Так, 27 апреля 1919 г. он запрашивал в приветствии Баварской Советской республике: «Взяли ли заложников из буржуазии?» (с. 50).

Яркие документальные свидетельства приводит автор и о политике Ленина и советского правительства по отношению к крестьянству. Официально политика «военного коммунизма» по отношению к сельским труженикам была изложена в написанных Лениным 8 мая 1918 г. «Основных положениях декрета о продовольственной диктатуре», где в частности подчеркивалась необходимость для спасения от голода «вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей

у себя излишки хлеба» и где владельцы, «имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки» объявлялись «врагами народа», подлежащими тюремному заключению на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию из общины (с. 62). Но особенно жесткие меры Ленин предлагал проводить в жизнь тогда, когда доведенное до отчаяния крестьянство поднималось на борьбу против советского правительства.

11 августа 1918 г. Ленин, в связи с восстанием крестьян пяти волостей, пишет пензенским коммунистам о необходимости его «беспощадного подавления» в интересах всей революции, «ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать. 1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. 2) Опубликовать их имена. 3) Отнять у них весь хлеб. 4) Назначить заложников... Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков... Р. С. Найдите людей потверже» (с. 57).

Новые документы приводит автор и по проблеме «Ленин, большевики и немецкое золото». На основании обнаруженных ранее засекреченных документов, автор приходит к выводу: налицо стопроцентное доказательство «получения большевиками во главе с Лениным немецких денег». Речь идет о датированном 16 ноября 1917 г. документе Наркоминдела с грифом «совершенно секретно» на имя Ленина, в котором сообщалось об изъятии в архиве министерства юстиции из дела об «измене» Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. приказа германского имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 г. с разрешением платить деньги Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России, а также передаче посланцу из Берлина Мюллеру книг банка Ниа в Стокгольме, содержащих счета Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754 (с. 94—95). В связи с этим автор также подробно рассматривает роль одного из деятелей швейцарской социал-демократии Карла Моора. В течение многих лет Моор был другом Ленина, большевиков, он неоднократно оказывал моральную и материальную помощь различным революционным течениям после начала первой мировой войны, в том числе русской революции 1917 года. Как впоследствии выяснилось, Моор являлся секретным штатным агентом германской и австрийской разведок (агентурная кличка в немецких документах — «Байер»), через него шел один из каналов поступления немецких денег большевикам (с. 95—114).

Исследуется автором и проблема антирелигиозной политики и пропаганды советского правительства, приводятся ленинские оценки религии («самая опасная мерзость, самая гнусная

«зараза» — с. 146), а также факты и документы, подтверждающие стремление Ленина уничтожить русскую православную церковь. Жертвами большевистского террора в 1917—1922 гг. пали свыше 8 тыс. православных священнослужителей (с. 148). Рассматривает автор на основании ранее не известных документов и такие проблемы, как милитаризация экономики страны, репрессии в армии, продолжавшийся и в условиях нэпа террор (гл. 6), отношение Ленина к соратникам по партии (гл. 14, 16).

Особое место в книге занимает глава 16, посвященная одной из самых запретных в биографии Ленина тем — его любви к Инессе Арманд.

Имеются в содержательной и документированной книге А. Г. Латышева и дискуссионные проблемы. Одна из них — «Ленин и расстрел царской семьи». Соответствующую главу автор озаглавил «Ленин не давал санкции на расстрел царской семьи» и в подтверждение ссылается на то, что до сих пор не обнаружены «убедительные прямые доказательства» того, что Ленин был инициатором этой кровавой акции, а приводимых «косвенных доказательств явно недостаточно» (с. 115). Однако, автор затем рассматривает эти косвенные доказательства, приводит версии, говорящие о прямой и несомненной вине Ленина. Крупская вспоминала: «Чехословаки стали подходить к Екатеринбургу, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами расстреляны, чехословакам не удалось спасти его...» (с. 118). В книге приводятся многочисленные высказывания Ленина о «преступной семейке» во главе с Николаем II, о необходимости уничтожения царя и всех представителей Дома Романовых (как известно, большевики в период с 12 июня 1918 г. по январь 1919 г. уничтожили по меньшей мере 16 членов Дома Романовых). Тем не менее автор настаивает на том, что Ленин не давал санкции на расстрел царской семьи, приводя в подтверждение следующее соображение: Ленин-де «не хотел раздражать Вильгельма II, близкого родственника царской династии, ставшего объективно после заключения Брестского мира союзником большевиков» (с. 121). Впрочем, автор здесь же пишет, что «вождь вполне мог тайно организовать это убийство так, чтобы ответственность легла на уральских большевиков» (с. 118).

Д. А. Волкогонов писал: «Как удалось установить по ряду косвенных доказательств, распоряжения Лениным и Свердловым были отданы устно»². Почти одновременно с убийством царской семьи — в Алапаевске, Перми и в Петропавловской крепости были убиты и другие члены Дома Романовых, в том числе все четыре великих князя. Да и сам Латышев принимает как версию факт расстрела великих князей по инициативе Ленина:

«Имеется правдоподобная версия, что именно Ленин поторопил чекистов вынести смертный приговор всем четырем бывшим великим князьям...» (с. 139). Волкогонов пишет: «Даже если расстрел (царской семьи. — А. Г.) был оформлен» решением Екатеринбургского Совета, почти невозможно предположить, что эта акция могла быть осуществлена без санкции ЦК большевиков и лично Ленина»³.

Видимо, лишь в будущем историкам удастся поставить последнюю точку в деле раскрытия непосредственной вины Ленина и других большевистских руководителей за расстрел царской семьи. «Допускаю возможность, — пишет Латышев, — что в архивах за семью печатями хранятся и такие документы, которые по-новому заставят подойти к роли Ленина, Свердлова, Троцкого в убийстве царской семьи» (с. 143).

Неудачны попытки автора «осовременить» Ленина и его окружение, сравнивать политику советского правительства во главе с Лениным и политику сегодняшнего руководства России, а также зарубежных государственных и политических деятелей далекого и не очень далекого прошлого (см. с. 22, 24, 47, 81).

Отдельные факты, упоминаемые в книге, требуют дополнительных пояснений. Так, автор сообщает, что ему удалось выявить и впервые опубликовать десяток сталинских речей и писем: «Некоторые из них были взяты не из архивов, а у маститого историка, разбиравшего и перевозившего с ближней дачи архив Сталина после его смерти. Он свидетельствовал, что многие сталинские документы уничтожались» (с. 7). Заинтригованному читателю очень хотелось бы узнать фамилию «маститого историка», которому было поручено (кем?) «разбирать и перевозить с ближней дачи архив Сталина», а также каким образом этот историк передал автору часть сталинских документов. Почему автор в одном случае не называет газету, в которой была опубликована статья «Архивное пиратство» и ее дату (с. 11), а в другом случае — фамилию «современного писателя», назвавшего Ленина тунеядцем (с. 14)? Неясно изложена автором суть его спора с П. А. Родионовым (с. 19), особенно со ссылкой на «аргумент, опубликованный» в 1993 году.

А. С. ГРОССМАН

Примечания

1. С. Мессинг — член коллегии ГПУ, В. Манцев — председатель ГПУ Украины.
2. ВОЛКОГОНОВ Д. А. Ленин. Т. 1, М. 1994, с. 374.
3. Там же, с. 372.

К. Н. ТАРНОВСКИЙ. *Мелкая промышленность дореволюционной России.* Историко-географические очерки. М. «Радикс». 1995. 280 с.

Опубликованное посмертно исследование К. Н. Тарновского (1921—1987) о мелкой (кустарной) промышленности дореволюционной (точнее — предреволюционной) России не только заполнило одно из «белых пятен» нашей истории, но — в условиях перехода к рыночной экономике — приобрело неожиданную актуальность.

Автор был убежденным марксистом-ленинцем. При этом он не только творчески относился к марксистской теории исторического процесса, но и, будучи мужественным человеком, в 70-х годах выступил вместе с некоторыми коллегами против ее догматического понимания. Кончилось дело тем, что сектор Института истории СССР АН СССР, в котором он и его коллеги работали, был расформирован, сотрудники уволены или переведены в другие сектора. Тарновский был перемещен в сектор исторической географии, где тогда велась работа над историческим атласом.

Особенностью этой работы, во многом новой для автора, было монографическое изучение проблем, предназначенное для составления на этой основе оригинальных исторических карт.

Тарновский избрал проблему предреволюционного развития кустарной промышленности, и не только из-за ее значительной новизны — в советской историографии периода империализма она практически не изучалась, но и потому, что в кустарной промышленности отчетливо проявлялась многоукладность экономики: от «гнезда» кустарей (кустарного района) до домашней системы фабричного производства, которая переходила в крупную фабричную промышленность. А как раз против концепции многоукладности и велась в то время борьба с применением «оргвыводов» в качестве решающего аргумента. Не случайно публикация книги, завершенной в 1985 г., состоялась только через десять лет.

Поскольку исследование велось в рамках работы над атласом, изучение проблемы приобрело «не отраслевой и не территориально ограниченный, а целостный характер с особым вниманием к вопросам районирования мелкого производства» (с. 8). В монографии освещены размещение и структура мелкой промышленности, обстоятельно раскрыта правительственная политика по развитию (или, согласно официальной терминологии, верно отражавшей суть происходившего, «насаждению») кустарных промыслов в 1888—1917 годах. В приложениях помещены список кустарно-промысловых районов общероссийского и местного значения в начале XX в. (формировавшихся, мануфактурных и перераставших в районы домашней системы крупного производства) и структурная сводка об учреждениях кустарной промышленности накануне первой мировой войны.

Научная актуальность нового труда определя-

ется во многом тем, что исследование кустарной промышленности конца XIX — начала XX в. резко отстает от изучения системы крупнокапиталистического производства, монополистического капитализма и аграрного вопроса, что образует существенный пробел в разработке экономической истории России. Между тем уже имеются исследования о мелкой, крестьянской промышленности более ранних эпох и советского периода.

В числе источников главную роль играют опубликованные и архивные материалы земских и правительственных обследований кустарной промышленности, причем для земских характерна территориальная дробность, а для правительственных — дробность отраслевая (структурная). И те и другие не имеют целостного характера, их данные зачастую несопоставимы. Устранить такую фрагментарность, создать целостную картину автор смог благодаря использованию промышленных переписей, проведенных в ходе обследований мелкой промышленности 1918—1929 гг., и картографических материалов. Учитывая, что большинство кустарных районов формировалась с XVI—XVIII вв. (а то и с более раннего времени) и обладало стабильностью, Тарновский пришел к обоснованному выводу о том, что «главные территориально-отраслевые районы, выявленные ЦСУ посредством разработок общесоюзных переписей мелкой промышленности 1925 и 1927 гг., сложились задолго до первой мировой войны и примерно воспроизводят» предреволюционные районы (с. 19).

Автор выделил четыре основных вида размещения кустарно-промысловых сел: кустарная полоса — территория нескольких губерний с «высокой промысловой плотностью и сходным для всей территории набором основных производств»; кустарные зоны (части кустарной полосы); кустарные районы — «значительные сгущения какого-либо одного специализированного производства или нескольких смежных с ним производств»; кустарные центры — отдельные кустарные села и деревни, в совокупности составляющие кустарный район. Появление кустарного села как центра рассеянной мануфактуры и выход сбыта за пределы этой группы селений означают возникновение кустарного района. Появление фабричного производства и промысловых округов означает завершение развития кустарного района и превращение его в фабрично-кустарный.

В книге обоснован вывод о том, что во второй половине XIX и начале XX в. мелкая промышленность характеризовалась «сосуществованием всех типов кустарно-промысловых районов и глубоким кризисом, связанным с переходом мануфактурного производства в фабричное и превращением кустарей и мануфактурных рабочих в фабрично-заводской пролетариат» (с. 121).

Деятельность представителей торгового капитала вела к разорению кустарей и пополнению рядов пролетариата. Кустари искали выход из кризиса в организации предприятий кооперативного типа, царское правительство — в модернизации их производства.

Кризис кустарного хозяйства был частью общего аграрного кризиса. Ведомства, ответственные за кустарные промыслы (с 1905 г. — Главное управление землеустройства и земледелия), изучали состояние техники кустарных производств, нужды и потребности кустарей и выясняли причины, задерживавшие развитие и улучшение их промыслов. Для содействия им на места посылались специалисты, обучавшие крестьян работе на улучшенных станках и приспособлениях, привлекалось местное земство, без торговых посредников отпускалось сырье. В 1898 г. ведомство составило «Программу мероприятий, направленную к развитию и усовершенствованию кустарной промышленности», в которой обобщался опыт правительственного содействия кустарям; в целом период 1888—1902 гг. рассматривался как «подготовительный к последующим мероприятиям», получившим развитие в премьерство П. А. Столыпина.

Тарновскому удалось вписать новую страницу в историографию столыпинских реформ, показав роль кустарных промыслов как «еще одного клапана», служившего «благородному сословию» и правительству для предупреждения дальнейших натисков крестьян на помещичье землевладение. Без изучения этой стороны в политике самодержавия — наряду с землеустройством и переселением крестьян — впредь уже нельзя будет считать освещение «столыпинских» преобразований полноценными. Специально созданная система учреждений, опекавших кустарную промышленность, «была рассчитана на осуществление помещичье-буржуазного пути развития кустарной промышленности, разновидности прусского типа аграрно-капиталистической эволюции» (с. 219).

Изучив деятельность этой организации, Тарновский нашел, что к началу первой мировой войны она находилась еще в стадии становления, однако накопила «некоторый опыт по технической модернизации и организации кустарных промыслов» (с. 219), что позволило привлечь кустарей к выполнению посильных военных заказов в условиях войны. Одновременно правительственные органы совместно с земствами и другими местными организациями занимались и насаждением и развитием новых производств (изготовление сельскохозяйственных машин и кос), для чего устраивались учебно-показательные мастерские и другие центры, группировавшие вокруг себя артели кустарей.

Во время войны усилилось кооперирование мелкой промышленности; совершенствовались оборудование и технология; происходило — под решающим воздействием правительства — «сближение мелкой кустарной промышленности с круп-

ной капиталистической». Как показал Тарновский, возникшие в связи с выполнением военных заказов кустарные организации можно рассматривать «как государственно-капиталистические кооперативные принудительные объединения, включенные в систему государственно-монополистического регулирования военного производства». При этом государство «всемерно поддерживало буржуазно-помещичий капитализм и реакционно-бюрократические методы регулирования», кустари же в массе своей оставались «непосредственными производителями, т. е. враждебной капиталу и капитализму силой» (с. 268—270).

Всего автор выявил, описал и картографировал 30 кустарно-промысловых районов, не считая пяти «слобод-мануфактур» и 10 кустарных центров. В них представлены все стадии развития кустарной промышленности, от простой капиталистической кооперации до домашней системы крупно-фабричного производства. «Если... периферийные области кустарной территории страны демонстрируют начальные этапы развития мануфактуры, — пишет Тарновский, — то центр — конечную стадию этого развития, непосредственно смыкающуюся с фабричным производством... Промыслы породили фабрику — теперь фабрика преобразовывала и оттесняла промыслы от центра к окраинам центральной кустарной полосы». Конкуренция со стороны крупной индустрии ставила мелкую промышленность в состояние кризиса, выход же из него заключался «в переходе мелкой промышленности из кустарной (мануфактурной) в индустриальную форму» (с. 272—273). В результате правительственной политики кустарям приходилось бороться не только с торгово-ростовщическим, но и с черносотенно-помещичьим капитализмом, поддерживаемым царизмом. Свободное развитие кооперативных начал, соединявших право на собственность с непосредственно производительным трудом, в условиях империализма было невозможно.

Значение исследования Тарновского прежде всего в том, что оно убедительно, на большом фактическом материале показывает, что многоукладность в России действительно была. В России сосуществовали и все стадии капиталистического уклада. Показана закономерность превращения кустарного района в фабрично-кустарный, представлявший собой базу для крупного производства, раскрыт опыт влияния правительственной политики на развитие мелкой промышленности, тесно связанной с сельским хозяйством, поставлявшим для нее (а через нее — для крупной промышленности) и кадры и сырье.

Впечатляюще документирована в книге деятельность правительственных органов по «насаждению» различных производств, что, в соответствии с общими теоретическими установками, развиваемыми Тарновским, не может расцениваться иначе, как «насаждение капитализма» самодержавием, — проблема, выдвижение которой подверг-

лось в свое время официальному запрету со стороны инстанций, «руководивших» исторической наукой при жизни автора. В этом смысле Тарновский остался верен своим принципиальным и научным позициям, отстаивая их, вопреки мощному административному давлению, и в этом противостоянии последнее слово осталось за ним.

Другой столь же острый вопрос, освещенный Тарновским на обширнейшем фактическом материале, — взаимодействие разнородных социально-экономических укладов, рассмотренное как «под микроскопом», на уровне отдельных селений и кооперативов, персонифицированно, так и глобально, при анализе экономической политики правительства. Особенно интересно выглядят взаимоот-

ношения кустарей с рынком. Скупщики, стеной вставшие на их пути к потребителю кустарных изделий, не столько связывали производителей с рынком, сколько отделяли от него, в средневековых традициях закабалая целые селения и районы. Столь же своеобразным, хотя и более выгодным и удобным для кустарей был другой «рынок», олицетворенный путейским, военным, землеустроительным и другими ведомствами. Представлений в книге богатый фактический материал и тонкие наблюдения автора открывают и в этом вопросе перспективное направление дальнейших исследований.

Я. Е. ВОДАРСКИЙ

R. E. ZELNIK. *Law and Disorder on the Narova River: The Kreenholm Strike of 1872*. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, Lnd. 1995. 308 p.

Р. Е. ЗЕЛНИК. *Законность и беспорядки на реке Нарве: Кренгольмская забастовка 1872 года*

Монография профессора Калифорнийского университета Реджинальда Зелника посвящена одному из крупных выступлений рабочих в пореформенной России. Автор не замыкается в рамках лишь «рабочего движения», но пытается рассмотреть социальную политику, «культурные» аспекты события, взаимоотношения рабочих, администрации предприятий и властей, роль интеллигенции, «правопорядок» в этом своеобразном по своему национальному составу крае.

Зелник известный и авторитетный исследователь истории России XIX в., — плодотворно занимается изучением истории рабочих России во второй половине XIX века. Одно из ранних его исследований «Труд и общество в царской России. Фабричные рабочие Санкт-Петербурга 1855—1870 гг.» было издано еще в 1971 году. Уже в этой монографии Зелник затронул некоторые аспекты перечисленных выше проблем.

Литература о кренгольмских событиях 1872 г. не богата: одна публикация документов и одна небольшая работа таллиннского историка Н. Я. Канна, изданные соответственно в 1952 и 1972 годах. В общих работах этим событиям уделяется скромное место и трактовались они весьма ограничено и шаблонно.

При изучении рабочего движения в России, в тот период, когда, как подчеркивает Зелник, рабочие еще не подверглись влиянию радикальных идеологий, и до выработки государством соответствующих юридических актов, являвшихся реакцией на подобные события, когда перепитии экономического развития только еще начинали сказываться на социальной стабильности общес-

тва, особенное значение имеет определение причин и факторов развития событий, подобных кренгольмским, которые, по мнению автора, были «спонтанными». Кренгольмская стачка как раз и интересна тем, что дает возможность проследить — на начальной стадии — причинно-следственные связи социальных конфликтов в России на недавно созданных современных капиталистических предприятиях, для которых характерным было отсутствие присущих старым мануфактурам патриархальных отношений между хозяевами и наемными рабочими. События в Кренгольме показательны и для характеристики русской политической культуры в пореформенный период.

Работа основана на архивных материалах, воспоминаниях очевидцев и участников событий, большом числе документов. В книге описывается исторические предпосылки конфликта, дается социальный портрет владельцев, служащих и рабочих фабрики. Автор детально повествует о выступлении рабочих, давая характеристику забастовщиков и некоторых их лидеров. В книге прослеживаются история Кренгольмской мануфактуры в последующее десятилетие (1872—1882 гг.) в том числе и менее известные историкам беспорядки на этой фабрике, вспыхнувшие в 1882 году. Зелник обращает внимание на то, что многие из стачечников впоследствии стали активными участниками рабочего движения Петербурга.

Из воспоминаний рабочего В. Герасимова, как и по заключению комиссии по расследованию «беспорядков», видно, что катаклизм 1872 г. был неизбежен. Рабочие лишь ждали подходящего случая, чтобы выразить свой протест против

самодурства администрации. Автор в принципе соглашается с подобным утверждением, отмечая, однако, труднообъяснимый факт, что накалявшаяся в течение многих лет напряженность не получала выхода до лета 1872 года (с. 46). Для Зелника очевидно, что «буря 1872 г. не могла быть предугадана барометром экономической эксплуатации». Даже если бы сохранилась информация более полная о зарплате рабочих, системе наказаний и штрафов, этого было бы недостаточно, чтобы адекватно судить «о степени эксплуатации, т. к. необходимо знать и совершенно неподдающиеся учету и контролю многие параметры социального поведения рабочих, в том числе, например, самосознание каждой группы рабочих, их способность анализировать ситуацию и самих себя» (с. 47). Автору представляется крайне важным более тщательное изучение «общего фона» данного события. Интересна и по своему нова попытка Зелника охарактеризовать «тип» этого предприятия, состав рабочей силы. К началу конфликта Кренгольмская фабрика существовала лишь 15 лет; рабочие были набраны недавно и из разных мест и состояли из разных этнических и социальных групп.

Автор подчеркивает, что движение ткачей Кренгольмской мануфактуры, было начато и возглавлено наиболее квалифицированными рабочими, а затем его поддержали остальные. Выступление встретило сочувствие и отклик среди значительной части местного населения, которое до этого не очень симпатизировало «рабочей аристократии». В 1872 г. рабочие не помышляли еще о каких-либо «социальных договорах». Вместе с тем, в отличие от всех прежних стихийных выступлений, кренгольмские ткачи кроме претензий сугубо экономического порядка выдвинули требование уважительного отношения к себе со стороны администрации и хозяев.

К тому времени, когда начались события, рабочие мануфактуры не имели еще понятия о каком-либо ином порядке на фабрике, кроме самых общих представлений о справедливости, честности и т. п. Они остро чувствовали несправедливость многих штрафов и низкой оплаты труда, догадывались, что нельзя с помощью водки подкупать некоторых рабочих и настраивать их против своих товарищей. Но они еще плохо представляли, как следует вести переговоры с администрацией, опираясь на какие-то законодательные документы.

Тот факт, что кренгольмские рабочие, не участвовавшие до этого ни в каких акциях протеста, выступили не только против произвола заводской администрации, но выражали недовольство властями, правительством, для ряда историков долгое время служил не только доказательством проявления высокой их сознательности, но и подтверждением особой «боевистости» всех рабочих страны в целом. Однако, со-

гласно заключению Зелника, такое поведение кренгольмских рабочих в действительности свидетельствуют лишь о том, что они пытались найти законные способы разрешения конфликта и защиты своих прав, не только экономических, но и гражданских. По мнению автора, при этом вырисовывалась принципиально иная альтернатива, по сравнению с тем, что впоследствии будут предлагать радикальные партии.

Кренгольмская забастовка, считает Зелник, была последним выступлением пролетариата в Российской империи, на которое даже косвенно не оказала влияние интеллигенция, хотя контакты между фабричными рабочими и студентами уже начинали налаживаться. Поэтому «ситуация, сложившаяся в Кренгольме имеет важное значение для изучения зарождения этой «смычки», которая через несколько лет станет основной силой всего рабочего движения на всем пространстве России, и в которой исключительно важной станет фигура рабочего-интеллигента» (с. 4). Без этого внешнего фактора, «провоцирующего» обострение конфликта, рабочее движение в России могло бы пойти в совсем ином направлении. Автор полагает, что «жестокость расправы» с бунтовщиками в прошлой литературе сильно преувеличивалось. В «стычке» 5 тыс. ткачей с батальоном солдат не было произведено ни одного выстрела и не было жертв. Рабочие поначалу не воспринимались — ни местной, ни центральной властью — как серьезная социальная и политическая сила.

Автор дает выразительные характеристики действующих лиц драмы. Так, Э. Кольбе, по мнению Зелника, — типичная для становления русского капитализма фигура. Это не только управляющий крупнейшего российского текстильного предприятия, оснащенного новейшей английской технологией, имевшего тесные деловые контакты с многочисленными зарубежными и отечественными партнерами, связанного с международным капиталом, иностранными инвестициями. Он имел крепкие связи и с московскими промышленниками и крупнейшими российскими биржевыми компаниями. Кольбе, считает автор, не может рассматриваться как исключительно представитель местного предпринимательства, хотя и вел себя и действовал как всесильный господин на никому более неподвластной территории. В то же время Кольбе и его помощники оказались совершенно не подготовлены к поведению в изменившейся социальной сфере и совершенно игнорировали закон и права личности. Только угроза разрастания конфликта заставила Кольбе и его подручных пойти на контакты с рабочими и подчиниться государственной власти. После того, как эта угроза миновала, они вернулись к прежним методам управления. Тем не менее сам факт, что над самоуправством хозяев и администрации мануфактуры в конце концов возобладала практическая, прагматические соображения, говорит о многом.

Забастовщики, считает Зелник, интуитивно понимали ограниченность своих возможностей, они позволили своим делегатам подписать документы, откладывающие решение многих назревших вопросов на далекое будущее. В свою очередь, владельцы фабрики поняли, что им выгоднее не лишать рабочих веры в своих хозяев, и в частности в то, что обещания, данные 21 августа 1872 г., будут выполнены. Причины, почему не удалось сохранить мирные отношения, в определенной мере проанализированы автором (с. 81).

То, что рабочие Кренгольмской мануфактуры, хотя и не добились удовлетворения всех своих требований, завоевали немалые уступки, произошло вследствие вмешательства представителей государства, заставивших администрацию пойти навстречу рабочим вплоть до признания принципа их свободного выборного представительства.

Анализируя изменение характера требований рабочих по мере развития конфликта, автор обращает внимание на позицию представителей власти и, прежде всего, губернатора князя М. Шаховского, который раньше всех осознал, что рабочие на выступление спровоцировали действия администрации. Он во многом способствовал пробуждению у рабочих стремления к переговорам, к мирному и полюбовному разрешению конфликта, в рамках существовавшего законодательства. В определенной мере ему помогло и то, что квалифицированные эстонские ткачи в поисках средств для достижения своих требований вспомнили о некогда существовавших для эстонцев привилегиях, в частности, об институте выборных от населения, уполномоченных вести переговоры с властями. Автор обращает внимание и на то, что Шаховскому пришлось во многом конфликтовать со своим начальством и ставить вопрос о недостатках законодательства по разрешению трудовых споров. Автор подчеркивает, что князь Шаховский являлся фигурой все же явно неординарной и его поведение нельзя оценивать как типичное для всех высокопоставленных сановников.

В книге показана и особо важная роль, которую играли в рассматриваемой ситуации межнациональные отношения — между эстонцами, русскими и немцами, занимавшими различное положение в структуре и общества, и власти в этом районе. По мнению Зелника, на Кренгольмской мануфактуре, рабочим удалось добиться расположения со стороны правительственных чиновников в немалой степени и потому, что представители правительства не испытывали симпатий к предпринимателям. В управленческом аппарате фабрики, начиная с директора и кончая мастерами цехов, как и в местной полиции, в суде, доминировали этнические немцы,

а высшие посты занимали представители эстляндской немецкой элиты. Большинство же рабочих, включая самых воинственно настроенных руководителей забастовки, были эстонцы. Автор считает, что отношения между эстонскими и русскими рабочими, с одной стороны, и немецкой администрацией, с другой, вполне отражали имперскую политику самодержавия.

Государственная власть формально должна была обеспечивать юридическую защиту кренгольмских рабочих. Она и сделала это, хотя и в крайне нерешительной манере. Тем не менее, удалось, например, защитить арестованных рабочих от произвола. Во время судопроизводства рабочим разрешили иметь адвокатов и некоторые из привлеченных к уголовному наказанию были оправданы. Вместе с тем полиция могла запретить кренгольмским рабочим организовывать фонд для возбуждения апелляции по делам осужденных товарищей. К тому же свобода некоторых из оправданных заключенных была ограничена. И тем не менее, считает автор, можно сделать вывод, что кренгольмские рабочие получили защиту со стороны закона (с. 220).

К книге Зелника, оригинальной по замыслу и добротной по исполнению, можно предъявить лишь немногие замечания и упреки. Автор полагает, что требование рабочих об уважительном к ним отношении можно рассматривать как прототип «рабочего контроля над производством». Этот тезис сомнителен и натянут. Гораздо важнее то, что события 1872 г. были шагом к фабрично-заводскому законодательству середины 80-х годов и последующих лет, в частности, к введению фабричной инспекции. Интересна попытка автора связать выступление рабочих с характеристикой экономического развития Кренгольмской мануфактуры как молодого капиталистического предприятия. Однако не во всем оно было таким уж передовым для своего времени. Использовался устарелый (даже по тем временам!) водяной двигатель, в поведении администрации многое свидетельствовало о приверженности к старым формам отношений с рабочими. Наконец, заслуживает более полного раскрытия мысль автора о «содержании» имперской политики, получившей отражение в событиях 1872 года. Во всяком случае, отношение к иностранным предпринимателям было неоднозначным.

В целом же монография Зелника — пример плодотворности синтетического — исторического, социологического и психоаналитического — подхода к разработке данной исторической проблемы.

В. С. КОНОВАЛОВ, Ю. И. КИРЬЯНОВ

М. М. КРОМ. *Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI века*. М. «Археографический центр». 1995. 304 с.

Монография петербургского исследователя кандидата исторических наук М. М. Крома представляет собой попытку решения некоторых стержневых проблем в социально-политической истории Литовской Руси — русских земель в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ). Автор ставит вопрос о том, как относилось население восточных окраин ВКЛ к присоединению этих территорий к Московскому государству при Иване III и Василии III и какую роль сыграла позиция местного населения в ходе московско-литовских войн.

Названная проблема имеет обширную историографию. На протяжении последних двух столетий она послужила предметом ряда социальных исследований и обобщающих трудов российских, польских, белорусских и украинских историков. Оригинальность и новизна предлагаемого Кромом подхода состоит в том, что отношение населения Литовской Руси к столкновениям с восточным соседом рассматривается дифференцированно. Отдельно выявляется позиция пограничных «верховских» князей, отдельно — городов. Автор стремится выяснить, какой статус имели княжеские роды, в какой мере они зависели от великокняжеской власти и каково было содержание предоставленных им самостоятельных прав в каждом конкретном случае. С наименьшей скрупулезностью Кром проводит классификацию городов всей восточной части ВКЛ, старается установить объем городских привилегий, подтвержденных великими князьями литовскими, а также характер функционирования этих привилегий в общегосударственной административно-законодательной системе.

Автор весьма серьезно отнесся к источниковедческой основе своего исследования, проявил большое внимание к архивным материалам (некоторые из них впервые введены в научный оборот), а также к синтезу всей массы информации, извлеченной из источников различных видов. Важное место в монографии занимает разработка польских источников, в частности, актовых материалов и хроник XV—XVI веков.

Автору удается сделать несколько важных и обоснованных выводов. Он делит историю московско-литовских войн указанного периода на два этапа: до 1500 г. и после него. На первом этапе победоносный для московских войск исход нескольких военных кампаний был предрешен переходом на сторону Москвы крупнейших удельных князей (новосильских, особенно Семена Воротынского, и северских), в наименьшей степени зависимых от власти великого князя Литовского и не столь заинтересованных в ее расширении. Главным стимулом к их переходу на службу Ивану III послужили военно-политический натиск Москвы и растущее могущество московского государя.

Роль городов на этом этапе была невелика: слабые окраинные городки, в основном частновладельческие, а не господарские, не могли оказать серьезного влияния на ход боевых действий. Зато на протяжении второго периода к городам перешла роль определяющей политической силы; среди них «были крупные, прочно укорененные в литовской политической системе городские общины» (с. 229). В этой ситуации «Москва не только не получила никакой поддержки со стороны местного населения, но и встретила упорное сопротивление, сводившее на нет ее возросшие военные усилия» (с. 229). Автор не отрицает роли других факторов, повлиявших на ход московско-литовских войн, но настаивает на том, что их характер, как и результаты этого противостояния определяла все же позиция западнорусского населения. Категоричность Крома представляется не вполне оправданной. Не меньшую роль могли играть конфессиональный и внешнеполитический факторы. Что касается первого из них, то сам автор пишет о необходимости обобщающего исследования по истории православной церкви в ВКЛ, хотя и отрицает сколько-нибудь серьезное влияние конфессиональной борьбы на ход московско-литовского противоборства.

В данном контексте получает особое значение попытка введения церковной унии в Литовской Руси, предпринятая великим князем литовским Александром в 1499—1500 годах. Автор полагает, что эта «кампания» имела верхушечный характер и ограничилась «единичными» мероприятиями (вроде основания бернардинского костела в Полоцке), а следовательно, вряд ли на восточной окраине ВКЛ кто-либо мог быть напуган ее проведением. По мнению Крома, названные действия были использованы Иваном III в качестве предлога для начала новой войны, якобы с целью защиты позиций православия в ВКЛ. Однако аргументация, собранная исследователем для обоснования данного вывода недостаточна; логичнее было бы признать недостаток информации и отказаться от категорических выводов. Характерен пример с тем же полоцким бернардинским костелом: неизвестно, был ли основан в эти годы на восточнославянской территории ВКЛ хотя бы еще один католический храм, или указанный факт был «единичным», по терминологии Крома. Но на основе отсутствия подобного рода информации невозможно сделать вывод о том, что костелов основано не было; приходится просто оставить этот вопрос для последующих исследователей.

Внешнеполитический фактор полностью ушел из поля зрения автора. Между тем, в рамках политической системы ВКЛ времен Казимира IV — Сигизмунда I он приобрел немалую «социальность». В последней четверти XV в. южные и восточные

земли ВКЛ испытывают сильнейший натиск Крымского ханства, и литовским государям не удается организовать достаточно эффективную оборону границ. Русские удельные князья были неизменными участниками походов против татар, кроме того, именно их владения подвергались опасности вторжения. Надо полагать, это было одной из важнейших причин перехода «верховских» князей на сторону Московского государства: Иван III умел, где тонкой дипломатией, а где используя открытую силу, успешно противостоять угрозе с юга.

Наконец, Кром не учел значительный, как представляется, социально-психологический фактор: Новосильско-Одоевско-Белевское княжество и множество мелких пограничных князей были связаны с ВКЛ совсем недолго: еще Витовт был в верховьях Оки завоевателем, еще в 30-х годах

XV в. «верховские» князья воевали под знаменами Свидригайло против Литвы. В 80-х годах того же столетия память о вполне независимом положении должна была быть настолько свежа, что в противовес традиционному вопросу о причинах перехода приграничных княжат на сторону Москвы можно поставить вопрос о том, что вообще их удерживало на службе у великих князей литовских до этого времени?

Несмотря на все высказанные выше замечания, монографию благодаря обилию собранного материала и уровню источниковедческого анализа следует считать весьма серьезным вкладом в изучение социально-политической истории Литовской Руси.

Д. М. ВОЛОДИХИН

Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945. М. «Радикс». 1995. 549 с.

Выпущенная Институтом славяноведения и балканистики РАН книга посвящена одному из важных аспектов истории второй мировой войны.

Авторы закономерно ставят вопрос о необходимости отойти при изучении этой темы от идеализации движения Сопротивления и политизированности подхода к его исследованию (с. 4). В работе рассматривается деятельность различных социально-политических сил, участвовавших в этом движении, их программные документы, связи с эмиграцией. Для характеристики различных типов Сопротивления используется методика, предусматривающая сочетание страноведческого материала (который помогает выявить специфику отдельных стран) с «попыткой сопоставительного его рассмотрения». Это, по мнению авторов, способствует осознанию единства «мировых, или по крайней мере европейских процессов в антифашистской борьбе», а также и различия их в отдельных странах (с. 10).

Периодизация, принятая в этой работе, условна, поскольку исходит из общих тенденций в развитии движения Сопротивления. Временные рамки глав, посвященных отдельным странам (1939—1941, 1941—1943, 1944—1945 гг.), достаточно размыты (с. 528).

Характеризуя первый период, авторы показывают, что в результате советско-германских договоренностей 1939 г. компартии физически оказались изолированными от формировавшегося движения Сопротивления (с. 15—17). Говоря об оккупации гитлеровцами чешских земель в марте 1939 г., В. В. Марьина, к сожалению, не упоминает (с. 12), что это стало возможным в связи с отказом английского и французского правительств от своих гарантий неприкосновенности границ Чехослова-

ки согласно дополнению к Мюнхенскому соглашению¹. Марьина уделяет должное внимание буржуазным организациям, участвовавшим в движении Сопротивления, в частности, военизированной «Защите нации», инициатором которой был генерал А. Элиаш — глава правительства Протектората (с. 30—41).

В. С. Парсаданова подчеркивает, что гитлеровцы поставили всю польскую нацию перед перспективой физического уничтожения, в результате чего в Польше отсутствовал коллаборационизм как политическое явление (с. 71—72). В 1941—1943 гг. направляющей силой польского Сопротивления и его организационным центром было эмигрантское правительство в Лондоне, которое взаимодействовало с политическими силами внутри страны (с. 87).

Анализируя период 1941—1943 гг. («Собирание сил»), Марьина показывает, какое значение имели создание антигитлеровской коалиции, победа Красной армии на Курской дуге и высадка союзников в Италии, а также и роспуск Коминтерна для развития движения Сопротивления в странах региона. Г. М. Славин рассматривает не только партизанскую борьбу в Югославии под руководством КПЮ, но и формирование ею Национально-освободительной армии Югославии (НОАЮ), в которой большинство составляли сербы. Говоря о противостоянии двух лагерей Сопротивления — Д. Михайловича и И. Броз Тито, автор показывает ошибочность утверждений советской пропаганды о якобы общенародном и едином характере движения Сопротивления в этой стране (с. 150). Парсаданова, в свою очередь, пишет о безрезультатных переговорах ППР с лондонским правительством и оформлении двух лагерей в польском

движении Сопротивления. А. А. Улунян, говоря о попытках создания национального фронта борьбы в Греции, пишет не только о программных документах ЭАМ, направленных на освобождение страны и создание в ней правительства, но и о формировании Народно-освободительной армии (ЭЛАС) и о военной конфронтации последней с Национально-демократическим союзом (ЭДЭС), покровителем которой была Англия, стремившаяся сохранить Грецию в качестве своего союзника. Е. Л. Валева пишет о деятельности политических сил в Болгарии, боровшихся с прогермански ориентированным правительством. Вряд ли можно согласиться с автором, когда она пытается придать монархо-фашистской диктатуре в Болгарии определенные буржуазно-демократические черты, что за исключением самого последнего периода войны явно противоречит содержанию главы (с. 206). Можно пожалеть, что она не ссылается на очерки А. Н. Киршевской о Ц. Райданове и А. Иванове².

Марьина подчеркивает большое влияние, которое оказало на рост Сопротивления в чешских землях признание Советским Союзом чехословацкого правительства де-юре, как и решение о создании в СССР чехословацких воинских частей, а также и признание этого правительства Великобританией и США (с. 230). Детально проанализированы в книге важнейшие события в истории движения Сопротивления в Чехии, приводятся факты, свидетельствующие о стремлении коммунистов и сторонников Э. Бенеша договориться об объединении сил; этому помешал террор, развязанный Гейдрихом, а еще больше тот, который последовал за его убийством (с. 231—233, 237, 239). Коминтерн еще в 1942 г. настаивал на создании партизанского движения в Чехии. Марьина справедливо указывает, что это требование было преждевременным даже в 1943 году (с. 238, 240, 242)³. Большое внимание Марьина уделяет разным аспектам антифашистской борьбы в клерофашистской Словакии (с. 246—261). Говоря об участии Словакии в войне против СССР, она, однако, не указывает, что тысячи словацких солдат на Восточном фронте, особенно со второй половины 1943 г., переходили на сторону советских партизан⁴.

Б. Й. Желицкий анализирует участие в венгерском антифашистском движении разных оппозиционных сил: не только коммунистического подполья, но и Независимой партии мелких хозяев (НПМСХ во главе с Э. Байчи-Жилинским) (с. 270—271 и др.) и ряда других политических групп, требовавших от правительства выхода из войны с СССР. Жаль, что автор не ссылается на очерки А. И. Пушкина о Байчи-Жилинском и о З. Шенхерце (одном из руководителей Венгерской компартии)⁵.

Т. А. Покивайлова отмечает рост антивоенных, антифашистских и антинацистских настроений в румынском обществе после нападения Германии на СССР. Вместе с тем она справедливо указывает на отсутствие у политических лидеров (кроме комму-

нистических) до лета 1943 г. активной позиции в отношении борьбы с гитлеризмом и режимом Антонеску. И впоследствии, замечает автор, «антифашистские выступления в Румынии носили преимущественно стихийный и ограниченный характер» (с. 321). Автор не сочла нужным упомянуть очерк М. А. Мунтяна о П. Георге (одном из руководителей Коммунистической партии Румынии)⁶.

Говоря о двойственном характере миссии Советской армии на завершающем этапе войны — в первую очередь освободительной, а затем и великодержавной, Марьина сосредотачивает свое внимание на становлении советского строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, но, к сожалению, не упоминает о переходном народно-демократическом периоде. Интересные факты приводит Парсаданова при характеристике движения Сопротивления накануне освобождения Польши. Временем наивысшего его подъема автор считает боевые действия крупных отрядов Армии Крайовой, Армии Людовой, Батальонов хлопских совместно с советскими партизанами в Люблинском и Келецком воеводствах летом 1944 г., а также относит к нему «акцию Бужа», восстание в Варшаве (август — октябрь 1944 г.) (с. 397).

Улунян подчеркивает роль ЭЛАС в освобождении Греции и гражданской войне с правыми силами, поддержанными Англией.

Марьина подробно рассматривает Словацкое и Чешское восстания, расстановку политических сил в ходе Словацкого восстания, серьезные разногласия между руководством Повстанческой армии и главным штабом партизанского движения, а также и несогласованность в самом штабе, связанную с тем, что часть партизанских отрядов подчинялась непосредственно Украинскому штабу партизанского движения. Все это неблагоприятно отразилось на Словацком восстании. К сожалению, автор не упоминает об участии в этом восстании многочисленных добровольцев (представителей 27 народов), придавших ему большое значение в европейском движении Сопротивления⁷. Не упоминается и о появлении в новейшей словацкой историографии работ людацких историков, резко отрицающих и сам факт восстания и восхваляющих режим Тисо⁸. Вряд ли можно согласиться с оценкой беседы командира партизанской бригады «Смерть фашизму» майора Петрова со словацкими коммунистами, в которой он в январе 1945 г. подверг резкой критике действия всех партий, входивших в Словацкий национальный совет, командующих повстанческой армии и даже Бенеша (с. 427—429). Говоря о майском восстании в Праге и сложных отношениях Чешского Национального Совета (ЧНС) с власовцами и американцами, автор не использовал воспоминания активного участника событий зам. председателя ЧНС коммуниста Й. Смирковского⁹.

Валева на большом материале рассматривает

борьбу двух нефашистских лагерей в Болгарии — буржуазно-демократического и леворадикального, предлагавших разные выходы из кризиса. Характеризуя антифашистские силы Венгрии после оккупации страны гитлеровцами, Желицкий показывает, как после вторжения немецких войск в Венгрию 15 марта 1944 г. не только левые силы, но даже хортисты встали на путь выхода из войны с СССР и заключения перемирия с антигитлеровской коалицией. Интересные детали приводит Покивайлова об аресте королем Михаем 23 августа 1944 г. Антонеску, об участии в этом коммунистов, о выходе Румынии из войны с СССР, разгроме гитлеровцев Советской армией с помощью румынских частей, организации коалиционного правительства. Приведенный ею материал не позволяет согласиться с Марьиной, утверждающей, что национальный антифашистский фронт Румынии объединял только левые силы (с. 544) (к ним никак нельзя отнести короля Михая).

В книге поставлены вопросы об участии всех слоев населения стран региона (от рабочего до аристократа) в различных формах Сопротивления, об отношении к нему церкви, проблемы коллаборационизма, национально-территориального устройства и другие. Эта коллективная монография, благодаря широкому использованию архивных ма-

териалов и новому прочтению ранее опубликованных документов способствует дальнейшему изучению истории Сопротивления.

Ф. А. МОЛОК

Примечания

1. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1939 г.). М. 1971, с. 20.
2. КИРШЕВСКАЯ А. Н. Цветко Радойнов. Антон Иванов. В кн. Герои Сопротивления. М. 1970, 1978, 1990.
3. MAŠEK J. Chata v tichem udobi. Praha. 1976.
4. FALTÁN S. Slováci v partizánských bojoch v Sovietskom Sväze. Bratislava. 1957.
5. ПУШКАШ А. И. Председатель повстанческого комитета. — В кн. Герои Сопротивления. М. 1970, 1978; его же. Золтан Шехерц. Там же.
6. МУНТЯН М. А. Петре Гроза. Там же.
7. DOLEŽAL J. HROZIENČIK I. Mezinarodna Šolidarita v Slovenskom narodnom povstani. Bratislava. 1959.
8. JABLONICKÝ J. Glosy o historiografii SNR. Bratislava. 1994.
9. SMRKOVSÝ J. Čestinir Amort. — Kvetove povstani v Praze 1945. Praha. 1965.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель?

Проблема коллаборационизма во время Второй мировой войны на территории СССР продолжает оставаться для нашей исторической науки актуальной. И если непосредственно в самой России она пока решается в идеологическом и моральном плане, то в некоторых бывших союзных республиках эта проблема становится и политической. Это происходит потому, что советская и, в том числе, российская историография фактически игнорировали проблему коллаборационизма. В одной из капитальных книг по войне 1941—1945 гг. — Энциклопедии¹ — вообще нет статей ни о коллаборационизме в СССР, ни о его организациях, ни о персональных представителях. Отсутствуют и специальные исследования по этой проблеме. Правда, за такое положение нельзя обвинять историков. Эту проблематику долгое время держали под своим контролем идеологические органы КПСС, делая ее запретной.

Поскольку же историческая наука молчала, а жизнь в последние годы стала выдвигать эти проблемы, то образовавшуюся нишу стали заполнять художественная литература и публицистика. Они развернули довольно широкую дискуссию по этим вопросам. Только, к сожалению, литераторы и журналисты освещали проблему, как правило, односторонне, они стремились оправдать и даже героизировать российский коллаборационизм. Одним из первых — вопрос о реабилитации российского коллаборационизма поднял А. И. Солженицын, в частности, в «Архипелаге ГУЛАГ». Эта тема получила свое отражение и в художественной литературе. В 1994 г. издательство «Посев» выпустило довольно большую книгу Александра Казанцева «Третья сила», претендующую уже на широкое освещение проблемы.

Конечно, российские историки при изучении проблемы коллаборационизма и теперь, после сня-

тия идеологического табу, сталкиваются с большими трудностями. Прежде всего невольно возникают аналогии с определенными событиями как довольно отдаленными, так и совсем недавними. Вспоминается, например, что большевистская партия во главе с В. И. Лениным в период первой мировой войны выдвинула лозунг «Поражения собственного правительства», а весной 1917 г. группа революционных лидеров вернулась в Россию через воюющую с нею Германию. Это дало возможность, как известно, обвинить большевиков в сотрудничестве с немцами и даже в шпионаже в пользу Германии. Неоднозначным в нашей стране было отношение и к обращению А. Д. Сахарова за поддержкой к правительству США в борьбе с тоталитарным брежневским режимом. Серьезные трудности возникают у историков прежде всего из-за отсутствия источниковой базы.

Что касается коллаборационизма, то с определением его количественных показателей дело обстоит совсем плохо. Если в немецких источниках можно найти хоть какие-то данные о выходцах из СССР, служивших в военных немецких формированиях, то сведений о других формах коллаборационизма — полицаях, старостах, бургомистрах и т. д. — практически нет.

Для общего представления о масштабах рассматриваемых явлений, приведем имеющиеся в нашем распоряжении данные. По статистике германского министерства восточных территорий на январь 1945 г., например, только в немецких вооруженных силах (в сухопутных войсках, полиции, в системе государственной трудовой повинности, войсках Тодта, войсках СС, различных национальных легионах и «Русской освободительной армии») добровольно служило около 600 000 представителей «восточных народов» и в том числе: литовцев — 36 800; латышей — 10 400; эстонцев —

10 000, татар — 20 500; крымских татар — 10 000; азербайджанцев — 36 500; грузин — 19 000; калмыков — 7000; народов Северного Кавказа — 15 000; русских (РОА, восточные батальоны) — 310 000².

По советским официальным данным, в немецкий плен попало более 5 млн солдат Красной армии. В партизанском движении на оккупированных немцами территориях действовало около 6000 партизанских отрядов, насчитывавших в своих рядах свыше 1 млн человек³. Данных о количестве старост, бургомистров и полицаев, чтобы сопоставить их с размахом партизанского движения, нет. При этом не следует забывать, что к середине 1942 г. фашистские войска оккупировали всю Украину и Белоруссию и значительную часть РСФСР, с населением, превышающим 70 млн человек.

Коллаборационизм бывших советских граждан на оккупированных немцами территориях носит довольно сложный характер. Он различается в зависимости от локализации как мотивацией, так и масштабами. В Прибалтике и областях Западной Украины он имел определенную националистическую окраску — местные коллаборационисты надеялись с помощью фашистских войск воссоздать свои национальные государства. Кроме того, эти области совсем недавно вошли в состав СССР, и население их еще не подверглось длительной идеологической обработке, как это было в основных районах страны. Но даже эти, на первый взгляд похожие регионы, отличаются между собой хотя бы тем, что западные районы Украины и Белоруссии вошли в СССР в результате воссоединения их народов, а Прибалтийские страны были оккупированы в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа. Не надо также забывать, что сразу же за присоединением этих регионов к СССР в них были проведены массовые репрессии. Все это не могло не сказаться на масштабах и характере сотрудничества их населения с немцами. А после окончания войны потребовалось еще несколько лет, чтобы покончить с националистическим подпольем в виде Украинской повстанческой армии (УПА), «Лесных братьев» и т. д. Известную роль сыграла и более или менее демагогическая политика немецкого руководства по отношению к националистическим организациям Прибалтики и Западной Украины.

В «коренных» районах СССР коллаборационизм на местах имел в основном социальную окраску. На сотрудничество с оккупантами чаще шли выходцы из «обиженных» Советской властью слоев населения: бывших кулаков, нэпманов и т. д., а также асоциальные элементы, за те или иные проступки наказанные советским государством. К сожалению, эти выводы носят умозрительный характер и нуждаются в проверке данными из достоверных источников, если таковые будут обнаружены. Не следует также забывать, что вообще мотивации сотрудничества с немцами на оккупированных территориях были различны. Многие под угрозой репрессий или просто в поисках куска

хлеба вынуждены были идти на работу в немецкие оккупационные учреждения или на предприятия, работавшие на фашистскую армию. После войны вплоть до середины 80-х годов во всех советских анкетах была графа о пребывании на оккупированных территориях. И советский человек, брошенный на произвол судьбы отступающей Красной Армией, получал за это клеймо, свидетельствовавшее о его политической неполноценности.

Не меньше сложных проблем и с советскими военнопленными. Утверждение некоторых литераторов и журналистов о массовой сдаче в плен советских солдат и офицеров по идейным соображениям в связи с их нежеланием защищать тоталитарный сталинский режим вряд ли соответствует действительности. Прежде всего никто не провел социологических исследований по этой проблеме и никто не имеет по этому вопросу статистических данных. Основная часть советских солдат и офицеров попала в плен в первый период войны, очевидно, вследствие грубых ошибок в руководстве войсками. Достаточно указать, например, что только в «Киевском котле» в результате просчетов советского командования попало в окружение и было пленено более полумиллиона бойцов Красной Армии. Большинство из них сдалось в плен вследствие деморализации и из элементарного чувства самосохранения. Нужно признать, что коммунистическая пропаганда в этом вопросе не сработала: в плену оказывались даже политработники, старшие офицеры, генералы.

Страшна судьба советских военнопленных и других узников фашистских концентрационных лагерей. Официальная статистика сообщает, что всего в фашистских лагерях погибло 11 млн советских граждан, из них 4 млн военнопленных и 7 млн гражданских лиц. Одна часть военнопленных по тем или иным соображениям сотрудничала с немецкими властями, другая же создавала подпольные антифашистские организации, часто интернациональные, третья — обреченно ждала своей участи. Точное соотношение этих частей неизвестно. Имеются лишь данные о том, что из фашистского плена бежало свыше 450 тыс. человек, часть из которых приняла активное участие в движении сопротивления в Европейских странах⁴. Может быть пролить свет на эту проблему помогут материалы, сохранившиеся в архивах КГБ, так как через его органы проходила фильтрация советских военнопленных или из немецких архивов, отражающих работу с военнопленными и населением оккупированных районов?

Непосредственно из проблем российского коллаборационизма вытекают и сюжеты, связанные с деятельностью в немецком плену ряда советских генералов во главе с А. А. Власовым и возглавленной ими «Русской освободительной армии» (РОА). В оправдание сотрудничества власовцев с фашистскими властями некоторыми историками и литераторами выдвигается теория так называемой третьей

силы. Суть ее состоит в том, что генерал Власов и бойцы его армии добровольно сдались в плен и сознательно стали сотрудничать с противником, стремясь в то же время не слиться с ним идейно («третья сила»). Они предполагали с помощью врага создать российские вооруженные силы, способные сокрушить ненавистный сталинский режим и заложить основы будущего свободного независимого Российского государства. По их идее РОА должна была в подходящий момент «проткнуть» линию фронта, войти в соприкосновение с частями Красной Армии и увлечь эти части на свержение большевистского режима. Поэтому, по мнению этих авторов, генерал Власов народный герой и патриот своей Родины, а заодно и обаятельный человек с трагической судьбой⁵.

Этот план выглядит настолько авантюрным, что невольно вызывает мысль о дымовой завесе, пущенной для оправдания сотрудничества с врагом. Ведь не мог же опытный военачальник генерал Власов всерьез выдвинуть такую идею. Выпущенные же им различные документы на эту тему выглядят чисто пропагандистскими. Тем более, что Гитлер прямо заявлял, что он не допустит повторения неудачного опыта с Польскими легионами во время первой мировой войны, когда воевавшие на стороне Германии польские части, в критический момент предали своих хозяев и переметнулись на сторону Антанты. Он говорил, что ему нужна не русская армия, а русские рабочие, заменяющие ушедших на фронта немцев⁶. Он был решительно против создания какого-либо Русского и Украинского государств. Неужели Власов и его сторонники были столь наивны, что не знали этого? На что они надеялись? Ведь в составе РОА было только две сформированные дивизии и только одна из них более или менее вооружена. Как же они с такими силами думали изменить положение на громадном советско-германском фронте да еще в момент, когда Советская армия уже развернула успешное наступление?

Вполне возможно, что Власов был способным военачальником. Под его командованием 99 стрелковая дивизия по итогам осенних маневров 1940 г. была признана лучшим соединением Красной Армии, а Власов пошел на повышение. Но неизбежно встают вопросы: почему он, идейный противник советского режима, каким его рисует тот же Казанцев, не перешел на сторону немцев в 1941 г., когда

во главе своей армии попал в полукольцо немецких войск на Украине? Почему он так успешно сражался с немцами под Москвой, получив за это личную благодарность Сталина? Почему летом 1942 г., после деморализации и распада окруженной 2-й Ударной армии он не сразу сдался в плен немцам, а блуждал как неприкаянный по лесам и болотам около двух недель и был схвачен и выдан немцам в одной из деревень тамошним старостой⁷?

Думается, что перед российскими историками стоит еще очень много трудно решаемых проблем, связанных с историей коллаборационизма на оккупированных фашистами территориях СССР. Но исследовать их надо — таково требование жизни.

*В. В. Малиновский,
кандидат исторических наук*

Примечания

1. Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М. 1985.
2. Эти данные сообщил мне Б. А. Шлихтер, который в 1945 г. в качестве переводчика разбирал архивы центральных учреждений фашистской Германии и скопировавший ряд документов. Насколько мне известно, его данные существенно не расходятся с данными, опубликованными в печати.
3. Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия, с. 530.
4. Там же, с. 756, 157.
5. Перед войной мне приходилось несколько раз встречаться с генералом Власовым. Я, курсант школы младших командиров, был его доверенным лицом на выборах в депутаты Верховного Совета СССР в Западной Украине в 1940 году. В качестве электрика я так же неоднократно во время полевых учений освещал штаб дивизии, которой он командовал. На основе своего личного опыта я могу засвидетельствовать лишь одно: он не был симпатичным человеком и не был любим и уважаем своими солдатами.
6. Сведения об этом имеются в указанных материалах Б. А. Шлихтера, а так же в статье В. Богомолова «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия...» — Свободная мысль, 1995, № 7, с. 86—89.
7. Об обстоятельствах сдачи в плен генерала Власова см. Богомолов В. Ук. соч., с. 86—87.

Флот России имеет более древнюю историю

300 лет назад Петр I проводил очередную в многовековой истории Отечества модернизацию флота, что принято ныне как дата рождения флота российского. Но даже английский историк Ф. Джейн в прошлом веке писал: «Распространено мнение,

что русский флот основан лишь Петром Великим. Но он по праву считается более древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые английские корабли, русские уже бились в жестоких морских битвах. И тысячу лет

назад лучшими моряками своего времени были русские»¹.

Судя по современным археологическим и эпическим данным, истоки судоходства и мореходства на территории России можно искать в древние времена: наскальные изображения судов, находки вместительных долбленок эпохи неолита у Дона и Ладоги, деталей и принадлежностей более крупных судов и др.

На южных рубежах Скифии в VII—VI вв. до н. э. возникают города Борисфениды (Березань), Ольвия, Тира, Пантикапей, Феодосия, Мирмекий и др. Морем они поддерживали связи с Афинами, Милетом, Критом и другими центрами античности. На верфях Пантикапея (Керчи) могло одновременно строиться около 30 судов, а гавань Феодосии вмещала до 100 кораблей. Страны и народы Причерноморья полностью контролировали свои водоемы.

Масштабы судостроения на Руси в середине X в. при Игоре и Ольге прекрасно показал византийский император Константин Багрянородный². Почти вся страна всю зиму работала на создание флота, что наблюдали и позднеантичные авторы при строительстве флота Скифии в 269 г. до н. э. Даже основной регион окончательного комплектования флота, у низовий Днепра, сохранился.

Можно, конечно, вбивать условный клин между Скифией и Россией (хотя русские летописи, повествуя о походе 907 г. Олега на Царьград, прямо используют название «Великая Скифь»), игнорировать неолитические челны и рисунки, аргонавтов и скифов-судоходов эпохи Трои, флоты Левкона I и Евмела, других приазовских царей. Но русские морские походы IX—XI вв. забыть никак невозможно: 813 г. (Эгина), 842 г. (Амастрида), 844 г. (Севиля), 860 г. (Царьград)... Вероятно, Аскольд и Дир бросили на захват Царьграда всего 200 крупных ладей. А византийцы от страха еще прочнее приладили к Скифии образ страшного «князя Роша», который за восемь веков до них связывали со Скифией Иосиф Флавий и другие авторы³. Русский боевой и торговый флот IX—XI вв. — явная и яркая историческая реальность, которую при объективном подходе к отечественной истории никому нельзя забывать.

Свод данных по истории русского флота примерно с VII в. есть в книгах разных авторов, хотя бы начиная с А. Висковатова и завершая Г. А. Аммоном⁴. Русское средневековье дает по этой истории десятки памятных дат. Тем более, не уступает «новое время», которое все чаще начинают с открытия Нового Света Колумбом.

Во время плаваний 1556 г. в Белом море англичанин Бурро отметил, что при попутном ветре русские ладьи опережают английские суда, имеют лучшие мореходные качества. Сибирь прикреплялась к России во многом усилиями казацких флотов. Русские суда воеводы Ивана в 1559 г. наводили страх на побережье Крыма. А как боялись около 790 г. жители этого побережья новгородско-

го князя Бравлина (по эпосу, Буревоя — отца Гостомысла и деда, по линии матери, Рюрика)!

Немецкие мастера в 1559 и в 1581 гг. помогли братьям Аникею и Якову Строгановым на р. Северная Двина (Вина) построить два современных для того времени корабля. Доводили свои флоты до тысяч ладей казаки Подонья и Поднепровья. Они атаковали владения Турции примерно по тем направлениям, по каким ходил и флот Скифии: низовья Дуная, Константинополь, Синопа, Трапезунт... 1576, 1590, 1605 годы. Они контролировали все Черное море в 1612—1614 гг., чего Петру I и последующим царям почти век не удавалось. Около 1616 г. (или 1615 г.) донской флот уничтожил 6 турецких галер и 20 мелких судов, сжег Синопу и арсенал в Трапезунте. Опыт позволил в 1620—1625 гг. неоднократно атаковать округу Царьграда, но входить в бухты мешали цепи. Турки в 1626 г. смогли потопить 20 казацких судов. Новый поход на Царьград (Стамбул) состоялся в 1629 году. Казаки потеряли 12 судов, но полсотни казацких лодий разогнали 14 мощных турецких галер. Казаки овладели двумя кораблями, осуществили успешный десант, взяли немало добычи — как, например, в 267 г. скифы или в 907 г. словено-русы Олега.

Донские казаки в 1637—1641 гг. взяли с моря Азов и удерживали его. Подобная акция в конце века Петра I признается началом истории русского флота. А ведь флот дончан (танаитов) достигал 1 тыс. судов. Они брали Анатолию, Трапезунт, Синопу. Правда, позже у Керченского пролива почти все были турками уничтожены.

Разрозненные русские флоты действовали на Черном море и Балтике, на Каспии и в округе Сибири, на Белом море и т. д., но царский двор управления этими флотами зачастую не обеспечивал. У русских англичан Дженкинсон купил в Астрахани сравнительно неплохой корабль в 1558 году. Известны походы по Волге сотен небольших судов новгородских ушкуйников.

Донские суда напоминали неаполитанские фелюки или испанские баркелонги (барки). Имели острые нос и корму. Доходили длиной до 70 футов (и более), шириной — до 20 футов, почти столько же глубиной (от краев борта до днища). На них ставились одномачтовые паруса. Число весел достигало 16—40. Ладью заполняло до сотни казаков.

Сохранившееся описание строительства судов к середине XVII в. во многом напоминает технологию скифского судостроения III в. или русского судостроения X века. 60 мужиков-мастеров (казаков) делали один челн за полмесяца. Работой обычно занималось несколько тысяч человек, делавших до сотни судов. Для строительства тысяч лодий нужны были уже десятки тысяч строителей (они же затем становились моряками).

Еще по приказу царя Михаила в 1636 г. в Нижнем Новгороде иноземные мастера с помощью русских построили корабль «Фредерик» — 120 на 40 футов при посадке в воду на 7 футов. Это

в полтора раза больше донских ладей, но меньше самых крупных античных судов Приазовья. На каждой стороне было по 12 весел (почти вдвое меньше, чем у лучших казацких судов). Корабль вмещал до 150 человек, включая 12 офицеров и матросов, 78 пассажиров. Правда, мелководье того года превратило испытания в мучение. Полтора месяца судно добиралось до Астрахани, вызывая любопытство. Персы нашли его слишком длинным, а мачту — чрезмерно высокой. Судно, построенное из ели, село на мель у берегов Дагестана. Больше русские цари голштинцам судов не заказывали.

В 1647 г. была подготовлена к изданию книга «О корабельной ратной науке». Строительство новых судов поручалось «Приказу Новгородской Чети», которому приписывались города русских корабельщиков — Великий Новгород, Псков, Нижний Новгород, Архангельск, Вологда. Начинали готовить основу «петровской модернизации флота» через приказ боярин А. Л. Ордын-Нащокин, дьяки Герасим Дохтуров, Лукьян Голосов, Ефим Юриев. Они и налаживали судостроение в Дединове, дворцовом селе у р. Оки. Привлекли пять голландских мастеров, включая Ботлера. Трехмачтовый корабль «Орел» — до 30 м длины, 8 — ширины, 22 пушки — был в 1668 г. построен. Его тоже испытывали на Волге и Каспии. Казаки Степана Ра-

зина сожгли этот «первенец» русского флота у Дербента в 1671 году. Первые крупные петровские суда в конце века мало отличались от «Орла» и «Фредерика», а петровский флот Приазовья — от «флотов Скифии». Петр I первоначально, с 1696 г. делал ставку на галеры (40—50 м длины, 6 — ширины, 16—25 весел по борту, таран), подобия которым были широко известны и до нашей эры.

Приведенные факты принципиально важны для создания полной и реальной картины истории российского флота, ярко проявлявшего себя задолго до Петра I.

*П. М. Золин, доктор исторических наук,
г. Новгород*

Примечания

1. Цит. по: ЗОЛОТАРЕВ В. А., КОЗЛОВ И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М. 1988, с. 8.
2. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. М. 1991, с. 45—47, 291—315.
3. Русь до Руси. Вып. 9. Новгород. 1995, с. 1—84.
4. ВИСКОВАТОВ А. Краткий исторический обзор морских походов русских. СПб. 1864; АММОН Г. А. Морские памятные даты. М. 1987.

Тайные маршруты русов

Россия отмечала в 1996 г. 300-летие отечественного флота, а точнее — 300-летие военно-морского флота, выигравшего почти все каботажные сражения со времен Петра Великого и разгромленного лишь однажды — в морском сражении при Цусиме. Между тем незамеченным прошел 1100-летний юбилей российского же флота — речного и каботажного морского, вызывавшего почтение и наводившего ужас на обитателей Причерноморья, Приазовья и Прикаспия, как одерживавшего победы, так и горевшего под «греческим огнем» у стен столицы Византийской империи Царьграда.

Это было еще в те времена, когда напрямую через воды Черного моря плавали южнее Руси только торговые или боевые корабли византийцев, а русы на своих парусно-весельных всегда бескилевых долбленках выходили из Киева по Днепру для каботажных рейсов, хотя и на большие расстояния. Когда на не приспособленных для прямого плавания в открытом море, не имея навигационных приборов и вообще какого-либо опыта и знаний ориентации на водном пространстве без береговых, сухопутных ориентиров, русы плавали в пределах видимости берега вдоль него, враждебные им тюркоязычные кочевники, печенеги, даже слу-

чайно оказывавшиеся напротив на суше, скакали на конях параллельно маршруту — ждали, как пишут русские летописи, когда разыграется в море шторм и русы будут вынуждены вытащить на землю свои не приспособленные к высокой волне плоскодонные парусно-весельные суда и можно будет обрушить на славян удар стрелами, пиками и клинками.

Упоминание о первом таком набеге русов на Царьград в 866 г. содержится в Лаврентьевской летописи¹.

Более подробно повествует об этом так называемая Типографская летопись². Летопись сообщает также о том, что князь русов Олег на 2 тыс. кораблей, с конями на них, осадил Царьград³. Летопись сообщает также о том, что князь русов Олег вышел из Днепра в Черное море с 10 тыс. судов⁴. У греков были колонии в Северном Причерноморье — и в южном Крыму, и вблизи устья самого Днепра. А поэтому они имели возможность усилить контроль над тайными выходами русов из Днепра в Черное море.

У русов же и до этого существовали иные тайные маршруты для совершения опустошительных набегов в другое, Каспийское, море для за-

хвата добычи у иных народов — в Дербенте (Дагестан), на берегах Табаристана (Персия) и даже в легендарно богатом городе Бердаа (Азербайджан). Эти набеги на каспийский бассейн приходились обязательно на весну, когда едва сходил лед на степных реках.

Выходя из Днепра русы использовали русла двух его притоков. Верхний, выше трудоемких волоков вдоль порогов на большой излучине реки (от нынешних Днепропетровска до Запорожья): поднимались по р. Самаре, по ее левому притоку р. Волчьей и далее уже по ее левым притокам рекам Гайчур, Мокрые Ялы (или ее правому притоку Кашлагач) или Сухие Ялы до их истоков, все в пределах современных Запорожской и Донецкой областей. Эти в прошлом глубоководные степные речушки-«каналы» берут начало из родников на северном склоне плоской Приазовской возвышенности. После элементарного волока плоскостных долбленок на 2—4 км на юг русы спускали свои корабли в сразу глубоководные истоки рек Берда, Кальчик или Кальмиус и по ним попадали непосредственно в Азовское море, по первой названной — возле современного города Бердянска, по остальным — возле современного города Мариуполя. Обилие судов с суммарной многочисленностью их экипажей давали русам возможность противостоять нападениям печенегов. Нижний, ниже знаменитых порогов, за островом Хортица: входила в р. Конка, а от ее истоков — в исток Берды и по ней сплавлялись в Азовское море. Конка тысячу лет назад, когда климат в степях был влажнее и теплее, вообще обеспечивала выход в бассейн Азовского моря без волока. Ибо западнее высшей точки Приазовской возвышенности — Бельмак-Могилы — водораздел раздваивался на запад и от подножья вершины из естественного водохранилища родниковых потоков существовал сток вод на три стороны света (трифуркация): на север — Конка, в Днепр; на запад и далее на юг — р. Молочная, в Азовское море; на юг — Берда, а также р. Обиточная, и из них — в Азовское же море.

Отправляться из Азовского в Каспийское море по Дону в Волгу с волоком меж их великими излучинами было невозможно — могучее Хазарское государство господствовало как раз в низовьях Волги. Поэтому флотилии русов избирали один из двух вариантов выхода на волок в Каспийское море — по р. Ее или по р. Маныч, от их устьев. По пути в Таганрогский залив плывшие от устья Берды назначили сбор, или отстой, на случай штормовой погоды, на Долгих островах, следующий отстой — у Ейской косы и островов в устье Ейского лимана. Если флотилия выходила из Кальчика или Кальмиуса, местами отстоя были Миусский лиман, а следующий до входа в Дон — мелководная Андреевская бухта, восточнее современного города Таганрога.

Поднимаясь по Ее, русы из истока ее верхнего правого притока волочили суда в р. Средний Егор-

лык или от истока самой Ее — в реки Рассыпную или Калалы; все три последние названные реки — уже бассейн верховий Маныча.

Если отправлялись в Дон, хотя этот вариант был более распознаваем хазарами, то тотчас от устья Маныча поднимались непосредственно в оз. Маныч-Гудило. Ейский и Дон-Манычский варианты уже у Маныч-Гудило становились единым маршрутом, ибо здесь, на Азовско-Каспийском водоразделе Ергени, подземные конца марта — начала апреля половодья с Большого Кавказа вслывались наружу, создавая бифуркацию, то есть сток реки одновременно и непосредственно с водораздела в обе его стороны. Бифуркация могла длиться пару недель и больше, и только в этот период флотилия русов могла без волока плыть по Восточному Манычу и р. Куме на юго-восток — в Каспийское море. «Русы, как стаи саранчи!» — писали арабские источники тысячелетие назад. Они появлялись на улицах древнего Дербента, на Южном берегу Каспия уже в 860—880 годах и в 914 г., а в 944 г. захватили в нижней трети бассейна р. Куры город Бердаа и довольно долго держались в нем, уже сами в осаде, оставив флотилию на Куре под охраной части своих воинов.

Возвраты из каспийских набегов первоначально происходили все-таки через низовья Волги, с данью хазарам от награбленного. Когда же хазары пожелали большего (или всего награбленного) и уничтожили в стычках значительную часть кораблей и участников, возврат через Волгу (тем более, через Ергени, когда бифуркация давно закончилась) стал невозможным. Тогда, в новом набеге, вероятно, именно после Бердаа, последовал фантастический прорыв русов через закавказский водораздел каспийско-черноморского бассейнов. Поднявшись на кораблях по средней трети Куры, русы перед указанным выше водоразделом покинули их, захватили в плен много местных мужчин и использовали их в качестве носильщиков трофеев русов при переходе по какому-то из перевалов в Западную Грузию. Арабские источники не называют топонима перевала, а так как в апреле, да и в начале мая на них еще лежит снег, надо думать, что пробную толпу заложников русы бросали, чтобы вызвать снежную лавину, затем пускали носильщиков с грузами, а сами замыкали шествие. Уже на черноморском берегу, захватив нужное количество судов, русы каботажно добрались в Азовское море и знакомыми им маршрутами — в Днепр.

Более 50-ти из 70-ти прожитых лет, с 1942 г., я отдал поискам по темам сначала «Тайные маршруты русов», а затем — «Путь из варяг...» Изучил, еще будучи юношей, дореволюционных российских историков (например, книгу Гаркави А. Я. «Сказания мусульманских писателей о славянах... с половины VII века до конца X века по Р. Х.», Санкт-Петербург, 1870 г.). Летом 1943 г. я осмотрел окончание Миусского полуострова, устье Миусского

лимана и обошел по берегу весь лиман, понимая его как место первого отстоя флотилии русов. Другой отстой, в так называемой Андреевской бухте, восточнее Таганрога, я хорошо знал еще с 30-х годов. Здесь никогда не было штормов и, поэтому в течение десятилетий стояли парусно-весельные суда таганрогского яхтклуба.

Четыреста лет тому назад запорожские казаки пользовались речными маршрутами, чтобы попасть из Сечи к донским казакам. Кратчайший путь им был бы по Конке с волоком в Молочную или Берду. Однако из-за главного враждебного соседа в XVI—XVII вв. — крымских татар, которые контролировали ближайшие к полуострову степи и реки, запорожские казаки поднимались на чайках⁵ от Сечи вверх по Днепру, с волоками обходя пороги, входили в устье р. Самары, плыли до ее истоков или истоков ее правых порогов и волоком попадали в р. Северский Донец и из него — в нижний Дон.

В 1947—1950 гг., будучи студентом исторического факультета Днепропетровского университета, и в 1950—1953 гг. как преподаватель Днепропетровского техникума физкультуры с организованными мною туристическими группами я обошел пешком в разные времена года берега Самары, р. Волчьей и левых притоков последней до их истоков, переваливал к истокам рек бассейна Азовского моря; повторил всё это 20 лет спустя как научный сотрудник АН СССР. В 1975—1979 гг. я промоделировал тайные маршруты русов на Северном Кавказе в сезон бифуркации через Ергени

и в Закавказье, где прошел три из четырех возможных перевалов на Черноморско-каспийском водоразделе — Сурамский, Зекари и Годерзи, последний как раз — в апреле, когда, как и в арабских источниках указывалось, лежал глубокий снег; я искусственно вызвал снежную лавину и пошел лишь при второй, слабой.

В результате более чем полувековых поисков я составил карту, впервые воссоздающую ситуацию 1100-летней давности — эпохи становления Руси с ее уже тогда грозным, хотя и каботажным, морским флотом.

Г. И. Анохин

Примечания

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Санкт-Петербург. 1846, с. 7.
2. ПСРЛ. Т. 24. Петроград. 1921, с. 7.
3. Там же, с. 9—10.
4. Там же, с. 157.
5. Речное гребное судно XVI—XVII вв., приспособленное для морских походов, очень маневренное. Имело 12—15 пар весел, съемную мачту до 4 метров. Днище выдалбливалось из широкого ствола ивы или липы, борта наращивались из досок. В длину достигало 20 м, в ширину — 3—4 м, экипаж 50—70 человек. Вооружение — от 2 до 6 легких пушек.

Объявление

Депутату Государственной Думы РФ Федорову Борису Григорьевичу требуется профессиональный историк с ученой степенью и опытом работы в архивах, не моложе 35 лет, по специализации «Россия XIX века до 1917 года», для проекта, рассчитанного на 1—3 года.

Контактные телефоны: 292-19-40, 292-76-51 факс.

Алфавитный указатель материалов, опубликованных в журнале в 1996 году

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Ж и л и н с к и й И. И. — Блокадный дневник (Публикация Т. В. Андреевского) № 5—8
- З а п и с н ы е к н и ж к и Л. Г. Дейча (Вступление А. Р. Познера) № 3
- К р и з и с с н а б ж е н и я 1939—1941 гг. в письмах советских людей (Вступительная статья Е. А. Осокиной) № 1

СТАТЬИ

- В о л о б у е в П. В., Булдаков В. П. — Октябрьская революция: новые подходы к изучению № 5—6
- Г а й д а Ф. А. — Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия № 3
- Г и н ц б е р г Л. И. — По страницам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) № 8
- Д а в ы д о в А. Ю. — Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) № 1
- Е ф р е м е н к о А. В. — Агрономический аспект столыпинской земельной реформы № 11—12
- Ж у к о в Ю. Н. — Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года № 5—6
- З е л е н и н И. Е. — Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» № 7
- И с к е н д е р о в А. А. — Историческая наука на пороге XXI века № 4
- К и р и е н к о Ю. К. — Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921—1945 гг.) № 10
- К у з и щ и н В. И. — Трудовая этика и античный полис № 8
- Л е й б е р о в И. П., Марголис Ю. Д., Юрковский Н. К. — Традиции демократии и либерализма в России № 2
- М е д у ш е в с к и й А. Н. — Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия № 9

- П о з д е е в а И. В. — Первые Романовы и царистская идея (XVII век) № 1
- Р и м с к и й С. В. — Церковная реформа Александра II № 4
- Х а з а н о в А. М. — Государство Ватуа и европейские колонизаторы (по материалам Исторического архива Мозамбика) № 3
- Ш а ц и л л о В. К. — США и подводная война Германии в 1914—1918 годах № 7
- Ш е в е л е н к о А. Я. — Апокалипсис и его сюжеты в истории культуры № 11—12
- Ш п о т о в Б. М. — Корпорация «Дженерал моторс» и становление американского менеджмента № 10
- Ю р г а н о в А. Л. — Идеи И. С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры № 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А й р а п е т о в О. Р. — Николай Николаевич Обручев № 7
- Б о г д а н о в А. П. — Михаил Васильевич Скопин-Шуйский № 8
- Б у г а н о в В. И. — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин № 3
- И г н а т ь е в А. В. — Сергей Дмитриевич Сазонов № 9
- К у ч к и н В. А. — Юрий Долгорукий № 10
- О л е й н и к о в Д. И. — Шамиль № 5—6
- П а р с а д а н о в а В. С. — Юзеф Пилсудский № 1
- С а л о м а т и н А. Ю. — Эндрю Карнеги № 2
- Ш о к и н а И. Е. — Жетулиу Дорнелис Варгас № 4
- Ю н г б л ю д В. Т. — Гарри Голкинс № 11—12

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- С т е н о г р а м м а с о в е щ а н и я п о в о п р о с а м истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. (Вступительная статья Ю. Н. Амиантова) № 2—7, 9

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Безыменский Л. А. — Советская разведка перед войной . . . № 9

ВОСПОМИНАНИЯ

Дубинин Ю. В. — Визит во Францию № 3

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней)
Дрейер О. К. — Глава XVI . . . № 2
Кардаш А. И. — Глава XV . . . № 2
Ларин Е. А. — Глава XVII . . . № 5—6

Титов В. П. — Главы XVIII—XIX № 10

ИЗ АРХИВА ИСТОРИКА

Дякин В. С. — Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) № 11—12

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Головнин А. В. — Записки для немногих. (Вступительная статья Б. Д. Гальпериной) . . . №№ 1—2, 4—6, 9—10

Казачья семья Хрипуновых. Воспоминания Е. В. Калабиной (Вступительная статья В. Л. Гениса, публикацию подготовили В. Л. Генис и О. Ф. Жемайтис) № 11—12

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина. (Вступительная статья Е. И. Дружининой) . . . №№ 1—4, 7, 9, 10

Поляков Ю. А. — Весна 1949 года № 8

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Карсавин Л. П. — Введение в историю. (Вступительная статья А. Л. Ястребицкой) . . . № 8

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах. (Вступительная статья Ю. И. Кирьянова) . . . №№ 1, 3, 4, 7, 8, 10

СООБЩЕНИЯ

Адибеков Г. М. — Почему Толлягги не стал генеральным секретарем Коминформа № 4
Балуев Б. П. — Дело А. А. Лопухина № 1
Генис В. Л. — Попытка «советизации» Хорасана в 1920 году . . . № 5—6
Джонг Хи-Сок — М. П. Погодин и Кирилло-Мефодиевское общество 30—50-х гг. XIX в. о славянском единстве (сравнительно-исторический анализ) . . . № 7
Кошкин А. А. — Почему Япония не напала на СССР № 2
Костырченко Г. В. — Советская цензура в 1941—1952 годах № 11—12
Ментешавили А. — Грузинская демократическая республика (1918—1921 гг.) и западные державы № 9
Похлебкин В. В. — Кто был первым в Европе военным атташе № 8
Савченко В. Н. — Восточная Галиция в 1914—1915 гг. (Этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) № 11—12
Сушко А. В. — Духовные семинарии в России (до 1917 г.) № 11—12
Шевеленко А. Я. — Драгоценности раннего средневековья в Западной Европе № 8
Шелохаев В. В. — Либералы и массы в годы первой мировой войны № 7

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Александрова А. Ю. — Из истории международного туризма № 8
Артизов А. Н. — Болезнь и кончина А. Е. Преснякова № 5—6
Вейдер Б. — Тайна гибели Наполеона № 2

Епанчин Ю. Л. — Роль седьмого корпуса Н. Н. Раевского в Бородинской битве	№ 8
Еремин А. И. — Так начиналась партия эсеров	№ 1
Зарецкий Ю. П. — Эней Сильвий Пикколомини	№ 11—12
Игнатьев О. К. — В Лиссабоне XVI—XVII веков	№ 11—12
Кирпичников А. Н. — Александр Невский: между Западом и Востоком	№ 11—12
Лебина Н. Б. — Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба	№ 5—6
Маланин И. Д. — Культовые камни и камень Алатырь	№ 10
Озелиус Г., Чуканов М. Ю. — Отец геополитики о России как великой державе	№ 1
Паламарчук Е. А. — «Первая леди» третьего рейха	№ 11—12
Рыков В. К. — Экспедиция Б. А. Вилькицкого	№ 7
Салоникёс М. И. — Самарская ученая экспедиция 1879 года	№ 1
Цюруп А. И. — Самоубийство перед поражением	№ 9
Черных А. П. — Западноевропейская средневековая городская геральдика и эмблематика	№ 9
Чуркина И. В. — Иезуиты в России (1772—1820 гг.)	№ 10

ИСТОРИОГРАФИЯ

Борозняк А. И. — Германская историография Сталинградской битвы	№ 10
Гомаянов С. А. — Местная история: проблемы методологии	№ 9
Иволина Л. И. — Тридцатилетняя война и Восточная Европа	№ 11—12
Кантор Р. Е. — Теоретические искания западных историков (заметки на полях книги П. Берке)	№ 8
Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. — Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы	№ 9
Погодин С. Н. — Вокруг спора двух историков	№ 11—12

РЕЦЕНЗИИ

Абазов Р. Ф. — А. Ихтешами. После Хомейни: вторая Иранская республика	№ 4
Антощенко А. В. — П. Г. Виноградов. Собрание сочинений	№ 7
Басовская Н. И. — В. И. Райцес. Аженская коммуна в 1514 г. Малоизвестная глава из истории средневекового города	№ 5—6
Болебрух А. Г. — В. И. Моряков. Русское просветительство второй половины XVIII века	№ 2
Брагина Л. М. — Горский А. А. — От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства	№ 9
Булыгин И. А. — И. А. Заичкин и И. Н. Почкаев. Русская история от Екатерины Великой до Александра II	№ 5—6
Водарский Я. Е. — К. Н. Тарновский. Мелкая промышленность дореволюционной России	№ 11—12
Володихин Д. М. — М. М. Кром. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI века	№ 11—12
Гинцберг Л. И. — Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995)	№ 1
Глушков И. Л. — А. И. Бернштейн, В. П. Кораблев, М. И. Павлушенко. Отечественное воздухоплавание	№ 7
Гроссман А. С. — А. Г. Латышев. Рассекреченный Ленин	№ 11—12
Гусева И. Д. — Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура	№ 3
Дорофеев А. А. — История автомобильного транспорта России до 1917 г.	№ 10
Достян И. С. — История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.)	№ 8
Ершов Б. А. — Ю. А. Горьков. Кремль. Ставка. Генштаб	№ 4
Иволин Ю. Е. — Д. Брандес. Усыновлены царями. Немецкие колонисты и балканские посе-	

- ленцы в Новороссии и Бессарабии в 1751—1914 гг. № 3
- Игрицкий Ю. И. — «Российское зарубежье и Родина» № 9
- Кан А. С. — Й. Хеслер. Советская историческая наука 1953—1991 № 10
- Кислова А. А. — Э. Л. Нитобург. Церковь афроамериканцев в США № 8
- Колобов Б. В. — Письма и бумаги императора Петра Великого № 8
- Комиссаренко А. И. — А. Н. Медушевский. Утверждение абсолютизма в России № 2
- Коновалов В. С., Кирьянов Ю. И. — Р. Е. Зелник. Законность и беспорядки на реке Нарве: Кренгольмская забастовка 1872 года № 11—12
- Корнев В. В. — Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. № 8
- Котляр Н. Ф. — Т. Н. Джаксон. Исландские королевские саги о Восточной Европе. С древнейших времен до 1000 года; е же. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Первая треть XI века; А. В. Назаренко. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков № 10
- Кучкин В. А. — Л. А. Беляев. Древние монастыри Москвы по данным археологии № 2
- Лаптева Л. П. — А. А. Улунян. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига 1877—1878 гг. № 1
- Ле Гевель М. — В. З. Роговин. Сталинский неонеп № 10
- Левшин Б. В. — Ю. П. Шаропов. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ - Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (1931—1941 гг.) № 1
- Литаврина Э. Э. — История Европы. От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII в.) Т. 3 № 1
- Мадайчик Ч. — Н. Лебедева. Катынь: преступление против человечества № 3
- Медушевский А. Н. — Й. Баберовский. Самодержавие и юстиция. Соотношение правовой государственности и отсталости на исходе Российской империи (1864—1914); П. Лиссем. Административная юстиция в поздней Российской империи. Правительствующий Сенат и его решения по вопросам самоуправления в России (1864—1917) № 7
- Михальченко С. И. — М. В. Довнар-Запольский. История Белоруссии № 3
- Молок Ф. А. — Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 № 11—12
- Мягков М. Ю. — Д. Гланц, Дж. Хаус. Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера № 8
- Никитин Н. И. — Д. Я. Резун. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных № 5—6
- Ниязи А. Ш. — Р. Г. Ланда. Ислам в истории России № 9
- Носкова А. Ф. — СССР — Польша: механизмы подчинения. 1944—1949 № 8
- Орлик И. И. — Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение № 5—6
- Павлова И. В. — Сталинское Политбюро в 1930-е годы № 11—12
- Парфенов В. Н. — История Древнего Рима № 8
- Похлебкин В. В. — Когда рушатся империи № 7
- Размеров В. В. — Д. Холлоуэй. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939—1956 № 9
- Ржешевский О. А. — Ю. А. Поляков. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки № 7
- Рогов К. Е. — Г. А. Николаев. Англо-русский исторический словарь № 1
- Н. Н. Кочмар. Писаницы Якутии № 4
- Розенталь И. С. — Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1—3 № 4
- Самошкин В. В. — Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина») № 2
- Семенова А. В. — И. И. Лещи-

- ловская. Сербская культура XVIII века № 5—6
- Серегин С. А. — «Уральский исторический вестник» № 9
- Симонова Т. М. — Р. Турковский. Польское строничтво людове и защита демократии в 1945—1949 гг. № 2
- Тютюкин С. В. — Меншевики в 1917 году. В 3-х томах. Том 1. От января до июльских событий № 5—6
- Токмаков В. Н. — Человек античности: идеалы и реальность № 7
- Фанин Ф. Г. — Г. Барта. Путь, который вел в Стамбул: 1526—1528 гг. № 5—6
- Фарсобия В. В. — В. Б. Конасов. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы № 11—12
- Федоров В. А. — С. А. Экштут. В поисках исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы № 4
- Хилл К. — Т. Л. Лабутина. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689—1714 гг.) № 5—6
- Челышев И. А. — В. С. Шилов. Внешняя политика и партии во Франции (1969—1981) № 3
- Шевеленко А. Я. — В. П. Шушарин. Крестьянская война 1514 года в Венгрии № 3
- Кобищанов Ю. М. — Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций № 10
- Шевырин В. М. — А. Н. Медушевский. История русской социологии № 4
- Шкляр Э. Э. — Е. С. Сенявская. 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование № 11—12
- Шукуров Р. М. — С. А. Иванов. Византийское юродство № 4
- Энтин Л. М. — М. В. Баглай. Дорога к свободе № 1
- Юсупов Р. Р. — Е. Топольский. История Польши с древнейших времен до 1990 года № 9
- По страницам зарубежных журналов №№ 2, 7
- ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ**
- Андреева В. А. — «Всего же более убогих не забывайте...» № 8
- Анохин Г. И. — Тайные маршруты русов № 11—12
- Гусев Г. С. — Целесообразные дополнения № 5—6
- Золин П. М. — Флот России имеет более древнюю историю № 11—12
- Исаков И. А. — Как началось «Кровавое воскресенье» № 4
- Малиновский В. В. — Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? № 11—12
- Топорков И. В. — Самарские масоны: Елшин и другие № 7
- Тарасов А. И. — Месть обреченного. (Дело Ландсберга) № 2
- Фарсобин В. В. — Надо собирать свидетельства о судьбе пленных и заключенных в СССР № 10
- Харитонов Э. В. — Правда, да не вся № 10
- Хохлов Р. Ф. — Не подлежит забвению № 1
- Чекунова А. Е., Комиссаренко А. И. — Дилетантизм в исторической хронологии № 1
- Шварц Г. М. — Ленинградская группа рабочей демократии № 8
- Щеголихина С. Н. — О военной дисциплине в Белой и Красной армиях № 2

Contents

Articles: **A. V. Efremenko**. The Agricultural Side of the Stolypin Land Reform. **A. Ja. Shevelenko**. Apocalypse of John and Its Fables in the History of Culture. From the Archives of an Historian. **V. S. Djakin**. The Problem of Nationalities in Tsarist Internal Policy. Historical Profiles: **V. T. Jungbljud**. Harry Hopkins. History and Fates: The Khripunovs — a Cossack Family (Reminiscences) of E. V. Kalabina, ed. by V. L. Genis and O. F. Zhemajtis). Contributions: **G. V. Kostyrchenko**. Soviet Censorship in 1945–1952; **V. N. Savchenko**. Eastern Galicia in 1914–1915 (Ethnosocial Peculiarities and Problems of Joining Russia); **A. V. Sushko**. Clergy Seminaries in Russia (Before 1917). People. Facts. Events: **A. N. Kirpichnikov**. Alexander Nevsky: Between West and East; **E. A. Palamarchuk**. «The First Lady» of the Third Reich; **O. K. Ignatjev**. At Lisbon of the 16th — 17th Centuries; **Ju. P. Zaretskij**. Enea Silvio Piccolomini; **L. I. Ivonina**. The Thirty Years War and Eastern Europe. Historiography. **S. N. Pogodin**. Around the Dispute of Two Historians; **Reviews on Books**: *E. S. Senyavskaya*. 1941–1945. Battle-trying Generation. An Historically-Psychological Research; *V. B. Konasov*. The Fate of German POWs in the USSR. Diplomatic, Legal and Political Aspects of the Problem; Stalin's Politbureau during the Thirties; *A. G. Latyshev*. Declassified Lenin; *K. N. Tarnovskij*. The Small Industry of pre-Revolutionary Russia; *M. M. Krom*. Between Rus' and Lithuania. West-Russian Lands in the System of Russian-Lithuanian Relations (the End of 14th and the First Third of 16th Century); Resistance in the Countries of Central and South-East Europe. Letters to the Editor. Index of Articles Published in 1996.

**Учредители: ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин.

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 11—12, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 18.10.96. Подписано в печать 09.12.96. Формат 70x108/16. Бумага писче-бланочная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 17,60. Тираж 10 200. Заказ 2102. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16